

Николай БУЯНОВ

ОПРОКИНУТЫЙ КУПОЛ

Выражаю сердечную благодарность Геннадию Белорыбкину, историку, моему консультанту, за неоценимую помощь в создании этой книги.

Глава 1

ПИР

Январь 1930 года. Православный монастырь на реке Кидекше.

Как наяву стояла перед глазами та ночь. Явно спятившая желтоватая луна чуть покачивалась на черном небосклоне, заливая окрестности мертвенным светом, и звезды блестели, словно волчьи глаза среди сосен. Сами сосны торчали прямые, как натянутые струны, – казалось, ударишь топором по коре со всего маху – и пойдет по чаще звон...

Ну да это чудилось спяну. Не будет больше никакого звона – сапоги прогрохотали по деревянным ступеням вверх, в звонницу (будто черные ангелы... или вороны – вестники смерти, взлетели, взмахнув полами шинелей). Послышалась короткая возня, кто-то охнул, следом грянул выстрел из революционного маузера, снабженного наградной табличкой: «Тов. Красницкому от руководства за преданность делу ВКП(б)».

– Амба звонарю, – хрипло сказал кто-то заплетающимся языком. – Окопался, гнида. Думал, не достанем...

Мелькнуло в воздухе легкое, почти невесомое тело. Упало с глухим стуком на утоптаный снег, чуть подпрыгнуло и осталось лежать, разбросав худые руки.

Очкастый в кожанке, прикативший еще вчера на черной «эмке», весело распорядился:

– Эй ты, с топором! Иди сюда, руби веревку!

– Дык как же? Толстая больно и обледенела... Нипочем не разрубить!

– А за тем херувимом вниз хочешь? С пуль в башке... А ты, малец, давай заводи свою трещотку. Будешь снимать для истории.

Тот, к кому обращались, и вправду был молод. Не старше четырнадцати, худой и маленький, совершенно терявшийся в огромном, не по размеру, поношенном полушубке. Он все время засовывал в рот пальцы, пытаясь их хоть чуточку согреть. Рукавицы он не смел одевать – иначе можно было уронить старую трофейную кинокамеру, ящик с деревянной рукояткой, вызывающий ассоциацию с балаганной шарманкой. Завести-то можно, сердито подумал он, только все равно ничего не выйдет при таком освещении. Ночь все-таки... Но вслух перечить побоялся.

«Маузер» (без желтой кобуры – не те годы, но от этого не менее впечатляющий) убедит кого хочешь. Антанту победили, так неужто не справимся с какой-то поповской веревкой?

Справились. Отсюда, с земли, картина предстала поистине величественная. Многие даже вскочили на ноги – те, кого ноги еще держали. Иные, смешав убойный местный самогон с привезенной водкой, остались вповалку лежать возле костров, не ощущая ни пылающего жара, ни вселенского холода (а мороз стоял знатный: градусов за тридцать, лютый, нездешний...).

Огромный черный колокол, отражающий тусклыми боками рыжеватые огненные блики, стоял над перилами (непонятно как: веревку, на которой он висел, все-таки перерубили), покачивался, будто раненый, и гудел – мощно, отчетливо, на низкой трубной ноте. Так гудит, прощаясь, умирающий крейсер с пробойной ниже ватерлинии, уходя в пучину...

– Падай же, сука, – слышался суеверный шепот.

Но колокол не желал падать. Он продолжал висеть в воздухе без опоры и, казалось, светился изнутри мрачноватыми всполохами – иллюзия, конечно (сивуха и ледяная ночь

знали свое дело), но – жуткая. Мальчишка с кинокамерой не сразу сообразил, что костяной стук, который он слышит, издают его собственные зубы. Комсомольский секретарь Пашка Дымок тоже стоял в растерянности, запрокинув голову, с ужасом в широко открытых глазах. Даже того, очкастого, тоже проняло... Но лишь на мгновение. Тут же он возник над перилами, в просторном окне на верхотуре, проорал что-то непонятное, уперся рукавицами... Еще несколько подручных нехотя присоединились к нему, ухнули в такт, точно волжские бурлаки, поднатужились...

Колокол летел долго. Ударился о землю так, что поляна под ногами содрогнулась. И лег набок, точно мертвый кит, вынесенный на берег прибоем. Секретарь с верными сподвижниками замерли, стряхивая оцепенение, потом дружно бросились к черному исполину, обступили, крича что-то победное и размахивая руками.

Длинное приземистое строение – кельи для монахов – в десять рук обкладывали хворостом и поливали керосином. Сами монахи, выведенные во двор, заголосили и рванулись назад, в двери (сторежь, что ли решили вместе с монастырем?), но их грубо оттеснили прикладами и сбили в кучу.

– Вот отродье, – сверкнув очками, хмыкнул Красницкий.

– Правда, товарищ уполномоченный, – поддакнул Паша Дымок. – Им новую жизнь на блюдечке подносят, а они упираются. Несознательный народ...

– Думаешь?

Красницкий посмотрел с изрядной долей сомнения и вмиг стал серьезным.

– Ты в Гражданскую воевал?

– В Гражданскую я совсем мальцом был.

– Это плохо. Видишь ли, есть несознательные. Заблудшие. Для них да для таких, как твой Севка, мы и воюем... Им новую жизнь строить после нас. А есть – враги. Эти лютые, им в голову вбили... Ну, неважно. Они в светлое будущее не пойдут. А пойдут – так только для того, чтобы стрелять в нас из-за угла.

Помолчал и резко добавил:

– С такими разговор должен быть коротким. Сева – парнишка с кинокамерой почувствовал холодный пот на спине. Будто кто-то коварный сунул ледышку за шиворот. Он несмело потянул секретаря за рукав. Тот обернулся. Лицо его было нехорошее, застывшее...

– Паша...

– Что тебе?

– А это обязательно... Ну, «короткий разговор»? Может, их еще можно... в новую жизнь? Пусть только пообещают, что не будут из-за угла стрелять. А, Паша?

В мальчишеских глазах стояла мольба. Дымок резко дернул плечом и раздраженно произнес:

– Шел бы ты отсюда, не вертелся под ногами.

– Куда?

– Да хоть к тетке Настасье. Добежишь за десять минут. Она тебя не прогонит, скажешь, я прислал.

– Страшно одному-то, – возразил мальчик. – Ночью да по лесу...

Однако про себя знал точно: здесь совсем скоро будет еще страшнее. Монахов уже подняли и стали уводить в глубь двора, к темно-красной кирпичной стене.

Есть такая штука: наказание памятью. Амнезия наоборот. Ему больше всего на свете хотелось бы забыть те годы, выкинуть вон и успокоиться душой, которая мучилась тогда, в морозный довоенный январь, и сейчас, спустя более полувека (правда, по-другому: раны затянулись и зарубцевались, боль из острой превратилась в тупую и ноющую, приходившую обычно по ночам. Днем все-таки отвлекали домашние дела, «ящик», газеты – «бредуховка», словом).

Легкие шаги в прихожей. Он посмотрел поверх очков в том направлении и увидел внука: надо же, вымахала. Он, старый пердун, и не заметил... Это потому, что живешь не

здесь и не сейчас, хмыкнул ехидный голос изнутри, а черт-те где и когда. Среди старых, выцветших фотографий, будто в пыльном, заброшенном пантеоне.

– Ты надолго? – спросил он.

– К ужину буду, дедуль. Не скучай без меня. Хотя телевизор включи.

– А ну его. Все одно и то же.

– Как знаешь. Что купить в гастрономе? Я по дороге заскочу...

– Не надо ничего. Я непритязателен, картошки наварю.

Она подошла (уже одетая, в коричневом модном пальто с капюшоном) и чмокнула в щеку.

– Не болтай. Уж я-то знаю, ты гурман еще тот. В ее голосе, нарочито бодром, даже веселом, ему вдруг почудилось скрытое волнение. С таким, пожалуй, идут к врачу, заранее не зная диагноза (но опасаясь худшего... Нет, об этом лучше не думать). Очень хотелось расспросить поподробнее, усадить на колени, приласкать, как когда-то, но он сдержался. Незачем впадать в маразм: а куда, а с кем, а во сколько ждать назад (с точностью до секунды)? Он никогда и не спрашивал – зато и не получал лживых ответов.

Однако беспокойство прочно засело в груди, точно старая заноза. Он поднялся с любимого плетеного кресла, сходил на кухню, сварил кофе и тут же забыл про него, оставив остывать в большой чашке с голубым узором и надписью: «Дорогому другу от Жени Енея. Крым, 1964». Бесцельно побродил по квартире, казавшейся сейчас огромной и гулкой. На высоких потолках кое-где запечатлелись следы исчезнувших перегородок – квартира пережила несколько исторических циклов уплотнений и разуплотнений: кого-то подсеяли, кого-то выселяли (бывало – ночью, под грохот казенных сапог, женские вопли и негромкое шуршание машины под окном)... Комнаты, бывшие коммунальными, переходили из рук в руки, точно стратегические высоты. С тех пор утекло множество воды, «последний интернационал» миновал (он надеялся, навсегда... А коли вернется – так он не доживет), урбанистическая местность дышала свободой: четыре комнаты, соединенные общим коридором, предназначались теперь для двоих. Что же касается остального пространства, то его наводнили призраки. Пришедшие из тех времен, когда...

Когда кто-то из них под утро наткнулся на вход в подземелье.

«Открытие» совершили случайно: чтобы быть уж последовательными до конца, в четвертом часу утра надумали взорвать храм. Дело было дьявольски непростым: храм выглядел словно древний витязь-богатырь – четырехстолпный, с широкой маковкой, опоясанный под куполом гирляндой кокошников, с мощными стенами, выложенными из белого камня... Возле фундамента долбили шурфы, матерясь во весь голос и горланя песни. Он тоже долбил вместе с другими, сбросив полушубок и завернув в него кинокамеру. В памяти отложилась дикая боль в руках: кончики пальцев ничего не чувствовали, а ладони горели от набухших кровью мозолей. И вдруг из правого придела раздался крик. Все, конечно, сбежались, он тут же забыл про ладони, увидев выбитую дверь, совсем несерьезную на вид (сколько раз проходил мимо и не подозревал, что она скрывает за собой тайное подземелье).

Распоряжался очкастый. Первым с факелом в руке спустился Паша Дымок, за ним – еще парочка активистов, потом Красницкий приказал:

– Ну-ка, малец, тащи свою шарманку!

– Темно больно, – возразил тот, ковыряя в носу.

– Я те поговорю! За такие слова, знаешь...

– Да я при чем? Техника буржуйская, сволочь. Однако, получив подзатыльник, припустился бегом.

За дверью начиналась узкая винтовая лестница.

Факелы совершенно не могли разогнать мрак, лишь выхватывали из него неровные круги, а в них – древние кирпичные стены, низкий сводчатый потолок в ледяных сосульках, неглубокие ниши (пустые, однако так и чудились во тьме белые пятна черепов и решетчатые

скелеты). Обстановочка способствовала: хмель выветрился, разговаривать – даже шепотом – было жутковато. Они ощущали себя попавшими в мир звуков: осторожные шаги, дыхание, цвеньканье капелек воды о камень – все тут усиливалось в десятки раз и отдавалось странным ватным эхом. Иногда попадались проемы-входы в крошечные отшельнические кельи (квадратный мешок с каменной лежанкой внутри и выступом под икону). Кое-где видны были пятна сажи – следы сгоревших свечей. Кто-то прошел внутрь, поводит факелом из стороны в сторону, освещая стены, и присвистнул:

– Гляди-кась! Трубки какие-то.

В каменную толщу и вправду непонятным образом были вмурованы тонкие керамические трубки.

– Может, их тут травили? – послышался неуверенный голос.

– Кого?

– Да монахов. Заманивали сюда, а потом пускали газ... Как немцы в четырнадцатом, мне батя рассказывал...

– Не гони, дурень. Обычная подслушка, не видишь?

– Смотрите, товарищи, – веско сказал очкастый. – Вот к чему прибегало поповское руководство, чтобы следить за своими подчиненными! Наверняка в келье настоятеля было слышно все, о чем тут говорилось. Пресекали свободомыслие, так сказать.

Какое же свободомыслие в монастыре, захотел возразить мальчишка, но опять промолчал. Еще засмеют.

Прошли еще немного. Метров через двадцать наткнулись на два ответвления. Левое было засыпано, из правого явственно тянуло сквознячком. Они двинулись туда и чуть было не прошли мимо решетчатой двери, которая вела в довольно просторную комнату. Дверь была наполовину завалена битым кирпичом, но сверху, с высоты человеческого роста, помещение хорошо просматривалось.

– Сокровища, – прошептал пораженный Пашка Дымок, просунув факел сквозь прутья решетки.

Мальчик с трудом протиснулся поближе. Слабый свет проникал в комнату непонятно откуда: вроде бы она находилась глубоко под землей и не было заметно никаких отверстий в потолке. Тем не менее внутреннее убранство угадывалось четко: очертания больших кованых сундуков вдоль стен, деревянные ящики, тщательно упакованные от сырости тюки и свертки...

– Лопаты сюда, – мгновенно распорядился очкастый.

Подгонять никого не пришлось. Закипела дружная (насколько позволяло пространство) работа. Завал в считанные минуты расчистили, сбили замок, дверь рухнула, и комсомольцы рванулись к сундукам, ломами сбивая крышки... Он спустя полвека усмехнулся, вспоминая: а ведь ни в одном из них, ни в одной горячей башке (тот, с «маузером», из органов – не в счет) не возникло и мысли что-то припрятать для себя. И даже идея продать немалые драгоценности, переправить за границу, скопом, без разбора, а на вырученные деньги купить у буржуев пшеницу и накормить голодающих (коли на всех, на мировой пролетариат, не хватит – то хоть на свою губернию) как-то поникла перед мощным и понятным всем призывом: «ЛОМА-АЙ!» (а как сияли в чадающем пламени изумруды и рубины на богатых нательных крестах, потирах, окладах икон и царских диадемах! Как тускло отливало загадочным темно-медовым цветом золотое обрамление! Рехнуться можно).

– А это что за баба?

– Где?

– Да вот, на доске нарисована.

– На иконе, балда. Пресвятая Богородица. Мне мамка говорила в детстве...

– Не болтай лишнего, услышат еще.

И, чтобы не заподозрили ни в чем ТАКОМ, – хрясть топором по почерневшему от времени лику! Расколосся лик. Лишь глаза – по одному на каждой половинке – продолжали пристально смотреть, будто заглядывая в самую душу...

Кроме драгоценностей и икон, здесь оказалась целая библиотека старинных книг и пергаментных свитков – товарищ из органов авторитетно произнес непонятное слово: раритеты. Их решили оставить на месте: все равно рассыпались бы в прах от малейшего прикосновения. Остальное натужно потащили наверх.

Вдруг общее веселье пререзал голос:

– ОСТАНОВИТЕСЬ!

Он исходил отовсюду – мощный, властный... Будто суровый родитель усмирал не в меру расшалившуюся малышню. Комсомольцы разом притихли, в испуге завертели головами, некоторые тайком перекрестились... Нетленный монах предстал из тьмы коридора в нетленном облачении, грозно сверкая очами из-под насупленных бровей. Они всмотрелись: да нет, никакой не нетленный, очень даже живой (ну а с живыми разговор у нас короткий...)

– Кто такой? – резко спросил очкастый.

– Это отец Илизарий, – сунулся кто-то под руку. – Здешний настоятель.

– Та-ак, – на губах очкастого заиграла нехорошая улыбка. – Что же ты, святой отец, в подземелье ховаешься? Братья твои под расстрел идут с песнями...

Настоятель вдруг двинулся вперед (ему даже дорогу расчищать не пришлось – все расступились, будто замороженные, прижались к стене...). Опираясь на посох, он вошел в сокровищницу, поднял с пола разрубленную Богородицу, соединил половинки вместе... Мальчик с кинокамерой попытался прикинуть его возраст: совсем старый... Вон и морщины на лбу, и резко очерченные бескровные губы. Но стать! И глаза!.. Недаром очкастый уступил дорогу и, будто устыдясь чего-то, попытался сунуть «маузер» назад в кобуру.

– Гнева божьего не боитесь? – прошептал Илизарий в гробовой тишине. – Ведь страшное творите.

– Ты о себе подумай, – сквозь зубы процедил Красницкий. – А то мигом к братьям присоединишься. Кстати, – он вдруг повеселел. – Сокровищница-то маловата для такого монастыря, а, святой отец? Какой же вывод? Правильно, должна быть еще, и не одна. Ну-ка, ребята, тащите его наверх! Там допросим.

Двое самых крепких с готовностью подскочили, обрадовавшись возможности поразмяться. Один даже успел схватить игумена под локоть. И вдруг – они на секунду застыли от удивления – из-за спины отца Илизария скользнул молодой парень в одежде послушника. Двигался он как-то странно, приплясывая и вертясь вокруг оси, точно черная размытая юла в полутьме, с дикой завораживающей скоростью и грацией. Тот, кто держал настоятеля, упал сразу, закатив глаза и не успев крикнуть. Другой, сбив по дороге еще двух своих товарищей, отлетел к стене и там затих. Пашка Дымок еле успел отскочить в сторону, от испуга выронив факел. Тени заматались в узком коридоре, раздался чей-то визг, оглушительно грохнул «маузер» в руке очкастого...

Пуля выбила пыль из кирпича. Послушник перетек вправо, прикрыв грудью отца Илизария. Кто-то из комсомольцев издал боевой клич и бросился вперед, замахнувшись лопатой. Мальчишка не стал даже тратить время на защиту – просто дернул бедром, опрокинув нападавшего, перехватил отобранное оружие и встал так, чтобы никто не смел сунуться. Никто и не совался. На краткий миг установилось некое силовое равновесие, хотя со стороны и выглядевшее нелепым: сбившиеся в кучу комсомольцы, пылающие боевой яростью, а напротив – щуплый подросток в черной рясе, подпоясанный крученой веревкой...

– Стой, – тихо сказал Илизарий. – Не нужно. Я пойду сам.

Послушник обернулся. В его широко раскрытых глазах стояли слезы.

– Но вы не должны...

– Молчи.

Настоятель положил руку на плечо мальчика, будто успокаивая.

– На все воля божья, – мягко проговорил он. – Иногда нужно большое мужество, чтобы принять ее безропотно.

И медленно двинулся вперед.

– Слушай, Вадька, а что такое «воля божья»?

Вадька – лохматый, лет семнадцати, цыганского вида – нехотя пожал плечами.

– Поповское что-нибудь. Тебе зачем?

– Да так... Нет, понятно, что они – контра, а все же любопытно.

– Любопытной Варваре...

– Знаю, знаю.

– Вот так-то. И потом, все равно скоро по всей стране ни одной церкви не останется.

Вред от них один.

Остаток дня они провели в опустевшем подземелье, как в могиле. Жуть, почти потусторонняя, притупилась, спряталась за ленивыми разговорами: душа устала и организм, пусть и молодой, устал и требовал временного затишья. Там, наверху, жгли высокий костер из икон (уполномоченный из уезда стоял рядом и веско объяснял собравшимся: «Видите, товарищи? Бога нет»). И правда, думал Сева. Если Он есть, почему же не пустит молнию с небес и не спалит всех к чертям собачьим?

Вместе с рассветом – поздним, холодным и хмурым – их сморил-таки сон. Мальчик выбрался на свет, зажмурился и неуверенно ступил на утоптаный наст. Из всех монастырских построек целым оставался только храм, но и это ненадолго: в готовых шурфах уже лежала взрывчатка. Только шнур подпалить...

Он медленно обошел церковь кругом, уважительно потрогав мощную кладку. Силища. Так же неторопливо, будто в раздумье, вошел внутрь через выбитую дверь. Обогнул алтарь, осторожно поднялся по широким деревянным ступеням наверх, в длинную пустую галерею, опоясывавшую изнутри аркатурный пояс. Здесь были «заходные полати» – места, куда во время богослужений поднимался когда-то великий князь Юрий Всеволодович со своей семьей. Снаружи, на стене, он приказал увековечить себя и своих сыновей в подколонном барельефе: безбородый мужчина в нарядно вышитом кафтане и княжеском плаще держит на коленях мальчика, юного княжича Константина (будущего отца Василия Константиновича, что правил городом Житневом рука об руку с верной супругой Еланью)... Так давно, что и не верится.

Мальчиком овладело странное чувство: будто все они, жившие в глубинах веков, незримо собрались здесь, под тяжелыми сводами. Откуда-то из сопредельного мира прошелестел легкий ветерок, что-то еле слышно звякнуло, прошуршало, неземные голоса переплелись...

– Ты совсем не боишься смерти, старик?

Мальчик остановился. Голос вовсе не был нечленораздельным. Он был приглушенным, но вполне земным, тутошним. Он принадлежал очкастому и доносился из-за двери в самом конце галереи.

– Православный покров на нашей земле ослаб, – тихо и внятно отозвался отец Илизарий. – Мы все боимся смерти – по невежеству и гордыне. Вопрос в другом: коли Господь оставит нам жизнь, как ее вынести? Возможно ли? Нет заступников, нет молитвы...

– Не изображай мученика. Мученики идут на костер за веру, а не прячутся в подземелье. А ты не просто прятался... Ты надеялся уйти. И я хочу знать: куда и как.

Голос был сладенький, как все дьявольское. Вообще все вокруг было странным, неестественным... Гулкий пустой коридор, серый камень, узкая полоса света, проникавшая из щели между дверью и косяком, страшные и странные слова... Как во сне, мальчик подошел поближе и приник к зазору, увидев фрагмент кельи – темную стену и угол дубового стола, на котором неровно коптила керосиновая лампа. Он испугался, представив картину пытки, позаимствованную из рассказов папиного дальнего родственника, в прошлом красного конника, плененного белогвардейцами, но не сломленного и бежавшего из застенка (позже, впрочем, расстрелянного своим же трибуналом). Но нет, голос настоятеля был спокоен и сдержанно-печален.

Красницкий обогнул стол и встал напротив игумена. Он словно находился на перепутье (что пообещать упрямому попу – трон или костер? И то и другое вполне реально и можно устроить...). Но тот молчал. Видно, слишком страшной и важной была хранимая им тайна.

– Поймите же, – наконец проговорил настоятель. – Я не хозяин Шара. И не слуга, и даже не хранитель. Он принадлежит каким-то иным, высшим силам. Я не имею в виду Творца нашего, но кого-то более древнего и могущественного, чем человечество. Нам было только дважды разрешено воспользоваться им, чтобы спасти жизнь нашим братьям. Но это случилось давно...

– Знаю, – перебил очкастый.

Отец Илизарий вздрогнул.

– Вы прочли документ?

С величайшей осторожностью Красницкий положил на стол ломкие пожелтевшие листы бумаги.

– Чудом спас, – пояснил он. – Эти идиоты чуть было его не пожгли заодно с иконами.

– Откуда же вы узнали...

– Неважно, – с трудом проговорил Красницкий, будто из последних сил сопротивляясь некоему колдовству, уже начавшему действовать (он еще оставался человеком, но на загровке проступила рыжеватая шерсть и звериный рык рванулся из напряженной глотки...). – Я услышал эту историю от одного заключенного. Он давно сдох, я даже не помню, как его звали... Впрочем, это тоже неважно. Так вот, миллионы лет назад, когда человека еще не было на Земле, какая-то исчезнувшая народность (думаю, их ты и называешь высшими силами) оставила в этих местах... особый предмет. Шар. А потом они вынуждены были уйти – то ли на небеса, то ли под землю... То ли вовсе все передохли – мне наплевать.

Этот ублюдок перед смертью (утром отправили в расход) прямо-таки взхлеб рассказывал об этом Шаре (почему взхлеб – тоже понятно: наши докторишки впрыснули ему какую-то гадость). Я, правда, мало что понял, но в его истории... словом, были некоторые конкретные детали, которые меня насторожили. Например, он упоминал Кидекшский монастырь. И вот эту древнюю бумажку.

Он встал, прошелся из угла в угол, заложив руки за спину и поскрипывая ремнями. Снова очутился перед столом с чадающей лампой... Мальчик сквозь щель в двери будто бы наблюдал представление театра теней. Резкий голос произнес:

– Ты отведешь меня к Шару, святой отец.

– Но вы не сможете...

– Не твое дело! Мне бы только добраться до него, а дальше...

– Нет.

– Ты что? – взвился Красницкий. – Ты, падла, хоть понимаешь свое положение?

– Понимаю, – твердо сказал Илизарий. – И все равно – нет.

Он помолчал.

– Все мы принадлежим к одному племени: заблудшие овцы, лишенные пастыря... Я хочу сказать, что благодарен вам. Может быть, только теперь я осознал всю глубину человеческого грехопадения.

– О чем ты бормочешь?

– О спасении. О том, что, возможно, именно в этом оно и состоит: чтобы не поддаться соблазну. Вы искушаете меня: предлагаете жизнь в обмен на предательство. Я не могу принять ее от вас...

Голова настоятеля дернулась – ствол «маузера» с силой впечатался ему в висок.

– Значит, за себя ты не боишься? А за своих братьев во Христе? Они-то в чем провинились?

– О господи, – вздрогнул Илизарий.

– Ты еще можешь их спасти. Пока они живы:..

Братья во Христе пели. Хор был протяжный, жалостливый, нестройный... Он доносился откуда-то снизу, сквозь закрытые двери какого-то помещения, где они были заперты. Мальчик: замер, соображая: голоса были странные, идущие не просто снизу, а вроде бы из-под земли. Вдруг как током ударила догадка: глиняные трубки. Чтобы

настоятельно было слышно, что происходит в кельях отшельников, трубки и предназначались. Значит, монахов заперли в подземелье...

– Их даже не будут выводить наружу, – сообщил очкастый. – Пощелкают прямо через решетку. Отсюда будет прекрасно слышно.

– Ироды, – прошептал Илизарий.

– Решайся, поп. Иначе гореть тебе в аду за невинно убиенных. Ну!

– Будьте вы...

Выстрел!

Мальчик зажмурился и присел от страха. Началось, мелькнула мысль. Но нет, звук был другой, совсем близкий... Он нашел в себе силы открыть глаза и вновь прильнуть к щели, чувствуя собственное сердце где-то в районе валенок. Сцена изменилась, словно развернутая к зрителю под другим углом. Разнесенный пулей затылок игумена. Разбитая вдребезги лампа и пляшущие на столе, на полу, на черной сутане язычки пламени...

Еще два выстрела (по звуку – «маузер» и «наган», в этом мальчишка хорошо разбирался). Стрелял очкастый и кто-то третий, невидимый, прятанный в тени. Оба были ранены, но очкастый – серьезнее. Яростно хрипя, они повалились на пол и сцепились, не замечая занимавшегося вокруг пожара.

Наверное, мальчик нечаянно толкнул дверь. От неожиданности он потерял равновесие и упал вперед, на четвереньки. И – близко, в каких-то сантиметрах, сквозь едкие клубы дыма увидел выпученный глаз игумена Илизария. На месте второго чернела пустая глазница, сквозь которую вышла револьверная пуля. Желто-коричневые пергаментные листки валялись тут же, возле ножки стола, и к ним уже плотоядно устремился огонь. В лицо пахло нестерпимым жаром, и мальчик, не сдержавшись, закашлялся.

Он выдал себя... Из пламени, из рыжего жаркого мрака поднялась страшная фигура – окровавленная, окутанная дымом, с «наганом» в руке... Медленно обернулась и пошла на мальчишку прямо сквозь пламя, не ощущая боли.

– Паша, – прошептал мальчик. – Пашенька, не убивай, родненький! Я никому не скажу... И полетел вниз с лестницы.

Сознание возвращалось медленно, толчками. Вокруг было темно, хоть глаз выколи. С трудом проникая сквозь завесу дурноты, слышались невнятные голоса, кто-то очень далекий и нежный напевно произносил незнакомые слова...

– "Пришел Иисус, когда двери были закрыты, стал посреди них и сказал: мир вам.

Потом говорит Фома: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои. Подай руку твою и вложи в ребра Мои, и не будь неверующим, но верующим.

Фома сказал в ответ: Господь мой и Бог мой!.."

Как хорошо. Правда или неправда – все равно как сильно и хорошо... Лучше умирать так. Мальчик протянул руку, улыбаясь, но пальцы наткнулись на холодную кирпичную стену. Минутное наваждение пропало, и он подумал: «Я жив. И я опять в этом чертовом подземелье. Камеру потерял, товарищ Красницкий мне за нее голову оторвет». Однако тут же вспомнил хрип, с которым товарищ Красницкий упал там, в пожаре, – угасающий, звериный, предсмертный... И эта мысль странным образом его успокоила. Тьма накрыла мальчика, словно шапка-невидимка, и он побрел наугад, держась рукой за стену. Все равно куда, лишь бы подальше.

Шел он долго, может быть, несколько часов. Коридор все не кончался, и мальчик стал уставать. Очень хотелось пить, и лоб горел, как в лихорадке. Он уже собирался сдаться. «Еще десять шагов, – сказал он себе, – и я упаду... Плевать». Но неожиданно увидел впереди свет. Вернее, светлую точку, похожую на крохотную одинокую звездочку посреди ненастного неба. Свет манил, и он, собравшись с силами, заковылял быстрее.

И вскоре звездочка превратилась в Шар.

– Ты кто? – шепотом спросил мальчик. Внутри, под прозрачной оболочкой, забегали размытые огоньки. Мальчик раскрыл рот от изумления, обошел непонятный предмет кругом и несмело дотронулся до него озябшей ладонью. Ощущение было приятным – будто от

дружеского рукопожатия. Теплая волна поднялась навстречу. Шар запульсировал, заколыхался и поплыл посреди коридора вперед, словно приглашая следовать за собой. Мальчик, подумав, подчинился. Идти тут же стало легко. Коридор расширился, посветлел и превратился в просторный грот, на стенах которого плескалось отражение воды. А пройдя еще немного, парнишка и впрямь увидел море.

Пейзаж был неприветливый. Северный, холодный, с черными острыми скалами, полосой прибоя и одинокой сосной, прилепившейся на крошечном клочке земли в расселине. Кругом – ни души, брызги и грохот, дул тевтонский ветер – ледяной, упорный... Волны с размаху бросались на берег, покрытый крупной галькой, и с шипением, нехотя, отползали назад, за границу своих владений.

Мальчик поплотнее запахнул одежду и присел на каменный выступ, пожалев, что нет с собой даже краюшки хлеба. Есть хотелось ужасно.

Неведомо, сколько он так просидел. Шум волн убаюкивал, будто пел колыбельную без слов. И в конце концов он задремал...

Сильный удар обрушился сзади и сбоку. Голова словно взорвалась, и мальчик кубарем скатился по насыпи вниз, к самой кромке прибоя. Соленая вода лизнула ободранную щеку и вмиг привела в чувство. Парнишка приподнялся, застонав от резкой боли, и развернулся к нападавшему...

Пашу Дымка трудно было узнать. Окровавленный и обожженный, с неестественно скрюченной левой рукой, в обгоревших лохмотьях, он походил на страшный призрак из ночного кошмара. Волос на голове не было, кожа кое-где свисала клочками... И «наган» злобно, будто живой, смотрел черным зрачком прямо в лицо мальчика.

– Отбегался, сучонок.

– За что ты их? – одними губами прошептал мальчик.

Он не пытался бежать. Знал, что бесполезно.

– А что я должен был делать? – вроде бы спокойно отозвался Павел. – Я всю жизнь искал этот Шар. Гнил заживо, голодал, пресмыкался перед такими гнидами, как... Да тебе не понять. И все ради того, чтобы какой-то мудака в пенсне...

Голос прерывался. Призрак стоял на ногах нетвердо, покачиваясь и заметно слабея с каждой секундой. С отчаяния мальчик прикинул: подобрать под себя ноги, прыгнуть головой вперед, рвануть за ствол...

– Может, отпустишь? А, Паша? Ты же знаешь: я никому... Я могила!

Слезы сами брызнули из глаз, он и не думал играть. Это хорошо, это значит, противник и не заподозрит... Вот уже и смотрит не так пристально, и револьвер чуть подрагивает в руке.

– Помнишь, как зареченские собрались меня отдубасить, а ты не позволил? Вытащил из лодки весло, показал им и говоришь: кто, мол, на брата моего руку подымет – башку снесу... Помнишь?

– Зубы не заговаривай, – процедил Дымок. – Кто тебе, сучонок, велел шпионить? Ты же все слышал... К сожалению.

– Случайно я, Пашенька. Кабы знал – за километр бы обошел и уши зажал.

Он уже плакал навзрыд, по-настоящему. Только какой-то участок мозга еще цеплялся за привычное: любопытство вдруг проснулось совершенно некстати.

– А тот заключенный, про которого говорил очкастый, он...

– Это был мой отец, – ответил комсомольский секретарь. – А теперь умолкни и повернись. Не в рожу же стрелять.

Дымок качнулся сильнее. На страшном лице отразилась мука – мальчик готов был пожалеть его (слишком свежо было в памяти ощущение слепого, почти иррационального ужаса при виде единственного в поселке старого «Опея», выкрашенного в черный цвет, вестника несчастий, красного мандата перед лицом, снился испуганный шепот: «Может, пронесет? Сын за отца, говорят, нынче не отвечает» – кратковременный курс партии, карательный аппарат ненадолго дал сбой...). Только вот «наган» в белых от напряжения

пальцах...

– Он всегда держал его заряженным, под подушкой. Не для того, чтобы кого-то там пристрелить. Для себя. И для мамы. Он знал, что рано или поздно за ним придут.

(Пришли, как водится, перед рассветом. Прошелестел «Опель» под окном, звонок задыхался, стервенея, в дверь дубасили сразу несколько кулаков. Отец с матерью глядели друг на друга, прощаясь. «Я требую от вас отречения», – сказал он. «Какого отречения?» – «От меня».)

– И вы отреклись? – замирая, спросил мальчик.

– Мама – нет. Пошла как ЧСВН – член семьи врага народа. Жертвенница, чтоб ее...

– А ты? Ты отрекся?

Дымок болезненно дернул уголком рта.

– Как видишь.

И мальчишка прыгнул. Головой вперед, целя в брюхо противнику и одновременно дергая за ствол револьвера вниз, к земле...

Паша не ожидал нападения от полудохлого сосунка. Он устоял на ногах (однако взвыл от боли в раненом бедре), но «наган» выпустил, и тот отлетел в сторону. Мальчик на четвереньках отполз от страшного места, вскочил и припустился наутек, к спасительному гроту. Содранные коленки горели, он никак не мог вздохнуть поглубже – воздуха не хватало, глаза застилала слезы, и всей спиной он с яростью на самого себя ощущал: не удрать. Призрак из ночного кошмара (гад, гад! Ведь росли на одной улице!) уже нагнулся, поднял оружие и прицелился в точку аккурат меж лопаток...

Сил бежать больше не было. Мальчик остановился и стал ждать выстрела. Но услышал сдавленный крик. А потом, когда что-то мокро шлепнулось на прибрежные камни, сквозь грохот волн раздались гортанные голоса и металлический лязг. И – тяжелый топот копыт.

Лошади скакали по самой кромке прибоя. Вода лениво лизала край отлогой каменистой осыпи, и в некотором отдалении за ней круто уходили в поднебесье серые тела скал. Острые каменные клыки, поросшие северным карликовым кустарником, тут и там торчали над волнами. Пахло гнилыми водорослями, в воздухе носились вечно испуганные чайки.

Четверо всадников в плотных серых плащах из грубой шерсти ехали парами вдоль берега. Двое – с длинными мечами на левом боку, у третьего клинок был закреплен за спиной и рукоятка торчала над правым плечом. Четвертый был вооружен тяжелым бронебойным арбалетом. Головы путников покрывали шлемы с поднятыми забралами. По лицам никто не мог бы определить их звания и род занятий: все как один были загорелые, угрюмые и решительные. С такими лицами идут в битву, заранее зная, что вернуться назад будет не суждено.

Подле лежавшего на камнях человека они придержали коней. Лошади зафыркали, пятась, но, привыкшие повиноваться, все же встали, недовольно перебирая копытами.

– Плохая примета, – вполголоса произнес один из всадников, обращаясь к тому, у кого за спиной торчал длинный сарматский меч. – В самом начале пути...

Тот лишь посмотрел на говорившего устало и отрешенно, так что и слов тратить было не нужно. Плохая примета или хорошая – ни у одного из них не было дороги назад. Он только подумал, что распластанного на земле человека убили не так давно, может быть, еще перед рассветом. Или он умер сам – вон сколько ран покрывали истерзанное тело, непонятно, как вообще держался так долго...

– Хранительница ждет, – пробормотал всадник, трогая коня. – Не отставайте.

Помрачневшие еще больше спутники двинулись следом.

На востоке едва-едва начинали проявляться первые признаки голубого неба. Конные остановились у огромного обломка скалы, сотни лет назад упавшего посреди дороги и успевшего врасти в нее, округлиться линиями благодаря воде и ветру. Перед камнем стояла высокая женщина с распущенными черными волосами. Она была красива диковатой северной красотой и статью могла бы поспорить с королевой. Впрочем, она действительно стояла выше тех, кто правил страной, сидя на троне. Главная Жрица, одна из десяти

Хранителей Шара...

Всадники спешили, по одному подошли к Хранительнице и преклонили колени. Все происходило по-прежнему молча – момент был слишком важен и трагичен, любые слова казались пустыми. Женщина доставала из складок длинной одежды серебряные браслеты тонкой работы, производила над ними какие-то действия (будто читала заклинания) и одевала на запястья тем, кто подходил к ней. Четыре браслета – по одному на каждого.

Они уходили, не прощаясь, сквозь странную дрожащую пелену, за которой продолжала бежать вдаль та же дорога вдоль воды, и те же мрачные скалы торчали, словно зубья дракона, но вместе с тем мир словно менялся, плавно перетекал из одной грани в другую, и вот уже исчезло ледяное море, чайки смолкли и запахло не привычными водорослями и йодом, а чем-то чужим, резким, неприятным... Черный лес окружал их под незнакомым небом (созвездия были невиданными, неправильными, самая яркая звезда торчала прямо над головами, и от нее деревья казались плоскими, будто вырезанными из бархатной бумаги). Они посмотрели друг на друга и одновременно опустили на лица металлические забрала. Кто-то одними губами прошептал молитву...

Тот, что был вооружен арбалетом, соскочил с лошади и бесшумно залег возле раскидистого дерева на обочине дороги. Остальные ошетинились тяжелыми копьями и встали в линию, сдерживая коней. Секунды сливались в минуты, лошади, чуя копытами непривычную ровную поверхность, словно облитую чем-то скользким и холодным, нервно пританцовывали, закусив удила.

Но вот далеко впереди послышался невнятный шелест. Приземистое чудовище, блестя гладкими боками, на которых играли лунные блики, неслось прямо на них – стремительно, почти неслышно, горя двумя дьявольскими глазами. Один, шептал тот, что был с мечом. Два. Три... Когда до чудовища оставались считанные метры, он с шипением вытянул из-за спины тяжелую рукоять, и высоко над головой блеснул серебристый клинок. Три всадника пустили лошадей с места в галоп, а там, перед ними, человек за рулем легковой машины, едва не теряя рассудок от изумления, лихорадочно жал на тормоз...

Глава 2

Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА

Утро было свежим, даже, пожалуй, холодноватым, но мне это нравилось. Только росы чересчур. Стоило перейти через дорогу и слегка углубиться в березнячок, как кроссовки (легендарный «Адидас», 43-й размер, синяя замша с тремя белыми полосками, 120 «штук» на рынке) тут же промокли насквозь. Я пожалел, что не надел туристские ботинки – нашу русскую гордость (помнившие зарю нового мира, Ельцина на танке, смену флагов и вывесок). Ботинки, кстати, и по сей день выглядели как новые, но мне почему-то не хотелось предстать в них перед Дарьей Матвеевной, с которой я сейчас обязательно встречусь – вон там, на тропинке, петляющей меж березок...

Дарью Матвеевну я даже наедине с собой называл только полным именем. Было время, когда она мне отчаянно нравилась: я караулил ее, ловил наши якобы случайные встречи, напоминая себе юного пионера, млеющего перед старшей пионервожатой. Хотя пионерчику-то пошел четвертый десяток...

Она была лет на пять старше меня, но благодаря то ли ежедневным прогулкам и восточной гимнастике, то ли просто природе и генам... черт знает еще чему – выглядела почти юной. Мелкие морщины в уголках глаз – не в счет. Черные волосы она заплетала в роскошную косу, и у меня часто возникало желание... нет, не дернуть (боже упаси!), а, скажем, взять в руку, подержать, узнать, какая она (коса то есть) на ощупь. Что еще? Тугая на вид попа, стройные ножки с узкими лодыжками и сильными икрами, маленькая грудь и прямая осанка. При всем этом – живой ум в очаровательной головке. Возможно, я рисую слишком идеальный портрет, но, в конце концов, это мое право художника.

Трава в лесу была густой и высокой, и – странное ощущение – тяжелой, будто таз с

мокрым бельем. Лучи солнца, светившие сквозь кроны, превращали ее в прозрачно-серые кусочки слюды. Наконец я выбрался на ту самую тропинку и зашагал по ней.

В детстве нам с братом казалось, что она ведет в некий мир, где все не так, как здесь (слово «параллельный» в широком обиходе еще отсутствовало). У меня даже была мечта: пройти ее до конца и посмотреть, что там, да родители не пускали. Позже, когда мне было лет двенадцать, я исполнил свое заветное желание. Встал на лыжи (дело было в начале декабря), собрался с духом, оттолкнулся палками от поскрипывавшего укатанного наста и помчался «в неизведанное», представляя себя Амундсеном на пути к Северному полюсу. Путь мой оказался совсем не длинным – часа через полтора я, даже не успев устать толком, уперся в ржавую колючую проволоку дачного поселка. Поселок казался необитаемым и абсолютно не романтичным: разнокалиберные заборы скрывали за собой заколоченные на зиму людские жилища – от богатых двухэтажных вилл до смастеренных чуть ли не из картона хибарок. Дальше лыжня раздваивалась. Та, что шла влево, заканчивалась харчевней для шоферов-дальнобойщиков. Правая выходила к покрытому льдом крошечному озеру. По берегам озера торчал ломкий камыш, а на середине сидел одинокий рыбак, медитировавший над маленькой черной лункой. Помнится, я был страшно разочарован. Если мое воображение и рисовало нечто, то обязательно ТАЙНУ, необычное... Скажем, окно в прошлое или будущее или посадочную площадку НЛО. А тут – безжизненное озеро, колючая проволока и одинокий рыбак (интересно, поймал ли он что-нибудь в тот день?). Вот мой брат (которого я считал слегка не от мира сего) – тот здорово умел видеть необычное в обычном, даже обыденном. Наверно, благодаря этой способности он стал много лет спустя известным кинорежиссером. Я смотрел его фильмы – каждый по несколько раз. Способный у меня брат. Некоторые знатоки утверждают, гениальный.

Мы родились до смешного похожими, почти близняшками. Наверное, только мама различала нас сразу. Она назвала нас в честь первых русских святых – Борисом и Глебом (Глеб – первенец, я появился на свет чуть позже, из-за чего ужасно переживал). В детстве разница в возрасте казалась огромной. Глеб, пользуясь ею, безбожно мной верховодил, а я подчинялся и радовался втихомолку: с братом было по-настоящему интересно. С годами эта разница все таяла, а различия во внешности, наоборот, увеличивались. Теперь я, пожалуй, выгляжу старше. Мама говорит, это потому, что я совсем не слежу за своим здоровьем. Слишком много сигарет и кофе. Глеб обычно поддакивал со всем подобострастием, чем меня несказанно злил (сам-то тоже хорош... Но им положено как творческой личности, они без «дыма адского» творить не могут-с).

Словом, братцу своему я частенько завидовал – его железному здоровью (хотя откуда бы?), его свободной натуре и силе характера. В свое время он прошел дьявольски трудный путь – от городского училища культуры («кулька» по-культурному) до Московского театрального института, который окончил с отличием и был приглашен в мастерскую самого Венгеровича (снявшего в пору хрущевской оттепели знаменитую «Девушку из рабочего поселка»). Пока я добросовестно пыхтел в Высшей школе милиции, а позже – отбывал номер на юридическом факультете университета, Глебушка успел завоевать четыре приза за лучшую режиссерскую работу на Всероссийских кинофестивалях и один – «Золотой парус» – на международном, в Карловых Варах. Мы с мамой лицеизрели его большей частью по телевизору – дающим интервью отечественной и зарубежной журналистской братии...

Но всегда, куда бы судьба ни забрасывала его, Глеб возвращался домой. Обветренный, пропахший Дальними Странами, загорелый как негр (и столь же грязный) или, наоборот, с обмороженными ушами и носом – в зависимости от того, где выпало снимать «натуру»...

И тот, последний, его визит я запомнил ярко, во всех мелких подробностях (вроде той, что мы чуть не опоздали к поезду, – у масляного фильтра в машине некстати началась «течка»). Глеб вышел из вагона – ни дать ни взять лондонский денди: дубленка бежевых тонов, дымчатые очки, светло-серый кейс в руке и дорожная сумка «Rifle» через плечо. Улыбчиво раскланялся с проводницами (одну, с копной ярко-рыжих волос, даже чмокнул в щечку – проводница обомлела и запунцовела), встал посреди перрона, толкаемый со всех

сторон, и принялся растерянно вертеть головой (давным-давно у нас был выдуман такой ритуал). Я неслышно, точно чукча-охотник, подкрался сзади и со всего размаха хлопнул братца по плечу. Он обернулся... И мы, обнявшись, счастливо и нечленораздельно заорали, изо всех сил тиская друг друга в молодецких объятьях. Мама, тоже счастливая, слегка испуганно нас урезонивала: «Господа, ну что вы будто дикари! Приедет милиция, и я на старости лет попаду в острог...»

– Не бойся, мам, – захохотал Глеб. – Борька свой человек, отмажет.

– Только мне и забот, что тебя отмазывать, – хмыкнул я. Ребяческая радость так и рвалась наружу.

Насчет забот я, кстати, вернул не для красного словца: на следующий день в 10 утра в управлении заслушивался мой доклад о положении дел по городу.

Список был длинен, как вечность, и также беспросветен: «глухой» разбой в Лаврине – кто-то весьма дерзкий и хорошо информированный «бомбил» дачи бывших партийных, а ныне – депутатских бонз, киднеппинг и четыре нераскрытых убийства. В машине я спросил:

– Ты на каникулы?

– Работать, – отозвался Глеб.

– Вот как?

– Будем проводить натурные съемки – здесь, неподалеку.

– Значит, ты надолго?

– А ты против?

Я всеми доступными средствами дал понять, что я не только не против, но и за. Для меня дни, проведенные с братом, были как возвращение в беззаботную пору студенчества, когда Глеб приезжал после сессий, замотанный до черноты, худющий, небритый – «отъедаться и отсыпаться» (мамино выражение).

– А меня возьмешь с собой? Никогда не видел, как снимают кино.

– Будешь вовремя ходить на горшок и есть манную кашу – так и быть, возьму.

Вот такой милый треп-импровизация. Немудреные шуточки, которые я повторял про себя как некое заклинание, глядя на тропинку перед собой (наш диалог был воображаемым: Глеба рядом не было, только умытый росой березовый лес, «гусиные лапки» в блестящей траве, утро да мы с Кузей – это наша самоедская лайка-самец, белый, как свежий снег, с человеческими умными глазами и черной пуговкой носа. Кличка, как вы догадались, целиком моя заслуга).

Деревья слева от тропинки расступились, и мы вышли на небольшую круглую полянку. Посреди нее стояли две старые березы. Когда-то, давным-давно, два семечка упали рядом, принялись, потянулись вверх... Ни одно из деревьев не желало уступать, и их стволы срослись снизу, превратившись в один, толстый и корявый, а на высоте человеческого роста они опять разделялись. Косые утренние лучи падали на них, оставляя нежные желтоватые полосы на белом фоне. У подножия, рядом с трухлявым пнем, лежала мохнатая туша темно-кофейного цвета, размером приблизительно со взрослого пони. Туша пребывала в полнейшей нирване, однако при виде нас тут же сторожко подобралась и приняла очертания собаки.

– Привет, Шерп, – сказал я. – А где хозяйка?

Шерп улыбнулся черными губами, на мгновение обнажив клыки, и повозил по земле хвостом – признал старых знакомых. Кузя подошел вслед за мной, потянулся носом к приятелю... Обычно за этим начиналась какая-нибудь бешеная игра с имитацией кровавой борьбы, гонкой по пересеченной местности, валянием в пыли и громкими криками. Но нынче у собачек настроение было не для состязаний – они немножко походили кругами и улеглись рядышком – головы на лапах, веки прикрыты, глаза мудрые и чуточку печальные, как у старых даосов.

С Дарьей Матвеевной мы, к слову, познакомились именно на «собачьей» почве – тут же, возле сестер-березок. Шерп в то время был еще подростком с нелепыми длинными ногами, веселым и неуклюжим. Кузька же и вовсе напоминал белый шарик-игрушку, его и

собакой-то назвать было неудобно. Иногда я поглядывал на него и втихомолку мечтал: вот подрастешь, выучишься, и мы с тобой...

Что именно «мы с тобой» – я и сам толком не знал. Охотиться на медведя? Для этого, во-первых, нужно было ехать за тридевять земель, в охотничьи угодья, во-вторых – для начала вступить в общество и платить взносы размером чуть меньше моей месячной зарплаты. Ну и в-третьих – проблема свободного времени, которого не было. Правда, мы с братом понаслышке знали, что нормальные люди не ходят по воскресеньям на службу: семья там, дети, уик-энды за городом... Однако сами «предпочитали» развлекаться в выходные по-своему: Глеб – на съемках, я – в лихорадочных поисках очередного убийцы или бандита. И оба свято верили: вот потом, когда-нибудь... Нет, не буду об этом.

В данный момент Дарья занималась обычным утренним делом. Черный силуэт в свободном восточном кимоно, освещенный неярким еще солнцем, – это было красиво и волнующе. Она выполняла какое-то невероятно сложное упражнение с гладким двухметровым шестом из арсенала боевых искусств Тибета. Однажды я взвесил этот шест: он был тяжел даже для меня. А в ее маленьких ладонях летал легко и мощно, напоминая несущий винт вертолета. В моменты особенно резких ударов шест вибрировал и издавал низкое гудение. Сколько раз я наблюдал эту картину, и всегда она зачаровывала меня – я стоял, прислонившись спиной к березе, и забывал о том, что вокруг лес, поляна и березы, и вообще забывал обо всем... А главное – боль в левой стороне груди пусть ненадолго, но отступала.

Некоторые движения я угадывал и даже помнил названия: тычок в горло в высоком прыжке – «Полет через пропасть» (действительно похоже: тело непонятным образом будто висит в воздухе), приземление и стремительный нырок вниз, к самой земле, конец шеста описывает страшный свистящий полукруг, метя по ногам противника, – «Аркан богомола»... Мгновенный разворот, удар снизу вверх, не разгибаясь, из немыслимой стойки – «Богомол бьет цикаду»... Я долго пытался повторить это движение, используя в качестве оружия черенок от лопаты. Дня через три регулярных тренировок, однако, бросил, уговаривая себя: не шаолиньский монах, в конце концов. А следовательно по особо важным делам – это прежде всего не мышцы и не растяжка, а ум, воля, реакция (или, как говорил Сергей Павлович Туровский, мой бывший шеф, умница и крутейший профессионал: улыбка-ноги-терпение. Терпение-ноги-улыбка).

Шест вздрогнул в последний раз – Дарья на секунду застыла в низкой позиции «Семь звезд», медленно выпрямилась и заметила меня. Улыбнулась, подошла, чуточку рассеянно взяла протянутое мною полотенце.

– Вы давно здесь?

– Минут десять, – отозвался я.

Кузя подошел, потерся о Дарьины ноги, требуя ласки. Она присела, запустила пальцы в богатую опушку (Кузя замер от восторга), взглянула на меня снизу вверх...

– Он у вас повзрослел, – заметила Дарья Матвеевна, почесывая моего зверя за ушами. – Вы заметили, у него глаза стали совершенно другими? Он сильно переживал?

Я пожал плечами.

– Чужая душа – потемки. Иногда кажется: спокоен до обидного, а иногда... Скулит, тычется носом из угла в угол. Одним словом, не поймешь. Вы-то как?

– Вы имеете в виду киностудию?

Она помолчала.

– У нас некоторые кадровые перестановки. Мохов официально назначен главным режиссером. Машенька Кутгель (вы должны ее помнить: полненькая, в очках, волосы в мелкий завиток) – помощник режиссера. Остальные на своих местах. Александр Михайлович объявил перерыв на два дня, а послезавтра – возобновление съемок. – Дарья сделала нерешительную паузу. – Вы ведь не против?

– Против?

– Было решено доснять картину. Глеб оставил развернутый план, дневники... Словом,

все материалы. Мохов заверил, что ничего менять не собирается.

Она меня будто уговаривала. Мне и самому меньше всего хотелось бы, чтобы Глебов сценарий, который он в великих муках вынашивал столько лет, канул в какой-нибудь пыльный архив вместе с километрами отснятой пленки (шесть здоровенных бобин – две павильонные и четыре натурные, снятые в окрестностях древнего города Житнева).

– Я с ним посоветуюсь, – вырвалось у меня.

Я привык во всех делах, даже сугубо своих собственных, советоваться с Глебом. Он удивительно тонко умел вникать в сущность любой проблемы и принимать ее исключительно близко к сердцу.

Он стоял чуть поодаль, небрежно облокотясь о шершавый теплый ствол старого дуба. Черные длинные волосы были растрепаны (уже с восьмого класса его, болвана, таскали к директору из-за этой «неуставной» шевелюры), белый пушистый пуловер – подарок с Алтая – накинут на плечи и завязан рукавами на груди. Кремовые брюки и светлые теннисные туфли без единого пятнышка – ну как ему это удастся, я не понимаю. Ведь тоже, поди, чапал сюда по колено в мокрой траве...

Дарья Матвеевна посмотрела на меня без удивления, но, как показалось, слегка осуждающе.

– Пусть снимают, – сказал Глеб. – Мохов, конечно, скотина порядочная (мы с ним все время цапались, едва до драки дело не доходило), но способный. У него получится.

– Как у тебя? – ревниво спросил я.

– Ну, это ты хватил. С какой стати? У него своя голова на плечах.

– Глеб, а не жалко? Грандиозный замысел-то твой.

– Не жалко, – и повторил мою мысль: – Вот если бы все кануло в архив – тогда действительно.

В самом деле, денег и труда в картину было вложено столько, что не хватило бы пороку бросить все на середине пути. Взять хотя бы Житнев – город-легенду, город-призрак, над которым трудились посменно три бригады художников. Возглавлял их Яков Арнольдович Вайнцман, первый ученик и сподвижник Евгения Енея – того самого, что участвовал в съемках «Дон Кихота» с Черкасовым в главной роли, – создавал далекую Сьерру Ла Манча на солнечных крымских просторах (по его признанию, тогда было проще: несмотря на свирепую партийную цензуру, слово «смета» не звучало так безнадежно и мрачно, да и Крым находился по эту сторону границы). Однажды Глеб представил нас с Вайнцманом друг другу, и старик мне понравился: в нем чувствовалась сила художника, одержимость, даже фанатизм (слово, может быть, и царапающее слух, но точное) – все, присущее настоящей старой школе. И вокруг себя он собрал таких же одержимых, как и он сам, способных втискивать в сутки по тридцать шесть рабочих часов.

«Не смейте произносить при мне слово „декорации“!» – вещал он тонким голосом, тыча пальцем в грудь оторопевшего ученика. Выглядел он при этом весьма угрожающе и немного трогательно: седые волосы вокруг лысины всклокочены, будто у папы Карло, худые ножки, обутые в огромные, не по размеру, ботинки, притоптывают от возбуждения, капля мелко дрожит на крючковатом носу – гном из сказки: иногда бывает сердитым и несносным, но в целом – милейшее и доброе существо. Я переглянулся с Глебом: что, мол, за экспонат? Он улыбнулся в ответ и поднял вверх большой палец.

– Запомните, юноша. Если кто-то, посмотрев картину, скажет: «Какие красивые декорации», знайте, что фильм провален. Все должно быть абсолютно настоящим, вы понимаете? Не выглядеть, а быть! Игра убивает актера – актер должен жить на сцене! А иначе не спасут ни Виго, ни Феллини.

Молодые втихомолку посмеивались, но внимали со всем почтением. Даже я, мало разбиравшийся в искусстве, восхищенными глазами смотрел на его творение. При всем желании я не мог принять увиденное за покрытые грунтовкой куски фанеры – это был настоящий древний город на берегу озера в верховьях Волги: мощные стены, способные выдержать долгую осаду, за ними – дома, мостовые, маковки церквей, сияющие позолотой

на фоне изумрудных холмов... Осколок ТОГО мира, перенесенный в НАШ. Или скорее наоборот – я сам вдруг оказался в страшном далеке, за восемь с лишним веков от родного дома.

Я боялся пошевелиться. Была полная уверенность: оглянусь – и не увижу ни камер, ни юпитеров, ни съемочной группы, только непроходимые чащобы, болота и тракт, испещренный следами копыт...

Кажется, я что-то ощутил. Мгновенный переход сквозь незримый барьер, разделявший два мира. Солнце здесь грело по-другому, сосны могуче тянулись вверх, и вода в озере была до того прозрачной, что угадывались очертания рельефа на дне. Город жил – я ясно слышал далекие голоса, стук топоров, ржание лошадей и чистый звук колоколов стройной, будто свечка, звонницы...

Передо мной лежал древний тракт. Я робко ступил на него, подошел к громадному камню у обочины и потрогал его ладонью. Камень был теплый от солнца. Он явно стоял здесь не одну сотню лет – наверно, еще с тех пор, когда не существовало ни дороги, ни города. Он глубоко врос в землю, покрылся лишайником, а из небольшой трещины в нем торчал шипастый шарик какого-то сорняка на высокой ножке. Никаких надписей на камне не было. Зато возле него стоял мальчик.

Неизвестно, откуда он возник. Мальчишка был самый обыкновенный – лет двенадцати, худой и загорелый, светлые волосы падали на лоб, прикрывая серые глаза. Судя по картинкам в книгах, которые мне доводилось читать, на голове ему полагалось носить обруч, но обруча не было. Рубашка из грубой белесой ткани была ему великовата (я подумал, что он, наверно, донашивает ее за старшим братом, как я когда-то в детстве за Глебом). Воротник украшала вышивка крестиком. Штаны с пузырями на коленях, опорки на ногах со следами грязи – в общем, обычный пастушок или сын мастерового (нож с рукояткой из бересты на поясе выглядел совсем не игрушкой). Я вдруг отчетливо понял, что парнишка – настоящий, тутошний, а вовсе не участник массовки.

– Здравствуйте, – глупо произнес я.

Мальчик не ответил. Он смотрел немигающе, очень внимательно и слегка настороженно: чего ждать от пришельца? Так мы стояли друг против друга, потом я усилием воли преодолел ступор, сделал шаг назад и налетел на что-то спиной.

– Куда ты исчез? – удивленно спросил Глеб. – Только что был здесь и вдруг пропал...

Я огляделся. Вокруг, на съемочной площадке, кипела жизнь – вполне современная, хотя и с легким налетом абсурда: девица в ярко-красном китайском пуховичке подклеивала ус великану-витязю в кольчуге и шлеме, чуть поодаль разворачивалась пожарная машина, пожарники и осветители, мешавшие друг другу, лениво переругивались, между ними сновал кто-то, задавал всем назойливые вопросы и убегал, не получая ответов. Где-то на заднем плане, между поставленными на прикол трейлерами (гримуборные для «звездочек», пояснил Глеб), мелькнула женщина дивной красоты... Я не успел разглядеть ее, запомнились только пышные волнистые волосы, светлые северные глаза и длинная мантия, отороченная богатым мехом (не натуральным, конечно, – хватит с меня видений). Вот она, оказывается, какая – правительница города княгиня Елань. Появилась на секунду и пропала. Видимо, зашла в трейлер.

Яков Вайнцман с извечным веселым пессимизмом наблюдал за плотниками, которые трудились над бутафорским мостом через ров. Мне вдруг стало жалко старика: сколько трудов и таланта он вложил в этот замок-призрак, сколько ночей, поди, не спал в поисках того единственного, что оживило бы бездушные декорации (прошу прощения)... С тем чтобы через пару недель, после окончания съемок, смотреть, как все это великолепие рушится и превращается в пепел.

– Мост неправильный, – незнамо зачем сказал я. – Опор должно быть шесть, а не четыре. И нет вон тех поперечных балок.

– Да? – Яков Арнольдович шумно почесал лысину. – Вообще-то наш консультант тоже утверждал... Вы историк?

– Следователь.

– В каком смысле?

– В прямом. То есть в уголовном.

– Надо же. А по вашему виду не скажешь. Я-то был уверен, что вы тоже... творите, – он изобразил рукой некую волнистую линию. – А как вам нравится та церквушка на холме?

– Великолепно, – искренне отозвался я. – Вот уже действительно как живая.

Церковь поражала чистотой линий (язык не поворачивался назвать ее декорацией). Ни одной детали не убавить, не прибавить, ни одного камня не передвинуть. Три полукруглые алтарные башенки были немного выдвинуты вперед, на каждой виднелось оконце с цветным витражом... Современные строители разместили бы все три окна по шнуру в один ряд. А неведомый зодчий князя Андрея (одного из сыновей Юрия Долгорукого) приподнял среднее оконце над крайними. Отчего ему так захотелось? Едва ли он сумел бы ответить – просто сердце подсказало.

Два купола светились в небе тусклой позолотой и походили на шлемы двух воинов, вставших спиной к спине в последнем своем бою. Я совершенно забыл, что церковь ненастоящая (ее прародительница, если верить легенде, волшебным образом исчезла перед взорами изумленных врагов, погрузившись в воды озера Житни). Множество экспедиций спустя восемь веков пытались отыскать ее останки. Аквалангисты десятка стран исследовали дно вдоль и поперек, даже нарисовали подробную карту рельефа... Безрезультатно. Постепенно сошлись на том, что город существовал лишь в преданиях (подобно граду Китежу). Да только время от времени зеленовато-прозрачная водная гладь действительно отражает несуществующее: безукоризненно стройные белые стены, украшенные лишь поясом арочек и изображением сказочных полульвов-полудив над колоннами, два купола-шлема и тоненькую, как молодая березка, невесомую колоколенку.

– Борис и Глеб...

– Что? – очнулся я от дум.

– Церковь святых великомучеников Бориса и Глеба, – пояснил Вайнцман. – По крайней мере, согласно летописи. Забавно, а?

– Мало ли что пишут в летописях, – мне почему-то сделалось тревожно. – Я не верю.

– Во что?

– Где она, церковь-то? И сам город? Археологи искали, водолазы искали, а даже самого маленького камешка не нашли.

– Однако культурный слой они обнаружили. И датируют его примерно той эпохой... Знаете, что такое культурный слой?

– Отходы? – спросил я.

– Именно. Черепки, склянки, вообще мусор... – Старик вздохнул и высморкался в длинный рукав. – Так что город здесь стоял, это бесспорно. Вопрос, куда он потом делся? Каким образом? Откуда появляется отражение в воде?

– А вы сами видели отражение?

Он покачал головой.

– Не довелось. Сие является лишь праведникам (так сказано в легенде). А я... Грешник. Даже не великий грешник, а так, по мелочи. Но кое-кто из местных утверждает, будто наблюдал такое явление. Мы с Закрайским и с вашим братом в поисках очевидцев все окрестные села обошли.

– Кто это – Закрайский?

– Вадим Федорович, наш консультант. Директор местного краеведческого музея.

Он доверительно взял меня под локоток.

– Видите ли, в чем суть. Мне не хотелось... Ну, если так можно выразиться, упрощать. Создавать некий собирательный образ: немножко отсюда, немножко оттуда. Собирательность рождает усреднение, безликость. Мне нужна была не просто абстрактная церковь – а именно ЭТА. Вы понимаете меня?

– А княгиня с юным княжичем? – вспомнил я. – Они тоже погибли?

– Вот это неизвестно. В легенде говорится, что, когда враги захватили Житнев, княгиня и княжич вместе с последними защитниками укрылись в стенах храма и стали молиться о спасении. И тогда озеро вышло из берегов... Или, наоборот, город сполз в озеро. Не знаю. Если заинтересовались, поговорите с Закрайским.

– Поговорю.

Однако меня почему-то больше интересовала не эта история, произошедшая черт знает когда (или вообще не имевшая места), а сам старик. И с Закрайским Вадимом Федоровичем, «консультантом из местных», тоже не особо хотелось встречаться, глядя в его елейно-православный лик (черные бакенбарды органично вырастают в окладистую бороду, волосы расчесаны на прямой пробор, склеротические красные прожилки на щеках и выдающемся носу, глаза опущены долу... Нет, не выходит: вдруг да мелькнет пристальный прищур).

– Долго еще вы собираетесь снимать? – спросил я.

– Вы имеете в виду натуру? Гм... По плану к концу месяца должны управиться. Если повезет с погодой.

– А что же будет с вашим творением?

– Снесут, – беспечно ответил Вайнцман. – Туда и дорога.

– Почему?

– Не знаю. Нехорошо.

– Что плохо?

– Место плохое, – несколько бессвязно пояснил он. – Вы слышали, что здесь, в окрестностях, пропадают люди? Выходят в лес – по грибы, по ягоды – и исчезают бесследно.

– Отечественный вариант Бермудского треугольника? Бредня. Мало ли как может пропасть человек. Болота, леса...

– Здешнему лесу далеко до тайги. Села через каждые полкилометра, шоссе, автобус, турбаза на Селигере... Цивилизация, одним словом. А вы сами разве не почувствовали некоторой аномалии?

– Мне кажется, вы чего-то боитесь, – напрямик сказал я.

Художник помолчал. Потом нехотя выдал:

– За себя – нет, я не боюсь. А вот наш Глебушка меня беспокоит.

– Глеб? – я усмехнулся. – Более здравомыслящего человека трудно представить (а про себя подумал: здравомыслящий – да, но и нервный... Все «творческие натуры» нервные и впечатлительны – не повлиял бы на братца этот чертов старикан со своими рассказами).

Оказалось, очень даже повлиял.

– Я иногда замечал странности в его поведении. Сядет где-нибудь в уголок, сожмет пальцами виски, замирает... Не докличешься. Будто он здесь – и одновременно бог знает как далеко.

– Бывало такое, – согласился я.

– А потом вдруг – словно толчок, искра. Будто он силился что-то вспомнить и наконец вспомнил. И начиналась беготня: Машенька, это не так, это переделать, Яков, крыша у терема должна быть двускатная, позолота на куполе слишком сияет... Когда вы мне сказали про мост, я аж вздрогнул.

– Да, странно, – признался я. – Скажите, в вашей картине есть такой персонаж – мальчик-пастушок? Лет двенадцати примерно.

Я, как мог, описал виденное (в горячечном бреду), не вдаваясь в подробности, чтобы не насторожить.

– Лохматый, лет двенадцати? Есть. Точнее, был в первоначальном варианте сценария. Потом Глеб Аркадьевич решил кое-что изменить. Причем сделал это в последний момент, возникли нешуточные трудности: сценарий-то был утвержден... Однако настоял, пастушка убрали. Кстати, мальчика должен был играть Миша Закрайский.

– Это сын...

– Внук. Конечно, вышел скандальчик... Впрочем, это дела давно минувшие.

– Когда это было, не помните?
– В январе. По календарю Крещение, самые морозы, а на дворе почти весна. Снег таял, с крыш свисали сосульки...

Глава 3

ЗАМКИ В ПЕСОЧНИЦЕ

Мы с Дарьей собирались домой. За Кузькой пришлось побегать – не то чтобы ему очень уж не хотелось домой, просто он был еще щенок и свободу воспринимал, как любой в его возрасте: вот побегаю всласть, совершу все намеченные на сегодня подвиги – и вернусь. Когда? А как получится. В конце концов я нацепил на него поводок и грозно прикрикнул: «Рядом!» Дарья на своего Шерпа даже не взглянула, только шлепнула ладонью себе по бедру. Пес моментально вскочил и пристроился к ноге хозяйки. Выучка, блин.

Так мы все вместе и шли по тропинке. Возглавлял процессию Глеб. Он шагал легко и размашисто, по-прежнему засунув руки в карманы и чуть откинув назад голову.

– Дарья, вы знали Марка Бронцева? – спросил я.

Она едва заметно поморщилась.

– Близко – нет. Неприятный был человек (прости господи!).

– Его дело поручено мне.

– Вот как?

Мы немного помолчали.

– Нас познакомил Вадим Федорович. Помню, был декабрь, мы отмечали день рождения Мохова. Собралась большая компания – практически вся съемочная группа. Пригласили Закрайского и даже, кажется, Мишеньку – он играл в картине пастушка...

– Я в курсе.

– Посреди застолья Закрайский встал и говорит: «Господа артисты, а теперь сюрприз. Представляю вам замечательную личность, мага, экстрасенса, или, как говаривали на Руси, ведуна...» Ну, и в том же духе. Короче, явил нам Марка.

– Он вам не понравился?

– Не знаю. По-моему, он из кожа вон лез, чтобы создать образ такой демонической личности. Вроде Григория Распутина в современном варианте. Конечно, не внешне: никаких красных рубаш на выпуск и сальных волос... Волосы у него, наоборот, были очень красивые: такая роскошная седая грива до плеч, тщательная укладка... Лицо коричнево-красного оттенка, васильковые глаза – словом, мог произвести впечатление. И голос соответствующий: глубокий и сильный. Таким только завораживать.

– У него, если я не ошибаюсь, был диплом психиатра?

– Возможно. Он нам демонстрировал какой-то документ с печатью Ассоциации Магов. Хотя я не уверена, что такая существует.

– Вы ему не поверили?

– Что вы имеете в виду?

– То, что внешний антураж вас не ввел в заблуждение. Кстати, по отзывам, Марк действительно был сильным экстрасенсом.

– Он был гипнотизером, – поправила Дарья. – Экстрасенс – это другое... Знаете, я несколько лет провела на Тибете, в провинции Амдо. У меня был учитель – мастер боевых искусств и Тхыйонг.

– Тхыйонг?

– В вольном переводе – «тот, кто знает». Мудрец, колдун, философ. Один из немногих оставшихся. За ним всюду как привязанный ходил белый барс. Совсем ручной, будто большая собака. Белый барс, между прочим, не поддается дрессировке и не живет в неволе. Его нет ни в одном зоопарке мира. А однажды мы нашли человека, попавшего под обвал в горах. Он был в таком состоянии, что никак не мог выжить (я кое-что смыслю в медицине). Грудная клетка, обе ноги, позвоночник – все было раздроблено. Учитель вылечил его за

месяц. Я не могла поверить...

– Действительно, – согласился я. – Поверить трудно. Ваш учитель – кем он был в жизни? Монахом?

Дарья улыбнулась.

– Он работал кондуктором в автобусе.

Мы немного помолчали.

– Теперь вы понимаете? – спросила она. – Истинное могущество не требует антуража. Поэтому Марк меня и оттолкнул. Хотя Закрайского буквально распирало: как же, лично знаком с таким «матерым человечеством»!

Мы расстались возле моего дома. Мне он в это солнечное утро показался особенно мрачным, хотя на самом деле ничего мрачного в нем не было: обычная длинная пятиэтажка шестидесятых годов постройки, которая вкупе с тремя братьями-близнецами образовывала квадратный дворик со вполне сносным газоном, веревочными качелями меж двух тополей, горкой и песочницей, где мы с Глебом сами когда-то возводили и рушили сказочные дворцы (тут напрашивается параллель с Яковом Вайнцманом и его фанерными городами... Но не хочется мыслить штампами).

Я помахал рукой Шерпу, скомандовал Кузьке «Домой!» и поднялся к себе на третий этаж, вошел в квартиру, закрыл дверь и отгородился от мира и его обитателей. Все сегодня были тихи, до тошноты вежливы и участливы (в перспективе дармовой выпивки... Впрочем, зря я обобщаю). Дома на улице казались серыми и унылыми, а сама улица – грязной, чужой и убогой, несмотря на свежую пахучую листву на деревьях... Только Глеб улыбался беззаботно и чуть снисходительно.

Потому что не было Глеба.

Я находился один в комнате (если не считать верного Кузьки, притихшего на своем коврике). Я сидел в продавленном плюшевом кресле под открытой форточкой. Из форточки доносились голоса, шум машин, позвякивание бидонов в очереди за молоком... Влетал теплый ветер, приносящий запах бензина и ржавых крыш. Самый разгар весны – буйство новоявленной жизни, красок, света (правда, грядет очередное повышение цен и тарифов, но плевать, не впервой). А я чувствовал себя так, будто остался один в крошечной подводной лодке, на страшно сказать какой глубине. Глеб улыбался с большой фотографии, окаймленной черным прямоугольником.

Сорок дней назад, 15 апреля, мой брат Глеб Анченко был убит в небольшом зале на своей киностудии, при просмотре отснятого эпизода. И, согласно христианским канонам, его неприкаянная душа сегодня окончательно ушла – ничто более не удерживало ее здесь, в этих стенах и в этом мире... Разве что кроме тяжести неразрешенных вопросов: почему? как? за что?

И главный вопрос: КТО?

Впрочем, брат мой (и друг!), тебя сии проблемы уже не волнуют. А вот меня – очень. До боли, до озноба. Поэтому я сидел сейчас в кресле, смотрел на фотографию, а мозг независимо от меня перебирал имена и фамилии тех, кто присутствовал тогда, в роковой день. Составлял список.

Дарья Матвеевна Проскурина (партийный псевдоним Богомолка), консультант по боевым сценам, дублерша одной из героинь фильма.

Вадим Федорович Закрайский, историк, консультант, директор краеведческого музея.

Яков Арнольдович Вайнцман, художник-декоратор.

Мария Леонтьевна Куггел, ассистент.

Александр Михайлович Мохов, помощник режиссера.

Глеб – главный режиссер.

Леонид Исаевич Карантай, коммерческий директор финансового общества «Корона», спонсор.

А также – актеры, актрисы, каскадеры, массовка, технический персонал... Вся «королевская рать».

Он смотрел в окно и ждал. Пейзаж за окном был достаточно унылым: март, слякотно. Тепло, но небо прочно затянуто серой пеленой без малейшего просвета. К ночи, возможно, опять подморозит.

Он видел часть улицы, не скрытую рядом стоящими домами: сверкающий красно-желтыми всполохами ресторан «Русский север», соседствующий с ним универмаг (супермаркет по-нынешнему), яркие глаза светофоров на перекрестке, поток машин и людской поток: вечер пятницы, спешка, беготня на гудящих ногах из булочной в гастроном и обратно – до ресторанов ли тут... Ресторан, впрочем, отнюдь не пустовал: хозяева жизни фланировали под руку со штатными путаночками, иномарки гнездились на «пяточке» перед входом, и швейцар в генеральских лампасах картинно высился у дверей (вполне может быть, и впрямь в недавнем прошлом генерал).

Эта женщина не вписывалась в общую картину, выписанную суетливыми мазками. Она двигалась не торопясь, с каким-то внутренним достоинством, торопливые волны обтекали ее (толкали, конечно, но не извинялись), и походка у нее была совершенно особой: шаг неширокий, легкий... Она шла будто по линейке, ставя ступни одна впереди другой и чуть покачивая бедрами.

До сегодняшнего вечера он видел ее лишь однажды, но уже точно знал (чувствовал), что сейчас произойдет. В отсветах стеклянных витрин мелькнет светло-коричневое пальто с серой опушкой, крошечная сумочка в тон, капюшон на голове и платиновая челка – светлее, чем мех и пальто. Вот она на секунду исчезла под аркой и вошла в парадное – чудом сохранившийся лепной козырек над подъездом скрыл ее фигуру. Скрипнул лифт. Громадный, со среднюю собаку, черный кот Феликс проснулся, зевнул, показав обширную пасть во всей красе, взглянул на хозяина мутными зелеными глазами, спрыгнул с кресла и потянулся, прихорашиваясь.

– Марк Леонидович, к вам пришли, – дoloжила Маргарита Павловна.

– Я открою.

Маргарита Павловна – домработница (он предпочитал называть ее по-старинному: экономкой). В какой-то степени она была его гордостью: экономка (по Далю, «экономить» – то есть «вести хозяйство») заправляла всем в доме, причем ухитрялась делать это совершенно незаметно: ее как бы и не существовало – так, легкий намек. Однако везде чистота, все на своих местах, еда приготовлена, белье свежайшее...

Он встретил гостью в дверях. Двери, кстати, тоже были его гордостью – старинные, как и дом, почерневшие от времени, но на редкость крепкие, с зеленоватой бронзовой табличкой: «М. Л. Бронцев, врач-психотерапевт».

– Вы действительно психотерапевт? Он тонко улыбнулся в усы.

– Я начинал, когда слова «целитель» и «экстрасенс» вызывали... гм... ненужный эффект. Хотя частную практику уже терпели.

Женщина расстегнула пальто. Он галантно помог снять его, повесил на вешалку и прошел вслед за посетительницей в гостиную. Там уже было все приготовлено (Марк окинул хозяйским оком – не упустил ли чего? Вроде нет): верхний свет приглушен, торшер в углу на высокой ножке создает теплый уют с легким оттенком интима... Разумеется, никакого скрытого намека: здесь присутствуют лишь врач и пациент.

Слева от входа, на пузатом черном комоде, стояла шкатулка из малахита, инкрустированная тонким серебряным литьем. Женщина остановилась на пороге, рассеянно погладила шкатулку, открыла крышку – без всякой цели, занятая своими мыслями. Тихо и прозрачно зазвучал Моцарт. Она спохватилась.

– Ой, извините.

– Ничего страшного. Нравится?

– Да, прелесть. Я люблю старинные вещи.

Примем к сведению, подумал Марк.

Он не торопил, давая женщине осмотреться и привыкнуть. Она медленно обошла комнату по периметру, несмело потрогала пианино (немецкое, начала века. Крышка теплая и

чуть шершавая, никакой дешевой полировки – настоящее красное дерево), окинула взглядом стеллаж с книгами, подошла к столу, покрытому малиновым бархатом... Все дорогое, добротное, с дореволюционным размахом, пропитанное духом декаданса («антураж», по выражению Дарьи) – кажется, на новую знакомую это произвело определенное впечатление. Не восторг, конечно (не та порода), но определенный интерес Марк прочел в ее лице.

Короче, гостя осваивалась с обстановкой (погладила кота – тот не стал возражать, выгнул спину и снисходительно промурлыкал что-то), он рассматривал гостью. Хороша. Высокая, тонкая, прекрасно сложенная, она будоражила воображение. Белые длинные волосы ниспадали вниз до середины спины, и неяркий свет бра на стене придавал им нежный оттенок кофе с молоком. Красивые кисти рук – Марк обратил на них внимание, когда она дотронулась до бронзового подсвечника, стоявшего посередине стола. Медальон на тоненькой серебряной цепочке – что-то старинное, круглой формы, с загадочным рисунком: крест, от которого по обе стороны расходятся побеги, и полумесяц внизу, у основания. Очень неплохо смотрится в глубоком вырезе кремовой блузки.

– Вы любите смотреть на огонь? – спросил он.

– Да. Откуда вы знаете?

– Знать – основа моей профессии. Присаживайтесь.

Он щелкнул зажигалкой. Три свечи тихонько затрещали, заколыхалось рыжеватое пламя. Глаза женщины вспыхнули в ответ, и он увидел в них отражение крохотных пляшущих язычков.

– Как вас зовут?

– А это обязательно? – нерешительно спросила она.

Марк не удивился. Большинство его пациентов в разной форме задавали этот вопрос.

– Вовсе нет. Однако надо же нам как-то общаться, – и закинул удочку: – Мне кажется, у вас должно быть некое редкое имя. Древнерусское, возможно – языческое. Я не прав?

Он мог бы поклясться, что женщина вздрогнула,

– Вы считаете, имя как-то связано...

– С судьбой? – закончил он. – Все взаимосвязано в этом мире. Не существует ничего обособленного или случайного.

– Не хочется так думать.

– Почему же?

– Получается, все в жизни предрешиено.

– Ну, так тоже не стоит. Это фатализм, это другая опасная крайность.

– А первая?

А она неглупа, с удовольствием отметил он.

– Первая – нигилизм, отрицание. «Мы рождены, чтоб сказку сделать...» Иначе говоря, «что хочу, то и ворочу». Тоже может завести черт знает в какую тьму. Любые наши действия, даже помыслы – это бумеранг... Всегда возвращается к хозяину.

– Господи, да почему же так?

– Голубушка, что же вы расстраиваетесь? Так устроен мир. Поступки и мысли содержат в себе сгустки энергии, а энергия – вечна, она не появляется из ничего и не исчезает в никуда. Мы подсознательно притягиваем ее из пространства – вот вам и эффект бумеранга.

– Значит, прощенья не будет? – прошептала она. – И грехи нам не отпустят?

– Какой же грех вы совершили?

Она внимательно смотрела на огоньки оплывающих свечей, приблизив к ним лицо (Марк только сейчас сумел разглядеть его – точеный подбородок, маленький аккуратный рот, высокие скулы... Можно было решить, что она скандинавка или дочь лесоруба с канадского севера). Тревога, появившись, не отступала, свечи продолжали потрескивать, будто силясь сжечь обступавший мрак.

– Я не могу вспомнить. Вернее, не могу сформулировать – так точнее.

Он ободряюще улыбнулся ей и самому себе, ощутив уверенность и вдохновение...

Великолепная женщина. Тут тебе полный набор: страсть, чувственность, тайна (правда, еще вопрос: какая именно? Может, изменила мужу, а теперь, вполне понятно, мучается: признаваться – не признаваться? А вдруг сам дознается? Нет, это скучно. Будем надеяться на лучшее).

– Сформулировать, – сказал он, – все равно что заснуть. Чем больше стараешься, тем хуже получается. Не старайтесь. Я пойму.

– С чего мне начать?

– С конца.

Она не выдержала и чуточку улыбнулась.

– А почему вы не говорите: с начала?

– Начало – это слишком абстрактное понятие, его трудно определить. Вот развязка, кульминация... Вы ведь поссорились?

– С кем? – испугалась она.

Улыбка мгновенно погасла.

– С вашим спутником. Только не переспрашивайте с каким. Все-таки я врач, а с врачом, как со священником, нужна полная откровенность. Так как?

– Он предложил мне выйти за него замуж. Я согласилась.

– Не раздумывая?

– Ни минуты.

– Вы не производите впечатления легкомысленной.

– Я и не такая. Просто я слишком долго ждала.

– Сколько же?

– Не помню. Много лет.

– Вы друзья с детства?

– Нет, что вы. Я издавна.

У него было стойкое впечатление, что женщина (имени он так и не узнал) с трудом пробирается сквозь дебри собственной памяти. Забыла... Или, что вероятнее, приказала себе забыть, а теперь...

– Расскажите о вашей первой встрече.

Подбородок ее вдруг задрожал, и Марк подумал, что она сейчас расплачется.

– Если бы я могла...

– Что вас удерживает?

– Не понимаю, – призналась она. – Когда я пытаюсь вспомнить, то вижу картины. Будто смотрю какой-то фильм, но не подряд, а кусками. Его лицо... Вернее, лицо совершенно другое, но я точно знаю, что это – Олег..

– Его зовут Олег?

Она посмотрела непонимающе.

– Разве я сказала...

– Как же его имя?

Пауза.

– Ну хорошо. Вы видите лицо вашего возлюбленного. Он не похож на себя нынешнего, но это он. И он вас пугает.

– Нет, что вы. Олег всегда был по-настоящему добр ко мне.

– Он вас любит?

– Да, – ответила женщина не раздумывая.

– А вы его?

Снова возникла пауза. Неожиданно Марк ощутил жар – захотелось расстегнуть шелковую рубашку (он всегда встречал в ней пациентов, создавал определенный образ), встать, распахнуть окно, подставив пылающее лицо сырому мартовскому ветру... Но остался сидеть. «Это она на меня подействовала, – подумал он, глядя ей в глаза сквозь пламя свечей. – Ведьма. Да нет, – тут же поправил себя. – Никакая не ведьма, ничего зловещего. Наоборот, очень мягкий образ, светлый, северный... Княжна Ярославна на крепостной

стене».

– Мне кажется, – проговорил он, – что начало вашей истории скрыто в далеком прошлом. Вы решили забыть момент вашей первой встречи.

– Но...

– Подсознательно, голубушка. Видимо, с этим связано нечто неприятное. Возможно – опасное. Что еще вы видели на вашей «картине», кроме лица? Во что был одет ваш возлюбленный? Как он подошел к вам, о чем заговорил?

Она взмахнула пушистыми ресницами.

– Он пришел к нам домой, его пригласил дедушка, как лучшего ученика на курсе. Я не помню, о чем мы разговаривали. Помню только свое ощущение...

– Какое?

Она немного подумала.

– Электрического разряда. Словно случилось то, что давно должно было случиться. Мы искали друг друга – повсюду, в разных мирах... И наконец нашли. Потом мы расстались – он уехал домой, на родину, я с дедом еще некоторое время жила в Москве. Два года назад переехали сюда, подальше от суеты. Здесь встретились снова. Он просто подошел на улице...

– Что было дальше?

– Мы гуляли по городу. Катались в парке на колесе обозрения, обедали в каком-то кафе на самой окраине (уж и не помню, как нас туда занесло). Очень красивое кафе – бревенчатая избушка под высокой двускатной крышей, наверху башенка вроде сторожевой. Всюду резьба, на столах – вышитые скатерти. Довольно удачная стилизация под русскую старину.

– Что вы ели?

– Мясо в горшочках. Никогда не пробовала ничего вкуснее. Потом он возил меня в Осташков – знаете, такой городок-теремок в верховьях Волги. Там между озерами по реке ходит пароходик с двумя громадными гребными колесами. Даже не представляла, что такие могли где-то сохраниться.

Взгляд зеленых глаз стал мягче, затуманился... Она видела перед собой оранжевые предзакатные небеса (сердце заходило от немого восторга) и на их фоне – черный зубчатый силуэт леса, черепичных крыш и широкой маковки деревянной церквушки... А еще он читал ей стихи, в основном Бунина – из тех, что были написаны в эмиграции. Они стояли на верхней палубе (всего их было две – верхняя и нижняя, но на нижней гуляла компания новоруссов, отмечали то ли слияние фирм, то ли удачное покушение на конкурента, земля ему пухом).

Сзади подошел капитан, козырнул с великолепной щеголеватостью старого морского (речного) волка, спросил, всем ли довольны господа пассажиры, не нужно ли чего. Благодарим, кэп, ответили они. Все великолепно. Хотим устроить завтра экскурсию по Троицкому плесу.

– Что ж, места здесь чудесные, скучать не придется. Если не возражаете, прошу нынче отужинать со мной в капитанской каюте.

– Почтем за честь, кэп.

Ужин превзошел все ожидания – легкое вино искрилось в высоких бокалах, на сверкающих тарелочках лежали крабовые палочки, нарезанные тонкими ломтиками сыр и ветчина, а потом их угостили макаронами по-флотски, но не простыми, а «фирменными» («Рецепт мне дал под большим секретом один капитан – он когда-то пиратствовал в здешних водах»). Мужчины были галантны и остроумны, кэп по такому случаю облачился в белоснежный китель с золотым шевроном («Так вы, оказывается, капитан первого ранга?!» – «На пенсии, мой друг. Но было время, командовал подразделением торпедных катеров. Морские охотники – может, приходилось слышать?»).

– Вам, должно быть, скучновато на этой посудине?

– Представьте, нет. Здесь покой, красота. Душа по-настоящему отдыхает.

Потом появилась гитара, зазвучали песни – сначала веселые, про пиратов и

моря-окияны («Мы с тобой давно уже не те...» в исполнении капитана. Олег очень умело подпевал, получился классный дуэт), затем плавные, лиричные, исполненные прелести и потаенной печали. Она чувствовала себя в центре внимания, и это ей льстило. Немного кружилась голова от вина, сердце билось слегка учащенно в ожидании чего-то... Чего-то особенного – сказки, приключения (внутренний голос бормотал нечто нечленораздельно-предостерегающее... «Да ну. В конце концов, взрослая женщина, сама разберусь»). Да и разбираться не хотелось – хотелось зажмуриться, раскинуть руки и плыть по течению. Они снова оказались на палубе, на этот раз под звездами и вдвоем (капитан в своей каюте продолжал лениво перебирать струны). Здесь Олег впервые поцеловал ее – робко, застенчиво, будто школьник. И это ей тоже понравилось.

В каюте он медленно, с невероятной нежностью раздел ее. Она стояла в темноте, вытянувшись в струнку и не смея дышать от наслаждения. Сначала она хотела помочь ему, но он остановил:

– Не надо. Не шевелись.

И она плыла среди глубин космоса, через тонкие пересечения миров, ощущая прикосновения ласковых рук и губ... Потом он осторожно опустил ее на кровать, с улыбкой любуясь ее волосами, разметававшимися по подушке. Он не спешил. Он был очень терпелив, нежен и настойчив – он довел ее до самого края... Она застонала от наслаждения, почувствовав его внутри себя, на секунду прикрыла глаза и протянула руку, чтобы погладить Олега по обнаженной груди...

– Продолжайте, – сказал Марк.

Женщина молчала.

– Что было потом?

– Свет, – через силу ответила она. – Очень яркий, ослепляющий. Как солнце...

– Это было утром? Когда вы проснулись?

– Я не спала.

«Я не спала, думала она. – Наверное, я потеряла сознание, когда огромный черный вепрь вырвался из чащи и всей массой ударил лошадь в левый бок. Это была очень красивая лошадь – белая как снег, с лебединой изогнутой шеей и тонкими нервными ногами. Она звалась Луной».

Глава 4

ДЕБРИ НЕОСОЗНАННОГО

Это наверняка был не сон.

В снах всегда и все происходит так, как никогда не случится в реальности. Это душа, покинув уставшее за день тело, пускается в странствия по загадочным уголкам разных миров. Попадет в злой мир – и видятся страшные чудовища, засевшие в лесных чащобах, водяные, покрытые зелеными водорослями, они хохочут и цепляют за ноги, норовя утянуть в трясину. Пещерные карлики-варары подкрадываются в темноте, сжимая длинные боевые ножи...

Испугаешься, перевернешься на другой бок под теплым меховым одеялом – и душа заглянет в добрую страну, где благоухают цветы и травы, а ты, босая, с непокрытой головой, стоишь на дороге, с тревожно-радостным чувством ожидая ТОГО, КОГО ЖДЕШЬ ВСЕГДА. И Он всегда возвращается (сказка – так уж сказка!). Вот он останавливает своего могучего коня, вынимает ногу из стремени и сходит на землю...

Она много раз видела это. Ей даже казалось, что она ощущает запахи, что исходят от него, – запахи чужих ветров и нагретой на солнце брони из толстой кожи и медных пластин. Он осторожно брал ее маленькие ладони в свои, широкие и огрубевшие от тяжелой мужской работы, прижимал ее, трепещущую от счастья, к груди... «Заждалась, родная?»

– Заждалась.

Она бы и рада сказать больше, да горло сжимает спазм.

Но был и другой мир, который она теперь принимала за странное видение. Там была неширокая река, огоньки на берегу и кораблик, флегматично плюхавший по воде гребными колесами. В первую секунду она испугалась, но потом вспомнила про Олега: он стоял рядом, облокотившись о поручень, красивый, стройный, в легкой светлой водолазке и черных джинсах.

– Что с тобой? – ласково спросил он.

– А?

– У тебя глаза тревожные.

– Нет, – улыбнулась она. – Мне хорошо.

Но ей и в самом деле было тревожно. И захотелось домой.

– Вы испугались?

– Почему вы решили...

– Но вы ведь захотели вернуться.

– Бессознательно.

– Голубушка, да мы и имеем дело с бессознательным! Вытаскиваем, так сказать, на свет божий. Я понял вас так. Олег (пусть будет Олег – для условности) сделал вам предложение. Вы готовы были согласиться, но тут произошло нечто, о чем вы не можете вспомнить и что вас остановило. Вы хотите разобраться. Иначе говоря, я должен попытаться восстановить вашу память. Гм... Скажите, вас никогда не подвергали гипнозу?

– Нет.

– Так давайте попробуем. Например, дня через два... Вас устроит?

– И что я буду делать? Представлять себя маленькой девочкой?

– У вас пещерное представление о гипнозе.

– Вообще нет никакого представления. Была когда-то на концерте с подругой. Ее вызвали на сцену и заставили играть в песочнице. Ужасно унижительно.

– Не беспокойтесь. Я как-никак целитель, а не эстрадный артист.

И вот сегодня женщина пришла во второй раз. Недавняя сцена повторилась: Марк открыл дверь, впустил, принял пальто – меховой воротничок искрился капельками воды. Волосы ее на этот раз были собраны в длинный хвост и перехвачены бархатной ленточкой, и платье было другое – нарядное и строгое, опускавшееся почти до лодыжек. Марк, облаченный в костюм из черной замши и серые итальянские туфли, мельком взглянул в зеркало, поправил воротник белоснежной рубашки (галстуков никогда не носил: петля с направленным вниз концом, «плохая энергетика»), полюбовался на два отражения... «А мы были бы красивой парой, друг другу под стать. В обоих сквозит порода – весьма редкое нынче явление».

Все было подготовлено. Он провел ее в гостиную, зажег свечи, подвинул кресло, освободив проход между столом и кадучкой с пальмой, стоявшей возле окна. Увидев, что пациентка села на стул, как в прошлый раз, покачал головой:

– Нет, голубушка, прошу сюда, в кресло. Нам сегодня предстоит работа.

Она подчинилась. Низкое сиденье обволокло, она положила руки на подлокотники, откинулась на спинку и расслабилась под взором Марка...

– Отлично, отлично. Вам удобно?

Кот Феликс подошел и потерся о ноги, требуя ласки. Она слегка улыбнулась и смежила веки.

– Просится на улицу, – сказал Бронцев. – Сейчас выпущу. Обратно он возвращается сам – научился открывать дверь на кухне.

Щелкнул замок, Марк вернулся и сел напротив.

– Постарайтесь не напрягаться и ни о чем не думать. Слушайте мой голос. Сейчас я начну считать...

Тьма сгустилась, гостиная потеряла четкие очертания, линии и углы поблекли, где-то на границе гипнотического сна и яви она увидела промелькнувшую фигуру подростка, почти мальчика со светлыми волосами, похожими на солому, в домотканой рубахе, услышала

топоток в районе прихожей, трюмо еле заметно качнулось и отразило нечто – вроде бы женская рука... Пациентка вздрогнула, но властный голос успокоил:

– Все хорошо, голубушка. Слушайте меня. Сейчас вы в Осташкове. Лето... Вы идете по улице, рядом ваш друг – человек, которому вы доверяете. С ним вам хорошо и спокойно. Вы держите его за руку, ощущаете тепло его ладони...

– Да, – шепотом отозвалась она.

– Опишите, что вы видите перед собой.

Губы ее увлажнились и изогнулись в улыбке, выражение лица стало мягче, и она произнесла что-то невнятное, нежное и грустное. Будто читала стихотворение. Или молитву...

...День они провели в Осташкове. Сперва прибились к какой-то автобусной экскурсии, но вскоре надоело: старенький «Львов» на подъемах ревел, как больной бегемот, остальное время натужно сипел, точно астматик. Жалко было автобус. И голос у экскурсоводши казался каким-то безликим, рождавшим воспоминания о школьных годах и учительнице литературы. Впрочем, даже этому монстру в очках цвета расплавленного металла интереса к «изящной словесности» отбить не удалось – слава богу, мама тоже была литератором, каких поискать. Стихи не говорила, а будто пела – очень своеобразно, полушепотом, завораживающе:

Я давно ищу в судьбе покоя,
И, хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про свою веселую страну...

Прокатались по Ленинскому проспекту от пристани до вокзала, пересели на «маршрутку» до Троицкого плеса, и – словно окунулись в самую середину прошлого века. Места тут были тихие, прямо-таки патриархальные – ни гомона, ни автомобильных гудков, лишь мостовая из брусчатки, и по обе стороны – одно- и двухэтажные дома: первый этаж кирпичный, второй – деревянный, облицованный потемневшими от времени досками и украшенный затейливой резьбой вдоль причелин. Проехала бы мимо пролетка, запряженная рысак в серых яблоках, с облаченным в армячок лихим бородатым кучером – они бы не удивились.

Скоро деревянная улица закончилась. Дорога превратилась в грунтовую – не дорога, а просто широкая тропинка, уходящая в гору. Склон горы был усыпан ярко-желтыми пушистыми одуванчиками. Припекало солнце, но в меру, не до дурманящей духоты. Они взобрались на холм и вдруг увидели развалины древней крепости. Собственно, не вдруг – они заметили зубчатые очертания из белого камня издавна, и какой-то прохожий из местных объяснил, что крепость-то есть (и холм называется Крепостным), но кто ее воздвиг и когда – неизвестно. Некоторое время назад приезжали ученые мужи, обнесли «объект» колючей проволокой, долго копали, потом спорили над какими-то важными находками, но, не придя к консенсусу, вскоре снялись, будто стая грачей по осени, и убыли восвояси. Кажется, ответов на свои вопросы они так и не получили.

Вблизи камень оказался не белым, а серовато-желтым, в прожилках и рыжих подпалинах какого-то лишайника. Стены были здорово разрушены, уцелели только две башни – совсем такие, какими их рисуют в детских книжках. Но все равно архитектура была непонятная, словно укрепления строили сразу несколько зодчих из разных концов света – сперва спорили, доказывая, что именно его проект – самый удачный, потом решили объединить их, чтобы угодить всем сразу. Еще на холме был высокий собор с заколоченным крест-накрест входом в виде римского портика, разрушенная часовенка со следами давнего пожара и низкий каменный дом. Тоже пустой.

Олег подошел к церкви, подергал доски, закрывавшие дверь. Доски поддались неожиданно легко, хотя на первый взгляд казались прибитыми намертво. Дверь отворилась

без скрипа, сама собой, словно приглашая внутрь.

– Не ходи, – вырвалось у нее.

Он посмотрел удивленно и чуть насмешливо.

– Почему?

– Я боюсь.

– Здесь никого нет.

Она оглянулась кругом и поняла, что именно ее испугало. Тут действительно никого не было. Даже воробьи не чирикали. Далеко внизу в утренней дымке лежал город, вытянувшись вдоль центрального проспекта. Дома уютно утопали в зелени. Слева, недалеко от берега серебристого озера, торчали трубы кожевенного завода (впрочем, на данный исторический момент бездействующего и ожидающего превращения в совместное австрийско-российское акционерное общество) и два башенных крана. Картина насквозь знакомая – и все равно она чувствовала, что от этого мира их отделяет невидимый барьер. Все застыло, из раскрытой двери повеяло затхлой сыростью и холодом.

Олег уже скрылся внутри. Чертыхнулся, споткнувшись о какую-то ржавую железяку, и помахал рукой спутнице: пойдём, мол, не бойся. Она, поколебавшись, вошла следом.

Внутри, конечно, было пусто. Другого и ожидать было трудно – вся история матушки-Руси, страны с непредсказуемым прошлым, вихрем пронеслась над этими стенами, терзая, калеча, нанося глубокие раны... По неединодушному мнению специалистов («липовых» – ехидное дополнение Олега) – середина двенадцатого столетия. А значит, храм должен помнить еще нашествие Батыя и Тохтамыша (последний, впрочем, сюда мог и не дойти, повернув оглобли от стен Москвы), и церковный раскол, и превращение в картофельный склад (это уже в наш просвещенный век), и даже возможные потуги к реставрации, окончившиеся пшиком (денег нет). Не было видно фресок, да и вообще не было никаких украшений, лишь неусыпные стражи – каменные крылатые львы – притаились в пятах арок. Из двух узких окон падали косые солнечные лучи.

В их перекрестье, перед возвышением, на котором предполагался алтарь, спокойно стоял мальчик...

Марк вздрогнул против воли, замороженный рассказом пациентки.

– Мальчик? Откуда он взялся?

– Ниоткуда. Он был очень странно одет. Будто сошел с картины...

– Какой именно?

Женщина сделала усилие, сосредоточившись.

– Нестеров. «Явление отроку Варфоломею». Знаете, пастушок в домотканой рубаше. У меня дома на стене висит репродукция.

– Возможно, просто деревенский мальчишка.

– Нет, нет!

Она сделала паузу, потом проговорила:

– Он назвал меня госпожой.

– ...Они прорвались в западные ворота, госпожа!

Голос пастушка звенел, как натянутая струна. Женщина вдруг очень отчетливо поняла: это все, это конец. Помощь вовремя не успеет. Да и ждать ли ее вообще... Князь Михаил, брат покойного ее мужа Василия Константиновича, давненько поглядывал в сторону кипчакских степей, посылал хану дорогие подарки, сватался к младшей дочери доверенного лица Батыя хана Мелика (позже, в конце 1238 года, тайно бежал в Венгрию, где и умер с арбалетной стрелой под лопаткой). Ждать ли подмоги?

Она бы погибла в мгновение ока, но сработал могучий инстинкт жизни, будто труба пропела над ухом. Еще ничего не осознав, она толкнула отрока к стене и сама присела, обхватив голову руками. Длинная зазубренная стрела свистнула, едва не задев волосы, и ударилась о камень, оставив маленькую лунку.

Здоровенный монгол вырос на пороге, будто выйдя из ночного кошмара, – злобные

раскосые глаза над широкими скулами, обвислые усы вокруг рта и спутанные волосы, выбивающиеся из-под шлема. Издав победный визг, он широко взмахнул кривой саблей (княгиня лишь вздохнула и зажмурилась. Даже имя Господне произнести времени не оставалось). Но удара не последовало. Нукер вдруг покачнулся, ярость во взоре исчезла, сменившись удивлением и болью. Чужой меч, вонзившись в спину, прошел сквозь тело насквозь, и кончик его вылез из груди, из разреза в кожаном панцире. Монгол постоял секунду (княгине почудилось, что он не умер и сейчас – кошмар продолжался – пойдет крушить, не чувствуя застрявшего в теле клинка), но глаза затуманились, и он упал с деревянным стуком, не согнув коленей.

Олег уже дрался с остальными двумя, развернув третьего спиной к себе и используя в качестве щита. Странно, она ожидала увидеть на нем остроконечный шлем, сафьяновые сапоги и знакомую, двойной вязки кольчугу. Но одет он был непонятно: в облегающую рубаху из чего-то вроде очень тонкой шерсти и черные плотные штаны с узким кожаным ремнем... Нездешняя мода. И меч он держал в голой руке, не защищенной боевой перчаткой. Это было плохо. Хоть какой-то доспех бы сейчас... Однако защищался он здорово, раньше ей такого видеть не приходилось. Даже когда она с затаенным восторгом (давно забытым – с безвременной кончиной мужа) подглядывала в оконце терема, как он ради воинской тренировки рубится на тупых мечах с кем-нибудь из молодых кметей, а то и двумя или тремя враз, если чуял, что княгинюшка наблюдает. Да, в другое время она бы непременно восхитилась...

– Уходи! – крикнул он, продолжая со страшной быстротой вращать меч. Дыхание прерывалось. – Дверь... За алтарем!

За алтарем и в самом деле была дверь – низкая, полукруглая сверху, скрепленная толстыми медными брусками.

(Когда-то, давным-давно, она думала, что за черными от времени дубовыми досками начинается подземный ход, вырытый многими поколениями монахов под дном реки. Но там была всего-навсего комната. Небольшая, всего три шага в любую сторону. Стены комнаты были очень гладкими, покрытыми странным пористым материалом и письменами на древнем, исчезнувшем ныне языке. По углам торчали светильники, которые волшебным образом могли зажигаться сами собой, едва человек (тот, кому это положено) входил сюда и вставал в центр – туда, где был начерчен ровный круг с рисунком посередине. Рисунок представлял собой маленькую угловатую спираль, перечеркнутую решительной белой стрелой...

И рисунок, и сама комната были очень старыми. Старше собора, старше всего города и даже лесистых холмов, на которых он стоял. Старше безжизненных ледяных круч, безмолвно высившихся здесь когда-то, еще до начала времен, когда в этих местах (да и повсюду на Земле) и в помине не было человека.

Она смутно помнила, как страшно испугалась, попав сюда впервые, всего-то десяти лет от роду. Так испугалась, что собралась было зареветь, но тихий ласковый голос, похожий на голос ее старой нянюшки, успокоил: бояться нечего. И плакать тоже нельзя, потому что ты – избранная, одна из очень немногих, кто способен на прямой переход сквозь ГРАНИ. Шар выбрал именно тебя, а Шар никогда не ошибается.

Последние из оставшихся в живых уходили через дверь возле алтаря. Они были простыми людьми, родившимися в середине двенадцатого века, и им было страшно – она читала это по их лицам, освещенным голубоватым сиянием из комнаты и кроваво-красными всполохами снаружи, от охваченных пожаром деревянных домов. Однако оставаться было страшнее. Город был обречен.

– Уходи! – снова крикнул Олег (клинок его все еще свистел, сея смерть среди врагов, но дыхание становилось все тяжелее и тяжелее, и стрела с черным оперением глубоко засела в левом плече... А в распахнутые ворота все лезли обезумевшие от крови нукеры хана Мелика). – Уходи же!!!

– Да, милый, – прошептала она.

А сама бочком-бочком, вдоль стены, добралась до мертвого монгола – того, что первым замахнулся на нее и первым пал. Стараясь не смотреть в мертвые зрачки, она с трудом разжала холодные пальцы и вынула из них длинный кривой меч.

И встала, прикрыв спину Того, Кого ждала всегда. Она уйдет только вместе с ним. Или – не уйдет вообще.

– Итак, он назвал вас госпожой. Вам это показалось странным. Что же произошло дальше?

Неожиданно Марк обнаружил, что вспотел. Насколько пациентка была расслаблена (внешне, внутри же, где-то на большой глубине, происходила страшная борьба), настолько он сам превратился в некий соляной столб – лицевые мышцы будто задеревенели, лоб покрылся испариной...

– Что произошло? – почти крикнул он.

Лицо женщины вдруг побледнело – да что там, сделалось белым как мел, ее затрясло, свечи на столе задрожали, будто под окнами прошел трамвай, который в городе вообще не ходил, и разом погасли... Черные тени заметались по комнате. Марк вскочил, трясущейся рукой вытащил из кармана зажигалку, бестолково защелкал, поминая недобрым словом японские технологии (по гонконгским ценам).

– Слушайте меня. Вы просыпаетесь. Вы здесь, у меня в кабинете. Вам ничто не угрожает. ВАМ НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ, ЧЕРТ ПОДЕРИ!!!

Контакт терялся – пациентка ушла куда-то в свое измерение и возвращаться не собиралась. Или ее не пускали. Она судорожно провела рукой по шее, словно ей вдруг не стало хватать воздуха. Серебряная цепочка тончайшей работы разорвалась, но ни она, ни Марк этого не заметили: он все старался сжать ее голову в ладонях, чтобы унять крупную дрожь.

– Слушайте. Я буду считать до десяти. На счет «десять» вы проснетесь... Ну же!

В створке трюмо он уловил движение – прошелестел некто в сером и длинном, будто монах в древней хламиде.

– Что с ней? – спросил Марк, не оборачиваясь.

Фигура приблизилась.

– Сколько она уже в таком состоянии?

– Ну, минут пять от силы.

– Нужно было сразу выводить ее из транса.

– Да я пытался, мать ее!

– Естественно. Отойди-ка и притихни.

В полумраке мелькнула рука, прохладная ладонь ласково опустилась на лоб, пригладила разметавшиеся платиновые волосы. Марк послушно отошел, кляня себя (про себя) на чем свет стоит и глядя на футуристическую композицию: перед широким окном, у креста – две фигуры, одна бьющаяся в припадке (кто бы подумал? С виду – вполне нормальная баба), другая – коленопреклоненная, будто перед святой иконой, спиной к нему... И свечи опять горят, но не вызывают ассоциации ни с какими таинствами, лишь выплывают из небытия тошнотворные детские воспоминания (коммунальный коридор, дырявый таз на стене, черный громоздкий аппарат на общей тумбочке, приглушенные скандальные голоса: «...висит на телефоне с утра до вечера!» – «Имею право!» – «Нет, вы послушайте! А деньги, десять копеек на пробки, почему до сих пор...» – «В гробу я видал ваши пробки» – это когда общественный свет перегорел, а электрик из жэка заломил ту еще цену в жидкой валюте). Идеальный момент, подумал он, глядя на чужой затылок. Вот и тяжелый подсвечник, оружие пролетариата, – стоит только взмахнуть...

– Все.

Серая хламида прошелестела в обратном направлении и скрылась. Женщина в кресле медленно приходила в себя. Веки затрепетали, прозрачные глаза в легкой поволоке, будто в утренней дымке, приоткрылись и посмотрели вокруг с удивлением и, как показалось, с

некоторой обидой. Марк подошел к встроенному в стену бару, отодвинув по пути пальмовую ветвь, извлек из зеркальных недр бутылку «Каберне» и водрузил на стол рядом с подсвечником («Нужно было сразу вывести ее из транса». – «Я пытался!» Но – ясное дело – оказался неспособным. А на что ты вообще способен? Вот на что – создавать необходимый антураж). Ободряюще улыбнулся, плеснул вина в высокий бокал, протянул пациентке. Своеобразная пародия то ли на исповедь, то ли на допрос.

– Как самочувствие? – спросил он. Она пригубила вино.

Голова приятно закружилась, и опять потянуло в сон.

– А вы без пиджака.

– Жарко. Такие сеансы требуют колоссального количества энергии. Что вы запомнили?

– Ничего, – призналась она. – Надеюсь, я ничего такого не вытворяла?

– Вы держались исключительно в рамках.

С минуту они помолчали. Потом женщина осторожно спросила:

– Вам удалось что-то выяснить?

– И да и нет, – он помедлил. – Знаете, я заметил в вас одну особенность. Вы любите до всего дотрагиваться. Чувствовать материю кончиками пальцев. К примеру, вы, войдя сюда первый раз, погладили крышку пианино.

– Действительно... Она такая приятная.

– Натуральное красное дерево, – сказал Марк с гордостью. – Впрочем, это неважно. Важно, что я, по-моему, открыл в вас главное: вы – человек ощущений. Для вас они предпочтительнее, чем даже зрение или слух. И мы постараемся это использовать.

– Для чего?

– Как? Чтобы восстановить вашу память. Думаю, я нащупал то, что мешает вам жить.

Первый шаг сделан, остается только поднажать.

Она зябко повела плечами.

– Страшно.

– Удалять больной зуб тоже страшно.

– Значит, вы снова будете меня гипнотизировать?

Он задумчиво посмотрел на женщину.

– Меня очень заинтересовал ваш случай. С одной. стороны, он вполне типичен, а с другой... Несколько лет назад я, пожалуй, сделал бы на вас кандидатскую, тогда я еще подвизался в бюджетной медицине. Ответьте на один вопрос. Вы пришли ко мне, потому что обнаружили, что ваши чувства к Олегу больше похожи... ну, скажем, на родственные?

Она вспыхнула.

– Но ведь мы...

– Вы спали с ним, – прямо сказал Марк. – Там, в каюте теплохода. После этого вы вдруг поняли...

– Нет, неправда! То есть не совсем правда. Тут другое.

– Да? – заинтересованно спросил он. – Попробуйте сформулировать ваши ощущения. С чем у вас ассоциируются воспоминания о той поездке?

На этот раз женщина думала довольно долго. И наконец ответила:

– С тревогой.

И шепотом добавила:

– С предательством. Возможно – с убийством.

Он проводил ее до дверей. Женщина выглядела немного осунувшейся и утомленной, однако это ее не портило, а лишь придавало образу некую утонченность (просится на язык слово «таинственность»), почти нереальность...

– Когда мне прийти?

– Через три дня. Вам нужно восстановиться.

– Я вполне в силах...

– Это вам кажется. А стоит приехать домой – и вы сразу поймете, как устали. Не боритесь с собой, ложитесь и отдыхайте. И хорошо бы отключить телефон.

Он галантно поцеловал ей руку на прощание. Женщина исчезла, оставив в прихожей тонкий аромат духов и капельки воды на полу (упали с мехового воротника).

– Получилось? – слышался требовательный голос.

Он поморщился: снова в коридоре возникла фигура, закутанная в серый монашеский халат.

– Нет, не получилось. Наверное, сгорели пробки на лестнице. Я в этом ни черта не смыслю.

– Но ты сам что-нибудь видел?

– Почти ничего. Какая-то бессмыслица.

– Ты прекрасно знаешь, что бессмыслиц не бывает. Опиши то, что ты запомнил.

Марк прошел в гостиную, сел в кресло, еще хранившее тепло недавней посетительницы, и упрямо поджал губы.

– Черное небо, – проговорил он нехотя. – Звезды повсюду – и сверху, и под ногами, будто идешь по, бесконечному стеклянному полю. Но звезды явно не наши – ни одного знакомого созвездия.

– Что еще?

Марк напрягся.

– Большой прозрачный шар.

Голос собеседника чуть вздрогнул.

– Шар? Расскажи подробнее. Это очень важно.

«Не буду, – разозлился про себя Марк. Это уж слишком походило на допрос. Или, что еще унижительнее, на экзамен. – Не сейчас».

– Не сейчас, – лениво отозвался он. – Мне надо сосредоточиться, а голова совершенно не варит, – и потянулся за бутылкой, оставленной на столе.

– Тебе нельзя в таком состоянии.

Он только отмахнулся.

Алкоголь мгновенно разлился по телу обволакивающим теплом, голова отяжелела и свесилась на грудь. Он не опьянел (не та доза), но опьянение сыграло убедительно, зная, что собеседник этого совершенно не выносит, моралист хренов. Хламида осуждающе вздохнула.

– Ладно, я уйду.

Больше всего ему сейчас хотелось остаться одному. Он положил руки на подлокотники, откинул голову на спинку кресла, бессознательно повторяя позу своей пациентки. Плеснул в бокал вина – щедро, от души, выпил залпом, как лекарство... «Хочу напиться, – сказал он себе. – Хочу напиться, напиться как свинья и уснуть мордой в салате (нет салата, вот жалость)». Но только взбудоражил себя, желанного забвения так и не наступило – присутствие здесь той женщины (белые длинные волосы, перехваченные черной ленточкой, аромат духов «Злато скифов» и медальон с загадочным древним рисунком) казалось настолько осязаемым, что Марк ощутил дрожь в теле. Почудилось даже, что дверь за спиной скрипнула.

– Феликс, – лениво проговорил он. – Набегался? Иди жрать, миска на кухне.

Воображение меж тем разыгралось не на шутку – полутемная гостиная растворилась в небытие, стоило лишь на секунду смежить веки. Когда он вновь открыл глаза, то под ногами, с боков, над головой – всюду его окружало небо в миллиардах незнакомых созвездий (он попытался было отыскать хотя бы одну из Медведиц или Полярную звезду. Тщетно). Прозрачное поле лежало перед ним – в какую сторону ни посмотри. Это навевало самую настоящую жуть. Ему отчаянно хотелось вырваться отсюда, вернуться в реальность... Но он продолжал висеть, распятый меж граней Кристалла, бестолково перебирая ногами, – сначала шагом, потом переключаясь на бег, затем, когда сердце начинало бешено колотиться где-то возле горла, – снова на шаг.

Он лихорадочно оглядывался вокруг, надеясь отыскать хоть какой-то ориентир. Предмет, за который мог бы зацепиться взор. Стоило его отыскать – и видение бы пропало, нашлась бы дорога обратно, в привычный мир... Почему-то Марк в просветах затягивавшей,

словно трясина, паники уверял себя, что натолкнется на древний камень, обросший бурым мхом, с надписью на старославянском и со стрелками-указателями: пойдешь направо – коня потеряешь (нестрашно: где он, конь-то?), налево – сам откинешься (ничего, еще поглядим), прямо...

Но камня не было.

Вместо него посреди звездного пространства висел Шар. Метра полтора в диаметре, загадочно пульсирующий и переливающийся холодными огнями, напоминающими северное сияние. Марк почувствовал, что у него ослабли коленки. Он медленно подошел и осторожно дотронулся до гладкой поверхности. До него доносилась невнятная многоголосая речь – словно кто-то флегматично крутил ручку настройки приемника. Далеко, на пределе слышимости, требовательно произнесли:

– Дядюшка Еремей, прикажи, чтобы мне выковали меч!

– Мал ты еще, княжич, – ответил неведомый мужчина. – Порежешься ненароком.

– Батюшка хотел, чтобы я вырос воином. Какой же из меня воин без оружия?

Голосок был детский – неокрепший, но звонкий. Марк испуганно отпрянул. За шиворот посыпалось что-то холодное и колючее. Пушистая еловая лапа, освободившись от снежной шапочки, радостно выпрямилась, словно красуясь перед сестрами-соседками. Морозный воздух вздрогнул от тяжелого конского топота. Марк не видел всадника – не было времени оглядываться. Всадник нес смерть, этого знания было достаточно. И он лихорадочно пытался уползти подальше, утопая в вязком снегу и упрямо двигаясь вперед (или назад? Или вовсе по кругу?), уже точно зная, что обречен. Его нагоняли крупной размашистой рысью. Когда до беглеца осталось десятка два шагов, всадник, не глядя, вытащил из темно-красного колчана стрелу, вложил ее в тугой лук из рога тура и широким движением, до правого плеча, натянул тетиву...

Глава 5 ПРЕДДВЕРИЕ СОБЫТИЙ

Вепрь вылетел из чащи, будто злой дух, – черный, покрытый густой длинной шерстью, с налитыми кровью глазками на громадной башке. Кто-то, животное или человек, потревожил его нору, и теперь разъяренный зверь мчался вперед, не разбирая дороги, в поисках врага, обуреваемый единственным страстным желанием: сбить с ног, растоптать копытами, разорвать на части железными клыками, насытиться запахом свежей крови и идти дальше – утолять жажду убийства.

Девочки-служанки завизжали и бросились врассыпную, а одна, самая нерасторопная, осталась лежать на снегу. Лохматый гнедой коняга испуганно дернулся, порвал упряжь, сани развернуло кругом и опрокинуло – тюки со снедью, бочонки с медом и маслом, несколько богатых собольих шуб (подарок настоятелю Кидекшского монастыря) – все разбросало по дороге. Вепрь с чужой кровью на клыках носился взад-вперед страшными зигзагами, выискивая новую жертву. Дядька Месгэ, пожилой мариец, с трудом приподнялся на одно колено, попытался дотянуться до топора... Куда там. Топор намертво застрял под опрокинутыми санями. Выхватил нож из-за пояса, крикнул что-то хриплым голосом, отвлекая на себя внимание, – вепрь тут же развернулся, сбил на землю (дядька даже вздохнуть не успел), втоптал в кровавый снег и рванул клыками... И княгиня Елань осталась без защиты.

Зверь остановился и утробно хрюкнул. Близко посаженные глаза сверкнули, он поводит громадной головой во все стороны и замер, увидев высокую светловолосую женщину в расшитой собольей шубке. Нож из руки мертвого марильца отлетел в сторону. Женщина медленно, не отводя взора от врага, нагнулась, подобрала оружие и, выставив его перед собой (господи, да что ему этот нож!), встала, прислонившись спиной к дереву. Побелевшие губы шевелились – она читала молитву... Или просила лесное чудовище броситься наконец и завершить начатое. Мочи не было больше стоять и ждать смерти. Все,

кто сопровождал княгиню на моление в отдаленный монастырь, уже отошли – ее служанка Донюшка и Старый Месгэ лежали неподвижно, застывшие, низкорослый кряжистый коняга завалился на бок, выставив напоказ разорванное брюхо и тяжело дышал сквозь розовые пузыри – все медленнее, медленнее... Кровавая полоса тянулась вслед за ним от самых саней, шагов на десять. Видно, несчастное животное пыталось бежать, в горячке не чувствуя боли... «Вот такой же след потянется и за мной, – вдруг подумала женщина. – Я побегу, потом потеряю силы и поползу неведомо куда и зачем – все равно ведь не спастись».

Ей была знакома эта ощеренная клыкастая морда. Долгих семь лет прошло с тех пор, как князь Василий Константинович отправился в дальний поход на мятежного мордовского инязор Пуркаса – таково было повеление великого князя Владимирско-Суздальского Юрия.

Странная это была война. Тяжелая русская конница, точно полноводная река, вливалась в дремучие леса на правобережье Оки и волей-неволей растекалась на десятки ручейков, которые удалялись друг от друга, теряя силу и блуждая среди непроходимых чащоб. Время от времени они натывались на зимники – укрепленные деревянным частоколом селения. Изготавливались к штурму, шли на стены, били в ворота тяжелым бревном-тараном, а когда наконец врывались за укрепления, находили лишь пустые дома – ни жителей, ни провизии, ни скотины... Противник исчезал из-под носа, еще глубже заманивая конные дружины в дебри и болота и изматывая мелкими стычками. Русские войска растянулись. Преследуя отступавшего Пуркаса, дружина князя Василия двинулась в глубь Ожской пуши, где стояла твердь Илика – большая деревянная крепость с четырьмя сторожевыми башнями и двумя воротами, опоясанная широким рвом и земляным валом. Поняв, что малой дружиной крепость не взять, Василий Константинович велел остановиться, разбить лагерь, а сам послал вестового к основным силам. Те, получив приказ поспешать, пришпорили коней... Однако до Ожской пуши было еще два дневных перехода. А за это время инязор Пуркас тайно обошел князя с тыла и ударил – внезапно, большими силами, сразу с нескольких сторон...

Долгих семь лет прошло, как юная княгиня, носившая под сердцем наследника, стояла у раскрытых городских ворот Житнева и, изо всех сил сдерживая слезы, смотрела в спину уходившего в поход мужа. Пять лет минуло, как она стояла на том же самом месте, вглядываясь в утрюмые запыленные лица кметей, напряженно ожидая, когда же мелькнет знакомый алый плащ. Потом она увидела повозку, которая медленно двигалась в середине людского потока. Ближайшие дружинники прикрывали ее с боков ясеневыми щитами. Елань (еще ничего не понявшая, но ноги уже подгибались, будто сделанные из подтаявшего масла) с трудом подошла поближе. Воины молча расступились.

В повозке лежал князь.

Лицо его было спокойным и почти белым – не лицо, а застывшая маска, на которой выделялись лишь синие веки и резкие морщины вокруг запавшего рта. Княгиня хотела посмотреть на него, но не смогла себя заставить – взор споткнулся о серые тонкие (теперь, пожалуй, тоньше, чем у нее самой) кисти, сложенные на груди, на том самом красном плаще. Рядом лежало копьё с потускневшим золотистым древком и черным широким наконечником. Ни у кого в дружине не было такого копьё, что под стать лишь немногим богатырям. Князь есть князь – не только по роду. И меч ей был знаком – он лежал по левую руку, у пояса, в темно-красных деревянных ножнах, скрепленных бронзовой оковкой. Душа настоящего воина...

Глядя на знаменитое оружие, она на секунду подумала о супруге как о живом, с гордостью: вот он, мол, каков, сокол мой ясный... Первый на троне, в парчовых одеждах, первый в мудрости и справедливости, первый – во главе войска, на боевом коне, под княжеским стягом... Но – перевела взгляд на деревянно застывшие руки... Тут бы зарыдать в полный голос, да горло перехватила невидимая железная ладонь, не вздохнуть. Истинно большое горе – оно таково: без слез и вскриков. Все мертво в душе.

Воевода Еремей Глебович – огромный, широченный в плечах, в простой кольчуге и высоком монгольском шлеме, вел коня под уздцы. Весь путь от верховий Оки он проделал

пешим, ни разу не сев в седло. Он был старше Василия Константиновича на двадцать лет. Когда княжичу исполнилось семь, он выстругал для него первый, еще деревянный, меч.

Медленно подошел к княгине, снял шлем, поклонился до земли... Елань увидела несвежую повязку на лбу со следами давно запекшейся крови.

– Не уберег, значит, – прошептала она сквозь горловой спазм.

Воевода молчал, не смея разогнуть спину.

– За такое полагается смерть, сам знаешь.

– Приму как великую милость, госпожа, – тихо отозвался он. – Об одном прошу. Будешь хоронить его – брось меня ему в ноги.

Рука Елани сама потянулась к лежавшему в повозке мечу. Сейчас бы все и решить, никто не осудит. Великую милость – верному воеводе (и вправду верному: три дня нес уже мертвого князя на руках через лес), великую милость – стальное лезвие под сердце – себе. Вот только сыночек...

– Что это? – спросила она, заметив в повозке свернутое полотнище.

Еремей взял его, положил прямо на землю, к ногам своей госпожи, развернул... Грозный черный кабан, вышитый по грубой синей ткани, зло пялил набухшие кровью маленькие глазки. Княжеский стяг инязора Пуркаса, захваченный в сожженной Илике, Елань тронула его носком сафьянового сапожка, не испытав ни каких чувств. Василия этим не вернешь.

Множество раз потом вепрь Приходил к ней во сне. Он появлялся мельком, меж деревьев, утробно похрюкивал и рыхлил землю твердым копытом. Не нападал, но как бы напоминал о себе: я здесь, неподалеку. Я тебя не забыл...

Что-то просвистело в морозном воздухе. Тяжелая боевая сулица ударила зверя в бок и глубоко, почти до половины, застряла там. Зверь взвизгнул – больше от ярости, чем от боли, и круто развернулся, как умел делать только он, едва не на середине прыжка. Неведомо откуда взявшийся всадник (княгиня не успела рассмотреть его, все случилось слишком быстро) налетел стремительным вихрем, зажав под мышкой копьё... Однако вепрем, похоже, и впрямь управлял могучий злой дух, вышедший из черных Ожских лесов. С сулицей в боку, разбрызгивая по снегу кровь, он со страшной быстротой увернулся от копья и с налета пропорол клыками грудь белой красавицы лошади. Та осела на задние ноги, заржала, всадник вылетел из седла, чудом успев освободиться от стремени... Вепрь снова налетел – Елань от ужаса упала на колени и зажмурилась. Но тем временем в звериную тушу вонзились сразу два боевых копья. Он повернул голову и взглянул на обидчиков. Люди были жалкими противниками, мало стойкими в открытой схватке один на один (да и один на десяток). Зверь бы с легкостью разметал их по поляне... Но – почувствовал вдруг дикую усталость. Передние ноги сами собой подогнулись, вепрь хрюкнул в последний раз и попробовал привстать.

Нет. Глаза уже застилала багровая вязкая пелена, и солнце – уже навсегда – стремительно закатилось за верхушки деревьев.

На дорогу вылетели пятеро верховых, одетых по-воински: в хороших кольчугах и шлемах, с продолговатыми коваными щитами. У каждого за правым плечом торчала рукоять меча, что выдавало в них княжеских телохранителей. Они на полном скаку остановили коней, попрыгали из седел и окружили место сражения. Вид у них был настороженный и слегка виноватый, будто у нянек, не уследивших за неразумным младенцем.

Княгиня, все еще сжимавшая в руке нож (сил не было расцепить скрюченные пальцы), на негнущихся ногах обошла черную тушу. Мертвый зверь был неестественно, чудовищно огромен. Он не мог родиться здесь, под этим небом, это казалось неправильным. «Это предупреждение мне, – подумала она. – Оттуда, из сопредельного мира...» Елань перевела взгляд на своего спасителя.

Меховую шапку, что была на голове, он потерял при падении. Короткий серый плащ, отороченный блестящим коричневым мехом, был порван, и женщина увидела под ним богатый охотничий кафтан и легкий панцирь из медных пластин. Массивные золотые

пряжки скрепляли отвороты сапог. У правого бедра висел широкий сарматский меч в червленых ножнах. Знатный меч – княгиня, при всей ее молодости, понимала толк в оружии. Сначала она подумала, что ее спаситель (несомненно, очень знатного рода) – если не пожилой, то наверняка поживший. Лицо его было худым и горбоносым, а буйные волосы и борода на две трети успели поседеть. А через миг она заметила и другое: он с трудом держался на ногах. Левая сторона плаща, от груди и ниже, быстро промокала и краснела. Видно, вепрь достал-таки своими клыками... Но мужчина в первую очередь подумал не о себе. Он с тревогой осмотрел ее, сделал шаг вперед и спросил:

– Ты не ранена, госпожа?

– Нет, – ответила Елань и неожиданно почувствовала, что теряет сознание. Голова закружилась, и она беспомощно осела на снег.

Однако упасть ей не дали – тут же подхватили на руки, поставили перевернутые сани на полозья и уложили ее, укутав собольей шубой. Не получит нынче подарка отец Феодосии, вяло подумалось княгине.

– Горяч ты безмерно, княже, – услышала она будто сквозь пелену. – Смотри, в крови весь. Глаз да глаз за тобой нужен.

Князь... Вот, значит, кого она встретила.

Он недовольно поморщился.

– А ты все за мной, как за дитем. Помог бы лучше в седло сесть.

«Дядьку Месгэ не оставьте, – захотелось сказать ей. – И Донюшку – все же они пытались защитить меня... Пусть их похоронят с почестями. Да этих двух дурех надо бы отыскать, а то сидят где-нибудь в сугробе, нос бояться высунуть. Замерзнут еще». Наверное, она произнесла это вслух – бородатое лицо в шлеме склонилось над ней и ответило:

– Не тревожься, госпожа. Отыщутся твои служанки.

Сам князь подошел к убитому мерянину, наклонился и закрыл ему глаза. Покойся с миром. Большого кургана над тобой не поставят, но могилу обретешь достойную. Дно ее покроют дубовой корой в два слоя, дадут тебе в дальнюю дорогу нож, меч и колчан со стрелами – по воинскому обычаю. Положат глиняный горшочек с пищей. Поднимут над землей небольшой холм и поставят крест. Соберутся в дружинной избе и справят поминальную тризну...

– Камера, стоп! Эпизод снят.

Все и вся пришло в движение, оживилось и повеселело, смешалось, утратило некий строгий напряженный порядок. Дурацкая мысль вдруг влезла в голову: вот так, наверное, будет выглядеть Страшный суд – трупы встанут, отряхнутся от земли и снега, забегают, и засуетятся гримеры и костюмерши («Диночка, у Ушинского нож в животе криво торчит, поправь, пожалуйста!» – «Брось, Дин, не слушай эту старую ведьму. Налей лучше чего-нибудь, замерз совсем, пока на снегу валялся». – «Эдуард Павлович, вы как маленький. Вон и кровь смазали, придется заново накладывать...»).

Профессия лицедея опасна – сцена и действительность в сознании переплетаются самым причудливым и тесным образом, так что не вдруг отличишь. Я, к примеру, успел почти поверить во все только что увиденное (и князь, и княгиня были очень убедительны, а уж когда упал мертвым старый Месгэ в исполнении Ушинского, я чуть не заплакал и не бросился на подмогу).

Глеб на раскладном стульчике, закинув ногу на ногу, попыхивал сигаретой. Машенька Кутгель, блестя взволнованными очами, о чем-то истово спорила с помрежем Моховым. Тот отмахивался, но девушка не отставала, тыча в нос бланком телеграммы.

– Чего это она? – спросил я Глеба.

– Обычное дело, – хмыкнул он. – Я заранее знаю, что там написано. Финансирование под вопросом, съемки на грани срыва, продюсер слюной брызжет... Скука и скука. У меня таких телеграмм ворох. Машенька на редкость отважное существо. В бытность свою, кстати, пописывала...

– Сочиняла сценарии?

– Нет, слава богу. Критические статьи в «Мир искусств». Надо признать, довольно бойкие. Однажды прорвалась даже в «Экран» (тогда он был еще «Советским») – это уже в качестве театроведа. Года три назад, помнится, я целый вечер потратил, чтобы отговорить ее от дурной идеи стать ассистентом. Так и не отговорил... Ты домой? Подбрось меня.

Мы ехали домой на машине. У нас был «жигуленок» пятой модели на двоих – когда-то, еще до отъезда Глеба в Москву, мы условились: день за рулем он, день – я. Необходимый ремонт и запчасти – пополам. Жизнь, однако, внесла коррективы: братец, пользуясь правами старшего (и просто правами – машина была оформлена на него, я довольствовался доверенностью) стал брать ее когда заблагорассудится, без всякой очереди. Я, как всегда, уступил, тем более что он, справедливости ради, взял на себя и заботы по техобслуживанию. А позже снова все изменилось – Глеб укатил, я же продолжал гробить «Жигули» на наших северных дорогах, покрытых кое-где фрагментами асфальта тридцатилетней давности.

Отдельные подробности того дня из памяти стерлись (память избирательна, только принципы ее «пристрастий» остаются тайной великой). Помню, я с трудом сдерживал возбуждение. Хотелось говорить без умолку, задавать глупые вопросы (вроде этого: почему сначала нужно было снимать штурм города, а потом – сцену знакомства князя Олега и княгини Елани?), делиться слюнявыми дилетантскими впечатлениями... Однако я стеснялся своего ребяческого восторга. Да и Глеб поначалу посмеивался надо мной, охотно объяснял мне тонкости своего ремесла, но вскоре вдруг как-то поник, откинулся на сиденье, закурил, опустив боковое стекло... Словом, ушел куда-то далеко в своих мыслях.

Исподволь, потихоньку, надвигались сиреневые сумерки. Лес по обеим сторонам шоссе потемнел и размылся, будто акварельный рисунок, на который попала капелька воды. Дорогу припорошило снегом (последним в этом году, сероватым и покорным), но встречных машин почти не было, что позволило мне мысленно перенестись опять туда, на съемочную площадку, где высился древний город на берегу величественного озера, храм на холме, исчезнувший однажды восемьсот лет назад и до сих пор (если верить местным старикам) появлявшийся иногда в воде в виде отражения...

– Что же все-таки с ним случилось? – задумчиво сказал я, ни к кому не обращаясь.

– Ты о чем? – очнулся Глеб. – А, Житнев покоя не дает... Мне тоже не давал. Поначалу. Черт его знает. Может, никакого города и не было.

– А Вайнцман упоминал культурный слой.

Но братцем прочно владела черная меланхолия.

– Культурный слой – это не доказательство. То есть возможно – возможно! – была крепость на берегу Житни – охраняла караванный путь из Новгорода. Войска хана взяли ее приступом, засыпали ров, выбили тараном ворота... Разграбили, сожгли, жителей увели в плен. Покатались дальше на восток.

– Но ведь ты же читал летопись, – возмутился я.

– Не летопись, а ее современный перевод. Я в старославянском – ни бум-бум. Закрайский допустил меня в свои запасники – святая святых, можно сказать.

– А ты ответил ему черной неблагодарностью.

– Ты о чем?

– Помешал отпрыску стать кинозвездой.

– Ничего. Отпрыск и так неплохо устроился. (Не устроился, но, знамо дело, устроится – благодаря папочкиным связям.)

– И все-таки, почему ты изменил сценарий?

Брат тяжело вздохнул. Наверное, ему обрыдло отвечать на этот вопрос (а уж при одном взгляде на Закрайского-старшего его вообще начинал бить озноб).

– Долго объяснять. Поначалу казалось, что задумка неплохая: вывести на экране такого мальчика-героя, народный символ. Как дополнение легенды. А потом... – он пожал плечами. – Что-то на меня нашло. Подумал и понял: все это слишком театрально, надуманно... Если хочешь – поверхностно. Я намеревался сделать легенду более красивой, а она и так красива. И лаконична, будто... – Глеб на секунду задумался, подыскивая

сравнение. – Будто садик Дзен в Японии.

– Ты разве был в Японии?

– Не удостоился. Словом, я схватил сценарий и помчался к Зубру... То есть к Венгеровичу (я его почитаю за своего учителя). Мы с ним всю ночь просидели над текстом. Перечеркивали, переписывали... Умаялись, как собаки. Помню, он что-то говорит, сердится, ходит по кабинету из угла в угол, а я, дурень, не понимаю, не могу уловить мысль. Тогда он принес кинопроектор и начал крутить фильм, который снял в Киото, возле храма Риоанджи (видеомагнитофонов старик терпеть не может: бесовское, мол, изобретение).

"Небольшой дворик, огороженный каменными стенками. Маленькая крыша из коричневой черепицы. На покрытой светлым гравием земле лежат – далеко друг от друга – несколько камней различной формы. Гравий уложен параллельными линиями. От камней расходятся концентрические круги, прямые линии вписываются в них, а те вновь возвращаются к прямым, и все вместе образует сказочный по своей простоте и изумительной лаконичности узор... Камни, если долго смотреть на них – не пристально, а скорее, рассеянно, будто обратившись внутрь себя, – кажутся скалами, выросшими над пучиной. И ты в мыслях превращаешься в птицу, чтобы взглянуть на Землю с высоты поднебесья...

У края двора, на деревянном помосте, сидят люди. Их лица живы, но неподвижны – они тоже погружены в самосозерцание на фоне удивительно простого, почти спартанского пейзажа. По японскому обычаю они оставили обувь у входа и, свесив ноги, молча, не двигаясь, смотрят на землю".

– На следующее утро я переписал весь сценарий, от начала до конца, – сообщил Глеб. И весело добавил: – Меня на студии чуть не убили. Впрочем, вполне за дело.

– Значит, ты веришь в легенду?

– Я?

– Раз уж решился на такое. Меня ты уверял в другом. – Я поднатужил память: – «Пришли войска хана, взяли стены штурмом, город сожгли и покатались дальше...»

– Возможно, именно так все и было, – согласился Глеб. – Даже наверняка... Только верить в это не хочется, правда?

Я подумал и подтвердил: правда. Очень уж сильно среди русского народа это стремление к чуду (или надежда на таковое – за отсутствием стремления): к примеру, Иванушка-дурачок запросто получал все жизненные блага по щучьему велению, другому Ване, царевичу, помогал волк-оборотень, выдрессированный не хуже Дарьиного Шерпа... Да только жизнь приучает к нехитрой истине: чудес мало, а нас – много.

– А самое главное: это же не просто легенда, а фрагмент уцелевшей летописи – можно сказать, официальный документ. Даже если сделать скидку на неточность перевода...

– А кстати, кто делал перевод?

– Отец Дмитрий, нынешний настоятель Кидекшского монастыря. Уж как Закрайский втерся к нему в доверие – ума не приложу.

С игуменом Дмитрием мы не были близко знакомы, но при встрече на улице вежливо раскланивались. Он был высок, строен и по-мужски красив в своей неизменной сутане и черной шапочке, с черной окладистой бородой, в которой кое-где мелькали седые искорки.

– Летопись обнаружили случайно, – продолжал Глеб повествование. – Не так давно, в начале тридцатых годов. Когда взрывали монастырь...

– Взрывали? – вырвалось у меня. – Кто?

– Комсомольцы-активисты. Когда центральный храм рухнул, открылся вход в подземную галерею. Монахи прятались там и во время монгольского нашествия, и в семнадцатом веке – от царских опричников... Впрочем, от комсомольцев спрятаться оказалось труднее. Кажется, никто и не спасся: «верхушку» увезли чекисты, а прочих постреляли прямо во дворе. Потом спустились в подземелье и наткнулись на сокровищницу. Церковная утварь, иконы, старинные книги... Кое-что удалось спасти. Вот послушай, как звучит, – Глеб откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза... – «Когда настал страшный день и небо стало черным от дыма пожаров, враги ворвались в град. И княгиня с юным

княжичем, охраной и челядью многочисленной укрылась в стенах храма Господня и стала усердно молить Богородицу о спасении... И так усердно она молилась, что Богородица явилась на облаках и простерла над городом покрыва, сверкавшие ярче молний. И укрыла Житнев от врагов в голубых водах озера...» Примерно так.

Я слушал, завороченный. Глеб тряхнул головой, откинув назад волосы.

– Что-то в этом есть. Очень уж явная аналогия с легендой о граде Китеже. Некоторые историки даже высказывают мысль, что Китеж и Житнев – один и тот же город, названный почему-то по-разному в разных источниках.

Он замолчал. Я тоже – на меня напало какое-то странное оцепенение: руки исправно крутили руль, глаза следили за дорогой, а в сознании причудливо переплетались картины, рождая сочетания в духе махровейшего театра абсурда... Мальчик в длинной рубахе и опорках (сам видел – тогда, возле камня у обочины древнего тракта) отчаянно стучится в городские ворота, чтобы предупредить жителей о вражеском нашествии. Озверевшие монголы вперемешку с озверевшими комсомольскими активистами прут на стены – первые жаждут наживы, вторым просто весело и хочется убедиться на практике, что бога нет (вот я пристрелю сейчас того жирного попа в рясе – и ничего мне не будет). Костер из икон, книг на старославянском и подшивок журнала «Человек и закон». Все тонет в очистительном пламени (катарсис по-современному), да только не впрок очищение. Варварами были наши предки. И мы им в этом ни капельки не уступаем...

– Поверни здесь, – неожиданно попросил Глеб.

Я очнулся от дум. Впереди была развилка: шоссе забирало вправо, мимо заправочной станции, а налево шла грунтовая дорога до поселка Широкова и крошечного грязного автовокзала. Весной и осенью (а зимой тем более) на эту дорогу рисковали соваться лишь трактора и вездеходы. Автовокзал тоже впадал в спячку: рейсовые автобусы высаживали пассажиров у обочины шоссе, а до поселка им приходилось топтать на своих двоих.

– Зачем? – недовольно спросил я, но, посмотрев на Глеба, увидел в его глазах... затрудняюсь определить что: скрытое напряжение, мольбу, непонятный страх... Яков Вайнцман, мать его. «Нехорошие места», «Бермудский треугольник» местного разлива, люди, видите ли, пропадают...

Скрепя сердце я подчинился. «Жигуленок» сразу завибрировал, гравий, припорошенный снегом, противно заскрипел под колесами. Справа потянулись палисадники, покосившиеся заборы в серовато-белых ноздреватых шапках, где-то отворилась дверь (узкая полоса света легла перед капотом), и простуженный голос произнес: «Кого черти принесли на ночь глядя?» Идиллия, деревенская пастораль.

– Не застрять бы, – пробормотал я, когда переднее колесо попало в выбоину.

– Не застрянем, – несколько виновато отозвался братец. – Метров через двести выберемся на бетонку.

– Могли бы и не съезжать с шоссе.

– Здесь ближе.

– Зато дорога хуже.

Я был сердит. И на Глеба, и на себя, и на Вайнцмана... И даже на ту женщину в горностае, мелькнувшую на съемочной площадке и таинственно скрывшуюся. Все тут ненастоящее. Все кажущееся – иллюзия, обман, все норовит исчезнуть в самый неподходящий момент... Я давно замечал это за собой: резкую и вроде бы необъяснимую смену настроения. Как-то знакомый психиатр (гениальный, естественно, и не признанный никем, кроме соратников по буйному отделению) объяснил мне этот феномен: оказывается, человек не способен к долгому сохранению какого-то одного эмоционального состояния. За грустью обязательно следует веселье, за восторженным экстазом – плач разочарования... Или приступ злости на все сущее. Разбитая дорога, жалобное кряхтение рессор и перспектива не добраться-таки до возжеленной бетонки буквально раздирали меня на части.

Вернуть бы то время. Господи, если ты есть, верни то время! Пусть бы пошел град величиной с яйцо, пусть колесо у машины отвалилось бы к чертям собачьим, и мы с Глебом,

матерясь в два голоса, вылавливали его из серого озерца... Я согласен. Да что толку.

Вечерний троллейбус плыл сквозь серую слякоть и ядовито-разноцветный рекламный и витринный неон. Народу – озлобленного, равнодушного, полупьяного или страдающего постпохмельным синдромом – тьма-тьмущая, ее зажали со всех сторон, но, несмотря на давку, ей было спокойно (впервые за многие месяцы) и хорошо. Произнесенные слова – есть тайна... в том смысле, что тайной является механизм их воздействия на человека: выведенные из организма (все равно при каких обстоятельствах – допрос, исповедь или тривиальный гипноз), они превращаются в ложь и перестают волновать. Предательство, убийство, кадры прошлых воплощений, якобы вдруг выхваченные из памяти... «Господи, неужели я наговорила ему столько всего? За кого же он меня принял? Знамо за кого: „В былые годы я бы сделал на вас диссертацию – тогда еще я подвизался в бюджетной медицине“. Подвизался в качестве психотерапевта (читай: психиатра)».

Жалость, нежность, непонятная надежда забирали все сильнее – сильнее боли и желания... Олег пытался объяснить ей это, как мог, она не слушала – они сидели, держась за руки, в старой беседке, обвитой засохшим плющом, где скользили предвечерние тени. Узкий луч спускался сверху, и он убедительно объяснял ей, что все ее страхи – ложь, выверты подсознания. И она почти поверила (а на следующий день записала в перекидном календаре: «М. Бронцев. Якорный пер., д.20»).

– Ты изменилась, – сказал он. – Я чувствую и боюсь.

– Не торопи меня, хорошо? Мне бы сейчас разобраться...

– Да в чем, родная?

– Не знаю, – ответила она с отчаянием. – В себе самой. Скажи, что произошло в той церкви?

– В церкви?

– В Осташкове, на Крепостном холме.

Он махнул рукой.

– Ой, да выбрось из головы. Подумаешь, какой-то псих решил подшутить над приезжими.

– Ты о чем?

– Ну, помнишь, мы спросили у прохожего, что за собор стоит на холме. Когда построен и все такое. А он поглядел недоуменно и сказал, что отродясь там не было ни собора, ни крепости, а место названо так, потому что надо же было как-то назвать.

– И тогда мы оглянулись и действительно ничего не увидели...

– Так туман же был.

Глупая истеричка. Она развязала ленточку, потрянула головой... Белый хвост разлетелся, заструился по плечам легкими как пух волнами. Истеричка, истеричка. Она искоса взглянула на Олега. Он откровенно любовался ею... А ведь действительно тогда над Крепостным холмом стоял туман. Непонятно откуда взявшийся: только что было ясное небо, любовное солнце кувыркалось, будто в садах Эдема, белые камни словно бы подсвечивались изнутри (свойство местного материала)... Они уже сошли с холма, вдыхая летние луговые запахи с истинным удовольствием, которое понятно лишь коренным горожанам, остановили какого-то господина в сером пиджаке и шляпе с огромными «дачными» полями, спросили про собор... Встретив полное непонимание, оглянулись назад и увидели облако тумана, накрывшее шапкой травянистый склон. Не было никакой крепости, не было пастушка, сошедшего с картины Нестерова, не было маленькой дверцы за алтарем...

Она механически дотронулась до шеи, ощутила дискомфорт и вспомнила о медальоне. Медальона тоже не было – видимо, цепочка порвалась и он слетел, когда женщина находилась ТАМ. Потом она подумала про туман. «Я ему не сказала».

Это показалось ей настолько важным, что она дернулась меж плотных человеческих тел, всколыхнула негодующую толпу, протиснулась к дверям...

– Куда прешь?

– Извините, мне выходить...

– Раньше не могла проснуться? Вот и лезут, и лезут... Нравы у молодежи, мать их...

– Раньше – не могла.

Она с трудом вывинтилась из троллейбуса, поправила пальто (недосчитавшись пуговицы... А, плевать) и, склонив голову, зашагала в обратном направлении.

Прошла через знакомую арку проходного двора, открыла было дверь парадного, но вдруг передумала. Какая-то тень скользнула: кто-то невесомо, будто на крыльях, пронесся мимо, не заметив, то ли в пальто, то ли в длинном темном плаще, похожем почему-то на монашескую хламиду. Женщина поднялась по черной лестнице, нашла нужную дверь и постучала.

«Сейчас я опять увижу его. Наверное, он здорово удивится и подумает бог знает что... Да не все ли равно. Уж не хуже, чем думал до этого. Я скажу, что ТАМ был туман, – в качестве дополнения к его будущей диссертации („Случаи депрессионного психоза у платиновых блондинок“»).

Дверь оказалась не заперта. Женщина толкнула ее, несмело прошла на кухню (миска с нетронутой едой стояла на полу), а оттуда – в гостиную, где на малиновом бархате по-прежнему горели три оплывающие свечи. До кресла она, однако, не дошла. Что-то отвлекло ее внимание – неоновое свечение из ванной комнаты. И – черный маленький предмет на пороге. «С чем у меня ассоциируется данный предмет? Со смертью, – ответила она себе. – Конкретно – с убийством».

Она постояла немного, справляясь с подкатывавшей к горлу паникой. Может, это все еще гипноз? Нет, окружающая обстановка была реальной до омерзения, Ванная, освещенная дневной лампой, кровь, труп на полу... Пятясь спиной, женщина добралась до телефона в прихожей, сняла трубку и набрала знакомый номер...

Вопреки моим мрачным прогнозам, до дома добрались сравнительно благополучно. Я поставил машину на стоянку, Глеб в это время сбегал в соседний гастроном, приволок всякой снеди и – от щедрот столичных – настоящий «Телиани» в умопомрачительной упаковке. Быстренько, но со вкусом соорудили ужи на кухне. Потом, захватив ополовиненную бутылку, кофейник и чашки, переместились в гостиную, сочетавшую в себе функции и спальни, и рабочего кабинета.

– Жилище холостяка-хроника, – прокомментировал братец.

Я невольно бросил взгляд на большую фотографию Наташи Чистяковой (большие серые глаза смотрели в упор, ласково и чуть укоризненно, вздернутый носик усыпали желтые веснушки, и роскошные волосы, перехваченные заколкой, спускались из-за спины на грудь... За год я научился глядеть на портрет без боли, точнее – без того, чтобы сердце пропускало такт или два работы, судорожно справляясь с шоком).

Потом я пробежал глазами по комнате и согласился с братом: действительно, сколько квартиру ни чисть и ни мой, любой человек сразу определит, бывает ли здесь женщина. Женщины, конечно, бывали (не монах же я, в конце концов), но романы мои были редки и заканчивались ничем. Сам я большую часть времени проводил на работе, а сюда приезжал, только чтобы переночевать и лениво полюбопытствовать, не забрались ли грабители или бомжи (грабители на мое богатство – пара облезлых кресел, диван-кровать, кофемолка и ламповый черно-белый «Рекорд» – покушаться пока не собирались).

Кузька пушистым шариком вертелся у ног, чуя угощение и повизгивая от восторга. Вскоре, однако, так отяжелел от деликатесов (Глеб все умилялся, кидая ему куски дорожной колбасы и наблюдая, как они проглатываются буквально на лету), что отвернулся от угощения, проковылял в свой угол и со стоном рухнул на подстилку.

Короче, вечер получился отменный. Неспешный, негромкий, с воспоминаниями, расспросами («Ну, как там в Москве?») и рассказами («Кошмар. Суета и скука. Работать не дают и не дали бы, кабы не спонсор. Кстати, наш, из этих мест. Финансовое общество „Корона“, слыхал?») Как не слыхать). Был момент, когда из-за одного инцидента чуть не

рухнуло все Глебово предприятие (он был спокоен и стоек, как древнегреческий стоик, и даже, как положено, смеялся над шутками, но я-то знал, что именно с такими усмешечками иные выходят из гостиной, где стол яств стоит и слышен пирующий гул, прикрывают за собой дверь и пускают себе пулю промеж глаз... Тьфу-тьфу!).

Общий смысл сводился к следующему. Некое юное создание (мальчику в аккурат стукнуло двадцать пять), сын директора общества «Корона», неожиданно и в категорической форме изъявил желание играть главную роль в будущем фильме. Недоросль не подходил по всем статьям, что было ясно без всяких кинопроб. Он был не в меру упитан, неповоротлив и прыщав, а перед камерой терялся и не мог выдать ни слова. Главный же герой в картине должен был драться на мечах, скакать на лошади и прыгать с обрыва. А главное – объясняться в любви прекрасной молодой княгине. Словом, Глеб вежливо отказал. Недоросль удивленно поднял бровь и спросил: «Ты, типа, забыл, на чьи бабки существуешь? Да я папане пожалуюсь...» – «Жалуйтесь сколько угодно, – ответил Глеб, – а сейчас закройте дверь с той стороны и не мешайте работать». Коммерческий сынок, чуть косолапя, обогнул стол, схватил главного режиссера за грудки и вздернул вверх, прошипев: «Да я твою интеллигентскую харю...»

Глеб попытался было уладить дело миром (парнишка-то еще совсем юн... А может, второй Жан Марэ?), но – почувствовал устойчивый перегар, увидел близко, в каких-то сантиметрах, массивную золотую цепь (всегда терпеть не мог украшений на мужчинах) и передумал. Ткнул собранными в щепоть пальцами в болевую точку над ключицей, поймал кисть в классический «катет-катет» (уроки Дарьи Матвеевны) и пинком отправил соискателя за дверь. Пригладил костюм, сел за стол и задумался. Однако надо было готовиться к визиту папаша. Папаша, по слухам, отличался крутым нравом и мог приехать в сопровождении собственной «силовой структуры». Глеб вяло подумал, что стоило бы спрятать подальше все ценное и бьющееся, позвонить на съемочную площадку и кликнуть ребят-каскадеров – словом, принять кое-какие контрмеры... Но ограничился тем, что вышел в приемную и в приказном порядке отправил домой секретаршу Лидочку.

Незачем ей...

Папаша действительно прибыл с сопровождением, но оставил его внизу, а в офис поднялся в одиночку. Прошел, по-хозяйски выбрал стул с жесткой спинкой, пробормотав: «Радикулит, сволочь...», сел и закурил, держа сигарету большим и указательным пальцами. Глебу приходилось сталкиваться с людьми, которые так же держали сигареты. Финансовый магнат поймал взгляд собеседника и чуть усмехнулся:

– Ищете наколки на кисти?

Глеб промолчал. У директора «Короны» были умные глаза серо-стального цвета, волевой подбородок и зачесанные назад волосы с нитями благородной седины. Он обладал повадками уверенного в себе хозяина жизни, только нет-нет да проглядывала за этой вальяжной уверенностью какая-то дикая, безысходная усталость. На левой кисти, ближе к указательному пальцу, кстати, угадывался маленький белесый шрамик. Видимо, обращался к специалисту, пытался вывести (скорее всего делал пересадку кожи – нехилое по стоимости мероприятие), но след остался.

– Имел грех в далекой молодости, – сказал дон Корлеоне (так Глеб окрестил его про себя). – Знаете, есть расхожая формулировка: любой начальный капитал имеет, гм... не совсем законное происхождение.

– Я понял.

– Впрочем, никакой аналогии. Пять лет общего режима. Статья... Ну, это неинтересно, – он выпустил дым через ноздри. – Все быльем поросло. Аллочка моя скончалась в результате несчастного случая, а второй раз я так и не женился (вот и верь после этого рассказам о нравах современных мультимиллионеров). Вадик – мальчик хороший, только крайне избалованный. В этом, боюсь, есть моя вина: все же единственный наследник... Думаете, почему он вдруг воспылал любовью к киноискусству? Чтобы избавиться от меня, от моей опеки. Я-то прочил его в финансово-экономический (не в нашу

дыру, естественно). Согласитесь, мальчику необходимо образование – и не «чему-нибудь и как-нибудь», а серьезное, иначе нынче не выплывешь. А образование – это не только мои деньги, но и его собственный труд. А вот этого... – он виновато развел руками. – Словом, не волнуйтесь. Никаких демаршей с моей стороны не последует. Между прочим, оболтуса моего вы качественно приласкали. Учились где-то?

Глеб впервые улыбнулся.

– «Чему-нибудь и как-нибудь».

– Ну-ну. Продолжайте снимать, молодой человек. Я видел некоторые из ваших фильмов. Весьма, весьма... Знаете, в них есть нечто... Нечто чистое, незамутненное. Смотришь на экран – и будто возвращаешься в детство. Не скажу, что оно было счастливым, однако...

Все это были дела давно минувшие, страсти улеглись, и Глеб рассказывал мне о них весело и с большим юмором (а я в тот момент представлял, как он сидел за столом в своем офисе и ждал мордоворотов...). Вполне, кстати, мог дожждаться – будь на месте директора «Короны» кто другой – растер бы в пыль и не заметил. А уж картину похоронили бы – как дважды два. Фильм был, конечно, не «Клеопатра», на съемки которой Голливуд походя угрожал семьсот пятьдесят миллионов, но и он стоил недешево. Взять хотя бы декорации...

От декораций мои мысли плавно перетекли к Якову Вайнцману (что ни говори, колоритнейшая личность!).

– Вайнцман жаловался на тебя.

– Правда? – хмыкнул Глеб.

– Ну, не жаловался... Высказывал опасения за твое душевное состояние.

Братец плеснул себе коньяку, поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, вытянул ноги, едва не достав до Кузьки...

– Нашего Якова переполняют нерастраченные отцовские инстинкты. А я – вот он, под рукой. Кабы мы встретились с ним лет двадцать назад – он бы, пожалуй, меня в школу водил и дневник смотрел. Помнишь Левку Чингачгука?

Был у нас во дворе такой типаж – еще во времена школьного детства. Его звали Левка Ветров, а Чингачгуком его прозвали за неукротимый характер и дурную манеру улюлюкать на всю улицу, пугая благонаправных прохожих. Так вот, этот самый Левка, не боявшийся ни черта, ни департамента по делам несовершеннолетних, уважал, как оказалось, единственного в мире человека – Гарика Варданяна, десятилетнего пацаненка, жившего на соседней улице.

Гарик был некрасивый: худенький и чернявый, с реденькой челкой и тонкими ручками-ножками. К тому же родители обряжали его в вельветовый костюмчик и белоснежную рубашку с громадной дурацкой бабочкой. Короче, при одном взгляде на него кулаки так и чесались. А еще Гарик таскал в твердом фибровом чехле, похожем на чемодан, огромную скрипку. Скрипка была размером почти с ее обладателя и называлась виолончель.

Согласно дворовому преданию, Левка однажды, двинув несчастного Гарика в ухо (просто так, для разминки), указал на футляр и строго спросил:

– Это че? Скрыпка? А че такая здоровая?

– Не скрипка, – тихо всхлипывая, прошептал Гарик. – Это виолончель. Пожалуйста, не ломайте его. Меня – лупите, а его не трогайте. Его дедушка делал...

– Вичлен... что? – вдруг так же тихо спросил Левка.

– Виолончель.

– И ты что же, можешь на нем...

– Немножко. Я в музыкальной школе только в третьем классе.

– А сколько еще надо учиться? Ну, чтобы играть, как артист по радио? – Левка уже и забыл о вражде, даже присел рядом на корточки, чтобы общаться, так сказать, на одном уровне.

Гарик позволил себе робко улыбнуться сквозь слезы.

– Это долго. Сначала школа, потом училище, консерватория... Если упорства хватит.

– Хватит, – авторитетно заявил «гроза района». – Три года ты уже проходил. Значит, и

лупили тебя тут тоже три года, а ты не бросил. Ша! Больше лупить не будут.

И действительно, с тех пор он взял над мальчишкой нечто вроде неформального шефства: провожал его в школу и обратно и регулярно выпрашивал, какие тот получил оценки («Это твой старший брат? – поинтересовалась музыкальная преподавательница. – Надо же, какой заботливый. Только выглядит слегка шпанисто»). А нам объяснил:

– Кем вы, шантрапа, будете? Работагами за сто двадцать в месяц. А он – талант. Вы его только по телику видеть и будете. Так что предупреждаю: узнаю, кто против вякнет...

Мы, само собой, тут же заверили, что «вякать против» никто не собирается.

Глеб в наших компаниях участия не принимал. Ему вообще в этом отношении повезло: хватило ума не втянуться ни во что мало-мальски серьезное. Ему (в отличие от меня!) никогда не приходилось выяснять отношения с населявшими нашу улицу чингачгуками, дрынами, серыми и иже с ними. Я-то, словно волчонок в стае, спал и видел, как бы занять подобающее место под солнцем, а Глеб... Жил вроде как все: играл, дрался, иногда – не чаще и не реже прочих – приносил двойки из школы. И все равно, было в нем нечто... То, что не позволяло ставить его в один ряд с нами.

– Разве у Вайнцмана нет детей? – спросил я.

Глеб покачал головой.

– Только ученики. Когда-то был женат, но они развелись. На почве, так сказать, любви к Родине: она хотела в Израиль, а Яков уперся. Хочу, мол, представление досмотреть до конца.

– Удивительно.

– Да уж... Представление лучше всего смотреть из зрительного зала, а не со сцены, где и свет в глаза, и жарко, и занавес того и гляди на голову упадет.

Коротко пропищал телефон на тумбочке. Я вынул себя из кресла и снял трубку. Настроение резко упало. Глеб повернулся и посмотрел на меня, стараясь, видимо, уловить разговор. Конечно, не уловил, но по моему лицу понял, что холостяцкий «мальчишник» откладывается на неопределенный срок. .

– А почему сегодня не было кабана? – спросил я.

– Ты о чем?

– О кабане, который напал на княгиню. Я видел, как снимали только мертвую тушу.

– Ну ты даешь. Кабана мы сняли две недели назад, в московском зоопарке. Тебе слово «монтаж» приходилось слышать?

Вот так и разбиваются розовые очки.

Глава 6

ДОМ, ГДЕ НЕТ ПАУТИНЫ

Неизвестно, куда житейские ветры занесли бывшего грозу района Левку Чингачгука (по слухам, «чалился» где-то под Магаданом, вышел после отсидки, но домой возвращаться не захотел, так и остался на Севере), но его надеждам на великое музыкальное будущее Гарика Варданяна не суждено было сбыться. Также неизвестно, жалел ли об этом сам Гарик (Гарик Варданович, к тридцати пяти совершенно облысевший и округлившийся – кто бы мог нынче заподозрить в нем худого как спичка мальчика с виолончелью? – и окончивший с отличием медицинскую академию). В обычных обстоятельствах вполне коммуникабельный, в данный момент он был сер и угрюм, как дождливое утро. Борис подумал, что его, должно быть, вытащили из постели. Или из-за телевизора (двенадцатый канал крутил «Крестного отца»). Он провозился у тела минут пять от силы. Выпрямился, авторитетно произнес под нос универсальное «вах!» и отбыл на кухню мыть руки.

Ванная комната дышала богатством и аристократизмом: стены и пол в темно-синем кафеле с перламутром, громадное зеркало над раковиной, выполненной в виде бутона экзотического цветка, раздвижная прозрачная ширма на тонком металлическом каркасе... Борис прикинул стоимость увиденного, вспомнил свой совмещенный санузел, и на душе

стало пакостно.

На темном фоне в бликах лампы дневного света ярким пятном выделялась белая шелковая рубашка и расплывшаяся на ней кровавая клякса, как раз на уровне солнечного сплетения. Будто в голливудском боевике, подумалось с неприязнью. Там бедную жертву, отданную на заклятие, тоже обряжают в белое, чтобы кровь выглядела живописнее. Кроме рубашки, на экстрасенсе были черные вельветовые брюки и изящные итальянские туфли. В таком виде только принимать гостей. Или – состоятельных пациентов. Правый полуботинок слетел и валялся тут же, на резиновом коврикe, открывая взору ступню с полуспущенным носком, – было в этом зрелище нечто постыдное, нехорошее... Голова свешивалась набок под неестественным углом, длинные волосы с проседью падали на лоб, прикрывая мертвые глаза. А в целом – красивый мужик, наверняка нравился женщинам. Одна из женщин – пациентка или убийца (или то и другое) – позвонила отсюда, из квартиры, прерывающимся голосом выдала информацию и скрылась, никем не замеченная. Дверь из кухни на черную лестницу так и осталась открытой. Сейчас там, на лестнице, повизгивала собака (видимо, учуяла-таки след), но Борис не возлагал на нее надежды. Автобусная остановка находилась метрах в пятидесяти от подъезда, а оттуда – транспорт в любую точку города...

У порога ванной лежал маленький черный «вальтер». Один из экспертов подошел, оттеснил следователя в сторону и положил на пол линейку. Защелкал «блиц» – фотограф, от ушей до пят увешанный разными принадлежностями, начал «обстреливать» далеко не веселую обстановку. Край ванны, раковина, опрокинутая полочка (убитый, падая, задел рукой), зубная щетка и тюбик «Аквафреш» на полу...

– Он что, действительно был экстрасенсом?

Слава Комиссаров – давний товарищ по партии, кличка Слава КПСС (ныне, когда Борис волею случая взлетел вверх на одну микроскопическую служебную ступеньку – подчиненный... Впрочем, отношения между ними остались прежними), мотнул головой в сторону двери.

– На табличке значится «Психотерапевт». А на стеллажах в комнате мы нашли диплом какой-то Ассоциации Магов. Тебе это говорит о чем-нибудь?

– Нет. Что еще?

– Куча книг по черной магии, гипнозу, летающим тарелкам и прочему мракобесию. Надо, кстати, проверить, не состоял ли он на учете в «желтом доме».

Борис молча прошел в гостиную, встал возле окна, бездумно глянул в серую стену дома напротив. Подъезд отсюда не виден, он выходит на другую сторону, во двор. Двор проходной (то есть сколько народу проходит!), посередине – нечто вроде скверика с занесенными снегом лавочками, обсаженного тополями и акациями. Припаркованная «Лада» цвета «серый металлик» с пушистым мышонком на лобовом стекле – Борис невольно обратил внимание, когда проходил мимо.

– Машина принадлежит Бронцеву, – докладывал Слава. – Новая, всего пять тысяч пробега. Салон чистый, без тайников, в «бардачке» техпаспорт и талон техосмотра. На капоте снег, так что покойный вряд ли сегодня куда-то ездил. Да и следов на земле нет. Теперь о пистолете. «Вальтер» зарегистрирован, есть разрешение на хранение. Приобретен два месяца назад в «Эгиде-сервис». Отпечатки пальцев отсутствуют – видимо, чем-то протерли.

И тут пусто. Однако что-то не давало покоя – какая-то несообразность... Вроде картинки в детском журнале с заданием: найдите ошибку художника. Древнерусское войско в походе, бородатый воевода впереди – толстый, как бочонок, в шлеме, с копьем и саблей. А над ним, в облаках – крошечный самолетик оставляет за собой реверсный след.

– Нужен список пациентов, – пробормотал Борис.

– Ребята искали где только можно. Ни листочков, ни записной книжки... Вообще ничего. Но вон там, у ножки кресла, лежала бархатная ленточка. Моя Таисья такой волосы перевязывает.

– Женщина, – восторженно воскликнул Борис.

«Это она звонила мне, – подумалось вдруг – не как о предположении, а как об установленном факте. – Голос страшно далекий, едва пробивавшийся сквозь эфирные шорохи, не встревоженный, не испуганный (что было бы естественно), а какой-то обреченный, словно свершилось то, что давно ожидалось. Вот она вошла (нотабене: пусть исследуют замок на двери – как открывается, как захлопывается), остановилась посреди гостиной. Возможно, тряхнула влажными волосами или сняла шапочку – лента соскочила, женщина нагнулась подобрать и заметила свет из ванной комнаты. Заглянула и увидела труп хозяина. Осторожно подошла к телефону...»

– С трубки сняли отпечатки?

– Отпечатков множество, самых разнообразных. Будем устанавливать владельцев.

«Набрала номер. Не дежурной части, не рабочего кабинета – мой домашний номер, сказала тусклым голосом фразу, показавшуюся в первый момент бессвязной: „Алло. Пожалуйста, приезжай. Марка Бронцева убили. Якорный переулок, двадцать“. Даже не убедилась, что к телефону подошел именно я (а кто еще мог подойти? Откуда она могла знать, что ко мне приехал брат?)».

– Деньги иди драгоценности нашли?

– Деньги в ящике трюмо. Довольно крупная сумма.

– Значит, не ограбление.

Гарик Вардамян шумно протопал к окну, шмыгая носом и почти с ненавистью оглядывая квартиру (а квартирка, кстати, ничего. Пахнет достатком – не запредельным, впрочем, не шальным, но достатком. По сравнению с Борисовой «клетушкой» – почти хоромы, но новоруссы, попав сюда, лишь презрительно поморщились бы).

– У меня грипп, – сообщил медэксперт. – А меня подняли, как по воздушной тревоге, не спросив, как зовут и какие анализы.

– Гарик, – проникновенно сказал Борис.

– Что? – он высморкался в нечто, размером сходное с пододеяльником. – Экстрасенс, блин. Ни паутины, ни колб, ни чучела крокодила под потолком. Кот, правда, есть, черный, само собой. Кис, кис, иди сюда... – Кот окинул Гарика ледяным взглядом, полным презрения, и прошествовал под кресло. – Короче, картина ясная. Огнестрельное ранение, пуля застряла в левом легком. Сопутствующий перелом основания черепа. Приложился о край ванны, когда падал. Время смерти – полтора-два часа назад. Маленькая гематоммочка над переносицей, довольно свежая. Происхождение затрудняюсь определить.

– Ему могли ударить в лоб кулаком?

– Могли, но кулак был довольно слабым. Не куда даже, а так, кулачок...

– Например, женский?

– Например, женский, – не стал спорить Вардамян. – Но женщина бьет кулаком крайне редко, я в своей практике и не припомню случая... Она, коли довести ее до точки кипения, скорее прошлась бы коготками по физиономии. Или залепила бы пощечину.

Пощечину... Борис огляделся. Однако следов борьбы не было ни малейших. Мебель вся на местах, даже тяжелый подсвечник на середине стола... Конечно, это не орудие убийства – иначе бы раскололи голову и пуля бы не понадобилась. Какая женщина могла вот так ударить в лоб кулаком? Только имеющая специальные навыки.

Борис подошел к телефону, вопросительно взглянул на эксперта, любовно наносившего черный порошок на подлокотник кресла. Тот махнул рукой: можно, мол.

– Алло. Дарья Матвеевна, это вы?

– Да. Что случилось, Боренька?

Он облегченно вздохнул: голос не тот.

– Не могли бы вы завтра с утра подъехать в прокуратуру?

– Завтра съемка... Впрочем, я в эпизоде не участвую, так что если нужно... Но вы так и не сказали, что случилось.

– Завтра, ладно?

– Как хотите. С вами-то все в порядке?

- Со мной – да.
- А с Глебом?
- И он жив-здоров. В общем, к десяти я вас жду. Пропуск будет на проходной.

Голос не тот. И черная ленточка не подходит к черным волосам (к черной пушистой косе). А удар? Господи, да если бы Дарья врезала кулаком, покойный не отделался бы шишкой.

- Гарик, что там с ленточкой?
- Обычный бархат, достаточно плотный, по краям обшит на машинке...
- Я не о том, – раздраженно сказал Борис.
- На внутренней стороне два светлых волоска. Дама была блондинкой, скорее платиновой, чем русой.
- Натуральной блондинкой?
- Не знаю. Завтра к утру сделаю заключение, – он потоптался немного, снова высморкался, скомкал «пододеяльник» и пихнул в карман. – Кстати, ты обратил внимание на его туфли? Вернее, на одну – ту, что слетела с ноги.
- Наверно, Бронцева отбросило выстрелом...
- Но туфля при этом ни за что бы не слетела! Она была как раз по размеру, сидела плотно, и задник высокий...
- Хочешь сказать, он снял ее сам? Зачем?
- Ну, милый, это уже не моя забота. Собирался принять ванну, например.

Молодой парень-оперативник осторожно приблизился к Борису и почему-то шепотом доложил:

- Привезли экономку.
  - Кого?
  - Она так себя величает. На самом деле – домработница.
- Экономка, хмыкнул про себя Борис. Надо же.

Она сидела на кухне, на табуретке возле окна, сжавшаяся в комочек и явно расстроенная, даже скорбящая, – он подумал, что Бронцев был ей, пожалуй, больше, чем просто работодатель. Она сосредоточенно смотрела в никуда, в пустой угол, а Борис, пользуясь этим, разглядывал женщину (чувствуя, однако, некоторую неловкость: стыдно так наблюдать за человеком, когда он этого не осознает и беззащитен, лишен повседневной маски...). Следовало бы деликатно отвернуться, но он продолжал смотреть, бессознательно раскладывая «экономку» по полочкам. Лет сорока пяти, симпатичная, не утратившая милой женственности. Волосы редкого нынче каштанового оттенка, уложенные в прическу «каре» (значит, бархатная ленточка не ее, некуда привязать). Маленький аккуратный рот и большие карие глаза. Недурная фигура. Наверняка знала, где в квартире хранился пистолет. Имела ключ от входной двери. Могла застать экстрасенса врасплох (взять оружие в процессе якобы уборки, подойти и выстрелить на середине безобидной фразы – у убитого в глазах не было ни намека на испуг или боль, лишь легкое удивление: без сомнения, принял смерть от кого-то хорошо знакомого).

- Маргарита Павловна Ермашина?
- Да.
- Экономка? – улыбнулся Борис.

Она ответила осторожной улыбкой – губы разъехались по всем правилам, но в глазах застыли боль и тоска.

- Экономка. Я вела все хозяйство. Марк Леонидович мне доверял.
- А он сам что же...
- Он – нет. Он сберегал себя. Говорил, что ему нужно много энергии – для излечения пациентов.
- Вы замужем?
- Была. Муж умер три года назад, – она помолчала. – Александр был композитором, довольно известным.

Вон оно что, подумал Борис. То-то фамилия показалась знакомой. Александр Ермашин...

– Как долго вы проработали у Бронцева?

– В мае было бы два года, – ответила она без запинки. – Со смертью мужа все изменилось – то есть не финансово – проценты с гонораров продолжают «капать», – а... В общем, мне тоскливо было сидеть одной дома.

– У вас совсем нет родственников?

– Есть двоюродный брат. Он чинит электроник на дому. Мы с ним... не особенно близки, хотя я и жалею об этом. Упрашивала его переехать ко мне – не соглашается.

– Бронцев сегодня вечером ждал кого-то?

– Да, – удивилась она. – Пациентку...

– Вы видели ее?

– Нет. Марк Леонидович отпустил меня пораньше.

– Отпустил или отослал?

– Что?

– Как вам показалось: может быть, он не желал, чтобы вы с ней встретились?

Она задумалась, подперев подбородок ладонью. В глазах мелькнуло – впервые за время разговора – нечто похожее на интерес.

– Посмотрите, – Борис выложил на стол найденную ленточку. – Вам эта вещь знакома?

Экономка протянула руку, но ленточку не взяла, даже не коснулась. Другой бы на ее месте уж и помял бы, и понюхал, и на зуб попробовал, однако женщина оказалась из другой породы.

– Не знаю, – пробормотала она. – С чем-то у меня вызывает ассоциацию... То есть...

Она запнулась на секунду, потом неожиданно произнесла:

– У нее светлые волосы. Почти белые.

– Откуда вы знаете?

– Где вы нашли ленточку?

– Возле кресла в гостиной.

– Он ее гипнотизировал, – сказала Маргарита Павловна. – Понимаете, это кресло специально предназначено... Пациент не может отвлечься – с этого места он видит только стол и свечи. Марк всегда предупреждал, чтобы я не трогала кресло во время уборки. У него все было рассчитано. Борис поднялся со стула.

– Сейчас мы пройдем в гостиную. Вы посмотрите, не пропало ли что-нибудь.

– Но вы говорили, что это не ограбление.

Он пожал плечами.

– Деньги на месте, аппаратура тоже. Следов обыска нет... Но это, понятно, ни о чем не говорит. В доме были ценности?

– Возможно. Марк принимал только состоятельных пациентов.

Действо в гостиной подходило к концу. Тело увезли, лишь на полу в ванной остался обведенный мелом контур – будто некий восклицательный знак. Маргарита Павловна взглянула слегка испуганно, приостановилась, но Борис вежливо подтолкнул под локоток.

– Здесь наверняка что-то стояло, – заметил один из экспертов, указывая на стеллаж возле стены.

Анченко проследил за его взглядом.

Так. Фото в деревянной рамочке (Бронцев в дико экзотической одежде – ярко-оранжевой, ниспадающей роскошными шелковыми струями, точно водопад, в обнимку с еще более диким и экзотическим субъектом азиатского происхождения, на фоне деревянной пагоды – храма или чего-то в этом роде... Вот тебе и «ведун» из северорусских дебрей). Статуэтка сказочного зверя – полуящера-полубарана, галльского бога подземного царства. Еще одна статуэтка – индийская танцовщица, надо полагать. Ага, точно: слишком много свободного пространства между ними. Что-то здесь было...

– Шарик, – вдруг сказала Ермашина. – Керамика, из каких-то раскопок в Крыму.

– У Марка был пациент-археолог?
– У него было много пациентов.
– Но археолог, возможно, был постоянным? Страдал от серьезного недуга (психического плана – иную хворь я бы ни одному «ведуну» не доверил). В конце концов излечился, и Бронцев получил подарок.

– Зачем же подарок забирать назад? – тихо спросила Маргарита Павловна. – Не по-людски.

Не по-людски, согласился Борис. Вроде как уносить какую-нибудь вещь с могилы: плохая примета. Однако сплошь и рядом уносят. Тем более если между ящером и танцовщицей действительно стояла убойнейшая улика...

– Это след, – пробормотал он. – Ленточка с волос и шарик непонятного происхождения... Вы смогли бы его описать?

Она сосредоточилась.

– Шероховатый, в трещинах, размером с кулачок. Древний, приблизительно десятый век, предположительно – кельтская культура. Культового назначения.

– Что? – не понял Борис. Женщина улыбнулась.

– Марк как-то сказал: если нельзя определить, для чего служил найденный при раскопках предмет, то в отчете пишут: культового назначения. Первый закон археологии.

Борис переглянулся со Славой Комиссаровым, секунду помедлил...

– Когда появился этот шарик, не помните?

– В прошлом году. Кажется, в сентябре. Понятно, конец полевого сезона.

– Больше ничего не пропало?

Она послушно огляделась, увидела открытое зеркальное нутро бара, прошла между окном и кадушкой с пальмой, рассеянно взмахнув рукой, точно отгоняя от себя нечто... Замерла и нахмурилась.

– Что-то не так?

– Земля сухая. Марк всегда поливал пальму сам. Относился к ней как к живому существу... Как он мог забыть?

Ее взгляд сосредоточенно обшаривал комнату – Борис поклясться бы мог, что женщина обнаружила нечто непонятное ей, какую-то загадку... Еще раз взмахнула ладонью возле уха, повторяя собственный недавний жест – то ли отгоняя назойливое насекомое (какие насекомые в марте?), то ли поправляя прическу. («У нее светлые волосы, почти белые...» Меж тем два волоска, которые остались на черном бархате, аккуратный Гарик Варданян еще раньше убрал в полиэтиленовый пакет, а пакет спрятал в чемоданчик...)

– А где лежала ленточка?

«Здесь вопросы задаю я», – чуть было не сказал Борис, но сдержался.

– Вот тут, возле правого подлокотника.

Она долго разглядывала ковер на полу, хмурясь и чуть склонив голову набок. Дама пытается вести собственное следствие, раздраженно понял Анченко. Налицо пагубное влияние телесериала «Она написала убийство». Ага, нагнулась, даже приподняла край ковра – дураку ясно, ищет улики. («Полагаю, инспектор, подозреваемый простоял здесь около десяти минут». – «Почему вы так решили?» – «Потому что пепел дважды упал с его сигары».) Однако она проработала в доме два года – убирала, готовила, чистила (пока ведун собирал внутреннюю энергию), наизусть знает расположение каждой вещи...

– Где Марк хранил пистолет?

Она не удивилась.

– В шкапулке.

– В той, что возле двери? – не поверил Борис. – На виду у всех?

– Там есть потайное отделение.

Это было сюрпризом. Он подошел к комоду, коснулся пальцами малахитового ящичка. Поваяло чем-то давно забытым, из раннего детства, вспомнилась суровая сухопарая бабушка (на самом деле очень добрая: разрешала трогать, открывать и крутить все, что захочется).

Мама сердилась, а бабуля с усмешкой заступалась: «Оленька, перестань портить мне внука. Мальчишка в его возрасте просто обязан быть естествоиспытателем – это в его природе». – «Да ведь сломает же!» – «Ну и пусть. По большому счету, зачем мне вся эта рухлядь. Пора уж о душе думать, а не...» – «Ой, мам, перестань!»). Борис открыл крышку, зазвучала прозрачная мелодия Моцарта.

В шкатулке лежал нательный крестик на золотой цепочке, «Тайная вечеря» – старинная, почерневшая, маленького формата, и стопка счетов за квартиру и телефон. Борис выволок все это на свет, поковырял ногтем днище, нажал на какой-то незаметный выступ... Дно мягко приподнялось, открыв второе, потайное нутро. Да, дьявольский наборчик. Именно здесь, в углублении, и лежала ранее черная семизарядная коробочка.

– Зачем ему вообще нужен был пистолет? – в сердцах сказал он. – Кстати, Марк показывал его вам?

Мимолетная улыбка тронула губы Ермашиной.

– Конечно, как он мог удержаться. Знаете, в некоторые моменты Марк удивительно походил на обыкновенного мальчишку. Однажды позвонил меня, открыл шкатулку – якобы хотел предупредить, чтобы я ничего там не трогала... На самом деле он, по-моему, просто очень гордился своей игрушкой. Хотя чем гордиться? Все равно она его не спасла. Скажите, его ведь застрелили...

– Из этого «вальтера». Кто еще мог знать о пистолете?

– Никто. Или, наоборот, очень многие. Кому-то еще Марк вполне мог похвастаться.

Ясно, подумал Борис, вот он, пресловутый антураж: и чертова машинка, и тайное отделение (как и книги по черной магии, и диплом) – не столько средство защиты, сколько красивая волнующая вещь, предмет для создания образа «настоящего мужчины» («Вот, видите? Держу всегда заряженным – приходится, знаете ли... Только уговор: никому ни слова!»). Экзальтированные дамы млеют.

Но кто-то – он или она – открыл крышку, достал «вальтер», сделал единственный выстрел в грудь экстрасенса... Хорошо, допустим, целитель, расставшись с очередной гипнотизируемой, решил немедленно принять ванну (А куда делась вода? Убийца убрал затычку и открыл слив? Какой смысл?). Почему он не услышал мелодию Моцарта? А должен был слышать, даже сквозь шум воды. Да и воды-то не было, ванна совершенно сухая.

Борис резко развернулся, прошел в ванную, щелкнул выключателем, осмотрелся... Вот в чем крылась ошибка: слишком легко они объяснили снятый с ноги ботинок. Правда, в тот момент не подозревали о пристрастии ведуна к разного рода тайникам.

Он разулся, встал на край ванны, ухватившись одной рукой за змеевик, а второй методично выстукивая стену под потолком. Где-то здесь...

– Ты чего? – сунулся недоуменный Слава Комиссаров.

– Дай нож, – сказал Борис.

Как раз над раковиной звук был другой, более низкий и гулкий. Для верности он постучал вокруг, определяя размеры полости. Щелкнуло лезвие. С полминуты Анченко возился, тыкая в щель между темно-синими кафельными плитками (в ботинках устоять на скользком бортике было проблематично – вот почему экстрасенс снял обувь). Наконец тихо скрипнуло, и два кусочка стены на петлях послушно разъехались в стороны. Нутро потайного шкафчика было темным – даже свет дневной лампы туда не проникал. Борис с некоторой опаской протянул руку, пошарил и извлек наружу продолговатую черную коробочку. Видеокассета...

– Он их гипнотизировал.

– Кого? – зачарованно спросил Комиссаров.

– Своих пациентов. И записывал на магнитофон, – пока они пребывали... гм, в бесконтрольном состоянии.

– Да как же они соглашались на такое?

– Они и не догадывались.

Борис помолчал, приводя в порядок собственные мысли.

– Они надеялись излечиться от своих недугов – кошмаров, комплексов, навязчивых идей... Марк давал им то, чего они жаждали: может быть, не исцеления, но забвения, пусть кратковременного... А потом, когда все уже было позади, предъявлял видеоматериалы – как счет к оплате. Кстати, надо поискать на стеллаже напротив кресла. Должна быть камера. То-то он Маргарите Павловне запрещал трогать мебель...

– Вы знали?

Экономка смотрела на стопку кассет с вялым любопытством.

– Нет.

– И даже не подозревали ни о чем таком? Ну понятно, он вас отсылал перед сеансами.

Преступник искал пленку, понял Борис, разглядывая кассеты по очереди, – все они были без опознавательных знаков, лишь в уголках угадывались нацарапанные карандашом числа – от одного до десяти. Трех кассет (2, 6 и 9) не доставало.

Играет она или нет? Борис тайком посмотрел на Ермашину, надеясь застать врасплох, прочесть что-то в ее лице... Но – то ли перед ним была превосходная актриса, то ли действительно человек почти посторонний (и не отдающий себе отчета, что на данный момент – кандидат номер один в убийцы).

– Вы меня подозреваете? – спросила она. Он тяжело вздохнул: подозревать было занятием не из приятных.

– Вы ушли от Бронцева через дверь на кухне?

– Да.

– И забыли ее запереть?

– Право, не знаю... Не может быть! – на ее лице отразилось беспокойство.

Она порывисто встала, вновь прошла на кухню, постояла у двери (даже, кажется, прикрыла глаза, словно пытаясь воскресить некие действия в мышечной памяти). Вот сделала движение, будто повесила на плечо хозяйственную сумку, вот в третий раз поправила несуществующий локон у правого виска...

– Вы недавно были в парикмахерской?

– Почему вы так решили?

Он улыбнулся и повторил ее жест.

– Ах это... Да, у меня раньше была другая прическа... Я вспомнила!

– Что?

– Я заперла дверь, – сказала она с облегчением и даже с некоторой гордостью. – Я вынула ключ из замка и уронила. Потом долго искала – наверное, с минуту. Темно было.

Борис задумчиво кивнул, толкнул дверь... Вышел на лестницу (правда, хоть глаз выколи).

– А дверь-то скрипит, – отметил он. – Маргарита Павловна, вы понимаете, что это означает?

Он наморщил лоб, стараясь удержать скользкую, как угорь, мысль. Да, чем бы экстрасенс ни был занят – готовился принять ванну, переодевался (а почему не в спальне?), прятал только что записанную кассету в хитрый тайничок над зеркалом, – он должен был услышать скрип двери и мелодию, которую играла шкатулка. Должен был как-то отреагировать, у него в распоряжении были те несколько секунд (это очень много!), пока убийца шел через гостиную, доставал пистолет, досылал патрон... Марк же продолжал спокойно (судя по выражению лица) заниматься своим делом. Вывод прозрачен: он хорошо знал своего убийцу... По крайней мере, он сам впустил его, а потом доверчиво повернулся спиной.

– Мог он повернуться к вам спиной?

– Мог, – покорно согласилась экономка. – Я взяла пистолет и выстрелила. Потом украла кассеты. Может быть, для отвода глаз, а может быть, я тоже была пациенткой Марка.

Она беспомощно улыбнулась и добавила:

– Но меня он не гипнотизировал. Я в лечении не нуждалась.

– Да, – с облегчением сказал Борис. – И вы бы не дотянулись до тайника – вам

понадобилась бы табуретка.

На кухню вошел Слава Комиссаров и глазами указал на дверь в гостиную.

– Нашли видеокамеру. Не хочешь взглянуть?

Уже по дороге, явно довольный собой, он объяснил:

– Хитрая маскировка: объектив вмонтирован в корешок книги на стеллаже. Прямо кино про шпионов, честное слово.

Действительно хитро, согласился Борис, разглядывая чудо инженерной мысли. Ничем любительским здесь и не пахло – камера была профессиональная, с широким фокусом и большим разрешением, но весьма компактная и снабженная мощным направленным микрофоном. Способ установки соответствовал: с расстояния в два метра объектив невозможно было заметить.

– Однако она заметила...

– Кто? – спросил Слава.

– Женщина со светлыми волосами. Увидела, почувствовала... Может быть, Бронцев себя выдал каким-то образом – должен же он был подойти, включить, а потом выключить... И она поняла, что ее пишат.

Поняла, надо думать, не сразу: вышла из гипноза, но задержалась в некоем пограничном состоянии, когда сознание раскрепощено и все окружающие детали воспринимаются необычайно остро... Потребовала объяснений – но Марк, уверенный в себе, только махнул рукой. Отвернулся, нисколько не опасаясь, прошел в ванную: «Вы не одна такая, голубушка. Возможно, это вас утешит». – «Да как вы могли...» – «Ну, не надо драматизировать. Кассетка пока побудет в надежном месте, а дальнейшее зависит от вашего благоразумия...» Выстрел. Убийца хватается пленку, бросает пистолет, бежит черной лестницей.

– Вы знаете, я вспомнила, – вдруг сказала Ермашина.

– Что?

– Перед моим уходом погас свет. Вылетели пробки. Вот, оказывается, почему горели свечи.

– Кто же их вернул? В ванной была включена лампа...

– Только не Марк, – категорически заявила она. – Он прямо-таки по-детски боялся электричества. Говорил, будто много лет назад попал под удар тока, когда чинил розетку.

Возникла пауза. В голову лезли совершенно посторонние мысли типа: как бы эту мизансцену (отнюдь не гениальную) описал гениальный братец. «Ключевое слово: электричество. Реакция первая: недоумение, протест. Реакция вторая: сосредоточение на новой идее. Какой? Очень простой: свет в ванной комнате включил Марк. Незадолго до этого в гостиной он погрузил в транс светловолосую пациентку, настроил видеоаппаратуру, но – стечение обстоятельств – записать ничего не успел... И тем не менее вслед за этим последовал выстрел: значит, убийца взял ранее записанную кассету!»

– Слава, – тихо проговорил Анченко. – Кровь из носу, нужен электрик, который чинил пробки.

Слава отошел к дверям и что-то сказал молодому оперативнику. Тот коротко кивнул и исчез.

Они снова остались вдвоем, словно сыграла некая режиссерская задумка (не к ночи будет помянуто): сцена утонула во мраке, рампа в упор освещает два лица, которые ведут диалог полупшепотом, остальные персонажи вроде бы здесь, рядом, но из игры исключены, как тени за границей светового пятна. И она снова, более настойчиво спросила:

– Вы меня подозреваете?

– Я же сказал...

– Вы не сказали. Вы ответили вопросом на вопрос.

– А как вы думаете?

– Думаю, одни факты говорят в мою пользу, другие – против. Вы взвешиваете и не можете решить. Чего вам не хватает?

– Записей покойного.

– О чем вы?

– О пациентах, черт возьми, – раздраженно пояснил Борис. – Не мог же Марк все имена и фамилии держать в голове! На кассетах проставлены только номера. Как он ориентировался в них? А самое главное: как ориентировался убийца? Неужели сидел по соседству с трупом и просматривал пленки по очереди?

Они как по команде повернули головы и рассеянно уставились на стопку черных кассет, высившуюся посреди стола. Картина представлялась ясная и недвусмысленная: съемка скрытой камерой – следовавший за этим шантаж (вульгарные деньги? Или что-то иное, загадочное и грязное?) – пуля из «вальтера» как закономерный итог... Лишь очередное маленькое несоответствие царапнуло взгляд – Борис почувствовал, но не успел зафиксировать мелькнувшую мысль. Что-то связанное с кассетами. Бархатная ленточка на полу. Пальма, которую экстрасенс так любил и которую почему-то не полил в день смерти. Встроенный в стену бар с роскошным зеркальным нутром... Все это вот-вот должно было соединиться в некую логическую цепочку, но... Какое-то звено выпало – или, точнее («найдите ошибку художника»), не желало укладываться в схему.

Итак, попробуем. Ошибки художника: первая – шум воды и мелодия музыкальной шкатулки (Моцарт: повеяло чем-то забытым и жутковатым, всплыла некая ассоциация). Вторая – слетевший с ноги покойного итальянский полуботинок. Третья – перегоревшие электрические пробки (Где же этот монтер проклятый? Неужели в бегах?).

И самое главное: хозяйский «вальтер». Тщательно подготовленное (даже отдающее «заказным») убийство, ни единого следа и ни одного живого свидетеля – и при этом преступник использует чужое оружие... Будь он хоть трижды «свой», пусть ему было известно о двойном дне проклятой шкатулочка – все равно огромный риск: вдруг пистолет не заряжен? Вдруг Марк придумал для своей игрушки новый тайник? Масса этих самых «вдруг»...

Электрик из домоуправления оказался высоким худым субъектом в засаленном халате, с длинными руками и ногами, печалью разочарованного несовершенством мира мыслителя во взоре и выдающимся малиновым носом. Он пребывал в легком подпитии, но это состояние, кажется, было для него естественным и привычным, как окружающий воздух. Его звали Ампер Станиславович Иванов (Борис, заподозрив подвох, заглянул в паспорт: все верно, расстарались горады на выдумку родители).

– А как вас звали в школе?

– Ампером и звали, – спокойно отозвался тот. – Принимали за армянина. Это папаша награбил. Я же не просто электрик, а – потомственный. И отец, и дед...

– Понятно.

– Чем же я, простите, заинтересовал нашу милицию?

– Вы сегодняшней вечер хорошо помните?

– Обижаете. Вот если бы вы пришли завтра утром – тогда я бы не гарантировал.

– В котором часу вы меняли пробки?

Он тяжело задумался, поднял руку вверх и почесал затылок (вторая рука при этом тоже поднялась, отчего халат на спине встал колом).

– Ну, мы как раз сели – я, Архипыч (наш сантехник-сан) и молодой, с соседнего участка. Расстелили газетку, молодого послали в ларек...

– Когда это было?

– Как положено, по окончании трудовой вахты.

– Ой ли?

Он ничуть не смутился.

– Ну, не так чтобы строго по окончании... Минут за сорок.

– А точнее?

– Уговорили. За час. По первой-то приняли в обеденный перерыв, вот душа и потребовала.

– Где расположились?

– На подоконнике, на черной лестнице. Летом-то мы все больше во дворе, под грибком, ну а в лютую стужу, как сегодня... Впрочем, сидели недолго – Архипыч засобирался (супруга у него – чистая кобра). По баночке усидеть только и успели. Смотрим – кончилось. Только молодого озадачили – бац, тьма крошечная, лишь буржуйский ресторан за окном отсвечивает. Что удивительно, пробки только недавно менял, ну да они ж того...

– Кто «того»?

– Да вурдалаки эти, колдуны-экстрасенсы. Без дыма адского творить не могут. Я на него, уroda, как-нибудь домуправа нашла...

– Это вряд ли, – вздохнул Борис и пояснил: – Скончался ваш экстрасенс. Буквально два часа назад.

Ампер икнул, испуганно обернулся кругом, длинные руки вновь совершили некое сложное движение.

– Скончался, – повторил он. – Надо же, прекрасный был человек... А от чего, простите?

– Вы бывали здесь?

– В квартире? Вообще-то... У него звонок испортился. Импортный, с десятью мелодиями. Полонка пустяковая, я за полминуты управился...

Далее следовал пространный рассказ о памятном событии, во время которого Борис слегка отключился, возвратясь в мыслях к «вальтеру» и кассетам. Без дыма адского... Без пистолетика жить не могут. Между тем «вальтер» был приобретен всего два месяца назад. А значит, можно предположить, что два месяца назад (или чуть больше) возникла угроза. И, надо думать, нешуточная, коли дело окончилось так плачевно (меловой контур на полу в ванной). Однако, кроме покупки оружия, Бронцев никаких мер не принял: как и прежде, вел обширную практику, каждый раз включал потайную видеокамеру и отсылал домработницу (ненужного свидетеля). Даже замок не сменил.

– А кроме звонка, покойный ничего не отдавал вам в починку? Видеоаппаратуру, например...

– Упаси боже! – Ампер истово перекрестился. – Неужто у меня рука бы поднялась? Подумал и закончил:

– Нет, не поднялась бы. Отец – тот все мог... По части электричества, я имею в виду. Приемник собрал в баночке из-под гуталина, а я, подлец, пропил в прошлом году.

– И с тех пор вы его не видели?

– Приемник?

– Экстрасенса.

– Не видел, не слышал, не знаю.

– Когда вы чинили звонок?

– Недели две назад, пожалуй.

– Вы проходили в тот раз в гостиную?

– Каюсь, заходил. Любопытство разобрало: как, мол, нынче вурдалаки живут – при всеобщем прогрессе. Ну, и бар был открыт, само собой (я еще из прихожей заметил). Зеркала и бутылочные горлышки из темного стекла с этикетками – я оторваться не мог от созерцания.

– Где был Бронцев в этот момент?

– Выпроваживал кого-то через дверь на кухне. Там выход на черную лестницу...

– Я в курсе. Кого он выпроваживал? Пациента?

Ампер страдальчески задумался.

– Он сказал: «На сегодня все, ты молодец. В общем, двадцатого жду...» А тот ответил: «Ладно, ладно, помню». И еще добавил что-то, не совсем почтительное, типа «не гунди». Кажется, так. – Он запнулся и удивленно посмотрел на собеседника. – А сегодня как раз двадцатое...

– Чей был голос? Мужской, женский?

Электрик совсем растерялся. На этот раз он думал долго – от непривычной нагрузки он

покраснел, и из правого глаза выкатилась одинокая слезинка.

– Чистый такой голосок, звонкий. Ломаться еще не начал. Похож на женский, но... Словом, мне показалось, что это был ребенок.

Глава 7 ТИХИЕ РАДОСТИ

Дни бежали вперед ходко и плавно, наст поскрипывал под полозьями, и пушистые елочки приветливо кивали заснеженными головками. Княгиня лежала, укрытая двумя шубами, и прислушивалась к шуму в голове – будто призрачный перезвон колоколов в далеком уединенном монастыре. Судороги, сжимавшие все тело, отпустили, уступив место дурманящей тягучей слабости (последствия сильного испуга: вопреки в северных краях недаром почитают за самого страшного зверя наряду с медведем-шатуном – при огромной силе и весе, при безрассудной свирепости он может двигаться с такой скоростью, что вводит человека в суеверный ужас, так что исчезает мужество даже бежать, а не то что драться).

Сзади, за спиной, дробно стучали копыта и бряцала сталь – ехал князь с ближайшими телохранителями. Те теперь не отставали ни на шаг, а один, с косым сабельным шрамом от виска к подбородку (давнему, белесому, только волосы не росли на том месте), с седыми вислыми усами и золотой гривной на шее, вообще примостился скакать рядом с господином стремя в стремя, сторожко поглядывая вокруг – не случится ли новой опасности (правда, подумала Елань со слабой улыбкой, точно няня при малом дитятке). Изредка она поглядывала назад. Со своего места, с приземистых саней, она видела широкую грудь серого коня. Теперь этот конь служил седоку вместо павшей в бою белой красавицы с нежным именем Луна... Потом взгляд Елани поднимался выше, к ладному крепкому телу князя, облаченному в легкую сарматскую броню и накинутый сверху меховой плащ. И лицо...

Она отвела глаза, почувствовав краску на щеках. Не заметил бы... А хоть бы и заметил, решит, что от мороза (мороза-то, если по совести, и не было. Так, четверть). А сама думала, думала о себе с немалым удивлением. Кто бы сказал ей, что когда-нибудь после смерти Василия она посмотрит на другого мужчину. Семь лет прошло... (А как она жила все это время? Будто мир потух, душевные силы оставили... Запершись в крошечной темной часовенке, она молилась день и ночь, не вставая с коленей перед древним почерневшим распятием.)

Она просила Господа, чтобы взял ее к себе пред светлые очи... Не сподобилась. Хотела уйти в монастырь (так и мнилось, как рано поутру в маленькое оконце кельи проникает серебряный луч и мать-настоятельница с красивым одухотворенным лицом и ласковыми руками подходит и кладет ладонь на пылающий лоб, даруя благословение. А потом выстригает крестообразно волосы на голове и покрывает платком...). Если бы не сыночек, совсем юный княжич Мишенька, – может быть, все так бы и свершилось. Но опять некие высшие силы воспротивились. И помыслы, и силы ее с того дня словно направлял неведомый ангел-хранитель, сосредоточивал на таинственных сюжетах и подручных средствах к нему: запахи, шорохи, тени, лица и листья на ветру, сверкающая рябь озера, детский смех – будто переливалось через край чаши жгучее вино, которое звалось жаждой жизни. Твой земной путь еще не завершен, сказали ей. У тебя еще есть ради кого жить. Наверно, ради Мишеньки, подумала она. И смирилась.

Ее отдали замуж в пятнадцать лет, едва подошел срок. Еще жива была матушка, когда молодой да пригожий князь из дальней волости прислал сватов с дорогими подарками – целых четыре торговых лодьи. Она, конечно, всплакнула, не без этого. Страшно было улетать из родного гнезда – маленького городка в устье Шексны с ласковым названием Новгород-Низовский – деревянная крепость с высокой, господствующей над окрестностями средней башней Вежей и длинной лестницей до самой Замковой горы, обнесенной двойным частоколом, а дальше, на вершине холма, по соседству с княжеским теремом – двуглавый

собор Господа Вседержителя, построенный из резного желтоватого камня...

Там Еланюшка впервые вошла во Врата. Так почему-то это называлось – на самом-то деле ничего похожего на ворота она не увидела – лишь неприметная дверца сбоку от алтаря, в правом приделе, и комната за ней, где на гладком полу был высечен непонятный рисунок.

Там она впервые увидела Шар и даже коснулась его рукой – он был теплый на ощупь и показался ей живым – по крайней мере, у нее тут же возникло детское желание погладить его и спросить о чем-то самом-самом важном... Но Елань посмела лишь дотронуться до поверхности, и ее закружило, понесло куда-то сквозь миры (запомнилось яркое видение: бесконечное прозрачное поле, звезды над головой и под ногами, и сразу, без малейшего перехода, – чужой северный берег незнакомого фьорда, ледяные мокрые скалы, уродливо искривленная сосна, примостившаяся незнамо как в узкой расщелине, и распластанные в бешеной скачке всадники, похожие на больших хищных птиц).

Ее учили проникать в иные пространства – это оказалось делом нелегким и даже страшным поначалу, не всякий разум вынесет. Но Шар недаром избрал ее одной из своих Хранительниц.

И жизнь молодой девушки как бы разделилась надвое (ей было непонятно: как можно существовать одновременно в нескольких местах и временах? Она пыталась задавать вопросы, но ее остановили: охолонь. Смотри, слушай, учись. Исполняй предназначенное). А «земная» жизнь меж тем тоже была суровой и тревожной. На внешних границах царило еще относительное спокойствие, но все понимали: это – затишье перед бурей. От набегов воинственных кочевников Житнев прикрывали с юга Ростово-Суздальское и Рязанское княжества, а непроходимые болота и чащобы – с севера и востока. Два родных дяди князя Василия, братья его отца Константина Всеволодовича, правили Владимиром и Новгородом, самыми обширными русскими владениями. Их земли простирались от Старой Руси и Ладоги до дальнего Заволочья...

Еще силен был великий князь Константин, вознесшийся к вершинам власти после победы над младшими братьями Юрием и Ярославом. Еланюшка видела его единожды, когда Василий возил ее во Владимир...

Это путешествие, пожалуй, стало самым ярким ее воспоминанием юности. Она увидела город в пору высшего его расцвета, ранней осенью 1233 года. Деревья не успели пожелтеть, и трава по склонам горы Хоривицы была изумрудно-зеленой, сильной, лишь кое-где поблекшей от прямых солнечных лучей. Лодья под княжеским гербом на полосатом парусе подошла к гавани на реке Почайне – справа открывался Боричев спуск и Стрелецкая слобода, а слева высилась знаменитая златокудрая красавица – Десятинная церковь. У Елани дух захватило при виде такой красоты.

По склонам горы, насколько хватало глаз, раскинулось множество больших и малых усадеб. Когда-то мощные каменные стены окаймляли город, но постепенно он разросся, и домам стало тесно за укреплениями. И хорошо (не все богатырю щеголять в детской рубашонке), и худо: коли случится вражеский набег, много семей останутся в одночасье без крыши над головой.

Возле Софийских ворот молодых супругов встречал сам Константин Всеволодович со свитой. Князь был уже в летах. Волосы на голове побелели, а лицо – наоборот, сделалось темным и покрылось сухими морщинами. Только глаза остались прежними – умными и проницательными (глаза мудреца, рано познавшего предательство и обман и научившегося, когда необходимо, отвечать тем же). Что еще? Резкие складки вокруг губ и нос с еле заметной горбинкой... Вообще красивое лицо. Худощавая фигура, длинные тонкие пальцы, унизанные золотыми перстнями с самоцветами. Василий упоминал, что батюшка всегда был великий охотник до чтения книг. Сам принимал участие в летописании и строительстве городов. И конечно, он был прозорливый политик.

Его батюшка, Всеволод Большое Гнездо, при жизни прослыл мудрейшим из русских правителей, но под свою кончину сумел посеять такую вражду между сыновьями, что худших врагов трудно было придумать. Каждый тянул одеяло на себя, и северо-восточная

Русь трещала, раздираемая кровавыми междуусобицами. Старшему брату Константину досталось плохое наследство. И он задался целью объединить северные земли под своим началом.

Прежде всего ему был необходим союзник. Им стал выходец из Смоленского княжеского дома Мстислав, прозванный Удалым, – тот много лет заглядывался втайне на новгородский престол. Ярослав и Юрий, младшие братья Константина, прознав о притязаниях чужака, встали на дыбы. Константин же немедленно обещал Мстиславу всякую поддержку.

Великий был спор. Такие редко (если уж очень повезет) решаются за столом переговоров. Только силой оружия...

Там, на болотистой реке Липице, между горой Авдовой и горой Юрьевой, сошлись дружины четырех князей. Преклонили воины колени. Помолились Пресвятой Деве Богородице. Сняли тяжелые брони – и по сигналу трубы бросились налегке, через болото, навстречу друг другу. Смоленские на псковских, новгородцы на суздальцев. Русские на русских... (А за тысячи верст отсюда, на другой реке с никому не известным названием Онона, курултай кочевых племен провозгласил степного вожака Бату, внука Чингисхана, своим верховным правителем. Страшная и злая звезда взошла на небесах... Да кабы все знать заранее.)

А пока Мстислав, недаром прозванный в народе Удалым, бился впереди дружины с топором в руке. Не считая ран, не жалея пролитой крови – своей и чужой. За таким князем дружина пошла бы хоть куда – хоть на пир, хоть на верную смерть. Наверное, это и решило дело. Юрий и Ярослав не выдержали натиска и начали отступать. А потом показали врагу спины...

Победа было полной. Ярослав тайно, без всякой свиты, лишь с двумя верными телохранителями, бежал в Переславль. Юрий признал над собой власть нового князя Владимирского Константина и стал его вассалом. Однако поражение суздальских князей вдруг обернулось для Мстислава неожиданной стороной. Он – главный герой битвы на Липице – сел наместником в Новгороде, где княжил и до этого. Коалиция двух князей распалась. Силы Мстислава были подорваны, он все больше терял свои позиции. А Константин Всеволодович встал во главе северо-восточной Руси.

Вот каков был отец Василия, правителя Житнева и прилегающих волостей. Еланюшка смотрела и не переставала удивляться их непохожести. Ее суженый, не в пример родителю, был широк в плечах, слегка косолап и очень силен. Она даже побаивалась его. Так, совсем чуть-чуть, не признаваясь себе самой. И это чувство, пополам с немим обожанием, не угасло и не потеряло жгучей прелести, когда родился наследник – его назвали в честь Михаила Заступника, в день которого, в самом конце месяца студня, он появился на свет.

Видно, сани, в которых ехала княгиня, заметили издали. На городской стене забегали, кто-то замахал рукой, зазвонил колокол на центральной башне, и тяжело заскрипели открываемые ворота. Кorteж двинулся по деревянной мостовой – самой широкой и длинной улице, которая вела через боярские посады к княжескому терему, что стоял как раз возле собора великомучеников Бориса и Глеба. Простой люд останавливался и кланялся в пояс. Множество пар глаз внимательно следили за бегом саней и за незнакомым всадником явно очень знатного рода (посадский боярин, а может, и сам князь – ишь как гарцует серый конь под седоком: глаза косят, дробно бьют копыта о заледенелые доски, пар валит из ноздрей...). И седок под стать: широкоплечий, в богатом охотничьем кафтане и легкой броне, с малой дружиной – все воины как на подбор, высокие, жилистые, ладные. Не захочешь, а опустишь глаза долу и земно поклонисься...

Елань, почувствовав взгляды, превозмогла слабость и села ровнее. А навстречу, из терема, уже бежали встречать дворовые, няньки, служанки – целая толпа. Княгиня обрадовалась. Сейчас ей помогут выйти из саней, отведут наверх, в опочивальню... Ага, воевода несется через двор на взмыленной лошади, вид донельзя встревоженный: кто-то успел доложить о происшествии. Но это потом, а теперь – положить бы голову на лебяжью

подушку и – спать, спать...

В горнице раздался топоток маленьких ножек, и влетел запыхавшийся княжич Мишенька – без шапки, волосы всклокочены, глаза едва не вылезают из орбит. Испугался за мать. Елань присела и ласково обняла мальчика, шепча что-то успокоительное.

– Ну, ну, перестань. Жива, не видишь?

– У тебя кровь, – всхлипнул он.

Она посмотрела на рукав – и правда, бурые пятна.

– Это не моя.

– А чья же?

– Похоже, я тебя испачкал, госпожа, – хмуро сказал князь Олег. – Достал-таки зверюга.

Старая нянюшка Влада тут же сунулась вперед, неся горшочек целебных трав. Олег отмахнулся:

– Да ну, царапина, подумаешь.

– Может, и царапина, только кто знает, что за зверь напал на вас, – тихо возразила знахарка. – Пойдем, княже, не упрямясь.

Сколько лет было старой Владе – никто не знал. Можно было подумать, что ей, дожившей до какого-то возраста, лесной колдун показал дорогу к волшебному озеру – наверно, омолодить хотел да взять в жены... Только то волшебство свершилось как бы наполовину: прожитые годы не вернулись, кожа на теле не обрела былой мягкости и упругости, волосы как были седыми, так и остались, зато многие более молодые успели уйти в лучший мир, а Влада все нянчила любимых детей (не своих, а – будто бы и своих) – сначала Еланюшку, теперь Мишу... А придет черед – будет нянчить его сыновей и внуков, коли бог даст.

В пустой гриднице князь скинул кафтан и поднял подол у вышитой червленой рубахи. Рана на боку была не так чтобы глубока, но болезненна, и крови успело натечь порядочно. Перевязать действительно не мешало. Пока знахарка промывала ее и накладывала целебную траву, пока перетягивала чистой тряпицей, шепча под нос заговор (наверно, еще более древний, чем она сама), Олег молчал, занятый своими думами. Потом не выдержал и спросил:

– Почему ты так странно сказала: будто неизвестно, кто напал в лесу на княгиню?

– Муж ее, князь Василий Константинович, пал от вепря.

– На охоте?

Она промолчала, словно не расслышала. Затем пробормотала:

– Я думаю, не предостережение ли это было? Может, тот вепрь, с вражеского стяга, пришел мстить...

– Прекрати! – недовольно сказал Олег. – Накличешь еще. И потом, даже если и так – все равно он мертв, сам видел. Так что молчи и княгиню мне не пугай, она и так натерпелась.

А Елань тем временем поднялась по деревянным ступеням вверх, в опочивальню (когда-то Василий внес ее туда на своих сильных руках, и она будто плыла по воздуху, прижимаясь к крепкой шее мужа и не зная, плакать ей или радоваться – ведь только-только минуло пятнадцать годочков, впереди целая жизнь...

Как-то она сложится? «Не бойся, горлица моя, – прошептал ей супруг, щекоча жесткими усами. – Никто тебя здесь не обидит»).

Заснув в широкой постели, укрытая меховым одеялом, она увидела во сне своего спасителя. И спросила его: «Это ты, Тот, Кого я жду?» Он не ответил, лишь улыбнулся, обнажив белые зубы, и протянул ей руку. Еланюшка улыбнулась в ответ – радостно, открыто – и безоглядно подалась вперед, ему навстречу.

"На этот раз Господь смиростивился и разогнал наползающие тени. Вечер перешел в ночь – тихую, ясную... Звезды так и высыпали на черное бездонное небо, и месяц торчал рожками кверху (это к морозу: зимушка никогда не уходит со двора по доброй воле, все норовит ущипнуть напоследок). На башнях перекликались часовые, только я не слышала.

Мне мнилось большой диковинный корабль, вроде тех, что я видела во время

путешествия во Владимир. Только этот был гораздо шире и длиннее и сделан был из железа (я, правда, не разумею, как это получается, что он плавает и не тонет на полноводной реке? Ну да во сне еще не то увидишь). Помню, я не заметила ни гребцов, ни паруса на мачте. Там не пахло смолой, не торчали по бортам длинные сосновые весла, лишь два огромных колеса шлепали по воде, будто кто-то невидимый их вертел.

Князь Олег стоял на верхней палубе, облокотясь о поручень, и смотрел на меня... Смотрел молча, но по его глазам и так было ясно. Он любовался мною, а я словно видела свое отражение в воде и мысленно ужасалась: речной озорник-ветер растрепал волосы, на щеках не было румян, а из украшений – только узенькая ленточка из черного бархата. Не подобало княгине являться перед желанным гостем в таком виде. А еще я заметила, что Олег (одетый, кстати, тоже не совсем по-княжески, но оттого еще более красивый, что для воина тоже не последнее дело) будто бы оберегает свою левую руку. Наверное, вепрь оставил отметину. Вернемся – приглашу князя в свои покои, приложу к ране целебную траву. Уж собирать и готовить травы по особым рецептам я умела не хуже нянюшки Влады, ведуньи и знахарки.

Олеговых кметей приняли в дружинной избе с должным почетом, как своих. Скоро я всех их знала по именам, а уж Мишенька и вовсе не отходил от них ни на шаг и все упрашивал нашего воеводу: «Дядюшка Еремей, прикажи, чтобы мне выковали меч!» Тот, усмехаясь, отговаривал: «Мал ты еще, княжич. Порежешься ненароком». – «Батюшка хотел, чтобы я вырос воином. Какой из меня воин без меча?»

В конце концов Еремей уступил. Не стальной, правда (настоящего оружия ждать Мишеньке по старому обычаю еще долгих две зимы), но деревянный меч, искусно вырезанный из крепкого дуба, в почти настоящих ножнах, отныне княжич носил на поясе, снимая только за столом да на ночь..."

Запись обрывалась. Неясно, на полуслове – будто обрывок дневника или рукописи. Он мимолетно вспомнил школьные годы своей внучки, слезы, пролитые над рабочей прописью, – все девочки как девочки, прилежные и аккуратные, а ты ручкой водишь как курица лапой... Чтобы завтра же родители пришли в школу. Как нет родителей? Ах, уехали... Тогда пусть придет дедушка. Порадуется за внучку.

Родители и вправду прийти не могли. Они, вечно занятые люди, чрезвычайно творчески одаренные и с активной жизненной позицией (в смысле: брать от жизни все, что еще можно спереть), мотались по заграницам. Марина – в качестве переводчицы Интуриста, ее благоверный – каким-то сверхзагадочным помощником инструктора («стукачом» по-простому... Впрочем, и без него нашлось, кому «стукнуть»: еще чуть-чуть, и загремел бы зятек на полную катушку, при раннем Горбачеве, как и при Андропове, много давали за валюту и за Христа – то бишь за вывоз икон и предметов старины).

Придя домой с родительского собрания, дед не стал ругать внучку и читать нотации, а усадил рядом с собой и отныне прилежно «учился» вместе с ней, проходя программы за все классы. Зять ускребся чудом, в последний момент перекрасившись вдруг в убежденного демократа и славянофила, «пострадавшего» от тоталитарной системы. О том, что где-то в застывшем лежит на всякий случай красная книжечка, он старался вспоминать пореже. А дед получил внучку в безраздельную собственность, чему несказанно обрадовался. Родная кровь, утешение к старости и неслабая ответственность. Если бы не Алечка, он остался бы совершенно один – заброшенный и никому ненужный. Иногда, правда, заходили незнакомые вежливые люди – ученики его учеников, приглашали почетным членом на разного рода официозные посиделки... Он отказывался, ссылаясь на старческую немочь. Пробовал собирать домашний архив и писать мемуары – бросил: не его это. Радовался лишь внучке, жившей пока вместе с ним, и визитам любимого ученика, чувствуя себя могучим столпом и мэтром (который был известен тем, что на пару с Евгением Шварцем спьяну заблудился в ночной Венеции и чуть было не угодил в тамошний околоток).

Он помнил спор, возникший между ними, – он назвал это громко: спором двух концепций («Я, старый дурень, все сыпал именами классиков: ах, Козинцев, ах, Эйзенштейн!

Ах, историческая достоверность и символизм – Одесская лестница в „Потемкине“ и золотой трон в „Клеопатре“...»). Ученик, устроившись на своем излюбленном стуле возле окна и раскачиваясь на двух ножках, только молча грустил. Не спорил, даже не отвечал на некоторые встревоженные вопросы – видно было, что в душе прочно угнездилась черная меланхолия; Наконец учитель вздохнул и поднял руки кверху.

– Все. Все, дорогой мой, не знаю, чем тебя еще развлечь.

– Развлечь? – кисло улыбнулся тот. – Я не за этим пришел.

– Ну а раз все-таки пришел...

Учитель достал из стола папку, развязал тесемки и водрузил на нос очки.

– Вы прочли сценарий? – спросил молодой человек.

– Прочел. Знаешь, весьма недурно... Этакая историческая костюмированная драма, чем-то напоминает «Даниила, князя Галицкого».

– Историческая драма – это нелепость, – отрезал ученик («Вот за что люблю молодость: за способность к безапелляционности»). – Я не понимаю его смысл. Все чувства, переживания, мысли... Все подменяется голым антуражем. Яковом Вайнциманом и Диночкой Казаковой (это наш костюмер). Я так не хочу.

– А тот материал, что я снял в Киото, тебе не помог?

– Он меня еще больше запутал. Я вдруг понял, что терпеть не могу своих героев. Они напоминают разряженных кукол.

– Ну уж!

– Да, черт возьми. Вы посмотрите, как они ходят, как говорят! О чем мечтают!

Он с брезгливостью взглянул на исписанные им же листы бумаги, испещренные карандашными пометками на полях (на самом деле адский труд: шлифовка и отточка уже готового текста, избавление от лишних связей и местоимений).

– Тупое подражание, следование канонам... В мусор, больше никуда не годится. Тут вам и «дубина народной войны» (тема школьного сочинения «по Толстому»), любовь к правительнице (непонятно, с какой стати? Она же, по идее, угнетала простой люд – дань, оброки и все такое. Правда, и защищала от внешних напастей...). Опять же, как положено, среди массы героев затесался предатель (он сошел с ума во второй серии).

Без предателя, кстати, трудно было объяснить, каким образом вражеские темники вывели свои войска к стенам древнего города, затерянного среди непроходимых дебрей. И, может быть, главное – не передашь (принцип контраста) всего трагизма гибели православного монастыря, который первым принял удар Батыя... Держались монахи, если верить летописи, почти трое суток и полегли все, кроме трех человек, на которых была возложена миссия сохранить церковные реликвии и древние книги.

Я все больше погружался в своеобразный омут, сладкий и страстный, что применительно к моему возрасту означало подзабытую мысль: а ты еще крепок, старик Розенбом. К тебе еще приходят за советом, с тобой еще кто-то считается...

– Чего же ты хочешь, дружок? – ласково спросил я.

– Я хочу разобраться в себе. (Ну, этого кто не хочет.) Хочу стереть границы между эпохами, а не выпячивать их.

– Почему?

– Потому что иначе неинтересно.

Я улыбнулся мудрой улыбкой и процитировал наизусть Эйзенштейна, с подсознательным желанием продемонстрировать словесную память:

– «Не в покрое платья я желаю всматриваться, не в дальний план, где дублеры скачут на лошадях и звенят бутафорские клинки, а в выражение лица героини, в те бури и волны, что перекачиваются у нее в душе...» Изысканно, правда? Дорогой мой, ты просто взрослеешь.

Я думал его успокоить, но он лишь отмахнулся.

– Со мной что-то происходит. Я будто проваливаюсь в другой мир, в далекое прошлое... Вижу те события, о которых делаю картину, своими глазами. И пугаюсь. Можно,

я покурю?

– Дыми, вон пепельница.

– А вы... ну, в смысле астмы...

– Давай, давай.

Он чиркнул спичкой. Подумав, все же встал и приоткрыл форточку.

– А что именно тебя пугает?

– Это трудно объяснить. Понимаете, ТАМ все время все меняется. Мне будто кто-то показывает разные варианты развития одного и того же. Как было бы, если бы... И так далее.

– А разве это так страшно?

– Страшно, – ответил ученик. – Потому что я увидел, как погиб древний город. И в его гибели обвинили меня...

Я внимательно посмотрел на собеседника.

– Ты не выдумываешь?

– У меня есть доказательство. Хотите посмотреть?

Повернулся ключ в замке, хлопнула входная дверь. Он с испугом закрыл тетрадь и поспешно убрал ее на место. Не хотелось, чтобы внучка решила, будто он подсматривает за ней. Он и не подсматривал – давно, как стали слабеть ноги, научился угадывать ее действия по звуку. Например, по шагам: вот сейчас она снимет сапожки и пальто, легонько прошелестит на кухню и наденет фартук. Загремит сковородкой, зашипит растительное масло («Тебе, дедуля, холестерин ни к чему»), квартира наполнится уютными и аппетитными запахами...

Он подождал. Нет, сегодня – другой сценарий, незнакомый. Кажется, она, не снимая обуви, прошла в свою комнату и прикрыла дверь. Включила камин (не настоящий, само собой, а электрическую пародию: тепло и красные огоньки переливаются внутри, изображая раскаленные угли). Ему почудились тихие, всхлипы. Он не выдержал, осторожно постучался и вошел, увидев внучку, сжавшуюся в комочек. Она сидела в глубоком кресле напротив каминной решетки. Было почти жарко, но он подумал, что девочку бьет настоящий озноб. Причудливая переменчивая игра света и теней на тонких чертах лица, в изгибе изящных кистей, в буйной чаше волос медового цвета... Руки сцеплены на коленях (сапоги она все же сняла, они лежали на полу перед креслом).

На секунду ему показалось, что он видит свою жену Аннушку (тот же поворот головы и выражение глаз, чуть приподнятая верхняя губа – непонятная смесь покорности и затаенного вызова).

– Ты ходила к Бронцеву? – спросил он.

Она сглотнула комок в горле и кивнула.

– Чем же этот вурдалак тебя увлек? Пристальным взглядом, да? Свечами на столе, фразами типа «Я все о вас знаю, вы для меня – как открытая книга»?

– Откуда ты знаешь?

– О чем?

– О свечах на столе, – еле слышно сказала она. – Они на самом деле горели... А потом вдруг разом погасли, будто от ветра.

– Милая, он тебя так напугал?

– Я видела труп, – сообщила женщина бесцветным голосом. – Он был в ванной комнате.

– Стоп. Не понял, чей труп?

– Марка Бронцева.

– У него что, сердце...

– Нет. Там лежал пистолет, рядом с телом.

– В котором это было часу? – почти спокойно спросил он.

– Не помню точно... Мы условились встретиться в шесть. Я пробыла у него до половины восьмого, потом ушла.

– И ты полтора часа сидела рядом с трупом?

– Нет, что ты! Он был еще живой...
– Ладно, что было потом?
– Я вернулась.
– Сразу?
– Я не помню! – выкрикнула она. – Все как в тумане...
– Соберись! – властно приказал он, и она, как ни странно, подчинилась. – Что ты делала после того, как ушла?

– Вышла на остановку, села в троллейбус.
– До нашего дома троллейбусы не ходят.
– Это так важно?
– Все может быть важно, – пробормотал он и присел рядом, собираясь с мыслями. Вернуться бы сейчас, туда, в квартиру в Якорном переулке, осмотреть все свежим взглядом, подчистить и подготовить «сцену» (если тело еще не обнаружили... А кому, собственно, обнаруживать?)

– Ты захлопнула за собой дверь?
– Я убежала черной лестницей. Там замок старый, не автоматический. А что?
– Тебе никто не попался навстречу? Тебя могли увидеть?
Внучку трясло. Он не надеялся на ответ, но она ответила:
– Да. Там, в квартире, был кто-то еще. И потом, этот кот...
– Что «кот»?
– Кот был на улице, в миске еда не тронута.
– При чем здесь это?
– Понимаешь, он, наверное, подумал, что пришел Феликс (дверь скрипнула). А это был убийца..

Они вдвоем сидели на кухне и пили горячее какао. Внучка слегка порозовела лицом, былой кошмар куда-то отодвинулся... Не убрался совсем, а словно позволил отдохнуть от себя: радуйтесь, мол...

– Я сидела в кресле, спиной к окну. Мне было видно трюмо в коридоре. Что-то отразилось в створке, какое-то движение. И шаги... Такой легкий топоток.

– Тебе могло почудиться под гипнозом, – отмахнулся он.
– Это было до того, как он меня загипнотизировал. А потом я очутилась в старой церкви...

– Вот уж к церкви я бы его на километр не подпустил...
– Но перед тем как отключиться, я увидела в прихожей...
– Кого?
– Мальчика, – потерянно произнесла она.
Он призадумался.
– Легкие шаги, маленький рост... Но это могла быть женщина!
Она пожала плечами.
– Все равно. Если меня кто-то видел в квартире (а видели обязательно), то за мной скоро придут из милиции.

Он в который раз подумал, что надо съездить туда... Многого он не успеет (годы, годы!), но хотя бы стереть отпечатки пальцев – не свои, а внучкины.

– Ты брала пистолет в руки?
– Нет, как ты мог подумать...
– Ну, хоть до чего-то дотрагивалась?
– Кажется, до шкатулки.
– Что за шкатулка?
– Старинная, из малахита, играет мелодию, если открыть.
– Еще? – требовательно спросил он.
– Крышка пианино, подсвечник, бокал с вином, подлокотник кресла...
– Короче, наследила, – вынес он неутешительный приговор.

– Да откуда я могла знать...

Она вдруг повернулась к нему, порывисто вскочила, взяла его морщинистые руки в свои, словно желая согреть... или согреться самой.

– Дед, скажи откровенно, почему ты боишься?

– Я боюсь? – растерянно повторил он.

– Прекрати переспрашивать! – она даже топнула ногой. – Сию минуту отвечай! Я не убивала, там все равно поймут и разберутся. Моих отпечатков на пистолете нет, мало ли кто мог прийти и застрелиться Бронцева после моего ухода. Почему тебе страшно?

Выражение «сию минуту» – это у нее от бабушки Анны Алексеевны. Та точно так же хмурила брови и морщила носик, будто сердится и одновременно пытается не расплакаться. «Алечка, куда ты пропала? Домой, сию минуту!» Это когда внучка решила отметить свое четырехлетие первым самостоятельным походом в парк культуры за мороженым. Мороженое ей, конечно, и так покупали – она была единственным чадом в семье (если не считать взрослых чад – ее бестолковых родителей) и пользовалась всеми вытекающими привилегиями... Но одно дело, когда тебя водят за ручку – «Деда, купи!» – «А не замерзнешь? Пятая порция на сегодня». – «Ну де-е-ед!» Другое – когда ты сама, взрослая самостоятельная дама на воскресном променаде (черт, мороженого без денег не дадут). Пришлось взять с собой «кавалеров», соседских Димку и Петьку (братьям стукнуло по семь – той осенью в школу, если не отвернутся). Разрешения, само собой, не спросила: кто же позволит...

Встревоженный дед, словно молодой лось, забыв об одолевавших хворях, метался по городу, обзванивая отделения милиции, больницы, и – с нехорошо замиравшим сердцем – морги. Кричал в трубку Анне Алексеевне (та сидела возле телефона и пузырька с валокордином): «Пока ничего, ищем... Да не болтай ерунды, кто ее может похитить, с нас взять-то, кроме пенсии... Нет, машина не сбивала, иначе бы отвезли в больницу, а я только что оттуда. Нет, наезд был, но сбили какого-то мужика, он спяну провалился в канализацию, вылез из люка посреди дороги. Да не успокаиваю я тебя, просто докладываю положение. Все, отбой...»

Уже под вечер, когда последние силы иссякли, он позвонил домой в очередной раз и сквозь рев на заднем плане и причитания на переднем услышал облегченное: «Они прибыли. Приезжай, полюбуйся на свое сокровище».

– Ну, щас я ей задам!

Конечно, увидев перемазанную мороженым внучку (живую и здоровую), дед позабыл о наказании. На радостях обнялись, заорали что-то победное. «Деда, да я же не одна...» – «Я тебе покажу, сатана такая! На сколько порций братьев раскрутила?» – «Чего раскрутила?» – «Да ничего. Хоть вкусно было?» – «Вкусно, вкусно! Я тебе кусочек принесла, по дороге не съела...»

А в общем и целом – росла девочка как девочка (с рабочей прописью, правда, были проблемы) – школа, белый фартук, бантики, позже – химическая завивка и помада, четверки-пятерки, институт, лекции и сессии... Они – взрослеют, мы – стареем.

И все же в ней чувствовалось нечто выделявшее ее из толпы. Про такого человека любимые дедом японцы говорили: он обладает сильным ВА – внутренней энергией. Пожалуй, были лишь двое, кто обладал этим даром, – любимый ученик и родная внучка. Поэтому он несколько не удивился, когда они встретились...

– Ты ничего не брала из квартиры? – спросил он, возвращаясь в сегодняшний мир.

Она покачала головой.

– Я потеряла там свою ленточку для волос. Я думаю, ее взял он.

– Кто?

– Убийца. Он оставил след... – Она помолчала., – Черный сгусток, очень плотный, почти осязаемый. Не могу лучше объяснить.

Ее опять затрясло. Он успокаивающе обнял ее, заставил лечь на диван и укрыл ноги клетчатым пледом.

- Тебе надо прийти в себя. Отвлечься.
- Да как я смогу?
- Сможешь.

Он еще что-то шептал на непонятном языке, касаясь кончиками пальцев ее висков, мочек ушей, точки над переносицей – нехитрая методика, которой он выучился от одного старика – курильщика опиума в Бирме, в крошечной деревушке посреди живописной бамбуковой рощи...

Она вдруг произнесла в полусне :

- Я не сказала тебе еще об одном. Я звонила по телефону – оттуда, из квартиры.
- Кому?
- Мне нужна была помощь. Я боялась, что меня тоже убьют.
- Кто?
- Тот, кто меня заколдовал.

Глава 8

ДОМ, ГДЕ НЕТ ПАУТИНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

За окнами была глубокая ночь. Шумы и шорохи стихии, и мы втроем, точно добрые соседи, расположились в глубоких креслах в чужой гостиной: в одном кресле я (Слава Комиссаров, позевывая, примостился на широком подлокотнике), в другом – Маргарита Павловна, слегка осунувшаяся, с печальными складками в уголках губ...

– Вы не устали? – в очередной раз спросил я, и она в очередной раз покачала головой, всматриваясь в тускло светившийся экран.

Там, на экране, тоже был вечер (в узкой щели между порттьерами угадывалась непроглядная чернота Якорного переулка) и те же свечи трепетали на столе, освещая потное круглое лицо пожилого мужчины – глаза закрыты, а рот, напротив, полуоткрыт, губы нервно шепчут что-то (выдают некие жуткие тайны – возможно, будущий материал для шантажа). А личность-то, кстати, знакомая, некогда мелькала в сводках по городу. В прошлой жизни – подпольный финансист одной из крупнейших бандитских группировок (прекрасный пример преемственности поколений: его дед и батюшка содержали воровской «общак» в Одессе). Ныне – известный предприниматель, держатель контрольного пакета акций нескольких прибыльных комбинатов, меценат, время от времени жертвует определенные суммы на благотворительность. В незабвенном всей страной августе 91-го был замешан в одном жутком и таинственном деле – бесследном исчезновении нескольких миллионов долларов из казны городской криминальной структуры. Немногие пережившие те события теперь нервно подрагивают, вспоминая прошлые ужасы, трупы, кровь и череду предательств... Финансист, которого всерьез подозревали в краже и трех убийствах, спасся чудом (главная угроза его жизни исходила от своих же: у официальных органов улики против него не нашлось, зато подельники, не отягощенные понятием «презумпция невиновности», уже готовили для несчастного веревку, паяльник и пассатижи).

– ...Они приходят ко мне по ночам. Садятся рядом, на постель, улыбаются, протягивают руки, а я чувствую, что не могу пошевелиться... Я уже все перепутал: где сон, где явь. Они убеждают меня вернуть деньги (а сами почти все мертвы: улыбаются, уговаривают, а во рту – земля и черви, и кости вместо пальцев). Иногда приходит Тамара, моя дочь. Она утонула в ванне три года назад. А может, не утонула, а утопили, кто знает... Вы можете сделать так, чтобы меня оставили в покое? Я заплачу любые деньги, только скажите.

- Что же беспокоит вас больше: официальные органы, как вы выражаетесь, или...
- Азохэм вей! Органы отпустили меня и извинились (я этому, кстати, совсем не рад: в камере было спокойнее). Меня пугают они.
- Кто?
- Мертвые.

– Вы знаете его? – спросил я.
– Видела два раза, мельком, – ответила Маргарита Павловна. – Марк всегда отсылал меня.

– Какое он оставил впечатление у вас?

Она пожала плечами.

– Жалкий, несчастный человек.

– Прямо уж! – возмутился Слава КПСС. – Он и сейчас миллионами ворочает.

– Я и говорю: несчастный.

Мы замолчали. Пленка на импортной «вертушке» продолжала вертеться, мы просматривали уже шестую кассету из найденных в тайнике над зеркалом. Я глядел впологлаза, фиксируя лишь факт знакомства или незнакомства с очередным пациентом. В основном это были деятели искусств (ну да, «без дыма адского...») или мафиози – словом, люди обеспеченные. Среди них непонятным образом затесался один молодой мужчина, по виду – инженер-технолог или иной стоявший «за чертой бедности»: ковбойка поверх голубой тельняшки, ранний седой волос у правого виска, и выражение глаз... Такое можно встретить у ребят, прошедших ад «локальных конфликтов» в Осетии, Карабахе или ином месте у черта на рогах, где Родина имела свои загадочные интересы... И наверняка тоже плохо спит и мертвые приходят по ночам. Миллионов не требуют – где ж их взять, просто молчат и смотрят без укоризны, но стоит встретиться с ними взглядом... Чем этот парень заинтересовал Марка?

Маргарита Павловна, будто подслушав мои мысли, спросила:

– А не поспешили ли вы... ну, насчет шантажа?

– А что?

– Не знаю. Слишком все просто.

– Жаждете сложного сюжета? По-моему, ситуация банальная: экстрасенс случайно узнал то, чего знать был не должен. У кого-то не выдержали нервы...

– У кого-то из троих? – уточнила она.

– Почему?

– Ведь пропали три кассеты. Она помолчала.

– Знаете, мне кажется, Марк не был алчным... в смысле денег. Он зарабатывал достаточно.

– Что же ему было нужно?

– Трудно объяснить. Он очень гордился своими способностями, буквально упивался ими. Я думаю, он и кассеты записывал только для того, чтобы потом просматривать их в одиночку.

– Интересно. А когда он обнаружил у себя эти способности?

– Давно, еще на втором курсе мединститута. Марк любил рассказывать эту историю. Якобы у них по физиологии был очень строгий преподаватель, которому невозможно было сдать зачет. Оставалась одна надежда: что преподавателя заменят на другого, настроенного более... либерально. Марк два дня подряд старался мысленно насладиться на него гриппом.

– Получилось?

– Гриппом преподаватель не заболел, но поскользнулся (той зимой был жуткий гололед) и вывихнул лодыжку.

Вот так, подумал я. Много ли надо, чтобы стать известным экстрасенсом? Вера в себя и ленивые дворники.

– ...Чтобы усилить возбуждение либидо, моя дорогая, нужно иметь препятствие. И там, где сопротивление (назовите его социальным, нравственным, да как угодно) недостаточное, там необходимо его, создать искусственно. А иначе невозможно наслаждаться любовью в полной мере. Христианская культура, а она насчитывает тысячу с лишним лет, в этих делах весьма преуспела... Ваш случай очень характерен. Сколько вы встречались с вашим нынешним мужем... скажем так, тайно?

– То есть пока он был женат на этой рыжей стерве?

– Так сколько?

– Ну, года полтора. Я была его секретаршей, он мне снимал квартиру.

– И эти полтора года вы не жаловались на его... гм, мужские достоинства?

– Да он кидался на меня как лев, черт побери! Стоило мне надеть ночную рубашку, этак живописно разлечься на кровати, словно б... в полном расцвете сил... А знаете, сколько он их порвал?

– Кого?

– Ночных рубашек, сукин он кот. Приходит, видит меня на кровати и, не снимая ботинок – шашь! И ну рвать рубашку прямо на мне... Рубашки шелковые, между прочим, каждая баксов сто, не меньше. А какие мы планы строили на будущее! Один другого роскошнее. А всего-то и надо было, что избавиться от его прежней...

– Избавиться, я надеюсь, не в криминальном смысле?

(Тот же угол стола, но без свечей, бутылка коньяка, дамский ликер, два бокала... Шикарная пышнотелая брюнетка в кресле, около тридцати пяти, в умопомрачительном велюровом костюме, с килограммом золота в ушах и на холеных пальцах.)

– Да ну. Он нанял частного детектива (бывшего полковника КГБ), тот сделал пикантные снимочки (эта рыжая кобелей водила по пять штук за ночь. Видели бы вы, что она вытворяла в постели!). Потом сунул ей фотки под нос, вместе с брачным контрактом...

– Ну, это частности. Мне больше интересен ваш случай.

– А что? Развелся. Поженились честь по чести, я уволилась из фирмы. Жду его со службы, нацепила, дура, комбинацию за сто пятьдесят долларов, приняла развратную позу посреди кровати. Глазками так и стреляю. А он: «Ваши ковры прекрасны, дона Окана, но я не в настроении». Вы мне объясните, какая еще дона Окана? Какие, в жопу, ковры?!

– Э-э, видите ли, еще во времена античности...

– Да срать я хотела на античность! Лучше скажите, этот кобель завел себе кого-то на стороне?

Слава посмотрел на меня печально. Адский это труд: проверять алиби тех, кого запечатлел Марк с помощью скрытой камеры. Еще более адский – устанавливать запечатленных на исчезнувших кассетах. Люди в большинстве непростые и отнюдь не пролетарии, а значит, с апломбом и иными барскими замашками. Взять хоть эту дамочку, чудом выскочившую замуж за неизвестного пока банкира (а может, и не банкира, но человека, способного снять любовнице квартиру в хорошем районе и дарить ночные рубашки за сотню баксов). А банкир действительно мог завести кого-то на стороне (теория сексуальной психологии Фрейда) и, опасаясь астрального разоблачения, грубо выстрелить в материальное тело ведуна... Или, что скорее, нанять профессионала. А возможно, подпольный финансист выдал под гипнозом роковую тайну исчезновения миллиона в валюте... Всех вариантов не перечесать.

– А ребенка-то среди них ни одного, – заметил Слава. – И своих детей у экстрасенса не было... Вообще никаких родственников. Кого же видел электрик?

– Какой электрик, – заинтересовалась Маргарита Павловна.

– Да бродит тут по черной лестнице... Интеллектуал-философ. Борис, ты заметил, как он разговаривает? Ему бы в колледже изящную словесность преподавать.

– Ах да, у него еще такое оригинальное имя...

Ребенок. Мальчик.

Мне неожиданно стало зябко, будто северный ветер ворвался в квартиру. И сама квартира вдруг пропала на несколько секунд. Я оказался в крошечном санатории на берегу Волги, в уютном номере на двоих, где большая береза лениво постукивает веткой в оконное стекло... Золото и огненный пурпур подступающей осени и пронзительное голубое небо, покой и отрешенность маленького земного рая. Две мертвые женщины на полу, кулон в виде морской раковины с разорванной цепочкой (зацепилась за дверную ручку при падении). Когда кулон открывался, невидимый механизм играл «Небесную серенаду» Моцарта, а внутри, в углублении, была фотография мальчика. Некрасивый, но милый, весь в мелких

кудряшках, большеротый и большеглазый, он почему-то напоминал другого мальчика, с октябрьской звездочки (мое поколение еще застало те годы). Мертвая Наташа Чистякова, капитан спецназа, женщина, которую я любил и люблю до сих пор. Слишком явная аналогия с теми событиями: музыкальная шкатулка (и тот же Моцарт), ребенок, которого никто не видел (Ампер, кстати, тоже: лишь слышал звонкий голосок из-за двери). Не пациент: во-первых, один, без родителей, во-вторых, экстрасенс выпроваживал его через черный ход, в-третьих – странный диалог («В общем, двадцатого жду. Ты молодец...» – «Не гунди, приду») мало похож на общение доктора и больного. Еще чуть-чуть, и меня понесло бы совсем уж... в непотребную мистику. Марина Свирская, девочка-убийца, давно мертва (убита на «Ракете» по дороге из санатория, где проводила акцию), ее хозяин, вурдалак, превращавший детей в послушных роботов, – тоже. Однако «детская» тема с самого начала расследования упорно проходила «красной нитью»... Даже не с начала, а раньше: вспомнился пастушок у покрытого мхом придорожного камня.

– Это последняя кассета? – спросил я.

– Предпоследняя, – уточнил Слава, с интересом слушая душевные излияния златоносной банкировой супруги. Супруга, нимало не стесняясь (с врачом как со священником...), сыпала с экрана такими заковыристыми словечками, которыми владеет не каждая жрица любви из портовых доков. – Наш ведун, оказывается, большой поклонник Фрейда. Пока эта дамочка считалась штатной секретуткой – ясное дело, шеф кидался львом, а стала законной женой – сразу охладел... Теория взаимоотношения полов – сейчас наш покойник ей все и объяснит. Досмотрим?

Я покачал головой.

– Включи последнюю. Маргарита Павловна, смотрите внимательнее. Если кого-то узнаете, сразу скажите.

А сам вышел на кухню – покурить в форточку и додумать... мысли кружились в беспорядке, перескакивая с одного предмета на другой, а голубой экран отвлекал. Я прекрасно знал, что девяносто процентов информации окажется бесполезной... Кабы не все сто. Будь это приключенческий роман – на последней кассете непременно отыскились бы и мальчик, и загадочная женщина со светлыми волосами, потерявшая возле кресла свою бархатную ленточку (черную: не траур ли?).

Именно эти двое будоражили мое воображение больше всего. Я закурил, невольно прислушиваясь... Нет, голос на кассете явно мужской. И смутно знакомый. Кот Феликс бесшумно подошел ко мне, сел и посмотрел мудрыми, как мир, глазами. Вот он, единственный свидетель – тот, кто наверняка видел убийцу. Да ведь не скажет...

– ...Я часто вижу себя как бы со стороны. Причем внешность, окружающие предметы, люди – могут быть разными и незнакомыми. Конечно, проще всего решить, что я... скажем, сдвинулся по фазе...

– Но вы не обращались к психиатру?

– Нет.

– И правильно сделали, голубчик. Эти упрячут до у конца дней...

– Я говорил со своим учителем.

– В каком смысле?

– В прямом. Он учил меня. Можно сказать, дал путевку в жизнь.

– Интересно, интересно. Что он из себя представляет?

– Милый старичок, совершенно одинокий. Живет воспоминаниями о своей боевой молодости. Мне его жалко... Да зачем вам?

– Составляю о вас мнение. Знаете расхожую формулу: скажи мне, кто твой друг...

– Ах вот как. Мой рассказ о нем – что-то вроде теста.

– Именно. Человеку крайне трудно говорить о себе объективно – обязательно либо мания величия в неприкрытом виде (разве что вариации разные: ах, кругом завистники, ах, они еще вспомнят обо мне...), либо комплекс неполноценности. Что, впрочем, одно и то же. Кстати, это ваш учитель рекомендовал вам...

– Нет, нет. О вас он ничего не знает. Я пришел сам – с надеждой, что вы поможете мне разобраться кое в чем.

– Что ж, давайте определим начало вашей истории. Устраивайтесь поудобнее, расслабьтесь. Здесь вы в безопасности...

Голос стихал, понемногу теряя связность, но смысл, потаенный, проступал за обрывками слов (человек погружался в транс).

– ...Я долго искал ту церковь. Исходил все окрестные холмы – я точно помнил, что она стояла на возвышенности. И потом, такая примета: развалины старой крепости...

– Чем она вас так привлекала?

– Церковь? Ничем конкретным. От нее остались только стены, а внутри все голо, искорежено. Жутковато. Но, видите ли, я бывал там раньше. Еще когда стоял алтарь.

– Когда это было, не припомните?

– Давно. Восемь веков назад. Тогда вокруг холма был лес – дикий, девственный... Только представьте себе: темно-зеленые сырые чащобы, переплетения корней и веток, искривленные стволы деревьев и еле заметная охотничья тропа. Она ведет через распадок и каменистую осыпь к затерянному озеру. Там вообще уйма озер и речушек. Сейчас осталось только старое русло реки и грунтовая дорога вдоль поселка...

– Ага, поворот от шоссе, возле бензозаправки...

– Раньше я часто ездил там, теперь всегда сворачиваю – якобы срезаю путь.

– Якобы?

– Через поселок и в самом деле короче, но там нет асфальта. По шоссе удобнее, но я боюсь ездить этим путем. Что-то меня удерживает.

– Великолепно, – я представил, как ведун в шелковой рубашке жмурится от удовольствия и тайком потирает руки (образ такого театрального злодея). – Великолепно! Вот мы и добрались до первопричины ваших страхов. Вы боитесь вполне определенного места, оно представляется вам... заколдованным, перенесенным в наш мир из некой жутковатой сказки. Так я понял из вашего весьма яркого описания: чащобы, переплетения корней, туман над болотом...

– Над озером.

– Неважно. Кстати, вы знаете, озера давным-давно нет. Оно высохло при вырубке лесов под строительство кожевенного завода... Лет двести назад. Может, слышали: мануфактура братьев Тереховых – там еще сохранилась табличка перед воротами.

– Вы не понимаете. Дело в том, что эти места мне хорошо знакомы. Но не такими, какие они сейчас, а какими выглядели во времена древнего города на холме, за крепостными стенами.

– Вы не Житнев имеете в виду? Но ведь его, возможно, никогда не существовало – город-легенда вроде Китежа... Ну хорошо. При чем же здесь проселочная дорога?

– Шоссе, доктор.

– Извините.

Пауза.

– Там на меня однажды напали.

– Вы его знаете? – спросил Слава Комиссаров.

Маргарита Павловна отрицательно покачала головой. Я вошел в комнату, обогнул стол со свечами и мельком взглянул в телевизор, подключенный к импортному магнитофону.

– Неужели грабители...

– Нет, доктор. Меня хотели убить.

Мой брат Глеб Анченко смотрел с экрана прямо в объектив невидимой камеры, и в его глазах застыла черная тоска человека, прочно загнанного в угол.

– Но если все так серьезно, то вам нужно обратиться в милицию...

– Их никто не остановит. Их интересует только одно: ЦЕЛЬ. Не вышло в этот раз – они будут ждать следующего. Неважно, как долго: месяц, год, сто лет... Все равно.

– О ком вы говорите?

– ...Но кое-какие меры я все-таки принял.

– Какие меры?

– Пришел к вам.

На вершине пологого заснеженного холма стоял всадник. Белый конь (у древних славян – символ смерти) с длинной густой гривой, по-лебединому изогнув шею, норовисто перебирал нервными ногами – хоть сейчас готовый рвануться с места в карьер, в бешеную скачку. Однако сидевший в седле уверенно удерживал натянутый повод. Он был тонок и прям, как свечка, в светлой меховой шапке и накинутом на плечи сером плаще. Розоватое утреннее солнце, нехотя просыпаясь и потягиваясь, показалось за холмом, создавая вокруг фигуры всадника яркий ореол. Это было красиво – той самой призрачной, нереальной красотой, отзывающейся дрожанием потаенных душевных струн. Я бы не удивился, если бы всадник вдруг просто растаял в воздухе... Но он не растаял. Мягко тронул повод, конь послушно развернулся, стукнул оземь копытом, человек приветственно (или прощально) поднял руку, и тут я разглядел, что это женщина.

– Кто это? – спросил я, ни к кому не обращаясь.

– А вам кого? – строго произнесло незнамо откуда появившееся существо.

Я оторвался от восхищенного созерцания и обернулся. Существо оказалось довольно симпатичным (хотя до амазонки в плаще ему было далеко) – лет около двадцати, пухленькое, большеглазое, с милыми кокетливыми ямочками на щеках и громадными очками на вздернутом носике. Машенька Кугтель, вспомнил я. Ассистент режиссера, «отважное и преданнейшее создание» (меткая характеристика, выданная моим братом).

– По-моему, я вас уже видела. Вы Борис? Брат Глеба Аркадьевича.

Вот так: я в тридцать два Борис (Бориска, Борька), а он в тридцать два с хвостиком – Глеб Аркадьевич.

– Только он сейчас занят в девятом павильоне.

– Я подожду.

Мы посмотрели туда, где стояла всадница из древнего сказания, но она успела исчезнуть.

– Звезда наша, – пояснила Машенька с чисто женским завистливым пренебрежением. – «Бегущая по волнам»...

– Кто? – не понял я.

– Оленька Баталова (тому Баталову никаким боком не родственница). Играет княгиню. Глеб Аркадьевич увидел ее во МХАТе, в «Незнакомке», пригласил на главную роль.

Она подумала секунду и сообщила:

– Я писала рецензию на этот спектакль. «Скука кабачка на улице Геслеровской, болтовня в светских салонах, а за стенами – полет звезды в бескрайности ночи и все засыпающий снег...» Неплохо, а?

– Неплохо. У вас удивительный слог.

– А в восьмидесятом пьесу «зарубили». Она в то время шла в Театре Горького (конечно, с другим составом). Цензор, как ни пыжился, не сумел уловить смысл, написал «декадентство» и запретил к показу – Олимпиада на носу, иностранная пресса, то, се. Стрелять таких мало.

– Любите Блока?

Она продекламировала:

– «В белом венчике из роз, впереди – Иисус Христос». И тут же: «Трах-тах-тах! И только эхо...» Вот за что он мне нравится – за умение соединять несоединимое. Ваш брат, кстати, тоже отличается такой способностью. Я им искренне восхищаюсь.

– Ну, сравнили.

– О нет, вы его недооцениваете.

И, повинувшись необъяснимому повороту своей логики, добавила:

– Только с Ольгой Баталовой Глеб, боюсь, поторопился. Не тянет она на княгиню.

– А по-моему, красивая женщина...

– Да, личико смазливое, – подтвердила Маша с плохо скрываемым раздражением. – Но этого мало. Нужен внутренний огонь, понимаете? Стержень! Порода, наконец, – чтобы где угодно, в любой одежде, хоть в лохмотьях, нельзя было ошибиться, принять за кого-то другого... Все эти роскошные наряды надо носить так, будто их и не существует, будто ты родилась в них. Нужно не ходить по земле, а ступать... А она даже на лошади сидит, как мешок с опилками.

– Ну уж!

– Говорю вам. Я с десяти лет в седле, КМС по выездке. У меня глаз наметан. Это вы ничего вокруг не замечаете, – пробормотала она со странной интонацией.

– Кто «мы»?

Машенька дернула плечиком.

– Вы, мужчины.

Я нехотая подумал, что она, наверное, хранит фотографию Глеба дома в сундучке с «драгоценностями» (кипа старых открыток с видами Ялты и оленя в Кисловодске, возле станции «Храм воздуха», бабушкин крестик и мамина брошка в виде золотой рыбки – вроде бы должна принести удачу... когда-нибудь). А засыпая, кладет ее под подушку.

Павильон №9 представлял собой просторное помещение, разделенное на две половины воображаемой линией. Одна – та, что ближе к дверям, была царством всевозможной «киношной» техники – камер, проводов, которые, переплетаясь и извиваясь, вызвали ассоциацию с террариумом, пультов и осветительных приборов.

Двое операторов с напряженными лицами прильнули к своим мастодонтам. «Пэйджент-тампа» и, «Никон» – последний писк электронной моды. Я возгордился братцем: кроме несомненного режиссерского таланта, нужно обладать недюжинными дипломатическими способностями, чтобы выбить у господина Каранта деньги на подобную роскошь. Одна камера – главная, или центральная (кое-каких словечек я нахватался), располагалась прямо передо мной, вторая, поменьше, – слева, на рельсовой тележке («общий план»). Глеб сидел между ними на вращающемся стуле на колесиках, спиной ко мне, и нервно жевал потушенную сигарету. Кое-кого из Глебова окружения я уже знал: вон та высоченная дородная дама – гример, светленькая безликая Диночка Казакова – костюмер, длинноволосый озабоченный тип с гоголевскими бакенбардами за пультом – «главный по свету»... Я вдруг почувствовал себя здесь чужим и лишним, бывшая решимость и даже некая злость на брата мгновенно улетучились (хотя Глеб-то тут при чем? Разве он утаил от меня факт знакомства с экстрасенсом?) Я угрюмо огляделся, увидел Якова Вайнцмана, скромно подпиравшего одну из дальних стенок, кивнул. Он ответил мне таким же хмурым движением головы и вновь отвернулся к сцене. Кажется, игра актеров его мало волновала, он больше беспокоился за декорации.

Декорации на этот раз представляли собой княжеский терем в препарированном виде – будто разрезанный пополам. Бревенчатые стены в слабом свете лампад, покрытые коврами широкие скамьи и темные лики, едва проступающие на старых иконах...

Князь Белозерский Олег сидел на постели, покрытой шкурой лесного тура. Перед ним стоял гонец – совсем молодой дружинник в беличьем охабене поверх заиндевевшей брони. Длинные волосы на голове побелели: то ли не успевший растаять снег, то ли ранняя седина...

– Рязани больше нет, – тихо и внятно проговорил он.

Сил у гонца осталось, похоже, только чтобы устоять на ногах перед господином.

Олег молча выслушал страшную новость и отвернулся к темному оконцу. Сплошные тучи закрывали небо – ни звезд, ни месяца. Порывы ледяного ветра хлестали, точно громадный кнут... Неспокойная ночь.

– Откуда ты? – спросил он.

– Из дружины князя Юрия Ингваревича.

– Где же он сам?

Дружинник сглотнул ком в горле.

– Убит Юрий Ингваревич. И князь Пронский, и Муромский. Все мертвы.

– Садись к огню. Рассказывай все, что знаешь.

Гонец говорил долго. Князь слушал не перебивая, всматриваясь в безусое лицо вестового, – тот едва сдерживал слезы. Воин не плачет от боли – привык сносить ее без стоны. И не рыдает по мертвым – это удел женщин. Только когда свершается вовсе уж ужасное или подлое – к примеру, когда твой друг неожиданно вонзает нож тебе под лопатку.

Князь Владимирский Георгий Всеволодович, несмотря на просьбы о помощи, воинов на защиту Рязани не прислал. Не было подмоги ни от Новгородского князя, ни от Ростовского, ни от Суздальского. Все заперлись за своими стенами, надеясь в одиночку переждать бурю. И – умирали по одному, отбиваясь ли до последнего, вынося ли в спешке ключи от города... Вся и разница: одни гибли со славой, другие – в бесчестии.

– Юрий Ингваревич перед смертью велели передать: от Рязани и Владимира Батый повернет коней к северу, к Белоозеру.

– Ясно, – коротко ответил Олег. – Сейчас ступай в дружинную избу, поешь и до утра отсыпайся.

– У меня конь во дворе...

– Да не оставят твоего коня. Завтра с рассветом отправишься во Владимир, к князю Георгию. Передашь ему письмо от меня. Все, иди.

Он поднялся, дав понять, что аудиенция окончена. Вестовой вскочил с лавки, поклонился и вышел за порог. Горница опустела, все затихло – слышно было, как потрескивает огонь в печи за стеной и посвистывает вьюга за окошком. Собирался князь выпастись – под вьюгу да в тепле всегда спится сладко... Теперь уж не до того.

Он ждал вестей уже много дней. И знал наверняка, что будут они нерадостными. Ему приходилось сталкиваться с монголами, покорившими до этого Хорезм, Иран и Китай, разбившими наголову грузинского царя Гюрли и шаха Ала эд-Дина Мухаммеда с его боевыми слонами. Олег лучше, чем кто бы то ни было, понимал: ни Рязань, ни Владимир, ни Киев не выстоят против такого врага, страшного своей многочисленностью, бесстрашием и организованностью...

Личный слуга Олега Гриша Соболек (он же и телохранитель, и писарь, и незаменимый товарищ в воинском походе) спал в светелке, между просторными сенями и горницей. Спал он всегда чутко, вполуха, и рядом с постелью держал длинный меч, сработанный в ладожской кузне, и заряженный самострел. Втайне мечтал оборонить своего князя, коли враги задумают добраться до него в тереме. Тут уж он не оплошает. Так иногда виделось, но случая, слава богу, не выпадало. Однако арбалет Гриша продолжал заряжать каждый вечер с наступлением сумерек, а утром – разряжать на время, чтобы тетива не устала и не ослабла.

Олег меж тем походил из угла в угол, кутаясь в меховую накидку, и легонько стукнул в дверь. Гришка появился в мгновение ока, словно и не ложился, бодрствовал ночь напролет.

– Звал, княже?

– Перо, чернила, – распорядился тот.

– Прикажешь письмо составить?

– Я сам.

Взглянув на тревожную физиономию слуги, хмыкнул:

– Не волнуйся, никто меня покамест резать не собирается. Спи себе.

"Милостивый государь Георгий Всеволодович, – писал он, обмакивая в плошку с чернилами гусиное перо. – Наслышан о великом горе, постигшем град Рязань от набега поганых. Скорблю также об утрате сложившего голову князя Юрия Ингваревича, да будет земля ему пухом и вечная слава.

Прослышал, что половецкие лазутчики доносили о намерении Батыя идти далее на север и восток к Суздалью Юрьеву, Переславлю и Кашину, а ведут их будто сотники Бурундай и Тюляб-Бирген, которые за звериную свою жестокость получили от хана золотую пайцу в знак особой милости. Теперь лишь Владимир стоит на их пути, а одним вам с

врагом не совладать. Новгородские и ростовские князья за спиной твоей, государь, договорились: коли будет им твой зов, на помощь не спешить, а принять татарских послов, умиловить их медом да пирогами с белорыбицей и отослать с ними дары хану и его женам, оттого, дескать, не обеднеем. Бог им судья. Мое же слово таково: позовешь оборонять Владимир – приду сам и приведу дружину и ополчение, главенствуй. Коли соединимся, станет грозной русская сила, а нет – поломают нас, словно прутики, по одному..."

Георгий Всеволодович не отозвался на послание и Владимир защищать не стал, оставив там воеводою старого боярина Жирослава. Сам же вместе с племянниками отбыл на Волгу – в Кострому и древний Углич, якобы собирать там полки.

– Я подожду, пока татары положат свои рати под Суздалем и Ростовом, – сказал он старшим сыновьям (тихо, чтобы не дай бог не услышали женщины в соседней горнице). – А тем временем соберу свежие силы в боевом стане и ударю по ним. Убью сразу двух зайцев: одолею Бату-хана, а вам, родимые, оставлю в княжение Рязань и Коломну.

– А как же Москва? – шепотом спросил младшенький Владимир.

– А что Москва. Так, перекресточек меж четырех речонок. Татары на нее и не взглянут. Поезжай туда, вот мой наказ. Дружину я тебе не дам, незачем. Но ты соберешь там ополчение и двинешься на соединение со мной. Город же оставляю тебе. Владей.

Старый князь ошибся. Бату-хан и его брат Шейбани взяли Москву на пятый день штурма, подпалив ее стрелами с горящей паклей. Владимира, младшего сына Георгия, взяли в плен и тащили за собой на аркане босого, одетого лишь в рваные холщовые штаны, морозы в ту зиму стояли лютые, птицы на лету мерзли... Коломна, которую оборонял старший сын Всеволод, пала неделей раньше...

– Лампаду крупным планом, – скомандова Глеб. – Делаем плавный переход на перо и чернильницу... Вторая камера – общий, сверху.

Вторая камера – та, что была на тележке, – с тихим гудением двинулась вперед и вверх. Гидравлический механизм вознес ее метра на полтора над полом, остановил на мгновение и повлек дальше, в соответствии с гениальным замыслом режиссера. Князь в полутемной горнице поднял голову от письма, задумчиво почесал подбородок кончиком пера – у него это получилось как-то очень естественно, по-человечески... Такое не сыграешь специально. Вот взглянул в оконце. Оно было глухим, непрозрачным. Эпизод, значившийся в плане как «Вид за окном, зимняя вьюга, 15 сек.», снимут позже (или уже сняли).

Я подошел поближе, хотел тронуть брата за плечо, но передумал. Он сидел совсем близко, спиной ко мне, и одновременно – где-то очень далеко, не здесь и не сейчас, и возвращать его обратно мне почему-то не хотелось. Кажется, я забыл, зачем пришел сюда. Однако «амнезия» моя вскоре прошла, и вновь охватило лихорадочное беспокойство – не столько из-за того, что в квартире в Якорном переулке один человек оборвал жизнь другого (степень вины каждого еще предстоит долго и нудно устанавливать, строить догадки и безжалостно бросать их в корзину для мусора), а потому, что вот он, Глеб, устроился с комфортом на стуле-вертушке, меня замечать упорно не желает, весь устремлен ТУДА, в мир под названием Кино (уже не главнейшее из искусств, но и не последнее...). И настоящим вроде бы не обременен... ан нет, обременен, еще как: «Меня хотели убить, я точно знаю. Не вышло в этот раз – они будут ждать следующего».

Кто «они», Глебушка? Не молчи же!

– Не то, – раздраженно пробормотал братец. – Не то, не то... Александр Владимирович, ваши руки слишком суетливы. Вы же как-никак князь, а не одесский поц.

– В прошлый раз вы сказали, что я слишком монументален, – не менее раздраженно отозвался «князь».

– Так найдите середину. Диночка, поправь костюм. Яков Арнольдович, ради бога, сделайте что-нибудь с лампой. Она полыхает, как прожектор, а должна гореть неровно, мерцающе... Где Баталова, черт возьми?

– Они вдохновляются-с, – буркнула Машенька Кутгель. – По полю на лошади шкандыбают. В образ входят-с.

– Я ей устрою образ. Перерыв на две минуты, и будем переснимать.

Мохов, помощник режиссера, поднял глаза на потолок, что-то мысленно подсчитал и изрек:

– Это был шестой дубль. Следующий будет седьмой. Думаешь, Карантай простит такое расточительство?

– Ох, не напоминай, – поморщился Глеб, как от зубной боли. И наконец снизошел до меня: – О, привет, Борь. Какими судьбами? Знаешь, я сейчас занят...

– Сделаешь перерыв. Господа артисты пока, как это... в образ войдут.

Он хотел возразить, но, видимо, мой категоричный тон его смутил. Он пожал плечами и кивнул на выход из павильона: пойдём, мол, перекурим.

...Он так и не закурил. Помял сигарету в длинных музыкальных пальцах и сунул назад в карман.

– Бронцев умер? – Глеб, казалось, силился осознать смысл произнесенного, но тщетно. – Сердце?

– Почему сердце?

– Он частенько хватался за грудь во время сеанса. А кстати, откуда ты узнал...

– Из видеозаписи.

Увидев недоумение на лице братца, я пояснил:

– Марк записывал некоторых своих пациентов на магнитофон.

– Некоторых?

– Возможно, тех, кого он считал самыми интересными. Клинически, я имею в виду.

– Я ничего такого не заметил.

– Камера была спрятана на стеллаже с книгами.

– Бог мой, зачем?

– Это я и стараюсь выяснить. Первая версия – та, что бросается в глаза, – шантаж. Например, он мог «прихватить» кого-то на неких роковых тайнах.

– Только не меня, – покачал головой Глеб. – У меня ни одной тайны...

– Но ведь кто-то пытался тебя убить, – перебил я. – Глебушка, это очень серьезно!

– Да перестань! Ну, почудилась какая-то чертовщина. Я возвращался со съемки, было темно, я умаялся, как собака.

– Ты забыл, кто я по профессии? – раздраженно спросил я. – Ты пошел с этой «чертовщиной» к экстрасенсу, а это уже говорит о многом. И, главное, я видел твое лицо на кассете, слышал голос... Глеб, не обманывай меня.

Он осторожно поднял глаза, и меня вдруг пронзила острая жалость. Глаза были словно больные – покрасневшие, влажные... То, что я принимал за муки творчества (мне совершенно недоступные – я в нашей семейке самый ярый прагматик) или просто за следы хронического недосыпания, обернулось страхом... Самой настоящей пыткой страхом, когда он не отпускает ни на минуту в течение многих дней и ночей. Впрочем, дни еще как-то заняты, и пыточная машина ненадолго дает сбой (отсюда Глебово «горение» на работе, стремление сосредоточиться на чем-то постороннем).

– В конце концов, почему ты не пришел ко мне?

– Потому как раз, что ты прагматик, – безжалостно ответил он, будто прочитав мои мысли. – Ты бы просто мне не поверил.

– Хорошо, предположим, я верю. Ты упоминал шоссе, участок возле автозаправочной станции...

– Да, – задумчиво проговорил Глеб. – Там это все и случилось.

Заканчивался очередной съемочный день – не особенно удачный, полный лишней суеты и бестолковых метаний между проблемами творческими и административно-приказными, которые, по идее, должны лежать на плечах ассистентов и помощника. Машенька снова поцапалась с Ольгой Баталовой, пришлось насильно разводить

покрытых пылью и славой дам по углам ринга. Отсняли несколько второстепенных эпизодов – дай бог, если хоть половина из них войдет в общий метраж и не сократится при монтаже...

Домой двинулись уже затемно, часу в одиннадцатом вечера – фиолетовое небо давно стало черным, и желтый свет фар сделался плотным, как апельсиновое желе. Редкие, словно потерявшиеся в этом мире снежинки лениво кружились в бесконечном хороводе, черное шоссе с черными елями по бокам летело навстречу... Он вел машину, что называется, двумя пальцами, с великолепной уверенностью профессионала (на самом деле с безрассудной лихостью махрового дилетанта, поправлял внутренний голос, ехидно напоминая о двух дырках в штрафном талоне). Впрочем, пустая дорога, пусть и слегка влажная, неприятностей не сулила.

– Тебя никто не обогнал? – переспросил я. Глеб равнодушно пожал плечами.

– Не заметил. Настроение было... Ну, ты понимаешь: когда не ждешь от жизни сюрпризов. Ни машин, ни огней, поселок будто вымер, тишина и тьма...

Он лениво покрутил ручку приемника, пытаясь поймать хорошую эстраду. На всех каналах стояло гробовое молчание, лишь на одной частоте, еле пробиваясь сквозь эфирные шорохи, зауспокойный голос объявил: «Переходящее звание „Секс-символ России“ в этом году по единодушному мнению компетентного жюри завоевала Ирина Веригова, в недалеком прошлом – мисс „Ноябрь-97“. Наш специальный корреспондент взял интер...» И – пропал. Подумав о севших батарейках, он вздохнул и перевел взгляд на шоссе.

И увидел ЭТО...

В первый миг мелькнула несуразная мысль: он ошибся дорогой, описал круг и вернулся на съемочную площадку. Только там возможен такой сумасшедший дом. Поперек шоссе, метрах в двадцати впереди, держа идеальный, в линейчку, строй, неподвижно стояли три всадника. Абсурдность ситуации была таковой, что он даже не попытался как-то отреагировать – только разглядывал их со спокойным любопытством, подмечая детали: добройковки кольчуги и тяжелые нагрудные брони в желтых отсветах автомобильных фар, шлемы с опущенными забралами, длинные копья, предназначенные для конного боя...

Это показалось забавным. Но прошел миг, и фигуры вдруг утратили неподвижность. Один из всадников вытянул из-за спины тускло блеснувший меч, и по его команде три сильных боевых коня взяли с места в галоп, одним мощным движением. Два копья опустились одновременно, целя в лобовое стекло, прямо в лицо водителя. Он мог бы поклясться, что, несмотря на расстояние, видит пар, вырывающийся из лошадиных ноздрей, и слышит отчаянный, безумный крик воина, с улыбкой идущего на верную смерть... Пусть боковые стекла были закрыты, отделяя салон от внешних звуков и холодного ветра, пусть опущенные забрала хоронили крики под глухими шлемами... Он услышал их и завизжал сам, лихорадочно выкручивая руль и шаря ногой в поисках педали тормоза. Фары метнулись в сторону, высветили кювет и стволы сосен у обочины. Машину развернуло, взвизгнули шины, и две лошади с налета врезались грудью в капот и дверцу со стороны пассажира.

Всадники разом вылетели из седел. Один ударился о крышу машины и сполз вниз, оставив алый потек на боковом стекле. Второй, с треском сломав копьё, распластался на дороге, точно сломанная ребенком кукла. Третий...

«Сегодня мэр города торжественно перерезал ленточку нового здания городской администрации. Это строительство было приурочено к семиде...»

Толчком распахнув дверцу, Глеб кубарем выкатился наружу. Будет здоровая вмятина на кузове, подумалось некстати, как о чем-то важном. Борька голову оторвет.

Огромный конь вырос над ним из мрака, точно из преисподней, и встал на дыбы. Злобное ржание ударило по ушам, в руке третьего всадника сверкнул занесенный над головой клинок...

– Откуда взялся пистолет? – спросил я.

– Купил в прошлом году. Даже сам не знаю зачем.

– И все время возил с собой?

– Ну да, в «бардачке», где техпаспорт. Сам знаешь, как сейчас на дорогах.

– А где приобрел? Не в «Эгиде-сервис»? (вспомнился «вальтер», из которого был застрелен ведун).

– Нет, это еще в Москве.

– Марка?

– «Макаров», девять миллиметров, – не задумываясь, ответил брат.

Пистолет лежал в «бардачке». Как он очутился в руках (в боевом положении: предохранитель спущен, затворная рама передернута), Глеб не помнил. Должно быть, рванул в полубеспамятстве – несколько секунд словно бы выпали из общего временного потока. Он не помнил даже, как нажал на курок. Всадник дернулся, меч выпал из ладони, лошадь – уже без седока – испуганно шарахнулась в сторону. Глеб бросил взгляд – человек лежал без движений, откинув голову назад и обнажив развороченный пулей кадык.

Движение чуть в стороне, меж елей. Что-то еле слышно щелкнуло и тонко просвистело над ухом. Он присел и развернулся, сквозь мушку и прорезь «Макарова» обшаривая пространство.

От черной мохнатой ели медленно, словно в дурном сне, отделилась фигура. В такой же кольчуге, но без панциря, в открытом полукруглом шлеме. Глеб разглядел перекошенное лицо. Это был совсем мальчишка, не старше семнадцати. Пришедший из неведомо какого мира, он дрожал в бессильной ярости: трое его боевых товарищей ушли, не уронив чести, и оставили его одного во враждебном лесу, с незащищенной спиной...

Он выпрямился на полусогнутых ногах и отбросил бесполезный разряженный арбалет. Стараясь унять дрожь в руках, вытащил из-за пояса кинжал. Он не посрамит своих друзей. И не заставит ждать себя долго...

Глеб видел, как последний противник бросился вперед, раскрыв рот в беззвучном крике. Видел оранжевую вспышку – будто софит мигнул посреди съемочной площадки... Видел, как пуля остановила чужой прыжок на середине, парня развернуло спиной и безжалостно швырнуло на землю.

Мальчишка не почувствовал боли. Он попытался снова встать, но ноги вдруг предательски обмякли, и он опустил удивленный взгляд, увидев собственную кровь на пробитой кольчуге. Сердце еще билось, но с каждым ударом все медленнее и слабее. Кажется, парень даже не связал свою смерть с той маленькой металлической штукой, которую Глеб зажал в трясущихся руках...

Не снимая палец с курка, Глеб осторожно подошел к лежавшему, наклонился над ним и заглянул в глаза – будто окунулся в черный омут, где все смешалось: тоска, ярость, боль...

– Кто ты? – спросил он.

Тишина. Луна была яркая, и на нее хотелось завывать, надрывая горло, чувствуя, как все человеческое вытекает по капле, уступая место потаенному, звериному, первобытному. Развернутые поперек шоссе «Жигули» со смятым капотом, неподвижные тела и понуро стоявшая чуть в отдалении лошадь белой масти – оседланная, но без всадника. На запряженной такой лошадью повозке в древние времена знатный русич отправлялся в свой последний путь, в могильный курган...

– Кто ты? Что тебе было надо, мать твою?!

Ненависть в чужих глазах, уже ускользающих, подернутых белесой предсмертной пеленою...

– Ненависть, – задумчиво повторил Глеб. – Вот что меня поразило больше всего. Я очень хорошо запомнил лицо того, молодого... Клянусь, я видел его впервые в жизни. За что? Почему?!

– Куда ты дел пистолет? – меня по роду профессии интересовали в первую очередь материальные улики.

– Пистолет? Не знаю. Должно быть, обронил. Немудрено.

– Но перед этим ты стрелял... Сколько раз?

– Два... Нет, три. А что?

– Ты мог задеть кого-то постороннего. А рыцари из сопредельного мира... Конечно,

тебе почудились (ведун недаром интересовался насчет психиатра). И не сверкай тут гневными очами. Сам говорил: ночь, пустое шоссе, ты «умаялся, как собака».

– Я не псих!

– Верю, – я тяжело вздохнул. – И знаешь, что мне хочется больше всего?

– Что?

– Прикрыть вашу кинолавочку.

Судя по всему, Глеб хотел возмутиться (вот еще, работа в полном разгаре, все полны творческого горения и энтузиазма, даже Вайнцман перестал вещать черные пророчества... И потом, что еще за «лавочка»? Вполне современная студия с классной аппаратурой. А актерский состав!.. Ушинский, Баталова, Игнатов в роли князя Олега...). Потом вдруг призадумался – некая догадка отразилась на лице...

– Ты что это выдумал, братец?

Я пожал плечами, давая Глебу самому развить мысль.

– Да нет. Глупости, – он помрачнел еще больше. – Ты считаешь, что кто-то со студии... Что меня хотели убить таким способом? Переодевшись воинами тринадцатого века?

Он нервно забегал из угла в угол, схватившись за голову.

– Нет, Борька, не верю. Зачем? За что? У нас отличная команда! Ну, мы ссоримся (да почти все время ссоримся). Но это же несерьезно. Мы выпускаем пар. Дурачимся. Выплескиваем творческую энергию (хотя где тебе понять). Мы с Моховым вчера подрались, он на мне порвал новенькую рубашку. А я ему нос расквасил. И ты решил, будто он...

– Ты во время драки поранил запястье? – перебил я.

– Откуда тебе... Ах да, кассета. Нет, это когда я вылетел из машины. Дашеньке Богомолке надо свечку поставить, ее наука. Мог бы насмерть разбиться.

– Дарье Матвеевне? – я невольно улыбнулся. – А почему Богомолка?

– Стиль Богомола. Она изучала его на Тибете. Пыталась обучить меня, но, боюсь, я изрядная бестолочь.

– Ну прям бестолочь! Как ты вышвырнул сынка Карантая из своего кабинета!

В дверь просунулось «преданнейшее создание» Машенька Куггель и строгим голосом сказала:

– Глеб Аркадьевич, мы готовы, ждем вас.

– Исчезни.

– Карантай приехал. Желают вас пред светлые очи.

– Скажи, что я под арестом и меня допрашивают.

Машенька округлила глаза.

– Господи! Что вы натворили?

– Убил троих мудаков.

Машенька произнесла «О!» и исчезла.

Возникла неловкая пауза. Глеб посмотрел куда-то мимо меня и произнес:

– Может, ты и прав. Иногда мне самому хочется бросить все и уехать подальше. Место здесь... гиблое.

– В башке у тебя «гиблое место». И «Гиблое место-2».

И я неожиданно почувствовал, что разговор мне надоел. Не видения Глеба я пришел сюда расследовать, в конце концов – на мне висело полное убийство в Якорном переулке.

– Кстати, я приехал на машине.

– На какой машине? – не понял Глеб.

– На наших «Жигулях».

– И что? – с замиранием сердца спросил он.

– А ничего. Абсолютно. Ни единой вмятины, ни малейшего следа крови. Даже краска на капоте не попорчена. Ты ведь, кажется, утверждал, будто на нашу колымагу налетели две лошади? – сказал я и, развернувшись на каблуках, вышел, со злостью хлопнув дверью. Уж с нее-то, я надеялся, краска точно посыплется.

Глеб догнал меня на улице. Вид у него был одновременно виноватый и решительный.

– Что еще? – устало спросил я.

– Подожди. Я должен тебе кое-что показать. Где ты оставил машину?

– На стоянке перед воротами.

– А что не на территории?

– Ваш цербер за шлагбаум не пустил. Возле соседнего павильона я заметил роскошный серебристый «Ситроен» господина Карантая. Знамо дело, перед ним в отличие от меня, сирого, шлагбаум гостеприимно подняли, позволив проехать куда ему хочется. Сторож в синей фуражке, поди, и честь отдал... Это во мне шипела, как яйца на сковороде, моя пролетарская сущность.

Я открыл переднюю дверцу «жигуленка». Глеб легонько отстранил меня, чуточку покопался и откинул коврик с водительского сиденья. Коврик был новый – я, сыщик хренов, заметил это только сейчас. В спинке кресла, сбоку, совсем рядом с подголовником, зияла уродливая круглая дырка около трех сантиметров в диаметре, и из нее торчал кусок поролона.

– Сюда попала стрела из арбалета, – тихо пояснил Глеб и положил что-то мне на ладонь. – Древко сломалось, а наконечник я вытащил плоскогубцами.

Длиной он был чуть больше среднего пальца. Тускло блестевший, не новый, но и не старый, с некоторыми неровностями ручнойковки. Я неуверенно потер его ладонью, и он заискрился сильнее. Мы с братцем обменялись тяжелыми взглядами.

Наконечник был сделан из серебра.

Глава 9 ЕЛАНЬ

Интересно, способно ли серебро (к примеру, серебряный кинжал или наконечник стрелы... или просто горсть серебряных монет) его убить? Или надобен осиновый кол под сердце?

Глядя на собеседника, князь Олег вдруг понял, что думает об этом всерьез. Ибо не знал, к каким силам тот принадлежит. Точно, что не к божественным, – да как Господь мог допустить этакую нечисть на землю? И как Он допустил меня самого?

Гриша Соболек мирно почивал, постелив себе по обыкновению прямо на полу, возле дверей в княжеские покои. Рядом – только протяни руку – лежали и самострел, и меч... Гриша не проснулся, и низкая дверь в горницу не скрипнула, а маленького роста бородатый человечек со сморщенным лицом по-хозяйски уселся за стол, подвинув к себе лампаду, чтобы читалось лучше, пробежал глазами письмо князя и улыбнулся. Улыбка у него была хорошая: добрая и открытая.

– Толково, – оценил он. – Вроде бы за объединение земель радеешь, даже готов Юрию Всеволодовичу уступить главенство над всем войском (он уж своего не упустит!), а на деле... Думаешь, он поверит в то, что за его спиной новгородский князь ведет переговоры с Батыем? А ведь поверит. Его жизнь научила верить всему плохому. Ты молодец.

Его звали Малх. Впервые он появился на Белоозере прошлой зимой, и случилось это прямо посреди санной дороги, что пролегала по руслу замерзшей реки. Олег Йаландович, развлечения ради пустивший свою любимицу Луну в галоп, оторвался от двух сопровождающих и скакал по белому полю в одиночестве, опьяненный ветром, легким морозцем и свободой – статный, красивый, в алом плаще, развевающимся за спиной...

Старик появился на дороге неожиданно, будто вынырнул из полыни. Встал, опираясь на посох, посмотрел Олегу в глаза. Тот едва успел натянуть повод и грозно спросил:

– Жить надоело, смерд? Кто таков?

И услышал в ответ:

– Здрав будь, княже. Не гневайся, поговорить надо. Сошел бы ты с коня, а то мне, старому, трудно башку задираешь.

Олег едва не задохнулся.

– Да как ты смеешь...

«Зарубить не зарублю (хоть старый сморчок и заслуживает), но уж кнутом отстегаяю», – решил он и протянул руку... Пальцы в рукавице словно свело судорогой. Лошадь встала как вкопанная, ни назад, ни вперед, только глаза косят и пар валит из ноздрей. Олег оглянулся через плечо. Русло в этих местах было прямое, точно рукотворное, левый берег круто поднимался вверх, и чуть подальше впереди, на голой возвышенности, стояла крепость Селижар – туда князь и держал путь. Воевода Желоб, поди, уже встречает перед воротами, а Гришка Соболек – взобравшись на въездную башню, оттуда скорее заметишь.

Сзади не было никого – ни телохранителей, ни даже конного и санного следа, раз проложенного еще в начале зимы, как только лед на реке стал. Впереди стелился странный белесый туман – легкий, невесомый, но за ним исчез вдруг и каменистый заснеженный холм, и кременец... Они были вдвоем. Олег медленно отнял руку от кнутовища (пальцы тут же вновь сделались послушными) и сошел на землю.

– Ты колдун? – глухо спросил он.

– Упаси боже! – старец истово перекрестился. – Просто повстречал тебя. Теперь спросить хочу кое о чем. А кое-что занятное могу и сам рассказать.

– Как тебя звать?

– Зови Малхом, – добродушно ответил старичок. Впрочем, он лишь с первого взгляда казался таким уж древним. А одеть по-другому, постричь бороденку, убрать явно нарочитую сутулость... Олег попытался прикинуть, которую зиму живет на свете его новый знакомый. Получилось из рук вон плохо.

– Я слушаю, – хрипло сказал он. – Только не воображай, что напугал меня. Кишка тонка.

Малх поковырял снег длинным посохом, пожевал сухими губами и тихо проговорил:

– Вот, значит, каков ты, сын Йаланда Вепря...

– Ты знал моего отца?

– Да. И еще я знал когда-то твоего сводного брата, унязора Пуркаса, – того, что погиб от руки князя Василия.

– Василий Константинович тоже давно в земле, – холодно отозвался Олег. – А Пуркас... Какой он мне брат? У нас разные отцы. Если это все, то сгинь, пока я не осерчал.

– Я еще хотел напомнить, что открыл тебе отец перед смертью, когда лежал в хибарке Патраша Мокроступа, в Серовом займище.

Губы Олега побелели. С трудом преодолевая нахлынувшую слабость, он шагнул вперед, и правая рука против воли стиснула черен длинного прямого меча.

– Хочешь меня убить? – улыбнулся Малх.

Йаланд Вепрь лежал в грязной постели под ворохом бараньих шкур – заострившееся лицо, темные круги под безумными глазами, широкая несвежая повязка с бурыми пятнами крови поперек груди... Жизнь вытекала из некогда могучего тела по капле, тягуче и медленно. У пятнадцатилетнего Ольгеса (кто бы в тот момент угадал в нем княжеского сына?) нет-нет, да мелькала мысль оборвать жизнь отца сразу, одним движением руки (длинный нож в берестяном чехле за пазухой). Насколько это было бы милосерднее! Иногда ему казалось, что взгляд умирающего молил о том же. Бескровные губы шептали... Нет, они не просили о смерти. Ольгес наклонился, морщась от тошнотворных запахов. Йаланд пытался что-то сказать.

– Молчите, отец, – проговорил юноша. – Вам нужно беречь силы.

Но тот продолжал что-то едва различимо нашептывать, вцепившись посиневшими пальцами в руку сына. И Ольгес волей-неволей начал вслушиваться...

Их цивилизация почти не оставила следов на этой Земле. Иногда, крайне редко, какой-нибудь археолог или искатель кладов натыкался волей случая на свидетельства Их пребывания здесь, но равнодушно проходил мимо, так и не распознав ценности находки.

Они не строили городов (в нашем понимании этого слова) и не оставили после себя ни письменных документов, ни произведений искусства (у Них не возникло искусства в том значении, которое понятно нам).

Они высадились на Нептун и Марс и построили межпланетные станции на пути к соседним звездным скоплениям, когда люди на Земле учились шить звериные шкуры иглами, сделанными из рыбьих костей. Их ученые проникали в тайны атома и далеких галактик, побеждали смертельные болезни и старость, делали небезуспешные попытки преодолеть гравитацию и открывали секрет перемещений во времени. Но вместе с тем Они ставили опасные эксперименты с боевой магией, боролись за власть, накапливали громадные запасы Черной энергии, и однажды эта страшная сила обернулась против своих создателей. Они решили, что пришла пора встать вровень с богами. Боги жестоко отомстили за такое непослушание...

– Шар – это сосредоточие могущества тех, кого называют Древними, – сказал Малх, в задумчивости перебирая алмазные четки (иноземная забава, отдающая богопротивным язычеством. Олег поморщился, но промолчал). – Одним он дает богатство, другим – способность повелевать, третьим – особые знания, четвертым – тем, кто отваживается идти до конца, – открывает ворота за границу мира, где сами понятия добра и зла перестают что-либо означать.

– Этот Шар создали Древние? Они были настолько могущественны?

– Не думаю, – ответил старец. – Скорее они тоже получили его в наследство – может быть, от тех, кто населял Землю задолго до Них... А возможно – от каких-то иных, высших сил, обитающих далеко среди звезд. Нам про это знать не дано.

– А что хочешь получить ты? – вдруг спросил Олег.

Малх помолчал. Лампада на столе почти погасла, святой лик на иконе, будто устыдившись чего-то, утонул во тьме, лишь большие глаза глядели печально и осуждающе да тускло блестел серебряный оклад.

– Я был одним из десяти Хранителей, – наконец сказал он. – Когда стало ясно, что цивилизация не выживет (тысячи лет непрерывных кармических войн истощили генофонд, планета превращалась в ядовитый черный сгусток – Древние знали, что находятся на грани гибели, но остановиться уже не могли), Совет Посвященных решил сохранить Шар для тех, кто придет на Землю после них. Только мне не было никакого дела до грядущих поколений...

– И что же ты сделал? – цепenea от ужаса, спросил князь Олег. На секунду перед глазами возникло видение: сожженный город на неведомой земле, безобразные рваные раны на нежном белом покрове, падающие с черного неба белые громадные хлопья снега, заносящие искореженные развалины, все еще хранящие следы былой красоты. Торчащие вверх обугленные балки, ввалившиеся внутрь стены, и везде – на улицах, на широких мостовых, залитых чем-то вроде темного блестящего стекла, на порогах руин – мертвые. Никто не справит по ним поминальную тризну, жадные звери не потревожат костей, и вороны не выключают глаза из безжизненных глазниц... Да и нельзя тут разобрать, кто при жизни был зверем, кто птицей, кто человеком – теперь это просто холмики невесомой странно светящейся пыли. Все здесь светится зеленоватым призрачным сиянием, даже снег, который продолжает валить с неба вот уже много веков...

– Ты украл Шар, – утвердительно сказал Олег.

– Нет, – глухо отозвался старик. – Кто-то меня опередил.

Он кривовато усмехнулся, бросил четки на стол, и они вдруг вспыхнули (князь собрал всю волю в кулак, чтобы не отпрянуть назад, – то-то бы этот вурдалак повеселился!) и исчезли, будто их и не было. Даже пепла не осталось.

– Знаешь, княже, я очень долго живу на свете (правда, иногда спрашиваю себя, на каком. На том или на этом). Так долго, что растерял все желания, которые когда-то меня сжигали живьем. Я не хочу ни богатства, ни власти, ни знаний (все труха и суета). Я хочу единственного: найти того, кто когда-то перешел мне дорогу. А Шар... Что ж, если ты

сумеешь найти его – он твой. Только имей в виду: завладеть им может далеко не каждый. Шар сам выбирает, кого подпустить к себе, а кого отвергнуть.

«А ну как он и меня отвергнет?» – захотелось сказать Олегу. Но спросил другое:

– Что же будет, если у меня получится?

– То есть что будет, если Шар примет тебя? – Малх вдруг стал серьезным. – Тогда берегись, Ольгес сын Йаланда Вепря. Я и ржавого гвоздя не дам за твою жизнь.

"...Я в то утро была чем-то занята в горнице. Правду сказать, иной думает: княгиня – это та, что день с утра до вечера сидит на скамье, покрытой дорогим ковром, в парчовых одеждах – таких тяжелых, что только сидеть и можно. Ну, еще пройтись туда-сюда по горнице, ножки размять. А кругом – бояре, точно верные псы, одно движение пальчика – и помчатся наперегонки выполнять прихоти любимой госпожи. А сама способна разве что золотую ложку ко рту поднести.

Так – да не так. Князь с княгиней – хозяева в доме, а дом держать ох как непросто. Особенно если домина громадный, с целый город размером. Я же последние годы управлялась с Житневом одна – с тех самых пор, как батюшка Василий Константинович сгинул в странной и давней войне. Так я и стала, сна чала вкривь и вкось, а потом все увереннее править княжеством: разбирала судные дела, постигала искусство дипломатии (соседи были воинственны и коварны, того и гляди сжуют и костей не выплюнут, приходилось держать ухо востро, а иногда – проявлять совсем не женскую твердость). Ездил за данью по дальним погостам, где жили люди угрюмые и диковатые, привыкшие к суровой вольности. Там меня сначала не побоялись, чуть ли не отправили подобру-поздорову. Пришлось силой отстаивать свое право, пока крепко-накрепко не усвоили: я их госпожа, и этим все сказано...

Дети во дворе затеяли игру в Батыя. Неудивительно: уже с зимы это имя было у каждого на устах. Сначала к новости о его вторжении в южные княжества в наших краях отнеслись чуть ли не равнодушно: видали, мол, и не таких. Степняки горазды лишь носиться на лошадях: наскочат, осыплют стрелами, посверкают издали кривыми саблями под гортанные крики и – назад в степь, только пыль из-под копыт столбом. Таковы были хазары и половцы, таковы были печенеги. В прямом открытом бою, сила на силу – слабоваты, а уж осаждать крепости – и подавно. Стену на коне не перепрыгнешь.

Однако татары уверенно брали город за городом. До нас, надежно спрятанных среди северных лесов и болот, доходили страшные вести: пали Москва, Коломна, Рязань, Козельск... Князья на подмогу друг другу идти не торопились: одни надеялись отсидеться в крепостях, другие – договориться со степным ханом (а то, посулив чего-нибудь, натравить на ненавистного соседа). Тревога витала в воздухе.

Мишенька уверенно распоряжался, заткнув ладони за пояс, на котором висел обычный деревянный меч.

– Ты, Митяй, самый здоровый и длинный, будешь воеводой. Савка с Домкой – твои дружинники, Гейка... эх, куда бы тебя... А, будешь строить мне терем.

– Из чего? – мрачно поинтересовался тот. Он всегда ходил мрачный и надутый, но на самом деле был вовсе не злой.

– Делов-то. Вон усадьба боярыни Настасьи за забором. На кой он ей?

– Леготе пожалуется, он меня выдерет.

Однако покорно пошел выполнять поручение. Скоро все занялись делом. «Воевода» сооружал себе шлем из дырявого корыта, близнецы скакали вокруг, сражаясь длинными палками, Гейка Жмых, сопя, раскачивал доски забора.

– Эх, – вдруг спохватился кто-то. – А кто же за Батыгу будет?

Никто Батыем быть не хотел. Но Мишенька нашел выход.

– А мы Вирьку возьмем. Эй, Вирька, будешь играть с нами?

Тот робко подошел, ковыряя в носу, глянул из-под перепутанных вихров. Он был самый маленький и щуплый, поэтому обычно в играх ему отводились вовсе незавидные

роли.

– Будешь татарским ханом. Пойдешь войной на мой кременец, а Митяй с Савкой и Домкой тебя отлупят.

Митяй среди дворовой ребятни слыл первым драчуном. Вирька обозрел его здоровенные кулаки и попятился.

– Не хочу, – несмело сказал он. – Батыга – он плохой, мне дедушка рассказывал.

– Мало ли что. Ты обязан мне подчиняться.

– Чего это?

– Того, что я княжеский сын!

– Все равно не буду! – выкрикнул Вирька, отступил еще на шаг и, оступившись, шлепнулся о камень.

– Сейчас заревет, – рассмеялся Митяй. – А что с него взять, он же из мордвы. Они еще от нашего князя бегали, как зайцы!

– Неправда, – совсем тихо возразил малыш, но Мишенька не слушал. Его лицо вдруг исказилось злобой, он медленно подошел, дождался, пока несчастный Вирька поднимется, и носком сафьянового сапожка вновь опрокинул его в пыль.

– Вот так я разделаюсь с Батыем, когда вырасту, – пообещал он. – А заодно и с твоим трусливым народишком, если только он не заплатит мне дань, сколько я велю. Ну-ка, бейте его!

Вирька с ужасом зажмурился («А пусть бьют. Не буду татарин, хоть сама княгиня прикажет»). Однако расправы не последовало. Когда бортников внук приоткрыл один глаз, «дружинники», побросав оружие, во всю прыть улепетывали вдоль улицы, а Митяй и юный княжич сцепились с каким-то чужим пареньком, простолюдином, если судить по одежде. У Мишеньки уже и кровь капала из носа, а приказчиков племянник, лежа на земле, верещал, подмятый чужаком...

Не упомню сейчас, чем я была занята. Только вдруг со двора усадьбы донеслись крики, дверь в горницу отворилась, и дед Жихарь бухнулся мне в ноги:

– Матушка, заступница, оборони!

– Неужто татары во сне привиделись? – хмыкнула я.

– Княжич молодой с боярскими детьми внучка моего обижают. Как бы не забили до смерти. Уж смилостивись, вступишь!

Дед Жихарь по молодости бортничал, еще матушку мою Арину Филипповну потчевал лесным медом. Потом постарел, по деревьям лазать немочь не позволяла. Сын его служил по поручениям у воеводы Еремея Глебовича, а внучок Вирька по малолетству еще бегал по двору без дела, одетый с ранней весны до первого снега в одну короткую рубашонку.

Я заспешила на улицу. Вирька, часто всхлипывая, сидел голым задом на земле, а близнецы Домка с Савкой, сыновья посадского боярина Савелия Илова, приказчиков племянник Митяй и Гейка Жмых из усадьбы известного на всю волость мастера кожевенных дел – Леготы окружили какого-то незнакомого паренька, бестолково махая кулаками, сопя и мешая друг другу. Паренек молча и яростно отбивался. А делал он это здорово – еще чуток, и все аникино войско бросилось бы наутек, плюнув на собственное достоинство. Но тут Мишенька, допрежь стоявший в сторонке, тихо-тихо обошел чужака со спины, вытащил из-за пояса свой деревянный меч и размахнулся, целя тому в незащищенный затылок. Я в ужасе закричала: меч был, слава богу, ненастоящий, но попробуй ударь со всей силы – мало не покажется. Мой крик будто пробудил всех ото сна. На улицу мигом выскочил боярин Савелий, воевода, следом сбежались слуги... Савелий замешкался в нерешительности: все-таки перед ним был княжеский сын, зато Еремей Глебович поступил проще: перехватил занесенную руку, отобрал им же выструганную палку и в сердцах сломал о колено. Тут и боярин опаматовал, схватил своих отпрысков за шиворот и дал хорошего пинка сразу под два зада. Прибежавший приказчик вlepил Длинному Митяю затрещину, едва дух не вышиб. В общем, уняли драчунов. Один Мишенька кричал, указывая на чужака:

– Вяжите его скорее! Тать он, разбойник! Мне нос разбил!

– Кто такой? – спросила я паренька. Ему тоже досталось крепко: висок был оцарапан, кровь капала на холщовую рубашку, подпоясанную простой веревкой, один глаз заплыл, но другой из-под взъерошенных соломенных волос смотрел прямо и без испуга. А ведь на регента руку поднял. Прикажи я – только мокрое место бы и осталось.

Боярин недолго думая дал мальчишке подзатыльник:

– Отвечай, холоп, когда спрашивают!

Тот недобро взглянул на него, но ответил:

– Некрас. В Серовом займище живем с сестренкой, я овец пасу. А родители померли.

– Как же ты на княжича посмел...

Но тут вдруг между боярских сафьяновых сапог шмыгнул Вирька (и откуда у заморыша смелости хватило?) и жалобно сказал:

– Меня отлупить хотели за то, что я Батыем быть не согласился. А он не позволил. Не рубите ему голову, госпожа!

Я только хмыкнула, представив себя рубящей тринадцатилетнему мальчишке голову топором. А бедный Жихарь едва снова не упал на колени, ужаснувшись дерзости внука.

– Вор он, матушка княгиня, и злодей, – пробасил сердитый боярин (близнецы притихли под его железной дланью). – Ты погляди-ка на его нож!

Нож, кстати, и впрямь был знатный: блестящее острое лезвие в форме рыбки: чуть шире к середине и уже к острию и узорчатой рукояти, кровосток по обушку, ножны из бересты с затейливым рисунком.

– Откуда он у тебя? – спросила я.

– От батюшки. А он сказывал, получил в подарок от заезжего князя.

– Будет врать-то! – взвился Савелий, аж черная борода взметнулась по пробору в обе стороны. – Чтобы князь, да какому-то холопу... Госпожа, прикажи, чтобы железо раскалили. Заговорит как миленький!

– Охолонь, – при мысли о пытке мальчика меня передернуло. Не то чтобы я была уж куда как нежна, просто...

Я обернулась к воеводе:

– Завтра пошли человека в Серове займище, пусть найдут там его сестренку. Как сестру зовут?

– Смиренкой, – не стал скрывать Некрас. – Только маленькая она еще. Скажи, госпожа, чтобы ее не обидели.

Смиренку, Некрасову сестру, привели ко мне на следующий день. Она сильно робела, не смея даже поднять глаз. Боялась, наверное, что старая княгиня (я в свои неполные двадцать пять зим казалась ей, поди, дряхлой старухой) велит посадить ее вместе с братом в сырой поруб, а потом и крикнет палача в красной рубахе (от уж кого у меня отродясь не было).

Имя ей дали подходящее. Смиренка – Смиренка и есть: худенькая и маленькая, кости едва не просвечивают, острый подбородочек и стыдливый румянец на щеках... На брата она совсем не походила: тот был широк в плечах и высок ростом, а глаза были полны дерзкого вызова. Хотя я его понимала: единственная надежда и кормилец семьи. Станешь тут трусить да по углам прятаться – не выживешь.

Сперва я наказала чернавкам подобрать платьице и башмачки. Прежняя девичья одежонка, хоть и аккуратно выстиранная и заштопанная, до того обветшала, что даже на тряпки не годилась. Смиренка не знала, радоваться ей или плакать.

– Тебе страшно? – спросила я. Она вздохнула и призналась:

– Страшно, госпожа. Дома хоть и голодно, а привычно. А тут...

– Ничего, и здесь пообвыкнешь. Кто обидеть надумает – сразу мне говори.

Девочка несмело улыбнулась.

– Не обидят. Брат не позволит.

И улыбка ее мне понравилась. И гордость: как же, не одна на свете, есть кому заступиться.

Взгляд у Некраса сразу потеплел, как только сестрица, обрадованная, бросилась к нему, обняла и прижалась к груди...

– Что, Еремей Глебович, – спросила я воеводу. – Возьмешь пастушка к себе отроком?

– Отчего не взять, – согласился он. – Коней почистит, копьё поносит за кем-нибудь из дружины. А там – как знать, может, и выйдет толк... Где драться-то выучился, аника-воин? Не батюшкина ли наука?

Как миновали конюшенный двор и поднялись в горницу, княжич взъярился и затопал ножками.

– Ты татя отпустила! – завизжал он. – Меня побил какой-то холоп, кто другой на твоём месте велел бы плетью до смерти отстегать или на кол...

Я хотела сдержаться, но не смогла – закатила родному сыночку затрещину, так что он чуть не растянулся на полу.

– Мал ты еще, – произнесла с тяжестью в голосе. – А то бы по-другому поговорила. Ты знаешь, что и у меня, и у Олега Йаландовича мерян и ижор по волости едва ли не треть? Сколько я трудов положила, чтобы их инязоры – те, кто еще год назад ставили на наших даныщиков самострелы на тропах, – теперь сами присылали своих воинов мне послужить? – Я посмотрела с презрением. – Но ты ведь уже великий князь, что тебе мать-старуха. Вон как храбр – на мальчишку вдвое младше тебя дворовую ватагу натравил.

Сам-то побоялся...

Мишеньку не столько оскорбила моя затрещина, сколько мои последние слова. Он даже зажмурился, будто его плеткой протянули..

– Я и один бы мог... – но тут же осекся, поняв, что сказал не то.

Я только поджала губы и отвернулась, бросив через плечо:

– Мог бы, с тебя станется. За воеводу Еремея обидно: он-то думал, вырастет княжич воином, земле будет защита. Да, видно, ошибся...

Все в тот день, помнится, валилось у меня из рук. Так бывает: едва займешься чем-нибудь – хочется бросить все и лечь на лавку, закрыть глаза, а ляжешь – тянет вскочить и бежать неизвестно куда. Потом, к вечеру, измучившись сама и измучив других, я вдруг поняла, чего страстно желаю. Чтобы приехал Олег. Поучил уму-разуму.

Однако, на мое удивление, к концу седмицы в Житнев прибыл другой человек, кого я совсем не ждала. Сперва я обрадовалась, услышав звон колокола на въездной башенке, увидев богатый обоз и по-княжески одетого всадника на кауром иноходце, в окружении слуг. Затрубил рог, и подъемный мост на цепях начал медленно опускаться..."

– Не спишь, Алечка?

Она будто очнулась. Нет, она не спала, хотя и не совсем бодрствовала – строчки ложились на бумагу будто сами собой, без ее участия. Небрежный изящный росчерк, ровные летящие буквы – и полная бессмыслица. Никогда не существовало града Житнева и вдовы-княгини, которая владела наследственной тайной Прямого перехода...

– Дед, а помнишь медальон, который ты мне подарил на день рождения? Мне, кажется, тогда исполнилось десять лет...

– Почему ты вспомнила?

– Мне интересно знать. Олег сказал, что этот знак – проросший крест и полумесяц – в тринадцатом веке носили вдовы.

– Не говори так, – вздрогнул он. – Не говори, не думай...

И вдруг вырвалось:

– Милая, как же я виноват перед тобой!

– В чем? Что это ты выдумал...

– Да, да, – бессвязно заговорил он. – В молодости я совершал то, за что, наверное, расплачиваюсь теперь. И не только я один. Боюсь, как бы проклятие не перешло на тебя. Но пойми, мы ведь горели... За мировую революцию, за свободу от всего и всех, еще за что-то... А между тем оказалось, что наши лозунги отлично сочетались с некоторыми статьями Уголовного кодекса.

– Ты убил кого-нибудь?

«И не только, – горько подумалось ему. – Убил, украл, предал... Семь смертных грехов, упомянутых Иисусом в бессмертной Нагорной проповеди, – и нет ни одного, которым я бы не отяготил душу».

– Это как-то связано с Шаром?

Ему показалось, что он ослышался.

– С Шаром?

– Прошлой осенью ты лежал с гриппом. У тебя была температура под сорок, ты бредил...

– Правда? – он махнул рукой. – Ничего не помню.

Врач сделал укол, весело подмигнул симпатичной молодой женщине, сидевшей рядом с больным: не переживай, мол, еще крепок старик Розенбом (хотя, может, именно этот факт и приводит ее в уныние? Квартирка-то ничего, и обстановка... Наверняка дедок уже написал завещание) – и отбыл, перечислив по дороге к двери нужные лекарства. Попросил телефончик – она сказала «всего доброго» и вернулась в спальню.

Из-под вороха одеял был виден лишь заострившийся нос и закрытые глаза с воспаленными веками. Больной что-то шептал. Она наклонилась, чтобы поправить одеяло, и явственно услышала одно слово: ШАР.

Внимания она не обратила – мало ли что привидится в бреду. Но ночью, когда больной немного успокоился и забылся, Шар пришел к ней во сне.

Будто она, еще маленькая девочка, наряженная в парчу, с золотыми браслетами на запястьях, на тщательно причесанной головке – праздничный платок с вышивкой по краям, на ножках – изящные красные башмачки, украшенные бисером, входит в высокий красивый собор. Ей немножко, самую капельку, страшно, потому что сейчас, как только она войдет внутрь, для нее наступит совсем другая жизнь. Она станет Посвященной – но это если она выдержит экзамен. А какой, о чем ее будут спрашивать – она понятия не имела.

Церковь внутри будто пуста – каждый звук, даже шорох одежды и дыхание отзываются под высоким расписным сводом. Девочка идет по каменным плитам, и это кажется странным: она точно помнит, что матушка ее строила собор из дерева, как и большинство церквей той поры. В той церкви было почти темно, несмотря на множество лампадок перед образами и маленькие слюдяные окошечки высоко под потолком. ЭТОТ собор дышал радостью и покоем, и лики с икон смотрели хоть и строго, но строгость их казалась напускной – под такой взрослые, глядя на шаловливого ребенка, скрывают добрую улыбку.

Перед алтарем стояла нянюшка Влада, тоже одетая по-праздничному. Пока девочка шла к ней, чей-то высокий и чистый голос говорил медленно и нараспев: «Аще кто идет со всем сердцем, гнева не имея, но сияет душа его аки солнце, и восходит над ним молитва, аки тимьян, тогда ангел мой исходит из алтаря и несет кисть в руке своею...» Немножко непонятно, но хорошо.

Вот нянюшка берет ее за руку и ведет куда-то, будто сквозь алтарь и дальше – по длинному коридору, в конце которого, еще далеко, горит яркая звездочка. По мере приближения звездочка растет и превращается в Шар. Девочка подходит к нему и еле слышно говорит: «Здравствуй. Как тебя зовут?» И тут же чувствует, что Шар оживает и тянется к ней, вспыхивая изнутри.

– Нянюшка, он меня признал, – улыбается девочка, сияя от радости. Та улыбается в ответ.

– Хорошо. Значит, свершилось. Теперь ты – одна из Посвященных.

– Так это и был экзамен?

Влада еле заметно качает головой. Ей-то известно: это лишь первый экзамен, едва ли не самый легкий. А сколько их еще будет в жизни...

Внезапно свет зажигается повсюду, и они стоят уже не в коридоре, а в огромном зале с прозрачными стенами. Солнечные системы и звездные туманности висят над головой и под ногами. Какие-то люди (а может, и не совсем люди) в белых ниспадающих одеждах

склоняют головы перед девочкой и ее спутницей.

– Поздравляем тебя, Хранительница, – произносит один из них. – Обряд свершился. И ты, Еланюшка, прими поздравления.

«Меня зовут не Еланюшка», – хочет возразить девочка. Но почему-то не решается. А нянюшка Влада – та, которую тут нарекли Хранительницей, – благосклонно кивает в ответ.

– Спасибо тебе на добром слове, Малх...

Глава 10 ДОБРОЕ СЛОВО

Из лаборатории позвонили только в одиннадцатом часу, но Борис на другое и не рассчитывал – все заняты, работы навалом, все знакомо и опостылело. Криминалист – это только звучит красиво и загадочно, а оплачивается с теми же полугодовыми задержками и так же унижающе...

– Ну что? – спросил он.

– Чистое серебро, Борис Аркадьевич, – ответила трубка. – Довольно высокое качество при... гм... варварском способе изготовления самого изделия. Ручная ковка без малейшего следа последующей станочной обработки. Это странно.

– Возраст?

– От силы несколько недель, – на том конце осторожно помолчали. – Впечатление дурацкое: будто кто-то неведомо зачем выковал этот наконечник, скрупулезно соблюдая технологию восьмисотлетней давности. Впрочем, сейчас полно всяких шизиков-неформалов. Вспомнить хотя бы клуб «Кремень».

Борис напряг память.

– Девяносто шестой год, убийство из кремневого ружья?

Он не удивился. Из-за того выстрела, оборвавшего жизнь пожилого отца семейства, весь отдел несколько суток пребывал в полнейшей растерянности. И дело было отнюдь не в хитросплетении улик – ложных и истинных – и не в количестве подозреваемых, а в том, что эксперт-баллист (убежденный член общества борьбы за трезвость) с пеной у рта утверждал, будто круглая пуля, найденная в квартире жертвы, была выпущена из гладкоствольного ружья с кремневым запалом. Такие ружья находились на вооружении русской армии вплоть до середины XIX века. Кабы эксперту поверили сразу, то и убийцу бы вычислили за два часа вместо почти двух недель унылого отчаяния...

– Так ведь клуб, кажется, после того случая закрыли, – вспомнил Борис.

Эксперт усмехнулся.

– Ну, это уже не в моей компетенции. Просто высказываю мысль: прикрыли-то «Кремень», а открыли какой-нибудь имени хана Мама.

– Ошибка исключена?

– У меня диплом, между прочим. Хотя в данном случае вы правы: нужна консультация историка.

– Я подумаю.

Дарья Богомолка смотрела выжидающе. Борис мельком взглянул на ее руки, которые видел миллион раз и не уставал любоваться: маленькие, изящные и сильные кисти идеальной формы с очень гладкой и нежной кожей, даже на костяшках пальцев (мужики-то, напротив, едва начав заниматься чем-нибудь мордобойным, непременно отращивают на них толстые мозолистые бугры и ужасно ими гордятся). Он положил перед ней фотографии – мертвый экстрасенс в разных ракурсах на полу в ванной, на фоне темно-зеленого кафеля. Крупным планом – небольшая гематома на лбу, синий кружочек неправильной формы.

– Кровоподтека нет, удар был несильный. Это меня и сбивает с толку, – признался Борис. – Я просто не могу представить себе ситуацию...

– Вы думаете, это сделала женщина, владеющая карате? – тихо спросила Дарья. – Я вас понимаю. Обычная женщина скорее нанесла бы пощечину.

Борис кивнул. Дарья почти слово в слово повторила выводы Гарика Варданяна.

– Кстати, я сама поступила бы точно так же. Лобная кость очень прочная штука, чтобы ее пробить, нужен сильный удар. Знающий человек, я думаю, ударил бы иначе – вот сюда, в висок. Или – чтобы добиться «вакуумного эффекта» – основанием ладони в переносицу. Вас не коробит от таких подробностей?

– Ради них я вас и пригласил, – сухо отозвался Борис. «За кого она меня принимает? Следовательно я или кисейная барышня?»

Женщина помолчала и осторожно произнесла:

– Мне кажется, вы вызвали меня не только за этим, правда? Есть еще причина.

– Да. Мне хотелось избавиться от некоторых черных мыслей...

– Мыслей о том, что это я убила Марка?

– Вы когда-нибудь обращались к нему?

Она покачала головой.

– У меня был период в жизни, когда... Словом, я тогда находилась на грани срыва, почти безумия. Если бы я встретила Марка в то время... К счастью, рядом оказался не экстрасенс, а близкий мне человек. Иначе я бы не выжила.

– Туровский?

Дарья кивнула, и глаза у нее потеплели. Борис вдруг почувствовал укол чего-то похожего на ревность (непонятно к кому: то ли к собеседнице, то ли к бывшему шефу, который, бывало, раздражал своим фанатизмом и педантичностью, но и восхищал как профессионал до мозга костей).

– У вас есть ученики?

– Есть, – спокойно подтвердила она.

– И за каждого вы, конечно, ручаетесь.

– Не знаю, – честно призналась Дарья. – Чужая душа – потемки. Боренька, у вас что-то произошло? Вы отчего-то злитесь на меня.

Он не хотел говорить: все же некий червячок грыз душу. Она была знакома с Бронцевым. Некоторое время находилась «на грани срыва, почти безумия...». А вдруг не излечилась, вдруг все-таки встретила с ведуним один на один и испугалась, поняв, что тому известна некая роковая тайна? Но почувствовал, что, если не выскажется, слова разорвут его изнутри.

И он, не ведая зачем (внутренний голос настойчиво твердил о тайне следствия), рассказал о нападении на Глеба.

– Кстати, он очень благодарен вам за науку. Без нее бы, говорит, хана. Не знаю, как у вас, а у меня тут же возникают ассоциации...

– Понятно, – вздохнула Дарья. – Каскадеры со студии.

– Или тот, кто хотел создать такую видимость. – Борис помолчал, повертел карандаш в руке, бросил его на стол. – Глупо. Слишком сложно, громоздко и глупо. Нужно готовить снаряжение. Доставать лошадей. Нападать на автомобиль (между прочим, машина целехонькая – уж не почудилось ли братцу, в самом деле?). И – самое главное – серебряный наконечник стрелы. Тут необходим совсем уж больной ум.

– Неужели «кроме наконечника» не осталось никаких следов? – спросила она.

Лес, прилегающий к шоссе на участке возле бензозаправки, он использовал на коленях вдоль и поперек, как прилежный партизан, – в одиночку, не доверяя никому (Глеб сидел в машине на обочине, открыв дверцу, выставив ноги наружу и смоля сигарету за сигаретой). Несколько раз стекла проезжавших мимо автомобилей приспускались и оттуда доносилось: «Вот придурки, клад ищут!»

Наконец, измазавшись как черт, в промокших насквозь зимних ботинках, отчаявшийся и злой на все сущее, Борис наткнулся на один-единственный отпечаток на земле лошадиного копыта. Глеба он привел в восторг, сам Борис же только отмахнулся.

– След доказывает, что здесь была лошадь, только и всего.

– А я что говорил!

– Не знаю, – раздраженно сказал он. И подумал: «Теперь точно схвачу насморк». Брюки промокли и покрылись слоем грязи, хотя в лесу снег еще и не думал таять, лишь кое-где на кочках возле деревьев нехотя сполз, обнажив бурую прошлогоднюю траву.

– Но откуда здесь взялись лошади?

– Забрела из поселка.

И бессвязно добавил:

– Больше следов нет. Трупов нет, крови нет, вмятин на машине... Я даже справился в автоинспекции насчет дорожных происшествий.

– И что?

– Тракторист по пьяни кувыркнулся в кювет. «Москвич» въехал в крутую иномарку, отделался легким мордобоем. Конных витязей в окрестностях никто не наблюдал, даже тот тракторист, хотя ему уж сам бог велел. Как ты это все объясняешь?

– Трупы унесли с собой, следы уничтожили.

– Кто? Ты же убил всех четверых.

– Однако кто-то их послал... Кто-то вывел на меня – не караулили же они весь день в ожидании, когда я уеду с площадки.

Борис усмехнулся.

– Быстро ты соображаешь. Только не говори, что у них есть свой человек на студии. Иначе тебя элементарно убили бы прямо там, без всяких красотостей типа конных атак и серебряных стрел (кстати, я справлялся: штука довольно дорогостоящая).

Он открыл переднюю дверцу, пристроился на сиденье, скинув ботинки, и, изогнувшись немыслимым образом, ухитрился уложить ноги в мокрых носках на ласково греющую печку.

– Ты мне не веришь?

– Сам не знаю, – честно ответил Борис. – Если я не верю, значит, ты спятил и, кроме психиатра, тебе ничьей помощи не требуется.

– Спасибо...

– Если же я тебе верю, то спятил я сам. Тоже мало радует. Единственное, что можно предположить...

– Ну?

– Тебя хотели напугать. Здорово напугать, довести до...

– У них это получилось!

– Однако план дал осечку: ты, братец, оказался не в меру проворен, сумел положить исполнителей.

– А смысл?

– Тут простор для фантазий. Чья-то изощренная месть. Кого-то не устраивает твое присутствие в городе или конкретно на месте съемок. Может, там нефтяное месторождение (шучу).

– Бред.

– Бред, – согласился Борис.

Настроение было унылое, как пейзаж перед глазами, выписанный в реалистичной манере черно-белой фотографии, без посторонних красок и полутонов. Солнце, слабое, сквозь тучи, словно в других небесах, в другом сердце, в душах деревьев-странников (такими они видятся проезжавшим мимо – тем, кто принимал их за кладоискателей). Купола исчезнувшей церкви великомучеников Бориса и Глеба (прозрачная аналогия) почему-то подсказали мысль о кладбище, воскресном покое с бабушкой и причастием («Вот и ко мне придете, когда я тут лягу. Ведь придете?» – «Бабушка, не надо, что ты!» – «Да я еще поживу. Вот пристрою вас и потом всегда с вами буду». – «Всегда-всегда?» – «Всегда»).

– И все-таки из нас двоих наиболее сумасшедший – это я, – признался Борис.

– Неужто я тебя убедил?

– Не ты. Марк Бронцев. Ты рассказал ему свою историю (получив, кстати, тот же совет: обратиться к врачу). После твоего визита экстрасенс получил пулю в сердце. Не бывает, братец, таких совпадений.

Глеб криво усмехнулся.

– Так может быть, я – его?

– Нет. У тебя хватило бы ума избавиться от кассеты.

– Знаешь, что поразило меня больше всего? – неожиданно произнес он.

Мы уже тронулись в обратный путь (улов был зело как богат: я сфотографировал Глебовым «Поляроидом» приснопамятный отпечаток лошадиного копыта, но это был скорее жест отчаяния). За рулем сидел я, Глеб же сгорбился рядом, сцепив руки на коленях и равномерно покачивая головой.

– Что? – устало спросил я.

Мне было неинтересно.

– То, как они атаковали. Плотным строем, на полном скаку, словно на рыцарском турнире... Они были совершенно уверены, что проткнут копьями и меня, и «Жигули», будто дракона из сказки. Борис, я голову дам на отсечение: они никогда в жизни не видели легковой машины!

Князю Ярославу было в ту пору около пятидесяти. Седые длинные волосы прибавляли ему годы, а короткий полшубок мехом наружу, высокий шлем и давний шрам на левой щеке в сочетании с пронзительно синими глазами заставляли вспомнить о норманнских кнаррах, пришедших когда-то по Шексне в Новгород Низовский и далее по Селижаровке через Житень-озеро на север. Елани он не нравился. Было в младшем сыне Всеволода Большое Гнездо что-то хищное, звериное... Прибыл он с малой дружиной в самом конце месяца березола (морозы уже отступили, по берегам начал трескаться лед, и рыбаки выходили на лов, только надев широкие деревянные лыжи).

Олег Йаландович гостил в усадьбе княгини – там, где прошлой осенью Мишенька получил урок от паренька по имени Некрас. Помнится, княжич несколько дней ходил по терему сам не свой. Позабыл своих закадычных друзей по играм, еле притрагивался к любимым кушаньям за столом... Елань даже забеспокоилась: не заболел ли.

Смиренька в усадьбе прижилась. Она вытянулась за зиму, похорошела, округлилась (а то была кожа да кости), бледность в лице сменилась здоровым румянцем, в карих глазенках появился живой блеск. В праздности не сидела: помогала служанкам и не избегала никакой работы. Хорошая росла девочка. Некрас тоже изменился за коротких три месяца (в эту пору жизни быстро растут – отвернешься на миг, посмотришь снова – и не узнаешь). Он носил за одним из дружинных мужей копьё и чистил коня, перенимал приемы боя и воинские ухватки. Теперь уж вся дворовая ватага не рискнула бы встать ему поперек дороги. Не забывал он и а сестре: как выпадала свободная минутка, приходил в усадьбу, и всякий раз с подарком – дешевым медным колечком, пряником или глиняной игрушкой-свистулькой.

Мишенька сначала косился волчонком: давняя обида напоминала о себе. Однако постепенно оттаял. А однажды, завидев Некраса во дворе, подошел и тронул за рукав.

– Ты это, – хмуро сказал он. – Покажи, как ты прошлой осенью боярского Савку через голову ринул.

Некрас внимательно посмотрел, что-то решая про себя, и кивнул:

– Что ж, пошли.

– ...Вот это называется «раскачка».

Он нарочно поддался, когда княжич потянул его вправо, уже торжествуя победу. Мишенька, ожидая сопротивления и не дождавшись, потерял равновесие, попробовал было шагнуть... И полетел на землю. Расшибся бы, если бы Некрас не поддержал «ученика» за рукав.

– Покажи еще!

– Нападай.

Мишенька падал снова и снова, но обижаться и не думал. Глаза его разгорелись.

– А ну как я тебя вот так, поперек туловища...

– Пожалуйста, – согласился Некрас. – Видел, как в деревнях русскую пляшут?

Приседают на одно колено, руки в стороны...

Княжич попытался удержаться на ногах, но какое там. Некрас был воином. Ну, не совсем воином (оружия и коня он еще не удостоился), но все-таки.

– Теперь я!

Паренек схватил княжича так, как только что хватали его самого, однако в четверть силы, щадя чужое самолюбие. И все равно, как княжич ни вырывался, как ни силился повторить движение, получилось из рук вон плохо.

– Ух, – наконец выдохнул он. – А ты вредный. Мог бы, между прочим, поддаться, я все-таки княжеский сын.

– Еще чего! – весело отозвался Некрас. – Вставай-ка...

Мишенька вяло оттолкнул его рукой, будто устав и не желая больше бороться. Некрас пожал плечами: как хочешь, мол. И тут же полетел на землю: княжич обманул-таки противника. Правда, тот сумел все же кувыркнуться через голову и молниеносно вскочить на ноги. Взревел от притворной ярости, бросился в атаку... Но вдруг замер и поклонился: шагах в десяти стояли воевода Еремей Глебович и князь Олег. Они с усмешкой наблюдали за уроком.

– Неплохо, – сказал князь. – Твоя наука, воевода?

Тот смутился:

– Да видишь, княже, где моя, а где не моя...

– Хочешь сказать, мальчишку учил кто-то еще?

– Полагаю, так. Только вот кто? Он же сирота, ни отца, ни матери. Только младшая сестренка. Однако кто бы ни был тот мастер, я был бы не прочь познакомиться с ним поближе.

Почему-то Белозерский князь помрачнел и невеселым ходил весь следующий день. С таким настроением он сидел и на пиру, когда под ясный вечер с последним морозцем все собралось в дружинном доме.

Длинная комната была холодна – ее никогда не топили, и из уст пирующих вылетали облачка пара. Дружинные мужи и посадские бояре в длиннополых кафтанах сидели по обе стороны крепкого дубового стола, покрытого вышитой белой скатертью. Плясали скоморохи в разноцветных колпаках с бубенчиками, играли дудари, веселя гостей, их сменяли гусяры, слагавшие былины под переборы струн...

Кмети из обеих дружин лишь поначалу сидели за столом отдельно. Вскоре же за разговорами стали находиться общие знакомые и недруги, полились рекой воспоминания о былых походах и полученных ранах, о городах и маленьких селениях, в которых, помнится, останавливались на ночлег и целовали пригожих девок на сеновалах... А у девок потом рождались сыновья, все как на подбор рослые и красивые.

– Что печален, княже? – тихо спросила Елань Олега, который сидел рядом, по правую руку.

– Прости, – так же негромко отозвался он. – Хорош пир, а на душе тяжело...

– Из-за Ярослава?

Она помолчала немного, потом, словно прислушиваясь к гомону голосов, пригубила чашу, привезенную послами из Византии, и решила:

– Не печалься. Сам ведь знаешь, кому мое сердце принадлежит.

Его глаза вспыхнули.

– Так и тебе, поди, известно, кто мое сердце украл... Выйдешь за меня, княгинюшка, если по осени сватов пришлю?

Да, говорил ее взгляд яснее всяких слов. Да, да, да!

На миг почудилось, будто все вокруг исчезло: пышнотелые бояре и жилистые князевы дружинники, оружные отроки, стоявшие по углам и охранявшие честной пир от всяких ссор, что так легко вспыхивают во хмелю, скатерть на длинном столе и чары с вином, по древнему обычаю сдобренные головками чеснока. Воевода Еремей встал, провозгласил тост за любимую госпожу. Глянули в упор недобрые глаза князя Новгородского Ярослава... А пусть

злиться, коли охота.

Лишь два человека существовали для нее в этот миг: сын Мишенька и Тот, Кого она всегда ждала, и наяву, и в снах. Князь Олег.

Поэтому она и пропустила момент, когда Ярослав, тяжело качаясь, встал со скамьи и грохнул кулаком по столу так, что серебряная чаша подпрыгнула и опрокинулась.

– За здоровье княгини тост поднимаешь, собака? – заорал он на воеводу. – А сами в дом чужака безродного притащили, рядом с собой сажаете! Или разум помутился?

Нос его покраснел, волосы растрепались, кафтан был застегнут сикось-накось – непонятно, как брат Константина вообще ухитрился влезть в него... Конечно, он никогда в жизни не посмел бы вести себя так в чужом доме – кабы не выпитое без меры вино.

– Проветриться бы тебе, княже, – негромко сказал князь Олег. Остальные притихли – ждали, что будет.

– Ты мне не указывай, холоп!

Олег не успел отпрянуть – Ярослав взял в руку чашу и выплеснул ее Белозерскому князю в лицо. Жгучее бордовое вино потекло вниз, по кафтану, покрасило белую скатерть, уже не выглядевшую празднично: стол в беспорядке, остатки еды, кости, жирные пятна...

Княгиня видела, как Олег, побледнев, вытер лицо. Воевода отставил кубок и едва заметно напрягся. Рука сама потянулась к мечу, не остановил бы не то что Ярослав – подумаешь! – а и сам Всеволод Большое Гнездо, появившись он здесь и порадуясь на младшего сына. А тот продолжал метать пламя из глаз:

– Княгиня теперь моя – по старшинству! И Житнев мой, и земли вокруг тоже мои!

Олег не двинулся с места. Только проговорил:

– Опамятуйся. Не дома. Да и княгиня тебе не вещь и не раба. Сама выберет.

– Выберет, – пробормотал Ярослав, делая попытку выбраться из-за стола (ноги, продажные собаки, никак не желали слушаться. Зато голова была ясная, а уж красноречие проснулось – всем на диво!). – Выберет, если будет из кого выбирать. Я ведь тебе не десной кобель... то есть кабан. Ик! Меня на сулицу не возьмешь! А ну, доставай меч! Я тебя проучу, холоп!

Обе дружины вмиг разъединились. Воины сторожко подобрались, забыв хмельную расслабленность. Но и рвать друг другу глотки не спешили: мало ли что господа учудят. Ярослав, сам похожий если не на вепря, то на рассерженного косолапого, уже едва не добрался до своего противника. Княгиня гневно поднялась, встала на дороге... Он походя толкнул ее, не ведая, что находился в тот миг на волосок от смерти: дружинные отроки вскинулись в одно мгновение, десяток мечей вылетели из ножен...

– Назад! – приказала Елань, придерживая ушибленную грудь.

Кмети отступили, недовольно убирая руки с оружия. Этого голоса они привыкли слушаться, как слушались некогда князя Василия: что дома, что в поле, что в угаре битвы.

Ярослав смотрел нахохлившись, точно промахнувшийся ястреб. Наверное, понял, что, если дружина вступится за свою госпожу, не видать ему Житнева ни лаской, ни таской.

– Еще ни один гость, – раздельно проговорила Елань, – не пожаловался дома, что его обидели на этом дворе. Езжай, Ярослав. Поговорили.

Тот постоял, раскачиваясь с пятки на носок, мучительно подбирая нужные слова, сразившие бы всех наповал... Так и не нашел. Плюнул себе под ноги и двинулся к выходу. Уже в дверях обернулся и зло зыркнул на Олега.

– Быть сече, князь. Не желаешь убраться подобру-поздорову – готовь дружину.

– Дружину в такие споры втягивать незачем, – отозвался Олег. – Сами решим, если хочешь. Один на один.

...Было у нее в лесу, что, подступал вплотную к обрывистому левому берегу, любимое место: небольшая круглая поляна посреди чащобы. Зимой здесь лежал снег по грудь взрослому человеку. По весне снег таял, оседал и сползал с кочек, и в прогалинах появлялась рыжая трава и мягкий веселый мох.

На поляне стояла елочка. Елань помнила, как когда-то, гуляя с нянюшкой, робко

подошла и дотронулась до пушистой ласковой ветки. Та приветливо качнулась в ответ. Елочка была маленькой, меньше сажени в высоту, но Елани она показалась царственной и величественной.

– Здравствуй, госпожа, – тихо сказала девочка.

И ты здравствуй, послышалось ей. А может, и не послышалось.

С тех пор она приходила сюда часто – в любую погоду, даже в проливной холодный дождь. Елочка укрывала ее так, что не промокала накидка. Она была хорошей подружкой – ей можно было доверить любую тайну, даже такую, что не вдруг откроешь и любимой нянюшке, и родителям...

Нынче она была здесь не одна. Возле ели стоял князь Олег и думал о чем-то своем, невеселом, опустив голову и похлопывая по сапогу рукояткой плети. Конь перебирал копытами неподалеку, осторожно приносясь к прошлогодней траве. Заслышав человека, лошадь тихонько заржала, и князь оглянулся. Лицо его было такое... Словами не передать. Елань подошла, подбежала, прижалась к его груди, укрыла лицо в меховом плаще и почувствовала, как сильные руки приподняли ее над землей. Затрепетала, запрокинула голову, приняв губами к его губам, и чуть слышно охнула от счастья. Запоздало подумала: осудят ведь, если узнают. А и не узнают... От себя не спрячешься.

– Зачем дружину с собой брать не захотел? – прошептала она. – Ярослав хитрый, боюсь, как бы какую подлость не учинил.

– Ничего, справлюсь. А дружину класть... Может статься, скоро она для других дел понадобится, не для споров между соседями.

Елань вздрогнула.

– Ты о чем?

Олег Йаландович вздохнул.

– Враг на нас идет, милая. Страшный враг. Батый от Владимира и Рязани повернул на север. Значит, к зиме будем ждать его здесь.

Помолчал и неожиданно спросил о другом:

– Воевода Еремей говорил, будто у него в отроках служит паренек из Серова займища – тот, что подрался с княжичем прошлой осенью. Это правда?

– Правда, – слегка удивилась Елань. – Сестрица его в усадьбе помогает. Я их взяла, а то пропали бы одни в лесу.

– А не было ли при мальчишке ножа или кинжала?

– Как же, помню. Я еще удивилась: нож больно красив, не из простых. Откуда бы? Дорогая сталь, и узор на рукояти...

– И ножны из бересты?

– Да, – подтвердила княгиня. – А откуда тебе известно?

Но Белозерский князь на этот раз промолчал.

Он не мог видеть этого, потому что в те времена еще не родился на свет. Однако иногда в снах (а бывало, и будто наяву) приходила хмурая картина – а точнее, ее бессвязные фрагменты, словно камешки странной мозаики...

Там был высокий берег, круто обрывавшийся к стылой воде, холодное осеннее небо, сплошь затянутое дождливой пеленой, и надсадные птичьи крики. Неизвестно, что хуже: самый страшный шторм с грозой и молниями, который все же имеет конец (ветер разгонит тучи, и засияет солнышко в голубизне, обещая долгожданное тепло), или такая вот непогода с многодневной сыростью. Кажется, уже все пропиталось ею.

Лошади брели медленным шагом, понукай не понукай, и всадники, измученные сами до мертвенной бледности в лицах, опустили поводья и закутались в плащи, став похожими на старых нахохлившихся птиц. Далеко за лесистым холмом догорал невидный отсюда илем – небольшая крепость-городок, в котором когда-то, в другой, счастливой, жизни, обитали молодые – мерянский князь Йаланд Вебрь и его жена – красавица Ирга.

Сказывали, у отца Йаланда Мустая Одноногого (правую он потерял в стычке с ютами, чьи боевые корабли в ту пору еще навевывались в устье Онеги) было четырнадцать жен, и ни

одна не могла пожаловаться, будто господин обходит ее своим вниманием. У самого Йаланда во все времена была одна-единственная спутница, одна-единственная любовь...

Он увидел ее, проезжая ранним летним утром через поселение на берегу Свири. Девушка шла по тропинке от лесного ключа, в одной руке у нее было лукошко, полное спелых ягод, а в другой – букет ромашек. Она была одета в длинный сарафан с причудливой вышивкой и башмачки из оленьей кожи. Чуть раскосые глаза над высокими скулами смотрели спокойно и чуть, самую капельку, насмешливо. Светлые волосы спускались до талии и были заплетены в тяжелую косу, перехваченную алой ленточкой... Солнце глядело на нее сзади, рождая золотистое сияние в выбившихся прядях у висков. На загорелой щеке горело пятнышко земляничного сока. То лето, помнится, было необычно богато на землянику...

Йаланда Вепря вполне можно было напугаться: огромный, как гора, на рослом алхетинце черной масти, в свободной червленной рубаше, подпоясанный мечом... Однако пронизанное утренним солнцем видение вдруг взглянуло, приснуло в ладошку и отвернулось, едва удерживаясь, чтобы не рассмеяться вслух. А молодой князь неожиданно почувствовал, как незнакомая доселе краска выступает на скулах, и во рту в один миг почему-то стало сухо...

Все думали: поиграет князь с новой игрушкой, а надоест – бросит. В крайнем случае сделает наложницей. Но вышло не так.

Свадьбу сыграли скромную. Всего-то и гостей было, что родители невесты – деревенский староста с женой и младшими дочками (числом аж шесть), друзья жениха, Мустай Одноногий и несколько воинов из княжеской дружины. На тихой, чуть ли не тайной свадьбе настоял старый князь. Йаланд поначалу обиделся, решив, будто отец недоволен тем, что сын привел в терем простолюдинку. Потом понял истинную причину. И оценил предосторожность. Только, видно, она была недостаточной.

Мерянские поселения по берегам Онеги платили дань новгородскому князю Мстиславу. Мстислав круто обходился с поселенцами: увеличивал подати чуть ли не каждый год, и горе тому, кто не мог расплатиться вовремя. И еще у него было право брать чужих невест прямо от свадебного стола. И не дай бог, если девушка приглянется, – тут уж проси не проси... Поэтому и пошел у мерян обычай, сохранившийся на многие столетия: невесту везли к жениху, скрыв ее лицо под покрывалом, в сопровождении вооруженного отряда. Однако случись что – от этого отряда не всегда получался толк: дружинники у Мстислава были как на подбор, один стоил десятерых. И было их у новгородского правителя много...

Сразу после свадьбы Йаланд Вепрь, вняв отцовскому совету, увез жену в свой илем. Илем представлял собой укрепленный поселок посреди леса: ров с водой, ряд деревянных надолбов, насыпь, а на насыпи – частокол с двумя башенками, защищавшими ворота. Внутри частокола располагались высокий княжеский терем, амбары, сараи, конюшни, дружинная изба, а сразу за частоколом – дремучие чащобы. Хлеба тогда сеяли мало, больше жили охотой и рыбным промыслом. Онега была богата рыбой, а уж зверья в лесу всегда водилось видимо-невидимо... Живи – не хочу. Однако счастье молодых было недолгим. Не успели прийти осенние холода, как под стенами крепости встала дружина новгородского князя...

Мстислав рассматривал мерянский городок с небольшого лесистого пригорка. На правом склоне, где он находился, была маленькая прошлепина, будто плешь на голове великана. Настроение у князя было совсем не радужное. И дело было не в том, что твердь была неплохо защищена – там, за частоколом, остались лишь бабы, старики и ребятишки, сбежавшиеся с окрестных поселений (все мужчины под предводительством обоих князей – старого и молодого – стояли в распадке меж двух холмов, выстроив линию деревянных щитов и оцетинившись копьями). У Мстислава людей было не меньше, и они были профессиональными воинами, что им невеликое ополчение... Соседний князь Пуркас, заслышав от разведчиков о появлении вблизи его земель русских дружин, засел в своем городке Илике и приготовил загодя дорогие подарки – откупиться. Йаланду он был не союзник.

Нет, Мстислав не сомневался в своей победе. Он уже видел поваленный частокол, мертвых Йаландовых людей и его самого – коленопреклоненного, униженного, раздавленного... Вот только совсем не улыбалось новгородскому князю ссориться с теми, с кого он брал дань. И уж вовсе не хотелось видеть ненависть в глазах той женщины, которую он возжелал так, как не желал еще ни одну...

Он разозлился на себя за такие мысли. Ненависть...

Еще не было такого, чтобы он спрашивал чужую невесту (каких угодно кровей – хоть княжеских), нравится ей или нет, как он ласково или по-звериному грубо берет ее вперед жениха. Не спросит и эту. А начнет она кричать и драться – что ж, оно даже лучше. И все-таки...

– Вели атаковать, княже, – сказал воевода, горяча застоявшегося коня.

Мстислав взглянул с неприязнью.

– Обождешь, – угрюмо ответил он. – Сейчас пошлешь к Йаланду парламентаря. Пусть скажет: меряне нарушили древний обычай, заветанный пращурами. И передо мной непочтительны. Однако, коли покорятся, я не трону, а будет их княгиня со мной ласкова – то и дань возьму меньше.

Воевода усмехнулся в усы, но перечить не решился. Отдал кому-то приказание. Парламентар, отстегнув ножны с мечом, выехал на середину поля, перед людьми Йаланда – молодой, русоволосый, с румянцем во всю щеку: первый парень на деревне. Мстислав досадливо поморщился: стоило бы выбрать кого-нибудь постарше и посерьезнее. А так – будто в насмешку.

Дружинник тем временем, заставив лошадь танцевать под собой, упер руку в бедро и задорно прокричал то, что было велено. Он еще не договорил до конца, а новгородский князь, стоя на холме в отдалении, уже знал, каков будет ответ.

Ольгес, сын Йаланда, в ту пору еще не родившийся, конечно, не видел, как в битве, длившейся целый день, полегло почти все ополчение мерянского илема – лишь старый Мустай Одноногий и его сын с ближайшими телохранителями сумели укрыться за воротами крепости. Саму крепость разгоряченные чужой кровью новгородские дружинники взяли к утру, сломив сопротивление стоявших на стенах баб и ребятишек...

Кто-то поджег дом воеводы внутри частокола, от него загорелся другой и третий, и вот уже один большой пожар взметнулся над городком. Кое-где по улицам еще звенело оружие, раздавались крики боли и ярости, кто-то еще сопротивлялся и умирал, защищая свои жилища, а ненасытный огонь все выше и выше взлетал к дымным небесам...

Они едва успели закрыть за собой дверь на засов. Внутри терема, куда Йаланд привел молодую жену после свадьбы и где та зачала сына (она это знала наверняка – уже шевелился в утробе совсем еще крошечный, но вполне живой и осязаемый комочек), теперь всюду плавал едкий белесый дым. Сосновые бревна, отсыревшие за осень, занимались неохотно, но мало-помалу становилось все жарче, оранжевые язычки лизали наружную дверь, трещало и стонало: дом умирал...

– Спускайтесь в подклеть, – крикнул охрипший от жара Мустай. – В дальнем углу расхатайте два бревна, за ними начинается тайный ход. Он выведет вас за лес, на правый берег Свири.

Йаланд в отчаянии посмотрел на отца. Тот стоял перед дверью – могучий, словно старый дуб, и не заподозришь, что вместо одной ноги пристегнута деревяшка, в правой руке неизменный боевой топор с датскими рунами на лезвии, в левой – подбитый мехом ясеневый щит.

– А как же ты?

– Я еще не рассчитался с новгородским инязором за его вероломство. Не для того я много лет платил ему дань, чтобы...

– Я тебя не оставляю!!!

– Молчи! – с яростью перебил Мустай. Сверкнул глазами на непослушного сына, но закашлялся и уже тише добавил: – Ну не поспеть мне за вами на одной-то ноге, разве не

видишь? А рук у меня все-таки две. Как-нибудь управлюсь. Долго не обещаю, но...

– Я без тебя не уйду! – крикнул Йаланд.

– А жена с ребенком? Кроме тебя, никто их не защитит. В них – твоя надежда, продление рода...

Молодой князь все еще стоял в нерешительности. Красавица Ирга была поблизости, рядом, держась за руку мужа. Она тоже любила Мустая Одноногого – как дочь любит отца.

Они смотрели на него, зная, что видят последний раз, и пытались вобрать в память его образ: худое почерневшее лицо, перекошенное шрамом, седые спутанные волосы под окровавленной повязкой, висевшая ключьями кольчуга...

– Идите, – донеслось из дыма. – Мне еще бревна нужно поставить на место, иначе Мстислав догадается про тайный ход. Конечно, он и так догадается, но, по крайней мере, не сразу.

– Отец, – прошептал Йаланд Вепрь.

– Торопитесь. Дверь вот-вот рухнет.

Мустай закрыл лаз как раз в тот момент, когда дверь в горницу под ударами снаружи слетела с петель. Первый из новгородских дружинников ввалился внутрь, жмуря глаза от едкого дыма и ругаясь в полный голос. Он умер, даже не увидев топора, который обрушился ему на шлем. Следом лез второй, за ним третий, и старый мерянский князь ждал их, оскалив зубы в торжествующей усмешке...

Свежий сосновый сруб догорал. Крыша со стоном ввалилась внутрь, и высоко вверх, прямо к серым небесам, вознесся столб искр – так бывает, когда в пожаре умирает человек. Те из Йаландовых людей, кто остался жив, сбились в кучу под охраной воинов Мстислава и с молчаливой тоской смотрели на огонь, который уже отшумел и потерял силу. Они стойко сражались и, хотя им была дарована жизнь, не радовались подарку. Единственное, что смогло озарить их лица, – это весть о том, что их князь и княгиня сумели скрыться. По многим сухим губам скользнула улыбка, приведшая Мстислава в бешенство.

– Далеко они уйти не могли, – сквозь зубы проговорил он. – Седлать коней! И обернулся к пленным:

– Кто укажет, куда направились Ирга и Йаланд Вепрь, – того пощажу. Ну? Ответом было молчание. Мстислав ощерился в вислые черные усы. Повелел:

– Раскалить железо. Не так их много, буду спрашивать по одному. И не радуйтесь, собаки, что уцелели. Умирать придется долго – состариться успеете.

Отступать от своего он не собирался. И дело было даже не в дани, которую он не получил, и не в княжеской жене, так и не снявшей с него сапог...

А на следующее утро с хмурого неба хлынул дождь. И не прекращался несколько седмиц, почти до самого первого покрова.

Было у них две лошади, но одна сломала ногу на камнях. Йаланд присел над ней, посмотрел в испуганно косящий глаз, погладил по шелковистой морде. Вытащил длинный широкий нож из берестяных ножен. Лошадь, до этого судорожно пытавшаяся встать, замерла, будто почувствовав намерение человека. Князь вложил в удар все свое воинское мастерство. Ему хотелось сделать благородному животному последний подарок: легкую и быструю смерть.

Теперь он шел пешком, придерживаясь за стремя коня, на котором ехала Ирга. И уже третьи сутки (а может, четвертые, он сбился со счета) видел перед собой один и тот же унылый пейзаж: серые камни и деревья, кромка воды, по цвету напоминавшей расплавленное железо, шелестящие струи дождя – казалось, весь мир вдруг умер в одночасье, оставив двоих путников брести неведомо куда, без цели, без надежды...

Кривобокая сосна, выросшая на просторе больше вширь, чем ввысь, приютила их под своей кроной. Йаланд нарубил веток, натянул на колышки плащ – получился полог. Хотя слабая, а все же защита от непогоды и напоминание о доме... Разжег костер, чего не делал с того дня, как они бежали из илема через подземный ход: боялся, как бы не засекла погоня. Ночью одинокий огонек виден издалека.

Ирга сидела, обняв колени, сжавшись в комочек и дрожа всем телом. Мокрые длинные волосы спутались под рваным капюшоном, некогда румяные пухленькие щеки ввалились, и черные тени легли под глазами. По неистребимой женской привычке вместе с самым необходимым она захватила из терема бронзовое зеркальце с узором на обратной стороне. Зеркальце было маленькое, с ладонь. Последний раз княгиня смотрелась в него два дня назад. Сейчас она взглянула на себя и ужаснулась. И подумала: «Не посмотрит на меня больше мой милый. Не обнимет, не прижмет к себе, не прошепчет: горлица моя... А обнимет, так скорее из жалости, чем из любви (кто ж полюбит такую каракатицу?)». Она смутилась, опустила голову, инстинктивно поправила мокрое насквозь платье – вернее, то, что от него осталось. И не догадывалась, наверное, что Йаланд смотрит на нее неотрывно, чувствуя комок возле сердца – как когда-то, на тропинке к лесному роднику, в их первую встречу. Никогда он не встречал женщину прекраснее.

Что-то пробудило ее ото сна. Ирга подняла голову, прислушалась... Пейзаж вокруг неуловимо изменился. Была та же ночь, но дождь неожиданно стих, на небе высыпали звезды. Они сверкали не только на небе, но и на земле, на противоположном берегу – целые разноцветные созвездия. Иргу это заинтересовало. Вглядевшись она поняла, что перед ней, за рекой, лежит незнакомый город. Ночь была не такая уж темная – виднелись дома и верхушки деревьев, широкие гладкие улицы и высокая, удивительно красивая церковь на холме. Она была построена из желтоватого резного камня – большая редкость в здешних местах, где еще без малого шесть веков зодчие будут отдавать предпочтение более доступному материалу – дубу и сосне.

Ирга встала. Ей захотелось посмотреть диковинный храм поближе, и она пошла к нему, порадовавшись, что платье успело высохнуть и серебряные застёжки на груди опять засияли. По крайней мере замарашкой ее, жену мерянского князя, не назовут.

Она не запомнила, как оказалась на том берегу. Может быть, ее перевез белый корабль с голубой полосой вдоль борта и двумя большими колесами... Пока она шла к воротам церкви по пыльной дороге среди пахучих трав и веселых желтых одуванчиков, занялось утро. Солнце засверкало в голубизне, само похожее на большой одуванчик. Внизу, у ног, плавал туман – это испарялась роса. Княгиня неторопливо поднялась на холм и увидела храм вблизи – он оказался очень старым. Барельеф на колоннах кое-где потрескался, у стен густо росла лебеда и крапива, но над дверью, сделанной в виде римского портика, висела икона – верный признак того, что храм был действующим.

Прямо перед ней стояли мужчина и женщина, будто в нерешительности: зайти или не зайти. Оба молодые, оба красивые: он – черноволосый, стройный, с кошачьей грацией, которую было видно даже сейчас, когда он пребывал без движения. Она – худенькая, изящная, чуть ниже спутника, со светлыми, будто прозрачными северными глазами и волосами цвета драгоценной платины, перевязанными бархатистой черной ленточкой. Одеты они были, на взгляд княгини, довольно странно, но она не удивилась: мало ли какие здесь обычаи...

– Не ходи, – слышалось ей.

– Почему? – спросил мужчина, и Ирга вдруг затрепетала, узнав его – Того, Кого видела впервые в жизни.

– Я боюсь.

– Здесь никого нет.

Дверь скрипнула. Женщина несмело вошла внутрь. Мужчина собрался было вслед за ней, но неожиданно что-то почувствовал, чье-то присутствие... Он обернулся и встретился глазами с Иргой. И удивленно спросил:

– Мама?

Глава 11 ПОКОЛЕНИЕ ЭНТУЗИАСТОВ

Руководителя клуба «Кремень» звали Владимир Львович Шуйцев. Борис решил не вызывать его повесткой, просто узнал в справочном номер телефона, позвонил и договорился о встрече, предложив, так сказать, нейтральную территорию. «Зачем? – осведомился Владимир. – Вы что, журналист? Будете писать? Клуба-то давно нет, вы не знали?» – «Не журналист, а следователь». – «Тем более. Дело закрыто, к чему ворошить?» – «Надо, поверьте». Тяжелый вздох: «Надо так надо».

– Не беспокойтесь, много времени это не займет.

Шуйцев смутился.

– Я не о времени, этого добра теперь навалом. Ладно, подъезжайте. Домой не приглашаю, уж извините... Лучше посидим где-нибудь.

– Как скажете.

...Он очень хорошо помнил этого мальчика. Все-таки один из самых талантливых учеников, увлеченный до фанатизма («Слово какое-то...» – поморщился Борис. «В общем, да. Но это если речь идет о каком-нибудь клубе типа „Спартак-чемпион“, вы не согласны? А тут – парень занят серьезным и полезным делом, военной историей времен наполеоновского нашествия. Сейчас ведь патриотическое воспитание как бы отменено, принято ругать все наше и восхвалять западное». – «А вы считаете, нельзя быть хорошим историком без того, чтобы быть патриотом?» – «Конечно! И потом, главное: парень, в отличие от сверстников, четко знал свою дорогу. Мне это импонировало»).

Дорога эта имела свое начало в подростковом клубе «Кремень» (угол улиц Володарского и Коннозаводчиков). Сначала, как водится, народу набежало столько, что не вмещала небольшая комната на цокольном этаже. Тем более что Владимир расстарался: дал объявление в газетах, вспомнил свое прошлое художника-оформителя (известное в стране Репинское училище, худфонд, портреты вождей и фигуры комсомольцев-культуристов то с отбойным молотком, то за клавиатурой ЭВМ – в зависимости от грядущей кампании), нарисовал красивую вывеску, выставил в краеведческом музее свою личную экспозицию, свою гордость: уникальное реставрированное оружие, обмундирование, предметы воинского быта середины прошлого века. Словом, привлек и увлек окрестных пацанов. С тех пор прошло время – кто-то поостыл, подался в другие сферы (в основном связанные с малым бизнесом), кто-то повзрослел и подумал, что, чем лазать по пыльным книгохранилищам и горбатиться на раскопах, лучше валяться дома на диване с банкой пива и смотреть «Клуб кинопутешественников» – там еще круче. Но кто-то и остался, пройдя через все нешуточные испытания, – из них Шуйцев сколотил команду. Первым в этой команде по праву считался четырнадцатилетний Стасик Кривошей («Вот уйду на покой, – думал Владимир, – будет мне замена...»).

– Вам неприятно вспоминать? – спросил Борис, когда собеседник замолчал.

Тот пожал плечами.

– Это как старая рана, знаете? Вроде не болит, пока не ковырнешь пальцем...

– У нас было два ружья с центральным кремневым запалом. Мы сделали их сами – использовали архивные чертежи и прототип...

– Прототип?

– Несколько лет назад я привез из-под Смоленска, из раскопок. Ружье оказалось французским: какой-нибудь наполеоновский гренадер бросил при отступлении. Деревянный приклад, правда, истлел... Да и вообще мало что сохранилось.

– Значит, те два ружья были... как это... действующими моделями?

– Современными реконструкциями. Мы и пули отлили в мастерской (я вспомнил кое-какие прежние навыки). Четыре из них мы использовали – постреляли в лесу за городом. Остальные я спрятал в сейф.

– Как же мальчишка добрался до них?

– Он не добрался, – тихо ответил Шуйцев. – Он отлил свои. Попозже, тайком, вдвоем с приятелем. Тот, правда, не знал для чего... На дело Стасик ходил в одиночку.

Не знал... Борис хмыкнул про себя: для чего отливают пули? Чтобы пострелять в лесу,

ощутить вместе с прикладом у своего плеча атмосферу тех времен (грохот боя, батарея Тушина и другие батареи, выстоявшие в крови и победившие, кивера и разноцветные мундиры в клубах дыма, топот конницы и сверкание сабель, радостная готовность отдать всего себя, до конца – а там будь что будет... За веру, царя и Отечество!). А еще – чтобы попрактиковаться перед тем, как пойти домой к однокласснице, пристрелить ее папочку-бизнесмена, выгresti из ящиков деньги (основной капитал папаша держал в конторе в стальном сейфе – до него добраться не удалось) и спокойно удалиться, оставив труп с кровавым месивом вместо головы...

– Я уверен: Стаса кто-то подговорил. Кто-то взрослый, циничный и безжалостный.

– На следствии эта версия не подтвердилась...

– Значит, плохо искали, – отрезал Владимир. – Свалили на мальчишку...

– Стрелял, бесспорно, он. Отпечатки пальцев на прикладе и на спусковом крючке...

Это после того случая ваш клуб закрыли?

Шуйцев несколько потерянно кивнул. Запал, с которым он бросился защищать своего питомца, иссяк, он опустил голову и замолчал.

– Я и сам не смог бы дальше... Все же Стас – мой ученик. Я был за него в ответе. После всего, что случилось, я бы ни за что не посмотрел в глаза остальным.

Он долго вертел в руках наконечник стрелы, который Глеб извлек из сиденья «Жигулей». Покачал головой.

– Изготовлено со знанием дела. Я в этой эпохе не специалист, однако... А вы уверены, что это чистое серебро?

– Так утверждает эксперт.

– Удивительно.

– Подумайте. Может быть, вам приходилось слышать о каком-нибудь клубе или обществе, сходном по направлению с вашим?

Шуйцев думал долго – целую минуту. Потом изрек:

– Вы ошибаетесь. Поймите: серебряное литье – очень дорогая забава, ни одному подростковому клубу не по плечу. Да и зачем? Хочется, чтобы блестело, – ради бога, существуют специальные пасты. – Он еще раз с недоумением посмотрел на Глебов трофей. – Он и не блестит... Нет, я уверен: вы не там ищете.

– А где надо искать?

– Гм... Я бы сказал, среди тех, кто занимается специальными магическими обрядами. Колдовством, если проще.

– А конкретнее?

– Конкретнее – борьбой с дьяволом или с его посланниками. К примеру, волколака или оборотня нельзя убить железным оружием – только если оно сделано из серебра.

– Это мой брат-то оборотень?

– Ваш брат? Не знал, простите, – Владимир развел руками. – Значит, существует некто, кто всерьез в это верит.

– Во что?

Он вздохнул.

– В дьявола. В черную магию. Этот человек – одержимый.

Они спустились вниз по улице, мощенной старым, слегка выпуклым булыжником, который сохранился еще с дореволюционных времен. Улица была тихая и пустынная, обсаженная тополями. Лишь в одном месте ее пересекал шумный крикливый проспект – местный аналог московского Арбата: претенциозно оформленные разноцветные фасады с белыми лепными колоннами, неоновые рекламы, коммерческие кафешки с ценами как в первоклассных европейских ресторанах (Борис с Глебом любили раньше бывать там – не в ресторанах, конечно, – пока разок не отравились пищей с грибами и дружно не загремели в инфекционное отделение). Как и на Арбате, роскошные фасады скрывали за собой грязные проходные дворы, загаженные кошками и алкашами, битое стекло, кучи мусора у перевернутых баков...

Чуть ниже перекрестка стояло здание краеведческого музея из темно-красного кирпича и оттого вызывающее ассоциацию с мавзолеем. Борис не бывал здесь тысячу лет, хотя, помнится, в детстве бегал сюда едва не через день.

Он приходил смотреть на скелет мамонта.

Остальные шесть залов были посвящены исключительно войне и революционно-освободительному движению (неолит, палеолит, каменный век, а также раннее и позднее Средневековье были безжалостно вычеркнуты из Истории – площади не хватало). Центральное место – в вестибюле, напротив широкой лестницы – всегда занимал громадный портрет знаменитого марксиста Федора Толоконникова, высланного из столицы в эти места в начале века. Как водится среди марксистов, он тут же организовал кружок, собиравшись было приступить к выпуску газеты, но, будучи на деле не Федором, а Альфредом по фамилии Хольтензеер, мирно скончался в результате погрома. В сорок девятом его именем назвали улицу, примыкающую к кожевенному заводу.

– Хотите посмотреть мою коллекцию? – вдруг предложил Владимир.

Борис, собиравшийся было отказаться (никогда он не испытывал особой тяги к оружию – ни к холодному, ни к огнестрельному, отчего ощущал за собой некоторую ущербность), неожиданно для себя согласился. Шуйцев толкнул тяжелую дверь, и они вошли в вестибюль.

Мамонт оказался на старом месте, и Борис, взглянув на скелет, похожий на гигантскую батарею центрального отопления, почувствовал к нему горячую симпатию – захотелось подойти, прикоснуться к желтым двухметровым бивням и услышать, как когда-то, сварливый голос за спиной:

– Мальчик, ты что, не видишь табличку? «Руками не трогать!»

– А если хочется?

– Все равно отойди и смотри издали, сколько влезет.

– Вот выдра! – Это уже про себя, когда вахтерша отойдет на безопасное расстояние.

Вахтерша тоже была на посту – та самая, пожилая, но не постаревшая за эти годы, и кактус в горшке, из тех времен, по-старому пылился на подоконнике. Марксист Альфред Хольтензеер, впрочем, исчез – должно быть, перебрался в запасники, высекать искру мировой революции среди старого хлама. Теперь на стене в холле висела небольшая групповая фотография в посеребренной рамке, по моде шестидесятых: несколько молодых ребят в голубых десантных тельняшках и беретах, сдвинутых набок по неписаной военной моде. На заднем плане угадывались какие-то глинобитные строения и контуры мечети – чужой пейзаж под чужим небом, враждебные рыжие скалы без следа растительности, горячий сухой воздух и крошечный вертолет, рокошующий над серой лентой серпантина... И – тихая, мелодия, переливчатые голоса откуда-то сверху, из поднебесья... Но это, конечно, почудилось.

– Ущелье Биджент, – пояснил Шуйцев. – Недалеко от Джеллалабада. Жуткое местечко. А это наш взвод разведки. Гелька Камышан, Рахим, Дима Погорелов. Ромка Бояров...

Борис пригляделся. Лица у ребят были черные, заострившиеся, только белые зубы сверкали в объектив – с некоторым вызовом, с бесшабашным весельем – так хохочет древний викинг, стоя на палубе умирающего корабля, среди трупов друзей и врагов, обгаренный чужой и собственной кровью, когда длиннобородый морской великан Эгир уже протягивает из ледяной пучины свои руки... Вот только глаза подводили. Будто искусный фотограф ради шутки сделал фотомонтаж: не могли эти глаза принадлежать двадцатилетним пацанам. Не могли – и все тут.

– Мы напоролись на засаду – там, в Бидженте. «Духи» ударили сразу с трех сторон, из тяжелых пулеметов. Роман, Гелька Камышан и Рахим умерли сразу, даже крикнуть не успели. Мы с Димой Погореловым отползли за дувал, начали отстреливаться... Потом нас накрыло – видимо, «кочерга», миномет.

– Как же вы спаслись? – через силу спросил потрясенный Борис (умерли... Вот откуда эта мелодия – словно ангелы переговаривались в небесах...).

– Никто не спасся. Никого уже нет.

– Но вы...

– Меня тоже, – немного резковато отозвался Владимир. Помолчал и добавил: – По крайней мере, я видел свой собственный труп – будто со стороны, сверху. Множественные ранения в грудь, живот и обе ноги: после такого не выживают.

Они миновали лестницу и вошли в очередной зал (сквозь побелку на стене выступали буквы канувшего в Лету лозунга: «Решения XXVI съезда КПСС – в ж...»).

– Здесь сейчас моя экспозиция, – сказал Владимир. – Я боялся, ее уберут – закрыли же клуб... Слава богу, не додумались.

Вот они – полуистлевший кивер и почерневший от времени, покрытый ржавыми наростами кавалерийский клинок под стеклом, на черной материи. Тяжелый трехгранный штык, пуговицы от чьего-то исчезнувшего мундира, казацкая серьга и нательный крестик с фрагментом цепочки...

А вот и что-то новое. Борис остановился перед застекленным шкафчиком, посмотрел на табличку: «Обмундирование кирасира, первая четверть XIX века. Кираса, шлем, боевые перчатки. Современная реконструкция».

– Это мы с ребятами сделали по архивным рисункам.

– А это? – Борис указал на позеленевшие пуговицы с двуглавым орлом.

– Это подлинные. От мундира стрелка егерского батальона. Они ко мне попали от здешнего директора.

– Закрайского?

– Так вы знакомы? Интересный человек, не правда ли? Он сейчас консультирует съемки исторического фильма...

– А как пуговицы попали к вам?

– Это целая история, – Владимир махнул рукой. – В прошлом году я кое-что привез из Крымской экспедиции. Находка относилась примерно к тринадцатому или четырнадцатому веку – не моя стихия, так сказать. А Вадим Федорович заинтересовался, прямо-таки вспламенел. Попросил продать... Но мы сошлись на обмене. Забавно, да?

– Почему забавно?

– Пуговицы-то все равно в музее. А шарика я лишился.

– Шарика? – осторожно спросил Борис.

– Ну да. Совершенно непонятный предмет, я имею в виду его назначение. Так и написал в отчете: «Предположительно – предмет языческого культа».

– Первый закон археологии...

– Что? А, да, вы правы. Хохмочка, но отражает действительность.

Борис помедлил – сделал вид, что поглощен осколком десятифунтового ядра, ржавого куска железа в низком продолговатом ящике (внезапная тишина сквозь артиллерийскую канонаду, распластанное на выжженной траве знамя, князь Андрей смотрит в высокое Аустерлицкое небо... «Зачем я? Зачем это небо и эти облака надо мной?»). Затаив на всякий случай дыхание, спросил:

– Шарик неправильной формы, керамика, около семи сантиметров в диаметре?

– Да, – спокойно ответил Владимир. – Только он, видимо, сейчас не в музее, а дома у Закрайского. Самые ценные экспонаты он в запасник не отдает, хранит у себя.

– Давно вы его видели в последний раз?

– Находку? Кажется, зимой – здесь была большая экспозиция...

Он неожиданно улыбнулся.

– Самое интересное, что этот шарик действительно был предметом некоего культа – так утверждал один московский мэтр (профессор, членкор и тэдэ – Закрайский встречался с ним на каком-то симпозиуме). Культа не христианского, а языческого, язычество в наших местах сохранялось почти до пятнадцатого века. Что ж удивительного, дебри, глушь... Возможно, шарик был символом Солнца, стоял где-нибудь в центре капища, в окружении деревянных идолов. И дорогу к нему знали только волхвы, всего два-три человека... – он махнул рукой. – А вообще, это мои фантазии. Не слушайте.

...Фантазии, и довольно мрачные, однако, слишком стремительно переходили в реальность. Машина (сегодня был «мой» день) рискованно неслась по городу сквозь туман – такой густой, что огни светофоров можно было различить, только подъехав вплотную. Свернул к серому трехэтажному дому, вошел в подъезд под старым деревянным козырьком, поднялся на второй этаж. На лестнице стоял загадочный полумрак: окно было разбито и вкривь и вкось заделано куском фанеры. Так что нужную квартиру мне пришлось искать почти на ощупь.

После пятого или шестого звонка дверь открылась, и на пороге показался престарелый мужчина богемного вида, в длинном полосатом халате – похоже, только из ванны. Тряхнул спутанными волосами и тяжело выдохнул в темноту:

– Опять ты? Сказано же тебе: я все решил и впутывать себя не позволю...

– Во что впутывать, Вадим Федорович? – приветливо спросил я.

– О боже! – лицо мужчины вытянулось. – Вы кто, собственно?

– Борис Анченко, брат Глеба. Мы встречались на съемках.

– В самом деле? Ах да, припоминаю. Чем обязан?

– Может, разрешите войти? А то неудобно на пороге.

– Вообще-то ваш коллега меня уже допрашивал, – сообщил он, войдя вслед за мной в гостиную (я, признаться, ожидал от нее большего: представлялись широкие полки вдоль стен, полные древностей, черепки с тусклыми золотыми монетами из скифских курганов, обрывки кольчуг и наконечники стрел – самые обычные, не серебряные... Но нет, на полках стояли книги – в основном детективы и любовные романы. В серванте – пара дешевых сервизов и семь слоников на телевизоре, на вышитой салфеточке... Короче, квартира как квартира).

– А где же сокровища? – почему-то спросил я.

Это его слегка озадачило.

– Вы имеете в виду...

– Из раскопок.

– Ну, батенька. Во-первых, на раскопки я давно не езжу, возраст не тот. То, что осталось с прежних времен, – в основном в музее, в запасниках. А самое ценное – здесь. В стене встроенный сейф.

Он уже вполне освоился с ситуацией. Вид самый благообразный: густые бакенбарды, плавно переходящие в православную бороду, глаза, будто сошедшие с иконы, но в их глубине – хитрая настороженность.

– От каких страхов вас лечил Бронцев? – спросил я.

Отсвет какой-то странной, полузабытой боли мелькнул в христианских глазах и тут же исчез.

– Бронцев? – переспросил он.

– Вадим Федорович, те факты, которые были обнаружены... позволяют мне вызвать вас повесткой.

– Так вызывайте...

– Но я надеюсь на откровенный разговор, без протокола. Все, что меня интересует, – это шарик. Керамика, предположительно XIII век. Тот, что подарил вам Владимир Шуйцев.

– Все-таки я не понимаю, о чем вы, – упрямо сказал он.

– Послушайте. Вы подарили шарик Марку Бронцеву, экстрасенсу, убитому пять дней назад в собственной квартире.

– Кто вам сказал?

– Что его убили?

– Что я подарил...

– Он держал шарик на стеллаже, на самом видном месте, как дорогой сувенир... Или, скорее, экспонат. Только он коллекционировал не археологические находки (мелко для человека его масштаба), а нечто другое: ваши страхи, фобии, навязчивые идеи... Не верите? Вспомните кресло возле стола, которое всегда стояло в одном положении: спинкой к окну.

Что вам было видно с этого места?

– Свечи, – прошептал Закрайский, выдавая себя (все-таки я нашел подтверждение своей догадке – директор музея был чрезвычайно внушаем. Прекрасный материал: «Лет десять назад я сделал бы на вас диссертацию...»).

– И вы были так восхищены этим, что притащили ведуна на день рождения Мохова?

– Да, я им восхищался! – выкрикнул Закрайский в запальчивости. – Он был необыкновенный человек, необыкновенный! Страшная по своей силе, колоссальная, необъяснимая внутренняя энергия... Он мог бы ворочать такими делами – куда там Гришке Распутину,

– Похоже, он и наворочал, – негромко вставил я.

– О чем вы?

– Все о том же, о мотиве преступления. Посудите сами: ценности не тронуты, женщины, насколько я успел заметить, Бронцева не привлекали (сберегал энергию для других свершений). Что остается? Точнее, что бросается в глаза?

На благообразном лице Закрайского отразилась усиленная работа мысли, затем – внезапное озарение и, наконец...

– Он что, загипнотизировал кого-то не того? А потом стал шантажировать?

– Вы не встречали у него мальчика, лет двенадцати? Похожего на пастушка...

– Нет! – вдруг заорал он, замахиваясь... вернее, отмахиваясь, будто отгоняя от себя нечистого. – Не встречал, не знаю, не помню! Да, я подарил ему этот! несчастный шарик, и что с того? Марк выпросил – увидел его как-то раз в музее, когда была экспозиция. Ради бога, не такая уж и ценность.

– Однако ради шарика вы расстались с пуговицами от егерского мундира 1812 года.

– Тоже невелика потеря.

Нет, так просто его не взять. В мелочах говорил правду (точнее, полуправду), в главном – лгал. Я ощущал это кожей, но вот доказать...

– Кому вы демонстрировали находку, кроме Бронцева?

– Мало ли. Сейчас не упоминай.

– Владимир Шуйцев упоминал профессора из Москвы...

– Черкасский? Да, нас представляли друг другу на конференции: я делал доклад, он был оппонентом. Разговорились, он осмотрел шарик, с кем-то еще консультировался... Видите ли, этот предмет ставил меня в тупик: я не мог определить не только предназначение, но и век, и культуру. Тринадцатое столетие – весьма условно, так же, как и «культовое назначение». До сих пор ничего не известно наверняка, я ясно выражаюсь?

– Яснее некуда.

Главное в этой бестолковой пародии на допрос уловил: директор музея очень явно обрадовался, чуть не затанцевал предо мной, когда я перевел разговор на дебри археологии (споры столичных и провинциальных знаменитостей о христианстве и язычестве, аналогах, таблицах, «пыли веков»)... Лишь бы подальше от того, что меня в самом деле интересовало: что делал Миша Закрайский у экстрасенса и за какие заслуги тот назвал его молодцом? А также зачем просил прийти именно двадцатого, в день убийства...

Паршивец, думал он. Паршивец-паршивец-паршивец-паршивец.

Надрать уши и отправить к родителям – коли не вышло кинозвезды, пусть ходит в школу, как нормальный среднестатистический ребенок, готовит уроки, собирает металлолом (металлолом, впрочем, нынче не собирают, а воруют). И пусть. Только бы не путался под ногами, пока идет следствие.

На сыщика он злости не испытывал – равнодушно, даже благожелательно смотрел из окна второго этажа ему в спину (Борис открыл дверцу, повозившись в замке, сел в «Жигули», тронулся с места...) сквозь густой, почти лондонский туман и мысленно выбирал, куда всадил бы пулю (под левую лопатку или в затылок), будь у него винтовка.

Винтовки у него не было. И те слова, которые он повторял про себя («Паршивец!»), диктовались лишь тревогой за непутевого внука: да что же теперь будет?!

– ...А как будет называться фильм?
– «Сказание об опрокинутом куполе», – отозвался Глеб, примостившись на диване среди стопок книг. – Замечательный материал. У меня дух захватило, когда я прочитал перевод.

– И снимать собираетесь здесь, в наших краях?
– Обязательно. Я побывал в Кидекшском монастыре у отца Дмитрия. Выразил признательность за то, что пошел мне навстречу.

– Что вы говорите!
(Прямо-таки не русский, не современный какой-то вышел диалог – по нашим традициям надлежало жаловаться и стонать, словно персонажи греческой трагедии или мексиканских сериалов: ах, как тяжело живется нынче простым людям! Ах, куда смотрит правительство, ах, Ельцин, ах, Чубайс!.. Однако Глеб презрев законы жанра, улыбался открыто и радостно. Сбывалась его давняя мечта о большом историческом полотне...)

– Притча.
– Что?
– На самом деле это будет притча. Я так задумал. От боевиков с каскадерами-каратистами меня лично тошнит. Впрочем, без каскадеров мне все равно не обойтись. И, кстати, я очень рассчитываю на вашу помощь.

– Ну что ж. Падать с лошади, надеюсь, не придется?
– Ха-ха. Нет, мне вы нужны в качестве консультанта-краеведа, специалиста по домонгольскому периоду.

– Польщен. Никогда не участвовал в съемках.
– И еще. По сценарию в картине должен быть мальчик, лет примерно двенадцати, пастушок. Согласно легенде он предупредил жителей города о приближении врагов. Я встретил во дворе вашего внука Мишу. Отличный типаж. Вы не против?

– Мой внук?
– Ну да. Если он, конечно, согласится.
Миша был потрясен до глубины души.
– Кино? Настоящее, без балды?!
Дед поморщился: ну и лексикон у современной молодежи!
– А вы и правда режиссер?
– Правда.
– А покажите удостоверение.
– Вот, смотри.
– А что вы снимали?
– «Дон Кихот», например. Не тот, что с Черкасовым в главной роли, а другой, двухсерийный.

– Да, я видел...
– А еще – «Парус Лебединой дороги».
– Вы?!
– Не веришь?
– Но вы такой... обыкновенный!
Глеб не выдержал и рассмеялся.
– Ничего не поделаешь. Чтобы ты мне поверил, приглашаю тебя сняться в самом настоящем фильме.

Миша задохнулся от счастья. А дед пробасил, пряча усмешку:
– Оденешь приличный костюмчик и сходишь наконец в парикмахерскую...
– Ни в коем случае! – ужаснулся Глеб. – У него же прекрасные льняные волосы, настоящая находка. И насчет костюма не волнуйтесь, он будет играть в другой одежде. Ну так что, договорились? В среду, в десять утра – пробы. Смотри не опоздай.

Миша не только не опоздал, но и пришел часа за два до начала (не сиделось дома). Пробы прошли без осложнений. Это оказалось делом нетрудным (мальчик опасался, что

заставят читать стихотворение, а он терпеть не мог уроков литературы... да и вообще всяких уроков): «Мальчик, пройдишь... Мальчик, поверни голову направо... Мальчик, улыбнись... А теперь сделай вид, будто ты чем-то здорово расстроен. Ну, представь, что дедушку положили в больницу, а ты ждешь, когда поставят диагноз...» Короче, легко, но несколько утомительно. Зато по школе он теперь ходил гоголем. Даже старшеклассники, и те здоровались за руку и с уважением спрашивали: «Это ты, что ли, артист?» И Вероника Макаровна по кличке Маврикиевна больше не зудела над ухом:

– Закрайский, если завтра же не пострижешься, вызову в школу родителей! Посмотри, что у тебя на голове!

Если же она слишком надоедала, можно было подойти на перемене (а лучше – посреди урока, чтобы ребята слышали) и с великолепной небрежностью бросить:

– Я, наверное, завтра не приду, в восемь утра – съемка.

И услышать в ответ:

– Конечно, Мишенька. Раз такое важное дело...

Одно огорчало: Натка Веретенникова, девочка с соседней парты, смотрела на него по-прежнему без всякого интереса. Но она вообще была вредина и задавака. И совсем не красивая: крысиный хвостик на затылке, круглое лицо-тарелка, на нем нос морковкой и глаза-сливы. И все равно, лучше ее не было во всем классе. Да что там в классе – во всей школе...

Те полторы зимних недели были похожи на сказку. Любящие родители все уши прожужжали знакомым и знакомым знакомых: наш мальчик! Киностудия! Знаменитый режиссер! Теперь-то уж точно...

И сам Миша скоро уверился, что сказка никогда не кончится. Главное ведь – начало, первая роль, а дальше от предложений разных киностудий отбоя не будет. (Отбой: потушены софиты, застыли безжизненные камеры, похожие на длинноногих цапель, стерт с лица грим, и горит в костре «вечный город» из фанеры и пластика... Некоторые сцены, впрочем, снимали на «натуре»: нашлись девственные улочки и церквушки, будто перенесенные в этот мир из древнего далека и затерянные в городе сегодняшнем, вдали от «хрущевок» и башен улучшенной планировки.)

Глава 12 КОГДА ГАСНУТ СОФИТЫ...

В тот день съемок не было. С утра зарядил мокрый снег пополам с дождем, а по сценарию должно было быть солнце и легкий морозец. Однако сидеть на алгебре и слушать, как Вероника Маврикиевна увлеченно объясняет самой себе (больше ее никто не слушал) разницу между действительными и целыми числами, совершенно не было сил. Миша подумал, погрыз ручку и нарисовал в тетради круглую рожицу. Выражение у рожицы получилось настолько глупым и надменным, что на нее нельзя было смотреть без смеха. Ниже красовался пышный до неприличия бюст, треугольник школьного фартука, две кривые ножки с растопыренными пальцами и поясняющая надпись: «Портрет девицы Натальи Веретенниковой, Неизвестный художник». Миша осторожно вырвал портрет из тетради, скомкал его и запустил на парту, за которой сидела «модель». Должно быть, картина понравилась, так как в ответ художник получил пеналом по затылку (реплика верзилы-двоечника с последней парты: «Там, где любовь, там всегда проливается кровь!»). Короче, было скучно. Поэтому, едва дождавшись перемены, Миша подошел к учительнице и по обыкновению начал:

– У меня сегодня в одиннадцать...

– Да, да, голубчик, я понимаю, – с некоторым облегчением отозвалась та. – Не беспокойся, я отмечу в журнале. А тему потом возьмешь у кого-нибудь из ребят.

И, глядя вслед ученику, подумала: «Прекрасный мальчик. Непоседлив... Но таковы, в конце концов, все дети. Зато каков талант! В кино снимается... Вот только прическа

совершенно не школьная. Может быть, там все-таки догадаются его постричь?»

Он приехал на студию спустя полтора часа – сначала вдоволь побродил по городу, заглядывая в магазины и пересеживаясь с автобуса на автобус (просто так, без всякой цели: нравилось чувство абсолютной свободы – я якобы не узнаю родного города, а город не узнает меня). Потом по дороге придумал себе игру в разведчика, которому непременно нужно оторваться от слежки. Он еще подумал, как было бы здорово сняться как-нибудь в подобной роли. Правда, кино про подпольщиков теперь никто не снимает, тема нынче не модная. Тогда так: два враждующих мафиозных клана...

Вахтер Юрий Алексеевич знал всех работников студии в лицо и по именам, поэтому не потребовал с Миши пропуск, а только приветливо кивнул: проходи, мол. С вахтером в его «аквариуме» сидела незнакомая пожилая женщина, по виду – уборщица, из временно нанятых. Юрий Алексеевич угощал ее чаем с вареньем и сушками.

Коридоры были пусты. Студия словно вымерла, и Миша, все еще воображая себя разведчиком, на цыпочках подходил к дверям и прислушивался. Везде было тихо, только за одной дверью в просмотровый зал слышались невнятные голоса. Один принадлежал главному режиссеру, второй – его заместителю, Александру Михайловичу Мохову. Миша представил их себе: Глеб Аркадьевич наверняка сидит в кресле, в своей любимой позе – нога на ногу, голова чуть откинута, длинные черные волосы небрежно разметались по плечам... Мохов – толстенький, небольшого росточка, в сером костюме с галстуком (он всегда одевается словно на премьеру) бегаёт вокруг, между рядами, заложив руки за спину, и говорит так, будто старается убедить в первую очередь не собеседника, а себя самого. Еще дальше, где-то на заднем плане, слышался звон мечей, хриплое дыхание и гортанные боевые выкрики. Просматривался какой-то отснятый эпизод.

– И как ты ему объяснишь? Мальчик-то чем провинился? Только представь: мы отсняли с Мишей пять эпизодов, каждый по несколько раз. Куда это теперь пойдет?

– Перестань, – устало ответил Глеб. – А то я не знаю, сколько у нас отбраковывается.

– Девять к десяти. При норме – пять шестых. Но главное – придется переделывать сценарий. Твой собственный, между прочим.

Пауза. Мохов, судя по торопливым шагам, побегал еще, немного успокоился и сказал:

– Ты слишком хорошо живешь, дорогой мой. Весь в горенье, в творчестве, в поисках...

А переговоры со спонсорами веду я. А ты ни разу не поинтересовался, во что обходится аренда студии, пиротехника, зарплата артистам, пленка, химикаты...

– Чего ты раскричался?

– Потому что я не люблю таких.

– Каких?

– Как ты. Идущих по трупам.

Опять пауза – на этот раз дольше и напряженнее, за которой должна была разразиться гроза... Но Глеб ответил почти равнодушно:

– Я не хочу делать то, что откровенно плохо. Серо. Не хочу штамповать плакатных героев, не хочу придумывать ходы, которые от меня ждут и предугадывают. А главное – я не желаю больше врать. Понятно?

– Черт возьми, но это ты нашел документ, ты написал сценарий и отснял по нему... да почти половину. До вчерашнего дня тебя все устраивало. Что же произошло, в конце концов?

– И он не объяснил вам?

– Нет. Я пытался его разговорить, но...

– Но не слишком настойчиво, да?

– Да, – Мохов поднял голову и посмотрел на следователя с вызовом. – Он же гений, ваш братец... То есть был гением. Он снимал так же, как... Как Пушкин писал стихи. Как д'Артаньян дрался на шпагах. Ничего нет, пустой холст, покрытый грунтовкой, и вдруг... Пара штрихов, брошенная реплика – так, между делом, секундная игра света и тени... Вам приходилось видеть картины Моне? Временами они раздражают: ну нет такого в природе,

чтобы облака были розовыми, небо – желтым, а деревья – голубыми. Нет – и все!

А потом вдруг, очень не скоро, как-то незаметно, начинаешь словно прозревать: да все так и есть, это не иллюзия, не прихоть художника – это настоящее... Просто надо смотреть внимательнее, а мы смотрим – и не видим. А Глеб – видел. Он вздохнул.

– Знаете, кто-то из великих сказал (не про Глеба, а про Клода Моне): он мог поймать солнечный зайчик и привязать к холсту за ниточку.

– Вы ему завидовали?

– Завидовал. Но зависть – это довольно унижительное чувство. Поэтому мозг с ним борется, придумывает отговорки: ах, ты гений? А что бы ты делал без меня, без тех фондов, которые я выбиваю для нас? Вся техническая база, все административные дела в группе лежали на мне, я просто позволял Глебу заниматься только творчеством, создавал ему условия, чтобы он не отвлекался... А ведь я тоже кончал не кулинарный техникум.

Мохов замолчал. Уголки его рта опустились вниз, и глаза потухли, будто их кто-то выключил. Страстный монолог иссяк.

– Кажется, теперь я у вас стал главным подозреваемым, да?

– Почему?

– Зависть – хороший мотив для убийства. А сейчас я наконец-то получил то, о чем мечтал (и чего боялся как огня): руководство картиной.

– Боялись? – переспросил Борис.

– Я же не гений.

Он задумался. Мозаика не желала складываться, камешки не состыковывались, лежали вкривь и вкось, и откровения помощника режиссера (главного – с некоторых пор) еще больше все запутывали.

– И тем не менее вы решили доснять фильм...

– Решил, – подтвердил Мохов. – Я все поставил на кон. Тут уж одно из двух: пан или пропал.

– «Не хочу больше врать», – медленно проговорил Борис. – «Не хочу делать то, что откровенно плохо». Насчет второго – понятно, но как быть с первым? Почему «врать»?

Мохов пожал плечами.

– Ни малейшего представления. А почему вы спросили?

– Слишком странный контекст. Если Глеб не желал больше врать, значит, врал до этого. Что его заставляло? Кто мог принудить? Глеб никого не разоблачал, он просто снимал историческую картину (притчу – однако прямо никого не задевающую). Не понимаю.

Я не понимал. Но чем больше воспоминания заполняли мои мысли (будто оживал семейный альбом: вот мы с Глебом на лыжах, посреди заснеженного леса, хохочущие над чем-то, для непосвященных абсолютно не смешным, вот он приехал со съемок «Касания падшего ангела», а вот он где-то в Сибири, бородатый и дремучий, с трубкой в зубах – подарок знатного эвенка... А это уже мы втроем – Глеб, мама и я, на вокзале, перед дальней дорогой, тем почему-то ярче высвечивалась в мозгу догадка: а ведь брат действительно боялся кого-то (или чего-то)! Серебряный наконечник стрелы, всадники на пустынном шоссе и визит к экстрасенсу, навязчивая идея, погружение глубоко внутрь себя, как в черную бездну, внезапное пробуждение, и – гонка, гонка, бесконечные круги по ненавистному стадиону, откуда не вырваться...

«Он будто уходит куда-то. Сидит, уставившись в одну точку, ничего не слышит, никого не узнает. И вдруг – вспышка! И начинается беготня...» – высказывание Якова Вайнцмана. «Вам приходилось видеть картины Моне? – Мохов. – Временами они раздражают...» «Что меня поражает – это способность Уединять несоединимое», – Машенька Кугель. В разных вариациях, но все они говорили об одном и том же.

– Между прочим, наш с Глебом разговор в просмотрном зале слышал Миша Закрайский, – сообщил Александр Михайлович. – Уж не знаю, как он там оказался. Должно быть, сбежал с уроков.

– Вот как? Он знал, что больше не играет в фильме?

– Выходит, так.

– Кто вам сказал?

– Его видел вахтер на входе. Юрий Алексеевич, мы зовем его Гагариным. Из-за имени-отчества и еще потому, что, как примет вечернюю дозу, начинает рассказывать, как провожал в полет космонавтов (служил в молодости где-то под Байконуром).

– Да, это новость. А в котором часу Миша ушел со студии, ваш Гагарин не запомнил?

– Нет, я уже интересовался. Они с нашей техничкой гоняли чай с вареньем.

Снег на улице показался Мише черным. Волосы вспотели под вязаной шапочкой, и противно хлюпало в зимних кроссовках. В носу, кажется, тоже. Не помня себя, он проскочил длинный коридор и толкнул стеклянную дверь. Дедушка-вахтер даже не повернул головы, все прихлебывал свой дурацкий чай из блюдца. И бабулька рядом с ним тоже была на редкость дурацкого вида – закутанная в какой-то бесцветный платок, в старом дешевом пальто, в каких щеголяют детишки из детдома. Миша с неприязнью подумал, что она, наверное, шарит по помойкам в свободное от ударного труда время. Сейчас полно таких, они даже и не прячутся, а наоборот, выставляются напоказ: смотрите, мол, до чего нас довели...

На очищенном от снега пятачке стояли режиссерские «Жигули». Миша приостановился, размышляя, не нацарапать ли на дверце что-нибудь лаконичное и прощальное (типа «мудак»). Ладно, живи. Ему хотелось поскорее уйти с территории студии. А выйдя с нее и очутившись на автобусной остановке, он сел на сырую лавочку и нахохлился, обхватив озябшими руками портфель. Куда спешить? Кому он теперь нужен? Домой не хотелось: начнутся ахи и вздохи, как же так, родной сыночек (внучек), может быть, ты что-то там не так сыграл? Может быть, можно как-то исправить? В школу – того хуже. Он представил на миг ухмылочки на лицах одноклассников и голосок Маврикиевны: «Закрайский, раз уж ты больше не звезда экрана, будь добр, постриги свои космы. С такими волосами только...»

Он доехал до центра города. Район здесь был шумный, бестолково суетливый и какой-то тусклый, будто квартира после дня рождения хозяина: воздушные шарики спущены и валяются на полу, торт съеден, подарки свалены в кучу и совершенно не радуют. Кончилась сказка.

Прохожие, нагруженные сумками, толкали его, стоявшего посреди тротуара, шипели и пронеслись дальше, как тяжелые самосвалы. Лишь какая-то девушка в короткой шубке тронула локтем, своего спутника и сказала:

– Смотри, какой красивый мальчик. Ему бы в кино сниматься, правда?

У Миши зацепило в глазах. Прямо перед ним на металлической конструкции, напоминавшей башенный кран, висел огромный, с автобус, рекламный щит...

Посреди широкого заснеженного поля могучий боевой конь встал на дыбы, закусив удила, и всадник в отливающем медью шлеме с забралом торжествующе поднял копьё с блестящим на солнце широким наконечником. Черный меховой плащ взвился за плечами, словно огромные крылья, и, казалось, сейчас раздастся над полем громкий боевой клич, в котором торжество в предвкушении битвы, и радость, и гимн богине Смерти – той, что притаилась на острие копья.

Ниже и наискосок летела золотая надпись: «Коммерческий банк „Русич“. Мы всегда в седле!»

Это был кадр из того самого фильма.

Возле тротуара стояла «Лада» красивого серо-стального цвета, и какой-то элегантный мужчина в светло-коричневой дубленке протирал замшевой тряпочкой лобовое стекло. Внутри салона, на зеркальце, болтался забавный мышонок с глазами-пуговками и длинным носом. Миша нагнулся, скатал снежок и с силой запустил им прямо в середину стекла – туда, где висела игрушка. Хлоп! Взорвался белый фейерверк, хозяин «Лады» отпрянул, озираясь, и узрел мальчика. Тот и не думал удирать – просто стоял и спокойно смотрел, как к нему тянется рука в замшевой перчатке. Вот рука дотянулась до мальчика и тряхнула его так, что он едва не вылетел из своей курточки.

– Ты что! – заорал мужчина. – Ты зачем?!

Но Миша уже не слышал. Слезы будто сами собой потекли из глаз, делая весь мир расплывчатым и странно изогнутым, точно в кривом зеркале. Он по-прежнему смотрел мимо машины и ее хозяина, туда, где был всадник посреди снежного поля (Белозерский князь Олег, сын Йаланда Вепря – но не Александр Игнатов, игравший его, а дублер, спортсмен-конник). Мужчина в дубленке смотрел на мальчика, и гнев в его лице постепенно исчезал, уступая место некоторой озадаченности.

– Тебя хоть как звать-то? – неуверенно спросил он.

– Некрасом, – почему-то ответил Миша.

– Некрасом? Редкое нынче имя. Даже уникальное.

– Вообще-то я Миша. А Некрас...

– Вроде прозвища, да? Мальчик дернул уголком рта.

– А что же ты, Миша-Некрас, не в школе? Удрал с уроков?

– С киностудии.

Мужчина посмотрел внимательнее.

– А ты, часом, не сочиняешь?

Миша молча вынул из кармана пропуск на съемочную площадку. Мужчина присвистнул, повертел пропуск в руках, словно не веря, и протянул владельцу.

– Ну, раз так... Давай хоть приглашу тебя в гости. Угощу чаем с пирожными. Любишь пирожные?

– А с кремом?

– С кремом, с кремом.

Мальчик пожал плечами.

– А как вас звать?

– Марк Леонидович, – представился хозяин серой «Лады». – Ты можешь называть меня дядя Марк.

Я не уехал. Просто включил мотор, отогнал машину за угол и пешком вернулся назад, к подъезду под деревянным козырьком. Туман и изморось скрадывали образы и звуки, но человека, которого ждал Вадим Федорович («Я все давно решил и впутывать себя не позволю...»), я засек сразу. Он шел, ссутулясь, засунув руки в карманы и надвинув шляпу на самые брови. Кино про шпионов, честное слово.

Больше всего на свете я жалел, что не мог слышать их разговора. За те полчаса, что хозяин с гостем провели в квартире, я извелся, как лиса в басне про виноград (как там, «видит око, да зуб неймет?»). Пытался подслушивать под дверью – бесполезно (кажется, они ушли на кухню), хотел подлезть к окну на втором этаже, но так и не решился, хотя искушение было велико. И поэтому, когда на лестнице послышались неторопливые шаркающие шаги, я прямо-таки рванул с места, словно бегун-спринтер. В два прыжка догнав человека, выходявшего из квартиры директора музея, я радостно схватил его за плечо и заорал, будто мы сто лет не виделись:

– Какими судьбами, Яков Арнольдович? Он ойкнул и присел, схватившись руками за шляпу, словно опасаясь, что я сейчас отберу ее и убегу.

– Вы, – заикаясь, произнес он. – Почему вы здесь?

Кажется, художник был близок к шоку. Я обхватил его за талию, почти насильно усадил рядом с собой в машину и проникновенно произнес:

– Батенька, в вашем возрасте вредно так волноваться. И из-за чего? Я не привидение (можете потрогать, только осторожно, я боюсь щекотки) и, уж во всяком случае, не убийца.

– Вы следили за мной? – угрюмо спросил он.

– Следил.

– Да? А как это... в плане законности?

– А вам не кажется, что вы не о том сейчас беспокоитесь? Я надеюсь уберегу вас...

– От чего же?

– От тюрьмы. Возможно – от смерти.

Я блефовал. Улик у меня не было ни малейших – не только против Вайнцмана, а и вообще никаких. И я чувствовал себя мотоциклистом: стоит притормозить – и мигом потеряешь равновесие.

– Я уверен в одном: вас, Закрайского и моего брата связывала с экстрасенсом какая-то общая тайна. Например: некто по непонятным пока причинам хочет убрать съемочную группу из города... Или конкретно – с мест, где происходят съемки. Зная впечатлительную натуру Глеба, он выбирает весьма необычный путь: нападение ряженных – ночью, на пустынном шоссе... Это должно было произвести впечатление.

– Какое нападение? – спросил Вайнцман, но я отмахнулся, как от комара.

– Он нанимает людей, одевает их в украденный со студии реквизит, выводит, так сказать, на цель... Да, здесь действовал большой эстет. Бедного Глеба до сих пор трясет (в детстве мальчик, помнится, очень увлекался «Виём»). Но я-то...

Я намеренно сгущал краски, изображая из себя этакое солдафона-прагматика, и художника прорвало:

– А вы, стало быть, из другого теста? Вы не верите в чертовщину, летающие тарелочки, перевоплощения, зато охотно верите в некий «вселенский» заговор против вашего брата? И как вы думаете: что такого в тех местах, где снимается фильм? Алмазы? Нефтяное месторождение? Упавший шпионский спутник? Ну не молчите, мне хочется знать, как далеко простирается ваша фантазия!

Но я молчал, потому что разъяренному, растрепанному, оскорбленному в своих лучших чувствах художнику требовался не собеседник, а слушатель, точнее, жертва. Ну и пусть. Я согласен, лишь бы он продолжал говорить и подводить меня – окружными путями, десятой дорогой, но – к разгадке.

– Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы всю жизнь, с детства, посмеивались над братом. И родители наверняка ставили вас ему в пример (вот уж чего никогда не было): Боренька – реалист, он крепко стоит на ногах... Многого мальчик, конечно, не достигнет, но и не проживет жизнь мечтателем, не будет мучиться несбывшимися надеждами (это – было, когда я со спокойно бьющимся сердцем и идеальным кровяным давлением подал документы на юридический факультет, а «кремлевский мечтатель» Глеб уехал в плацкарте покорять столицу... И ведь покорила-таки, сукин сын!).

Вайнцман меж тем смахнул вечную каплю с длинного носа и обвиняюще ткнул меня пальцем в грудь.

– Вы просто завидуете ему, юноша. Настоящему, большому таланту грех не завидовать.

– А вы?

– И я, – покорно согласился он. – Однако я помню и о том, что талант – это не только дар божий... Он может быть и страшным проклятием.

Он помолчал.

– Теперь вы понимаете, кого нужно спасать? Сейчас, немедленно. А вы – "ряженные", мафия... Глупости, юноша. Ну скажите, почему всадники напали на автомобиль? Захотели напугать – помаячили бы издалека, позавывали бы страшными голосами. Подбросили бы галлюциноген – сейчас в любой аптеке навалом всякой дряни.

– Я не верю в призраков, – упрямо сказал я.

Вайнцман с досадой махнул рукой.

– Призраки бесплотны, они не умирают от пистолетной пули. И уж точно не швыряют в противников серебряные стрелы. Глеба не собирались пугать, это ясно. Его хотели убить. Вопрос: за что?

Мы сидели в машине, и нас плотным одеялом укрывал туман. Я смотрел перед собой, видя лишь фрагмент безлюдного тротуара (метров пять, не более), высокую вычурную ограду университета, мокрые деревья в бесстыдной наготы... Я сто раз на дню задавал себе эти вопросы: почему нет вмятин на «Жигулях»? С какой целью кто-то не пожалел серебра на арбалетную стрелу? Почему, убив экстрасенса, преступник не унес кассету, на которой был запечатлен Глеб? Куда пропала женщина со светлыми волосами, потерявшая ленточку и

звонившая мне из квартиры, где лежал труп? В чем именно Глеб соврал и почему сейчас, имея почти готовый фильм, отказывается снимать его окончание? Что такого необычного и страшного произошло восемь веков назад, что отдается эхом до сих пор? Почему оно – что бы там ни было – не стало прахом и тленом?

Наконец (и это меня интересовало особенно остро), почему Вадим Федорович не устроил Глебу скандал (да и вообще не предпринял абсолютно ничего!), узнав, что родной и любимый внук не будет больше сниматься в картине?

Сложив эти «почему» вместе, я спросил:

– О чем вы говорили с Закрайским?

– А вы догадайтесь.

– Нет настроения. Мы спасаем Глеба или играем в ребусы?

Вайнцман с хитрецей взглянул на меня.

– Я обожаю ребусы. У меня дома – не поверите – целая коллекция. Только жаль, что нашу с вами загадку вы принизили до какой-то серой обыденности (я был о вашей фантазии лучшего мнения). А если попробовать подняться чуть выше? Посмотреть на это... как бы под другим углом? Если допустить, хоть на минуту, что Глеб действительно обнаружил некую аномальную зону, отверстие в черном покрывале? Если он на самом деле уходит туда (или его засасывает помимо воли, словно в трясину)? Отсюда его нежелание снимать фильм по прежнему сценарию – он в чем-то ошибся, поддался на чью-то изощренную ложь... И решил ее разоблачить..

– И получил в ответ серебряную стрелу, – закончил я со вздохом («и посмотрел на доброго, трезвого, да вот только – эх, беда-то какая! – тронутого умом...» – вспомнилась цитата из классики).

– Попробуйте объяснить иначе. Серебро убивает слуг дьявола. В чьих-то глазах ваш брат выглядел именно так.

Злое отчаяние захлестнуло меня. Будто некая железная завеса опустилась передо мной – я бился в нее, стараясь докричаться до участников событий... А в ответ получал недоуменные взгляды, либо, будто в насмешку, заумные рассуждения, уводившие в дебри черной магии... А ведь Марка Бронцева убили вовсе не, заклятием из «Шестокрыла» или «Молота ведьм». Кто нажал на курок? Этот хитрый художник-декоратор? Директор музея, укравший из квартиры собственный глиняный шарик (чем он, кстати, заинтересовал экстрасенса? Тот вроде бы не относил себя к знатокам археологии)? Владимир Шуйцев, чей взвод навсегда остался лежать в чужой, выжженной нездешним солнцем земле? Кто-то пока неведомый, чья кассета, третья по счету, пропала из тайника?

– На завтра я вызову вас повесткой.

– Меня?

– Вас всех – работников киностудии. Потому что кто-то из вашей компании замешан в двух серьезных преступлениях. Была бы моя воля – я вообще запретил бы съемки: слишком нездоровая атмосфера... Но атмосферу к делу не пришьешь. Однако в моей власти установить над вами самый жесткий контроль. Отныне я буду наблюдать за каждым вашим шагом. И тогда, если убийца действительно существует в плоти и крови (привидения не стреляют из пистолета), он споткнется.

– За что вы меня не любите? – грустно спросил Вайнцман.

Я хмыкнул.

– Если честно, то вы мне глубоко безразличны.

– Вот как? – он казался слегка уязвленным.

– Меня интересует мой брат. Ему грозит опасность, пока я не могу определить, какая. Но я чувствую: вся эта история замыкается на нем. Я готов поверить в черта, в путешествия в прошлое, в летающие тарелочки, но это не меняет сути: за Глебом охотятся. И я сделаю все, чтобы защитить его, слышите? Пусть это знают все, и убийца в том числе. Брата я не отдам.

Вайнцман вдруг очень по-стариковски всхлипнул и отвел глаза. До этого момента я

как-то не задавался вопросом, сколько же ему лет. Он казался вечным и незыблемым, как скелет мамонта во владениях Закрайского. Однажды Глеб (уж не помню, по какому поводу) сказал: «Яков Арнольдович, вы – лицо нашей киностудии. Живая легенда. Операторы, режиссеры, артисты – все преходяще, а вы...» – «А что, декораторы нынче в дефиците?» – возразил кто-то ревнивый. «Вайнцман – это не просто декоратор, – ответил мой брат. – Вайнцман – это Вайнцман». И с ним все согласились. Студию Глеба действительно невозможно было представить без этого старичка еврея, деловитого, несколько суетливого и всегда чем-то недовольного («Довольство всем, юноша, есть признак ограниченности ума, запомните!»).

Недовольного... «Мост через ров должен быть на четырех опорах, а не на шести». – «Гм... А вы, простите, историк?» – «Следователь». Недовольный Глеб: «Я не желаю больше врать». Недовольный Закрайский: «Вы побывали в монастыре, у отца Дмитрия?» Недовольный я сам: «А почему до него никто не пытался сделать перевод документа?» – «Рукопись была обнаружена сравнительно недавно, в начале тридцатых. Комсомольцы-активисты взрывали храм...»

– Вы говорили с Закрайским о древней рукописи? – спросил я по наитию. И кажется, попал в точку.

Той зимой в провалах черного неба нередко вспыхивали таинственные зеленоватые огни. Они виделись когда многоцветными столбами, будто стягивающими небо и землю в единое, когда – холодными мерцающими глазами исполинской кошки с темной пушистой шерстью. Иногда огоньки словно разговаривали между собой тихими переливчатыми голосами, похожими на звон множества серебряных колокольчиков. В такие пронзительные ночи колдуны в ужорских деревнях надевали свои жутковатые расписные наряды и устраивали пляски у костров, запрокидывая вверх головы и призывая на все лады своего бога со странным именем Кугу-Юмо. Княгиня Елань как истинная христианка всякий раз сердилась, но про себя: не то время, чтобы ссориться с соседями из-за богов.

А когда огни светились особенно ярко и волнующе, она, не в силах удержаться, сама выбегала на улицу и смотрела, замороженная, пытаясь угадать в переливах ледяных радуг какой-нибудь знак свыше. И боялась угадать: вместе с любовью к Белозерскому князю – чувством, пожалуй, доселе незнакомым (с Василием Константиновичем-то было не так: никто не спрашивал у нее, и она даже не думала идти поперек родительского слова), в сердце поселился холодный и беспокойный червь. Она остро чувствовала: близится гроза.

В ту ночь она, помнится, все не могла заснуть. Тихонько выскользнула из-под одеяла и, как была не одета (только теплый платок наинула на голову), постучалась к нянюшке Владе. И, отворив дверь, робко спросила:

– Ты совсем никогда не спишь?

На нянюшке было темное платье с широкими и длинными рукавами, перехваченное серебряным пояском и вышитое серебряной тесьмой по краям, бисерная кика на голове, прикрытая платком, и башмачки из тонко выделанной кожи на ногах. Лицо было печальное и доброе, будто светящееся изнутри, как волшебный лик на иконе.

– Старые люди спят мало, – ответила она, ничуть не удивившись.

Небесные огни проникали сквозь слюдяные окошки, таинственно колыхались на бревенчатых стенах, рождая мысль о каменном гроте у берега северного моря. Старая Влада подошла к столу и махнула широким рукавом... Воздух заискрился и чуть слышно затрещал. Большой прозрачный Шар повис между полом и потолком без всяких опор – сколько раз Еланюшка ни наблюдала эту картину, так и не привыкла относиться к ней равнодушно.

Она вдруг заметила, что внутри Шара кто-то есть.

Широко расставленные желтые глаза смотрели прямо ей в лицо с холодным внимательным любопытством и совершенно без опаски: наверно, волк разучился видеть в человеке серьезного противника... Или вовсе живое существо. Только пищу, которой было здесь в изобилии. Вокруг лениво плавали какие-то белесые клочья – туман не туман, дым не

дым... Конь ступал осторожно и совершенно бесшумно, лишь поводья оглушительно позвякивали в тишине, сопровождаемые многоголосым эхом. Матерый волчище прямо перед ней постоял мгновение, оскалил желтые клыки и попятился. Потом развернулся и, оглядываясь через плечо, потрусил прочь. Надо думать, испугался того, с чем еще не сталкивался в своей жизни.

Елань ехала по заснеженной пустоши. Слева, справа, сзади, впереди – повсюду, куда ни кинь взгляд, была смерть. Белый покров был вспахан сотнями сотен копыт, и в прогалинах виднелась черная земля, словно тяжелые шрамы на человеческом теле. Избы, спаленные пожаром, покосились и ввалились внутрь, только обугленные жерди уродливо смотрели в небо да оперения стрел кое-где торчали из черных бревен. Княгиня потянулась с седла и выдернула одну из них, поднесла к глазам... Наконечник стрелы был узкий и зазубренный – монгольский наконечник.

Дальше впереди высились развалины укреплений – Елань узнала вотчину Белозерского князя, крепостицу Селижар. Деревянные стены были разрушены в четырех местах – видно, монголы после долгого штурма ворвались разом, как вода через плотину, когда некогда, да и бесполезно латать дыры. Защитники уже не надеялись сдержать врагов, лишь хотели подороже продать свои жизни, и княгиня, словно вестник смерти, ехала вдоль узких улочек, повторяя их путь... От разбитых осадными орудиями стен к центру, к соборной церкви, где погибли последние во главе с верным воеводой Савелием Желобом. И везде – на деревянных мостовых, в дверях каждого дома, на крышах и наспех воздвигнутых завалах поперек улиц – тела, тела, тела... Смерть настигала кого в неравном бою (один на десять, а то и на двадцать, и на пятьдесят – храбры были защитники, но численный перевес врага был огромен), кого в попытке спастись, а некоторых, но таких было немного, – на коленях, в слезной мольбе о пощаде... Однако Субудай-багатур, один из главных военачальников Бату-хана, еще накануне вторжения в пределы северо-восточной Руси отдал приказ своим «бешеным»: пленных не брать. И возле разбитых главных ворот валялось длинное бревно с обитым медью наконечником – монгольский таран. Вокруг лежали убитые. Елань сошла с лошади, наклонилась над одним из них и перевернула вверх лицом. Перед ней был русич.

Его и еще нескольких его собратьев монголы приковали к бревну цепями и заставили бить в ворота, а сами пошли следом, прикрываясь живым щитом. Русичи не подчинились. Тот, кого потревожила Елань, – высокий, молодой, со светлыми буйными волосами, голый по пояс в лютый мороз, – пал первым, развернувшись к врагам, насколько это позволяла цепь. Разъяренный нукер махнул саблей (пленник не мог защититься со скованными руками и принял удар открытой грудью, с торжествующей улыбкой человека, не ставшего предателем), но тут же со стены свистнула стрела, и мертвый монгол свалился рядом... Так лежать им отныне и до Страшного суда, рука об руку: смерзлись, уж и не разъединить. Да и некому это сделать.

– Вставай, – прошептала Елань, касаясь рукой русича, будто надеясь вдохнуть жизнь в изуродованное тело. Глупо, но... Сон есть сон, во сне случаются чудеса.

И будто рябь прошла по мертвому лицу, покрытому ледяной коркой. Пленный привстал, удивленно посмотрел вокруг, на собственную руку, свободно выскользнувшую из вражеского окова, взглянул на княгиню...

– Пойдем, – сказала она.

– Кто ты? – спросил он, еле двигая губами.

Елань не знала, что ответить. Перед ней вдруг возник образ дороги, которая вела сквозь некий тоннель. Тоннель был длинен и погружен во мрак, но где-то далеко, в его конце, светила яркая звездочка. Елань уже была здесь. Маленькая девочка, робая, переступала ножками, держась за руку старой няни и изо всех сил борясь с испугом: что-то ожидает ее там, когда дорога закончится? Она спросила нянюшку Владу, что за свет она видит, и та ответила: «Это Звезда Матери Мира, Заступницы всех живущих». – «Не понимаю». – «Ничего, придет время – и вопросы разрешатся сами собой. Потерпи».

Зато теперь она шла легко и свободно, а тот красивый русич, не испугавшийся

сабельного удара в лицо (видно, другой страх – страх предательства – был во сто крат сильнее), робел перед неизвестным, что лежало впереди. Он не догадывался, что того, что он видел до этого – штурм города, свист стрел и звон стали, тычки в спину и чужой гортанный крик, вызывающий бешеную ненависть, отчаяние и последняя схватка (он все же достал нукера босой ногой – тот согнулся пополам и взвизгнул, но тут же его сабля вылетела из ножен, точно ядовитая змея...), – еще не было, все это еще должно было произойти... А в его памяти через мгновение сохранится только дорога через темный тоннель, невнятный перезвон невидимых колокольчиков и далекий свет впереди как символ надежды и веры...

Возвращение было нечетким, медленным – она не то просыпалась, не то, наоборот, засыпала, невесомо скользя вдоль границы забытья и яви: растворялся туман, проступали очертания знакомой светелки, но уже без Шара и небесных огней за окошком.

– Не испугалась, дитятко? – заботливо спросила нянюшка, обнимая за плечи.

Княгиня медленно покачала головой.

– Кто он был, тот русич?

– Не знаю. Один из тех, чье имя затеряется в веках, но кого будут помнить и через многие тысячи лет.

– Ты странно говоришь.

– Но так и есть. Еланюшка чуть помедлила.

– Я воскресила его из мертвых. Это было на самом деле или во сне?

– На твой вопрос трудно ответить, – Влада не выдержала и улыбнулась. – Впрочем, ты всегда этим отличалась: стремлением знать все и сразу.

– Я могу возвращать людей к жизни? – настойчиво спросила Елань.

– Это не совсем то, о чем ты думаешь. Возвращать к жизни мертвых – очень сложный обряд. Он требует колоссальной энергии и, что более важно, – душевной чистоты. Такое ни мне, ни тебе не под силу.

– Но разве ты...

– Ты приняла меня за святую? – снова улыбнулась Влада. – Увы, я всего лишь Хранительница Шара, одна из Десяти Посвященных.

– Тогда кто же он все-таки такой, тот воин? Он не умер в битве?

"Свет на выходе тоннеля становился все ярче, и вдруг дорога закончилась: передо мной и моим спутником высился громадный зал с прозрачными стенами. Я входила сюда множество раз, но все равно – в груди гнезилось тревожно-щемящее чувство близости к чему-то... не могу описать словами. Если не к божественному, то уж точно не к человеческому.

Слева от себя я увидела яркую вспышку, похожую на разряд молнии, – зрелище, к которому я тоже так и не смогла привыкнуть. Остальные Служители отнеслись к молнии равнодушно: открывался очередной Переход, явление довольно обыденное. Однако на этот раз что-то было не так. Я повернула голову...

Группа людей в светлых ниспадающих одеждах образовывала кольцо, внутри которого, пошатываясь и держась друг за друга, шли четверо. Кожа на их скулах была опалена, глаза настороженны и колючи. Такие глаза могли принадлежать... кому угодно, только не мальчишкам в девятнадцать лет, когда перед тобой распахивается весь мир, когда время любить и радоваться, смотреть вперед открыто и с надеждой на прекрасное. В их взглядах читалось иное. Одежда на них тоже была странная: мешковатая, без застежек, болотного буро-зеленого цвета, местами порванная, со следами засыхающей крови. Один сжимал в руке короткую черную трубку, по виду – оружие, с которым он не захотел расстаться. Хотя теперь, здесь, ему ничто не будет угрожать.

Некоторые из тех, кто сопровождал четверку, были мне знакомы. Я собралась было приветственно помахать им рукой, как вдруг заметила, что один, последний, будто плыл на руках других. Я всмотрелась. Лицо его по цвету почти не отличалось от одежды – белое, бескровное, пугающе неподвижное. Широко открытые глаза смотрели в одну точку с легким,

будто мимолетным удивлением. Красные пятна ровной строчкой проступали на груди наискосок. И мое сердце, стукнув громко, на весь зал, упало куда-то вниз, к ногам.

– Таар, – прошептала я, еще не веря, еще по-глупому на что-то надеясь.

Служители меж тем подскочили, оттеснили меня, быстро и осторожно приняли тело и бережно уложили на носилки. Тот, кто нес Таара через тоннель, хмуро посмотрел на меня и отвернулся.

– Мы ничего не могли сделать, – сказал он. – Все случилось там, во время Перехода. Мы ничего не смогли. Ничего...

Я не помнила его имени, поэтому не ответила, только кивнула, стараясь вдохнуть через ком в горле. Кажется, он тоже был ранен, но держался прямо – слишком, неестественно прямо, и это его выдавало..."

Глава 13 ПРАВО НА ПОЕДИНОК

Смиренку разбудил стук в окошко. Ей снился отец, погибший много лет назад. Считать девочка еще не умела, и ей казалось, что он ушел давным-давно – почти всю жизнь ее опекал брат: кормилец, опора, единственная надежда... А то вдруг, наоборот, отец вспоминался так ясно и ярко, будто еще вчера со смехом катал ее на могучих плечах, изображая коня, а она, повизгивая от восторга, плыла высоко-высоко над поляной, белой от множества распустившихся ромашек, а сон был такой хороший, что девочка не сразу очнулась. Еще некоторое время она лежала с открытыми глазами в темноте людской, потом, сообразив, где находится, вскочила, прильнула к окошку...

Некрас на улице нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Рядом с ним вертелась Устя – белая самоедская лайка, с которой он всегда ходил на охоту. В другое время Смиренка обрадовалась бы, теперь же взглянула на котомку за плечами брата, широкие лыжи, подбитые мехом (две пары: одна побольше, одна поменьше), и сердце защемило в предчувствии беды..

– Собирайся, – глухо сказал Некрас. – Много не бери, только самое нужное.

– Некрасушка, – потерянно отозвалась она. – Что случилось-то?

Брат помолчал, потом сообщил, обращаясь к ближайшей стене:

– Он меня узнал, ты разве не поняла? – парнишка поежился и вздохнул. – Жалко уходить отсюда... Да что поделаешь.

– А меня от тоже узнал?

– Тебя? – улыбнулся Некрас. – Ты тогда была еще вот такусенькая, с локоть. Поперек лавки умещалась.

В глазах девочки затеплилась надежда. Она взяла брата за руку и с мольбой заглянула в лицо.

– Послушай... А может быть, все обойдется? Что он нам сделает? А захочет обидеть – я в ноги княгине брошусь, она защитит!

Некрас только покачал головой.

– Я не знаю, что он замышляет, только... Как, по-твоему, кому поверит княгиня? Девочке-замарашке или князю?

– Да ведь тебе самому в ту пору было... Сколько?

– Четыре зимы.

Парень полез за пазуху и вытащил охотничий нож в берестяных ножнах – Смиренка видела его множество раз, брат никогда не расставался с этим ножом, разве что на ночь снимал, но и тогда клал у изголовья, чтобы всегда был под рукой.

– Вот. Когда-то он принадлежал старому князю – тому, что умер у нас в избе.

– А потом? – замирая спросила Смиренка.

– Потом князь подарил его нашему отцу. А отец доставил мне...

– Я почти ничего не помню...

– Ты была совсем крошкой. Ну, беги собирайся. Да смотри не разбуди кого-нибудь.

– А куда мы пойдем?

Он задумчиво поджал губы.

– Мама рассказывала, будто в карельской деревне неподалеку отсюда жили ее родственники. Пойдем туда. Не выгонят же.

– А ну как мы их не найдем?

– Найдем, – твердо ответил Некрас. – Главное, ничего не бойся. Я буду с тобой.

– Всегда-всегда?

– Конечно. Только закончу одно дело...

Она поняла. Ее глаза вмиг наполнились ужасом.

– Ты что?! Некрасушка, не смей! Пропадешь, и я пропаду без тебя!

Она дрожала – ледяной ветер давно пробрался под не слишком-то теплый платок, ноги совсем окоченели на морозе, да и руки озябли и покраснели, будто гусиные лапки. Некрас обнял сестру, ласково поцеловал в мокрую от слез щеку... И ничего не сказал. Все равно его решения никто не смог бы поколебать.

Их хватились утром. Елань вместе с прискакавшим на двор воеводой разослала гонцов проверить дороги и тропки в окрестностях, велела расспросить всех, кто видел брата и сестру накануне побега... И не уставала недоумевать: вроде не было у девочки повода таить обиду на нее, а городская дружина к лету собиралась принять нового полноправного воина.

Княгиня вышла во двор усадьбы, крикнула конюшенного.

– Велишь запрягать возок, госпожа? – поклонившись, спросил тот.

– Нет. Верхом поеду, – сказала Елань. – Еремей, будешь меня сопровождать. Чую, беда случилась.

Дробно простучали копыта, взметнулась по двору снежная пыль. Всадники вылетели из ворот. Верный Еремей держался чуть позади и правее, сумрачно глядя на дорогу и с неудовольствием думая о княгине: вот же неразумная. Никак не желает заботиться о себе. Времена нынче беспокойные, следовало бы все же ехать в санях и дружинников с собой взять побольше, а не трех человек. Случись что – слабая защита.

Князь Ярослав, подбоченясь, сидел на вороном жеребце и усмехался в длинные усы, глядя на приближающегося Олега. Глаза его были нехорошие: он знал, что Олег не пойдет против данного слова и приедет один. Разведчики, тайком проследив за Белозерским князем, подтвердили, что тот не взял с собой даже телохранителей. Совсем глупо, хоть и благородно. Ну что ж. Тем лучше...

За последние годы Ярослав отяжелел. Тело, некогда мощное и мускулистое, обросло жирком и округлилось. Едва в кольчугу влезало. Зато ум в страшной, беспощадной борьбе за власть приобрел звериную жестокость и хитрость. Уговорив своего брата Мстислава отдать его дочь замуж за половецкого хана Хейгу, Новгородский князь приобрел в стане врага собственные глаза и уши, ибо Хейгу состоял на службе у самого Мелика, ближайшего приближенного Бату-хана.

Хейгу, сын второй жены Тынгэ-хана, увидел свою двадцать первую весну, когда покоритель степей Чингиз, сокрушив Хорезм-шаха, взяв сказочный город Самарканд и, привязав к копыту голову кавказского правителя Гюрли, всей своей мощью обрушился на половцев, укочевавших в прикаспийских степях. Те сопротивлялись недолго. Слишком привыкли к беззаботному существованию: долгие годы у них не находилось достойного противника (да и вообще никакого). Набеги на пограничные города руссов в счет не шли: налетят табуном, с дикими криками, осыплют тучей стрел, возьмут добычу, которую успеют, и – назад в степь, только пыль столбом из-под копыт.

После быстрого и постыдного разгрома одни половецкие ханы погибли, сражаясь с монголами до последнего (но таких было немного), другие побежали к недавним противникам, русским князьям, с мольбой о защите. Третьи предпочли перейти под знамя Чингизидов. Были и такие, что ухитрились служить двум богам одновременно... Хейгу, к

примеру, регулярно слал донесения в Новгород, поэтому Ярослав всегда был в курсе дел, происходящих в курултае.

Весть о скором вторжении монголов в северо-восточную Русь осенью 1236 года привез венгерский монах-миссионер Юлиан. Толстенький, маленького роста, с обыкновенной тонзурой на голове, Юлиан не столько проповедовал христианство, сколько старался установить степень надвигающейся с востока опасности.

Глубокой ночью монах добрался до ворот Новгорода. Лошадь под ним была монгольская: низкорослая и мохнатая, со слегка кривыми ногами, но зато выносливая и неприхотливая. Высоких красавцев скакунов пришлось бы менять на каждом постоялом дворе, а этого шпион, посланный венгерским королем Белой, позволить себе не мог.

Ярослав встретил Юлиана неприветливо. Почти до полудня продержал возле терема, велел слугам отвечать всякий раз: устали, мол, наш господин после государственных дел. Почивают, будить не велено. Монаха, однако, было трудно этим пронять. Когда князь, наконец, позевывая и дотягиваясь, вышел на крыльцо, то увидел венгерского посланника спокойно расположившимся прямо на земле, на дурно пахнущей лошадиной попоне, с кувшинчиком вина и пирогом с белой рыбой. Потягивая греховный напиток, Юлиан смиренно созерцал облака, плывшие в высоком сентябрьском небе...

– С чем пришел? – лениво спросил Ярослав. Юлиан степенно встал, отряхнул крошки и осенил князя крестным знаменiem. Тот едва сдержался, чтобы не кликнуть слуг и не вытянуть непочтительного странника плетью. Нельзя. Вести, которые тот, возможно, привез, были теперь на вес золота.

– Позволь вкусить твоего гостеприимства, господин, – церемонно ответил Юлиан. – Я устал с дороги и, кроме того, хотел бы поговорить с тобой с глазу на глаз...

Слуга выскочил вперед, брызжа слюной от ярости.

– Ты с кем разговариваешь, невежда? Перед тобой князь!

– Оставь, – коротко приказал Ярослав. – Проводи его в горницу, накорми... Хотя нет, он и так не страдает худобой. Отбери вино и следи, чтобы не пил более. Да кликни охрану, чтобы стояли у дверей моих покоев.

– Слушаюсь, господин.

Юлиан был, однако, трезв, как и подобает истинному монаху. Подозрительно оглядев его с ног до головы и поняв, что его провели, Ярослав буркнул:

– Говори.

– Смею сообщить, великий князь, – начал тот, – что крепость Торжок пала после двух недель осады. Сейчас тумены Батыя селигерским путем идут к Новгороду.

Эта новость была подобна грому. Ярослав тяжело опустился на лавку, покрытую дорогим ковром. Испуганно взглянул в темный угол: показалось, будто князь Владимирский Юрий Всеволодович, погибший с мечом в руке на реке Сити, взирает с холодной усмешкой (ему сильно досталось в сече: высокий шлем с грозной черной стрелкой над переносицей разбит ударом копья, кровавый рубец тянется через скулу вниз, до ключицы, чешуйчатый панцирь на груди вмят внутрь, разорван, окровавлен...). Грехи мои, подумал Ярослав, вспомнив прискакавшего к городским воротам гонца с просьбой о помощи. Суздаль не дал людей в ополчение князю Юрию – и был уничтожен до последнего дома, до последнего человека. Отказал Торжок – и сам не устоял перед туменами Субудая. Закрылись перед Юрьевым посланником новгородские ворота – и... Сколько осталось Новгороду? Неделя, месяц? Столько, ответил сам себе Ярослав, сколько продержится Игнач-Крест, последний заслон на пути Батыя к Селигер-озеру.

– На Игнач-Крест надежда невелика, – будто подслушав его мысли, сказал монах. – И помощи тебе не пришлют так же, как и не прислал ты.

– И что ты посоветуешь? – помертвевши, спросил Ярослав.

– Я постараюсь отвести от тебя опасность. Сейчас Батый в раздумье: его поход не укладывается в намеченные сроки. На Рязань он потратил неделю. Три дня – на Владимир, две недели на Торжок и Суздаль. Весной снег сойдет, его кони исхудают от бескормицы,

увязнут в ваших северных болотах и не потянут обозы с награбленным. Его подданные не смогут осесть здесь – эти земли не годятся для кочевья. Реки набухнут и превратятся в озера. Батый понимает, что может увязнуть в этих местах. Но он также боится, что его войска, не взяв достаточно добычи, взбунтуются. У него будет единственный выход: повернуть на юг, в степи, чтобы успеть насытить своих нукеров золотом и вражеской кровью...

Ярослав поднялся со скамьи, несколько раз прошелся по горнице из угла в угол... Глаза, потухшие л было, снова загорелись алчным огнем. «Я дал ему в руки страшное оружие, – подумал Юлиан. – Русские княжества трясутся перед лицом неминуемой гибели (и продолжают умирать каждое в одиночку), они разобщены и деморализованы. Один лишь Ярослав отныне знает правду. Однако за это ему придется дорого заплатить. Наш король Бела будет рад такому сюзерену...»

– Позволь мне теперь удалиться, – сказал монах, сгибаясь в поклоне. – Я должен составить донесение своему господину.

– Ступай, – буркнул Ярослав, погруженный в собственные мысли. .

«Побывав во имя благоденствия Вашего, мой король, в улусе татар, – писал Юлиан при тусклом свете масляной лампы, – я попытался внушить главным предводителям язычников, что было бы опасной ошибкой идти в поход на королевство венгров-христиан, когда за незащищенной спиной имеется такой коварный противник, как Русь. И хотя у татарских мурз сохранилось желание идти на завоевание Рима и дальнейшего, внук Чингизхана Батый склоняется к мысли о разорении руссов и переносе военных действий юг, в прикаспийские степи. Чаши весов колеблются, мой господин, но Ваш покорный слуга все силы прилагает к тому, чтобы отвести опасность от Западной Европы. Смиренно тщу себя надеждой, что Вы не оставите меня в своей милости...» ;

...Еще при жизни Чингизхан разделил между сыновьями все захваченные земли и те, которым еще предстояло склонить колени. Старшему, Джучи, был предназначен улус с центром на реке Яике: Урал, Сибирь, Волга, Русь, Приднепровье и королевства Восточной Европы. Но знаменитый завоеватель умер в 1227 году. Умер и его сын Джучи. Батый, ставший во главе улуса, поклялся завершить то, что не успел осуществить его покойный дед...

Ярослав никогда не отличался особой набожностью, но тут его словно прорвало: едва дождавшись, когда за Юлианом закроется дверь, он рухнул на колени перед святым ликом Николы Чудотворца, покровителя Новгорода. Его губы запрыгали, взгляд блуждал... Высоколобый лысеющий старец, защитник невинно осужденных, смотрел князю прямо в глаза, и благословенный жест четко выписанной правой рукой – нежнейшей светло-розовой охрой по темно-коричневому – показался Новгородскому князю взмахом карающего меча: для каких дел просишь благодати, нечестивец? А потом вдруг почудилось, будто с древней иконы глядит не святой Николай, а все тот же Юрий, бросившийся на лед Сити навстречу тяжелой татарской коннице. Только на этот раз лицо его было чистым, молодым и спокойным – то ли князь еще не знал, что скоро придется пасть в битве, то ли, вознесшись на небеса, успел забыть...

А вслед за этим и князь исчез. Всплыло нежное женское лицо... нет, лик – строгий, немного печальный, узкие яркие губы и глаза словно прозрачные заворачивающие озера. Светло-русые волосы ниспадают волнами, струятся вниз, выбиваясь из-под жемчужной кики, почти закрывая собой драгоценные височные кольца с позолотой.

– Ты еще приползешь ко мне, тварь, – прошептал Ярослав. И сам испугался своих слов.

Заснеженные ели смиренно склонили ветви к самой земле. Весь лес в серебристо-белом инее напоминал сказочный терем – остановишься, залюбуешься, прислушаешься, и долетит до уха звон далеких хрустальных колокольчиков. Князь Олег заставил коня идти шагом, а сам, пригнувшись в седле, все старался не потревожить уснувшего сверкающего чуда. Он давно свернул с тракта и теперь медленно ехал по нетронутomu снегу, бросив повод и любуясь красотой, что его окружала...

... И поэтому пропустил первый бросок. Что-то тяжелое, хрипящее навалилось сзади,

послышался яростный крик... Конь дернулся, и двое разом упали с крупа и покатались, зарываясь в снег с головой. Мелькнул нож с длинным голубоватым лезвием – близко, у самого горла. Олег не думая перехватил запястье, вывернул, ударил локтем в чужой висок. Тот, что прыгнул ему на спину, теперь лежал, странно подогнув колени к животу. Остальные, бросившиеся было в атаку, резко остановились, образовав ровный полукруг, точно стая волков, обложившая оленя. Четверо. Пятеро. Шестеро...

Их было десятеро против одного. Но нападать они не спешили: все-таки князь был уже на ногах и стоял, чуть пригнувшись, сжимая в правой руке неразлучный сарматский меч, а в левой – отобранный у поверженного противника боевой нож. Нападавшие молчали, молчал и Олег. И так ясно (а рожи-то гладкие, подумалось отстранение, без морщин, не продубленные солнцем и морозом и никак не вяжутся с крестьянскими овчинными тулупами – недоглядел Ярослав).

Того, что стоял чуть впереди остальных – крепкого, будто грубо высеченного из целого дерева, в угадываемой под зипуном кольчуге, вооруженного датским боевым топором, Олег уже видел. Тот, кажется, сидел напротив, когда пировали в дружинной избе. Только имени он не запомнил: много народу, вино текло полноводной рекой... Жаль, хороший, должно быть, боец.

А пошел на такое...

А вот тот, который жался за чужие спины, был, напротив, знаком лучше некуда. Боярин Звяга Бирюч, из посадских. Интересно, что такого посулил ему Ярослав за предательство? Новых угодий, если присовокупит к своим владениям Житнев заодно с Белоозером? Некогда разбирать.

– Что застыли, трусы? – хищно спросил Олег, медленно перенося вес с ноги на ногу, будто пробуя сапогами землю: не подведи, родная! – Деритесь, коли хозяин велел! Или кишка тонка?

И обидно рассмеялся, перехватив чей-то замах на середине. Отпрянул, подождал, пока удар просвистит мимо, не задев, и не спеша, вроде лениво, провел мечом по чужим бедрам... Нападавший завыл от дикой, доселе незнакомой боли и осел на снег, орошая его алым. А Белозерский князь шагнул вперед, снова заноса клинок над головой.

– Куда мы идем?

– Я хочу познакомить тебя с одним человеком.

Ольгес вздохнул и посмотрел в отцовскую спину, на прикрепленный над правым плечом длинный тяжелый меч, ясневый щит и дорожную котомку. Вот так всегда. Ничего толком не объяснит – сам, мол, узнаешь, когда придет время.

С севера, из-за угрюмых круч, поросших кривобокими соснами, дул порывистый ветер. Юноша поплотнее запахнул на себе меховую куртку, поднял голову и смерил глазами расстояние до распадка, отмеченного чем-то более светлым, чем окружавшие бурые холмы (туф или песчаник), куда они с отцом стремились. Долго ли еще? Вроде бы совсем рядом, а шагаешь уже целый день (вышли-то на рассвете, а сейчас солнце клонилось к закату).

Ольгес привык к кочевой жизни. То, что ему, сыну мерянского князя, не пристало путешествовать по горам и лесам пешком, спать у костра, охотиться и самому чинить себе одежду, парнишку мало заботило. Другого он никогда не знал, а рассказы отца о былом воспринимались под настроение: иногда всерьез, чаще – как красивая сказка.

– А какая она была, моя мама? – спрашивал он, когда был маленький.

– Красивая, – скупно отвечал Йаланд Вепрь, глядя сквозь огонь костерка. – Ласковая. И очень добрая..

– Она была самая лучшая из всех, правда?

– Она была единственная. Других никогда и не существовало.

Когда Ольгес увидел свою седьмую зиму, Йаланд вырезал из ветви дуба крошечный, под стать детской руке, но почти настоящий меч. И стал обучать сына воинской науке – каждый день, утром и вечером, жара ли стояла на дворе, лютый мороз или хлестал

проливной дождь. Мальчик, бывало, громко и отчаянно протестовал, случалось – плакал от боли и усталости... Йаланд был неумолим. «В этом мире, – говорил он, – у тебя только один шанс выжить: вовремя увидеть направленный тебе в горло клинок. И – убить самому, пока не убили тебя. Когда-нибудь ты поймешь...»

Небо из голубого стало розовым, затем фиолетовым. Уже догорал закат, когда в распадке показалось светившееся окошко. Ольгес к тому времени успел и несколько раз вспотеть, задыхаясь на крутых подъемах и продираясь через непролазные чащи, и снова замерзнуть, когда ледяной ветер забирался под куртку. Только гордость да упрямство не позволяли ему свалиться у ближайшего валуна, а заставляли переставлять затекшие ноги.

– Пришли, – сказал Йаланд.

Из темноты вдруг раздалось внятное рычание, и прямо на путников выскочили два огромных пса. Рука юноши сама потянулась к мечу, но отец остановил. Псы обнюхали их и, видимо, узнали Йаланда: Ольгес мог бы поклясться, что влажные собачьи губы растянулись в улыбке (заодно продемонстрировав клыки величиной со средний палец – просто так, на всякий случай). Избушка за крепким сосновым забором осветилась, скрипнула дверь, и неясная тень показалась на пороге.

– Здравствуй, Патраш, – сказал Йаланд, стараясь стоять неподвижно (собачки держались спокойно, даже вроде бы с ленцой, что выдавало в них отлично натасканных на человека убийц). – Отозвал бы своих сторожей, порвут ведь ненароком.

Тень хихикнула.

– Никак испугался, Вепрь?

– Я не один, я с сыном.

– В самом деле? Белун, Турка, а ну на место! А ты покажись, сын Йаланда, выйди на свет.

Юноша робко подался вперед. И в следующий миг, разглядев хозяина избушки, удивился, что у отца, оказывается, могут быть такие друзья. Дед Патраш больше всего походил на чем-то опечаленного лесного духа – раскосые глаза на узком лице, по цвету схожем с мореным дубом, черные с сединой волосы до плеч, перехваченные на голове обручем из сыромятной кожи, резкие складки в уголках губ. Одет он был в длинную холщовую рубаху с кожаными нарукавниками и козью безрукавку.

– Патраш, – вдруг послышалось с порога жилища. – Что же ты гостей в дом не пригласишь? У меня уж и ужин на столе стынет...

– Жена моя, – пояснил тот. – Даной звать. Заходи, Йаланд. Я рад тебе.

Избушка, куда они вошли, кудно по-мерянски, была, на взгляд Ольгеса, совсем крошечная, затерянная среди векового леса, и это тоже немного удивляло: меряне не любили селиться вот так, в одиночку, норовили все больше скопом, поставив дома вокруг, окнами во двор и глухой стеной наружу – не избы, а куриные насесты, топившиеся по-черному.

Глинобитную печь в правом углу украшал деревянный Джуйо-Юмо, бог огня и очага, покровитель дома. Джуйо-Юмо был краснолиц и рыжебород – его внешность могла бы показаться устрашающей, но если он и наказывал кого – то лишь вовсе уж нерадивых хозяев, у которых пусто в печи и сор по углам избы. В остальном же это был самый добрый из всех мерянских богов. Напротив, в красном углу, стоял дубовый стол, за который и усадили Йаланда и его сына. Им пришлось пригнуть головы, чтобы не удариться о потолок. Там, под закопченными стропилами, висело множество пучков трав. Каких именно – ни Ольгес, ни его отец не знали.

Путники поклонились по обычаю сначала очагу, затем хозяйке. Та ответила поясным поклоном, пригласила отужинать на скорую руку («Все-таки нас здесь явно ждали, – с удивлением подумал парнишка. – Откуда бы?»). На столе появились лепешки, козий сыр и кислое молоко. Дана вытащила из печи чугунок с горячей похлебкой.

– Давненько тебя не было в наших краях, – проговорил Патраш. – Едва ли не с тех пор, как сгорел твой идем.

Йаланд ничего не ответил, лишь задумчиво жевал лепешку и смотрел куда-то в темный

угол, куда не доставал крошечный масляный светильник.

– Куда ныне путь держишь?

– Хочу поселиться на время в ваших краях. Мстислав сюда не достанет, а там – как знать, может, даст бог свидетелься снова. Я бы припомнил ему мою Иргу. И отца.

Из-за домотканой занавески, делившей кудо пополам, послышался детский плач. Заслышав его, Данушка тут же вскочила, ойкнула, извинилась перед гостями и исчезла.

– Прибавление у меня, – гордо сказал Патраш. – Дочка.

– А сын где? – спросил Йаланд!

– Набегался за день, сейчас спит без задних ног.

Йаланд покачал головой.

– Не знал, что твоя семья так выросла. Думал обратиться к тебе с просьбой, а теперь...

И оба они почему-то посмотрели на Ольгеса. Тот смутился, так как не представлял пока, о чем речь. Понял только, что, возможно, жизнь его скоро изменится. И не знал, бояться ему или радоваться.

Малышка в люльке наконец успокоилась и заснула: голос Даны, мягкий, ласковый, точно флейта где-то далеко за северным морем, звучал все тише. А вместе с тем – странное дело – молодой Ольгес тоже почувствовал сонливость... Будто нежное пуховое одеяло невесомо опустилось сверху, накрыв с головой.

– ... Еще мальчишкой я слышал о языческом капище, затерянном среди белозерских чащоб, – донеслось до него сквозь туман. – И тех, кто знал туда дорогу, убили свои же, чтобы сохранить все в тайне. Как думаешь, мог старый Мустай отыскать его?

– Не знаю. Ты сам понимаешь, меня сейчас одолевают совсем другие заботы.

– Надеешься поквитаться с Мстиславом? Он нынче силен, а ты, извини, слаб...

– Зато у меня есть сын. Мне бы хотелось, чтобы он смог укрыться у тебя, пока обо мне не забудут.

– Понятно.

– Как-то раз, много лет назад, ты назвал себя моим должником, – сказал Йаланд.

Патраш Мокроступ вздохнул.

– Я помню. Говоря по чести, мне не нравится то, что ты затеял. Но еще меньше мне хочется, чтобы обо мне сказали, будто я не отдаю долги.

Олег отскочил назад и прислонился к сосне, давая себе передышку. Четверо уже корчились на земле, кто – зажимая окровавленный живот, кто – подвывая в полный голос и нянча перебитую руку, а один, тот, что взмахнул мечом первым, лежал неподвижно, безвольно, точно тряпичная кукла, брошенная ребенком. Олег все искал глазами Ярослава, но тот прятался где-то сзади, за чужими спинами... Сколько же их? Десять? Двадцать? Он оттолкнулся спиной от дерева и сделал шаг вперед, шевельнув мечом: ну, кто смелый, подходи! Смелых не было – наемники Ярослава, щерясь и ругаясь сквозь зубы, попятились, выставив клинки перед собой...

(«Если тебе придется драться не на ровной земле, а в снегу, в воде или на острых камнях, – поучал Йаланд, – это хорошо, это значит, твои враги тоже вынуждены сражаться в неудобной позиции. Если ты дерешься один против многих – это тоже хорошо, потому что твоим противникам приходится биться в тесноте, мешая друг другу... Нужно только вовремя увидеть свое преимущество и воспользоваться им...»)

Он успел пригнуться. Тяжелый самострельный болт ударился в дерево за его спиной. Метательный нож сам оказался в ладони, рванулся вперед из левой кисти – коротко, снизу вверх, почти без замаха... Такой бросок невозможно увидеть, пока острие не найдет цель. Оно и нашло: стрелок захрипел, выронил оружие и опрокинулся на спину с черной рукоятью, торчащей из кадыка. Но тут уж на Олега навалились все скопом. Он еще успел подумать, что Ярослав поступил умно, выбрав для засады не самых ловких и сильных, зато самых тяжелых и толстых: груз был велик, и верный сарматский меч под грудой тел вмиг оказался бесполезен. А ножа не было – он потянулся было за ним, но не достал. Он сумел

еще дать кому-то коленом в зубы, кого-то ударил затылком в лицо, но тут его ударили сзади... Вспышка в глазах, боль, темнота, словно черные тучи, звуки вязнут в липком густом тумане, отдаляются и глоснут...

Однако, прежде чем померк свет, Олег успел разглядеть Новгородского князя. Тот выехал из-за деревьев с торжествующей усмешкой в заиндеветых усах.

– Ну, – медленно проговорил он. – Что скажешь теперь?

Глава 14 ПРИГЛАШЕНИЕ К ИСПОВЕДИ

Он не отрываясь смотрел в окно, на опостылевший дворик в грязных потеках – весна по календарю, но снег еще держится, не собираясь уступать... И ему вдруг стало остро жаль детства – того самого, когда до ужаса хочется лечь спать, а проснуться взрослым и – представлялось – беззаботным: можно не идти в школу и не писать контрольную по алгебре. Контрольная теперь и вправду, не грозит, зато...

– Вот бы сейчас поиграть в снежки, – с грустью сказал Глеб.

– Что?

– Я говорю, хорошо бы сейчас спуститься на улицу к тем пацанам и поиграть с ними в снежки. На худой конец слепить снежную бабу... Зима-то тютю. Последние денечки.

– Глеб, – умоляюще сказал я. – Если не хочешь, давай не будем об этом..."

– Почему? – хмыкнул он. – Болезнь нельзя загонять внутрь, тогда от нее не избавиться.

– Но если тебе тяжело... Он махнул рукой.

– Нет, ерунда. .

– Я тебе брат или не брат? Почему ты мне не доверяешь?

– А ты? – выкрикнул он, с ожесточением откинул назад волосы, рухнул в кресло, вытянув длинные ноги. – Я вижу это своими глазами. То, что происходило когда-то, восемьсот лет назад в этих местах. Сам участвую в событиях, но не могу управлять собой, понимаешь?

Я неуверенно кивнул. Я ровным счетом ничего не понимал.

– Это похоже на то ощущение, когда ты читаешь по второму разу детектив: события уже известны, сейчас произойдет новое убийство, а сыщик-идиот глядит совсем в другую сторону...

– И к какому выводу ты пришел?

– К выводу? Скорее, к подозрению. Наверняка это глупо звучит, но... может быть, мои воспоминания связаны с моим прошлым воплощением?

Он начал мерить нашу гостиную длинными шагами, запустив пальцы в волосы, – так он всегда делал в минуты сильного волнения.

– Такие случаи известны. Не так давно в нескольких газетах были сообщения о маленькой девочке из Индии. Она не умела ни читать, ни писать, и ее родители всю жизнь провели в глухой деревне, где грамота не в почете... Но однажды она начала рассказывать о принцессе Бхрикутти Непальской, которая правила страной в конце девятого века. И рассказывала с удивительными подробностями (позже они подтвердились – нашлись письменные источники в одной из древних библиотек).

Я видел, что Глеб был крайне взбудоражен. История о принцессе, всадники на пустынном шоссе, серебряная стрела, мои собственные видения (пастушок, будто сошедший с картины Нестерова, придорожный камень и древний тракт, ушедший в никуда) – и (проклятое материалистическое воспитание!) неверие... Плевать даже на девочку из деревни, затерянную среди джунглей, – наверняка придурковатые родители возжаждали увидеть в газетах свои фотографии и выдрессировали чадо в соответствии с задачей. Если бы...

Между тем он не сел – рухнул в плюшевое кресло и закрыл лицо руками в каком-то слепом жесте отчаяния.

– Я любил ее, понимаешь? Я не мог ее предать.

Я вдруг прозрел.

– Ты хочешь сказать, что в рукописи, которую ты положил в основу сценария...

– Да, да... Житнев был надежно спрятан среди озер и чащоб, и Батый никогда не нашел бы туда дороги.

– Но ведь нашел же...

– Потому что ему подсказали. В Кидекшской летописи сказано, что Белозерский и Новгородский князья вступили в сговор и открыли путь татарам к Житневу, и те не пошли дальше на север, к Новгороду, а повернули на юг от Игнач-Креста. И Житнев был уничтожен. – Он помолчал. – Вернее, якобы воды священного озера Житни укрыли его – как Светлояр укрыл град Китеж.

– И тебе пришла в голову мысль, будто в прошлом своем воплощении ты был князем Олегом, – закончил я.

– Мысль пришла Марку Бронцеву, после того как он «поработал» со мной.

– Этот ведьмак, черт бы его побрал... Глебушка, ты просто начитался древних сочинений. Помнишь, в детстве нам снились кошмары после гоголевского «Вия»?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. И тихо сказал:

– Знаешь, мне меньше всего хотелось бы быть каким-то необыкновенным – в этой области, я имею в виду. Мне бы не хотелось, чтобы обо мне писали газеты, как о той девочке. Мне вовсе не улыбается мысль, что я помню свое прошлое воплощение (прав был Вайнцман: это скорее проклятие, чем дар божий). Но я ничего не могу с собой поделать.

– Расскажи, как все это началось, – попросил я. Легкая улыбка тронула его губы.

– Началось обыкновенно. Я в то время учился в Москве, на курсах. Наш семинар вел один известный кинорежиссер. Чем я ему приглянулся (нахальный желторотый юнец) – неизвестно. Но он относился ко мне... ну, почти как к собственному сыну. Я усмехнулся.

– Наверно, разглядел в тебе будущего гения.

– Э, гениев там и без меня было пруд пруди. Как-то раз он пригласил меня к себе домой.

...Они спорили о чем-то всю дорогу – от самого Дома кинематографистов до тихого переулочка возле Патриарших прудов (метро «Маяковская», шум, гам, подземная толчея, эскалатор и свет, обширная площадь с памятником «поэту революции» напротив кинотеатра, где крутили, помнится, «Ночного портъе»).

О чем именно шел спор – выветрилось из памяти, но о чем-то новаторском: ученик отстаивал свою точку зрения, мэтр (так звали на их курсе импозантного старика в сером костюме и с тростью из какого-то южного дерева) не соглашался и яростно стучал той самой тростью в асфальт, будто надеясь проткнуть.

Все еще споря и переругиваясь, они вошли в тесный уютный дворик, обсаженный акациями и тополями, весь в легчайшем белом пухе, как в первом снегу, поднялись на третий этаж. Навстречу просеменили две маленькие древние старушечки, одетые по моде начала века: одинаковые белые чепчики, темные платица, кружевные воротнички и манжеты. Они шли под руку выносить помойное ведро (дом был старой постройкой, с лепными карнизами, львами на козырьке подъезда и горгульями на водосточных трубах, но без мусоропровода). Старушечки синхронно кивнули головками-одуванчиками с потешной серьезностью, мэтр в ответ приподнял шляпу, и Глеб, не удержавшись фыркнул.

– Они сестры? – спросил он.

– Родные сестры, – мэтр назвал фамилию, которая Глебу ничего не говорила. – В своем роде знаменитые личности. В молодости работали в Управлении внешней разведки, находились на связи с нашим резидентом в Харбине. Когда резидент провалился (сдало свое же руководство в Москве: какие-то закулисные игры), обе попали в тюрьму, в камеру смертников. Потрясенный Глеб покрутил головой.

– Как же они выбрались?

– Их обменяли на шпиона, действовавшего при западногерманской миссии. Забавные

девочки, как-нибудь я вас познакомлю. – И мэтр сосредоточенно завопил с ключами. Дверь открылась, длинная тень легла на порог. На девушке был шелковый халат с крученым пояском и свободными рукавами-крыльями.

– Ты сегодня рано, – сказала она. Подошла и чмокнула мэтра в щеку. – Здравствуй, дедуля.

– Привет, внучка. А это, так сказать, мой любимый ученик, познакомься.

Она скользнула рассеянным взглядом.

– Очень приятно.

Он тоже посмотрел и даже сказал в ответ что-то соответствующее случаю. Девушка улыбнулась – тонкие яркие губы, алые, без помады, улыбка для них с «дедулей» и не для них – только для себя.

– Значит, будущий Феллини?

– Со временем постараюсь, – сухо проговорил Глеб, чувствуя, что краснеет.

– Алечка, – подал голос мэтр. – Будь пайнкой, свари нам кофейку.

Кофе был крепок и пахуч, колониальный аромат полз по гостинной, смешиваясь с пряным запахом сигары, которую курил учитель («Настоящая „гавана“. Один кубинский режиссер прислал в подарок – он сейчас готовит документальный сериал о Фиделе... Тоже, кстати, сидел в тюрьме – такие вот у меня знакомые подобрались»). Он откинулся на спинку старомодного кресла и завел разговор о «Глубине экрана» – автобиографическом романе Козинцева, недавно вышедшем из печати: заметки «на полях», о Максиме с Выборгской стороны, «Алых парусах» и «Короле Лире» – и как в одном человеке может уживаться столь разное... даже непреодолимо противоречивое? Плавно перешли на «Дон Кихота» – Глеб высказал свою принципиальную точку зрения касаясь Рыцаря печального образа:

– Да никакой он не печальный. Живет себе старикан в свое удовольствие. Надоело сидеть на одном месте – кликнул слугу (существо бесправное и угнетенное), надел медный таз на голову, поскакал играть в войну. Наскучила война – вернулся назад.

– Ну, это вы переборщили. А как же идеи утраченного рыцарства?

– Рыцари, я читал, всю жгли мирные селения и ловили младенцев на копья.

– Это же раньше, во времена крестовых походов... Кстати, вот вам великолепное поле для размышлений, можете использовать в будущей дипломной работе: мечты о прекрасной Дульсине и подвиги в ее честь (поединок с ветряными мельницами и тому подобное) – и «коллеги» с крестами на плащах, разоряющие деревню бедных сарацинов. Богатый материал и бесконечные возможности аранжировок.

– Кто ж даст денег на такое?

Мэтр благодушно рассмеялся. Неизвестно, заметил ли он, что ученика сжигал изнутри совсем иной огонь. Тот, правда, усиленно изображал равнодушие и некую разморенную лень, свойственную «юным дарованиям»... Ну да именно под такой маской они в большинстве и скрывают возникшее вдруг влечение.

– Ну, я, пожалуй, пойду, – сказал Глеб, вставая. – Спасибо, кофе был великолепен.

– Это Алечка делает по какому-то своему рецепту.

Она тоже встала, закинула руки за спину, перехватывая белые волосы черной бархатной ленточкой.

– Я вас провожу.

– Я вам признателен, – проговорил Глеб.

– За что?

– За этот вечер. Всеволод Янович уверен, что я будущий гений, а я обыкновенный шалопай, мечтающий удрать с уроков.

– Ну уж?

– Серьезно. Заумные разговоры о Феллини и Эйзенштейне у меня уже в печенках. Она рассмеялась.

– Я не подозревала, что вы такой.

– Какой?

– Я думала, вы в очках, потертых джинсах, нескладный и нахальный. И все ждала, когда же вы прольете кофе на скатерть.

С ней было очень приятно идти под руку. Он вдруг остановился, прервав себя на какой-то полуфразе, обернулся к ней и внимательно посмотрел в глаза.

– Не могу отделаться от чувства, что я знаю вас давным-давно. Точнее, знал когда-то. Звучит банально, но...

– Я тоже, – призналась она. – Я поняла это, как только вы вошли. И с того момента силуюсь вспомнить, где, когда... Нет, не могу.

Круг странствий – бесконечный пруд с белой беседкой и бездействующей, но белоснежной (в упрек недоверчивым иностранцам) церковкой, крошечными посольствами в переулках, стремящихся остановить время, узкие дорожки, по которым гоняли малолетние «рокеры» и старушки прогуливали своих шпицев, декадентский дом с целым вернисажем мемориальных табличек – благополучно завершился у станции метро.

– Я тебя еще увижу? – спросила она.

– Конечно. Мне еще учиться целый год, если не выпрут.

– А потом?

– А потом я напишу сценарий гениального фильма и приглашу тебя на главную роль.

– Кого же я буду играть?

– Древнерусскую княгиню, – не задумываясь ответил он, увлекая ее в какой-то свой, неведомый мир. Только представь: зима, санный след по замерзшей реке, и прекрасная всадница на серой лошади, в развевающемся плаще...

– Разве княгиня может скакать на лошади?

– Ты будешь не просто княгиней – ты будешь правительницей града Житнева, города-легенды... И потом, ты торопишься предупредить своего любимого о том, что враги устроили на него засаду.

– Болтун, – ласково сказала она, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Я никогда не слышала о таком городе. Что с ним стало?

По моему мнению, Глеб был удивительно беспечен и это меня злило. Две стрелы, билась в голове мысль. Две стрелы, два промаха. Откуда ждать третью?

По какой-то странной ассоциации вспомнился черный кот, который жил в квартире Бронцева (понятие что за колдун без черного кота?). Он пришел с улицы, открыл лапой дверь на кухне. Поэтому Марк не обратил внимания на скрип... Однако Ермашина клянется, что захлопнула замок...

– Меньше слушай старую дуру, – буркнул Глеб.

– Почему «старую дуру»?

– А, для меня все женщины старше сорока – старые.

– Возможно, – задумчиво сказал я. – Но она произвела впечатление очень здравомыслящей...

Глеб махнул рукой.

– Все равно это ничего не дает. Или Бронцев впустил убийцу, или у того был свой ключ. Мы с тобой отвлеклись.

– Нет, нет. Я чувствую: это звенья одной цепи. То есть нападение на тебя и убийство экстрасенса. – Я помолчал, пытаюсь вновь сосредоточиться, но мелькнувшая было искорка поманила издалека и погасла. – Что-то тебе, братец, известно такое... О чем сам, наверное, не догадываешься. А Марк извлек это из твоей памяти и записал на магнитофон.

– Однако убийца не унес «мою» кассету из квартиры.

– Значит, он унес «свою».

– Какой же выход?

– Ты снова должен вспомнить то, что вспомнил благодаря сеансу Бронцева, – решительно сказал я. – Мы найдем другого экстрасенса.

Глеб поежился.

– Страшно.
– Ничего, я буду рядом. Никто тебя не тронет.
– Я не о том. Понимаешь, если все это действительно связано с моими воспоминаниями о предыдущем воплощении, то существует одна причина, по которой меня хотят устранить.
– Какая?
– Восемь веков считалось, будто князь Олег указал татарам дорогу на Житнев (это подтверждает Кидекшская летопись). Но что, если все было не так? Вдруг Олега, говоря современным языком, подставили? Тогда, возможно, только я один знаю имя настоящего предателя.
– И что из этого? Срок давности давно вышел. Кто бы он ни был, кости его давно сгнили в земле.
Глеб как-то странно посмотрел на меня и произнес:
– Значит, не сгнили.

Он позвонил ей на следующий день. Они собирались встретиться на их излюбленном месте, у «Маяковки», и она хотела быть во всеоружии: с утра пробежалась по магазинам, час провела в парикмахерской.. Как только она открыла дверь своей квартиры, зазвонил телефон. Она подошла и взяла трубку.

– Алло?
– Это я. Послушай, знаю, что ты огорчишься, но свидание, кажется, придется отменить
– Что случилось? Где ты сейчас?
– Лежу на кровати в общежитии.
– Ты заболел? – встревожилась она, услышав легкий хрип.
– На меня вчера напали какие-то идиоты.
– О боже! Кто, когда... Нет, подожди. Тебя ранили?
– Да нет, не беспокойся.
– Но ты лежишь...
– А, ерунда. Подвернул ногу, когда убегал. Боюсь упасть в твоих глазах, но драться я терпеть не могу.

Трубка в ее руке еще что-то объясняла и успокаивала, но голова уже была занята другим, более насущным: первым делом приготовить что-нибудь вкусное и принести в общежитие (чем может питаться молодой человек в подобном месте?!). Затем – согревающий компресс на ногу с целебной мазью (бабушкин рецепт), обезболивающее, аспирин от воспаления...

Едва переступив порог комнаты в общежитии, она поняла, что растяжением голеностопа дело не ограничилось. Правый глаз Глеба совершенно заплыл, и кожа вокруг него сделалась желто-лиловой, набухшей. На руке чуть ниже локтя белела повязка.

– Медсестра наложила, – объяснил он, порываясь встать. Она удержала. – В больницу класть не стали, свободных мест нет, даже в коридоре и то лежат (вчера был футбольный матч, фанаты на трибунах устроили побоище). Перевязали, воткнули укол от столбняка и отпустили с богом. Я рад, что ты пришла.

Она осторожно присела на край железной кровати.

– Тебе больно?
– Уже не очень.
– Ты заявил в милицию?

Он пожал плечами.

– Приходил какой-то мрачный тип из местного отделения, расспрашивал, как они выглядели, сколько их было... Все равно я ничего не запомнил.

Она протянула руку и провела ладонью по его волосам. Они оказались на удивление мягкими, точно он накануне вымыл их с шампунем. Вообще он был красив, несмотря на «отметины», и казался каким-то трогательно беззащитным... Ну конечно, «драться терпеть не могу»...

– А что у тебя с рукой?

– У одного из этих типов был то ли нож, то ли обломок трубы... Только не волнуйся, я же говорю, в больнице перевязали.

Он не лукавил – все началось действительно внезапно: знакомые контуры домов, общежитие и станция метро, светящаяся изнутри, как большой кусок сахара, вдруг поплыли и потускнели, пропала аллея со стриженными под шарик кустами, стало неожиданно холодно, ноги в меховых сапогах провалились в снег... Он попробовал пошевелить руками, но они оказались крепко связанными за спиной.

Усталый милиционер равнодушно посоветовал написать заявление, но честно предупредил: дело – «глухарь», надежды, что супостатов поймают, почти никакой.

– А если и поймают – вам выгода минимальная. Вас же не ограбили? Бумажник и часы на месте? – мент вздохнул. – И примет вы не дали никаких.

– Хотите, чтобы я забрал заявление назад? – спросил Глеб, опустив дипломатические выкрутасы.

– Но вы же сами понимаете...

– Может, повесим его, господин? – спросил наемник Ярослава. У него была квадратная фигура, и голова, казалось, росла прямо из плеч. Под крестьянской овчиной угадывался нарочно одетый панцирь.

– Нет. В прорубь его, собаку. Хочу посмотреть, как он начнет пузыри пускать.

Пленный поднял голову, посмотрел единственным здоровым глазом и прошептал:

– Знал я, что ты коварен, князь. Но что чести в тебе не больше, чем в трухлявом бревне...

– Тебе говорить о чести? – взвился Ярослав. Соскочил с лошади, подошел и ткнул Олега рукояткой плети в подбородок. – Я внук Всеволода, а в какой навозной куче родился ты, чтобы заявлять свои права на княгиню?

Белозерский князь через силу улыбнулся разбитыми губами.

– А, дело, значит, в княгине... А не ты ли собрался расплатиться ею с татарами, чтобы те не разоряли Новгород?

Тишина нависла над поляной. Ярослав сглотнул слюну и оглянулся на своих людей. Те поспешно отвернулись, но он понял: слова Олега слышали все.

– Тащите его к реке, – приказал он.

Могучий новгородец с бычьей шеей с радостной готовностью подошел сзади и схватил Олега за руки, будто клещами сдавил. Князь дернулся... Бесполезно: связанный, раненый, один против пятерых... Семеро людей Ярослава уже уступили мечу Белозерского князя, но что с того. Меч валялся тут же – погнутый, порыжевший, со сломанной рукоятью. Прощай, друг, подумал Олег с горечью, будто о павшем в бою побратиме.

– Что застыли, олухи? – рявкнул Ярослав.

Но медведь-новгородец, казалось, не слышал. Железные клещи ослабили захват, потом и вовсе пропали. Олег оглянулся.

Наемник был еще жив – могучий организм еще боролся со смертью, но длинная оперенная стрела, засевшая в гортани, не давала вздохнуть, и свет в глазах медленно мерк, мир погружался во тьму...

Кто-то завизжал. Четверо оставшихся в живых с резвостью вытащили спрятанные было клинки, но желания драться ни у кого из них не возникло. Им хотелось только одного: чтобы господь убрал их подальше от этой поляны и от Ярослава. Испуганные глаза лихорадочно обшаривали окружающее пространство: каждую секунду новая стрела с острым жалом могла свистнуть с тетивы...

– Убейте его! – заорал Новгородский князь.

Он уже понял, что свою игру проиграл. Он остерегся брать с собой дружину: кто знает, не обернулась бы она против него самого. Теперь жалел. Стрела зарылась в снег возле его сапог. Ярослав почему-то подумал, что стрелок не промазал, а попал именно туда, куда

целил: ему хотелось, чтобы князь испугался. Он и испугался: холодный пот мгновенно ожег спину между лопаток, когда он увидел перед собой всадника. Тот, правда, был не вооружен, но глаза его не предвещали ничего хорошего.

Княгиня Елань тронула поводья, и конь перешел на собранную рысь.

– Не подходи! – крикнул Ярослав, неуверенно взмахнув мечом.

Но меч, видно, оказался слишком тяжел для враз ослабевших пальцев. Клинок кувыркнулся в воздухе, и его унесло куда-то... Ярослав не оглянулся посмотреть, что стало с его оружием. Вместо этого он круто развернулся на пятках и побежал, зарываясь в снег.

Рука Олега сильно кровоточила: чужой клинок нанес глубокую рану. Князя усадили под дерево, на разостланный на снегу тулуп. Воевода Еремей, оторвав от нательной рубахи рукав, старательно накладывал повязку.

Гриша Соболек чуть не плакал:

– Зачем уехал тайком, княже? Почему не предупредил?

Олег усмехнулся бледными губами.

– А ты, паршивец этакий, откуда узнал, где я? Сказано тебе было дома сидеть...

И тихо добавил, глядя в глаза княгине:

– Кажется, теперь я твой должник.

– Напротив, – ответила она. – Помнишь черного вепря, что напал на меня по дороге к Кидекшскому монастырю? Если бы не ты, не была бы я сейчас здесь, рядом с тобой.

Странно сплетает Господь нити человеческих судеб: у инязора Пуркаса, убитого в бою князем Василием Константиновичем, на знамени тоже была изображена кабанья голова. Это был знак того, что когда-то мерянский князь Мустай Одноногий поделил с красивой наложницей ночь, расцветенную северной луной и переливчатыми небесными огнями... А потом у той наложницы родился сын, которому отец отдал во владение крепость Илику.

– Станный случай, – вздохнул капитан, тот, что сидел на продавленной кушетке в больничном коридоре. – Хорошо, предположим, лиц вы не запомнили, но хоть какие-то приметы можете дать? Рост, цвет волос, телосложение? Что они говорили?

– Ничего.

– Неужели? Обычно просят закурить...

– Эти, наверно, были некурящие.

– Удивительно. И что, все время молчали?

– Ну почему. Один сказал: «Ах ты, сука!» – когда я ему врезал чуть ниже живота. – Глеб осторожно улыбнулся. – Теперь вы их быстро поймаете?

– Ловят бабочек, – отозвался капитан фразой из классики. – Знаете, уважаемый, мне почему-то кажется, что вы вовсе не хотите, чтобы мы их задержали. Обычно потерпевшие ведут себя иначе.

Глеб откинулся на жесткую спинку (кожзаменитель кто-то варварски искромсал ножом – вот бы кого поймать! – и украл кусок поролона, обнажив уродливый лист фанеры). Общаться с надоедливym ментом не хотелось, а главное, было опасно: скажешь ненароком лишнее – и мигом загремишь в другое отделение – туда, где навязчивый сервис... Туда тебе и дорога, шепнул изнутри кто-то ехидный. Стоило вспомнить заснеженный лес, звон мечей, короткий посвист стрелы – и голос медсестрички из далекого сопредельного мира: «Да разожмите вы руку, больной! У вас кровь!»

Он разжал пальцы. Кровь пропитала самодельную повязку, но это была не та рана, которая стоит внимания. Человек, полоснувший его мечом, лежал лицом вниз, свернувшись калачиком, будто в последней надежде, что его не заметят и пощадят. Воевода подошел, перевернул человека на спину и, глянув в мертвые зрачки, сплюнул:

– Иуда. Наш, белозерский...

– А оружия у них вы не заметили? – спросил капитан.

Глеб приподнял забинтованную руку.
– Раз меня ранили, значит, у кого-то был нож.
– Ножа мы не нашли. Однако обнаружили нечто другое. Посмотрите, вам будет любопытно.

И капитан вынул откуда-то продолговатый полиэтиленовый пакет. В пакете лежала короткая арбалетная стрела с черным оперением.

Глава 15 ГЛУБИНА ЭКРАНА

Телефон целый день не отвечал, однако Глеба повидать было необходимо. Дарья Матвеевна сидела напротив, их с Борисом разделял письменный стол с древней черной пишущей машинкой и кипой плохонькой серой бумаги.

– Я договорилась с ней о встрече, – сказала Дарья, протягивая красивую бледно-зеленую визитку. На визитке значилось: «Зеленская В.А. Доктор медицины парапсихолог».

Борис недоверчиво хмыкнул.

– А эта ваша В.А. – не шарлатанка?

– Что вы, Боренька. У нее свой кабинет в областном Центре диагностики.

– И когда я должен привести к ней Глеба?

– Она согласилась принять нас завтра утром. Борис подвинул к себе аппарат и принялся в который раз за день накручивать диск.

– Пусто, – вздохнул он, сдаваясь после девятого гудка. – Какой-то заговор молчания... Я боюсь за него, – вырвалось вдруг против воли.

Он сцепил руки, посмотрел в забранное решеткой окно кабинета. Серость и слякоть, поздняя весна, обычная в этих краях. Съемки подходят к концу, осталось (по словам братца) несколько финальных сцен, и – все. Фанерный град Житнев растворится в очистительном пламени, старик Вайнцман перекрестится (нехорошее место, скорей бы уехать) и уедет, а вместе с ним и вся киногруппа – «дочищать» монтаж, накладывать звук, исправлять мелкие огрехи, сдавать «готовую продукцию» – все это будет происходить не здесь и не сейчас. И он, Борис Анченко, останется один на один с загадкой трупа в Якорном переулке, которая, вполне возможно, канет со временем в пыльный архив: еще один «глухарь», не первый и, увы, не последний.

– Не переживайте, – мягко проговорила Дарья. – Глеб вполне способен за себя постоять.

– Вы правы, – пробормотал Борис. – А у меня просто нервы.

Звонок телефона заставил его вздрогнуть. Он рывком снял трубку и прижал к уху.

– Да! Слушаю!

– Это я, – услышал он.

– Глеб? Откуда ты, черт возьми?

– Сейчас еду на студию. У нас сегодня просмотры.

– Что?

– Просмотр, понимаешь? Мы будем просматривать готовый материал.

– Глеб, мы нашли экстрасенса. Она обещала помочь...

– Она?

– Это женщина. Парапсихолог. Возможно, она заставит Твою память заработать! Короче, завтра утром...

– Это уже ни к чему, – успокоил Глеб.

– То есть как ни к чему? Не понял!

Пауза. Борис испуганно постучал по трубке. Глеб нехотя ожил.

– Ты мне нужен здесь, на студии. Я докопался, Борька. Понимаешь? Я все понял. Только, боюсь, одному мне не справиться.

- До чего ты докопался? Можешь яснее? Послышался довольный смех.
- Я приготовил сюрприз. И ему, и тебе... Всем. Приезжай, не пожалеешь.
- Кому «ему»?

Трубка ответила короткими гудками.

– Идиот, – сказал Борис.

– Что такое? – встрепелась Дарья.

Он задумчиво посмотрел на нее и спросил:

– Вы верите в переселение душ?

– В реинкарнацию? Что ж, коли существование души научно доказано...

– Как это?

– То есть взвешено, сфотографировано, рассчитано с помощью математических формул... Значит, и реинкарнация вполне возможна. А вы верите в это?

– Глеб верит, – туманно пояснил Борис. – Нам нужно ехать на студию. И быстро.

Они чуть не опоздали.

Вахтер по прозвищу Гагарин – на этот раз с маленьким белобрысым внуком – занимался исконным делом вахтеров всех стран: пил чай. Дарье он приветливо кивнул, на следователя взглянул с некоторой суровостью, но задерживать не стал.

Коридоры были девственно пусты, только возле окна стояла пожилая уборщица (пардон, техничка) – та самая, закутанная в извечный платок, в желтых резиновых перчатках и синем халате с заплаткой на рукаве. Она сосредоточенно терла тряпкой подоконник. Тот не желал отчищаться – он весь был в окурках и темных пятнах (видимо, именно его здешние обитатели, презиравшие тишину и удобство кабинетов, избрали местом творческих диспутов). На вопрос: «Где все?» – женщина ткнула куда-то пальцем. Борис с Дарьей пошли в том направлении и столкнулись с возбужденным Глебом. Он схватил Бориса за рукав.

– Где вы пропадали? Привет, Дашенька.

– Почему «пропадали»?

– Здесь езды двадцать минут.

– Это на машине. Ты же забрал «Жигули».

Глеб махнул рукой.

– Пошли в зал, сейчас все начнется.

Его что-то жгло изнутри. Догадка – внезапная, как вспышка молнии, – озарила его лицо, чеканный профиль с орлиным носом (бабушкино наследство) и черными волосами до плеч. Оказалось, свет в просмотровом зале еще не погасили. Большой стационарный видеомagneтофон с проектором стоял возле задней стены, за пультом возился молодой оператор – тот, которого Борис видел в павильоне, когда снимался эпизод с князем Олегом и вестовым из Рязани. Зал был крошечный, всего-то шесть рядов кресел, половина из которых в данный момент пустовала. Борис окинул взглядом помещение: Яков Арнольдович (почему-то насторожен, как кот, которого погладили против шерсти... впрочем, это естественное для него состояние души), Вадим Федорович Закрайский, директор музея, консультант (взглянул на Бориса, затем снова уставился в пустой экран). Леонид Исаевич Карантай, спонсор и меценат, финансовое общество «Корона», – в отлично сшитом костюме, дымчатых очках, с золотым перстнем на пальце и ароматом цивилизованной Европы. Машенька Куггель, «преданнейшее создание», явно обрадовалась, заметив Бориса, и приветливо помахала рукой. Мохов, помощник режиссера, посмотрел с безразличием, скорее всего не узнав. Еще какая-то женщина в светлом парике окатила томным зазывающим взглядом (Борис удивился было, заподозрив профессионалку в определенной области, потом вспомнил: Ольга Баталова, известная актриса, которую Глеб «увидел» в каком-то спектакле... Однако вкус у братца!). Парочка ребят-каскадеров – спортивные, мускулистые, точно сжатые пружины. Сейчас, впрочем, расслаблены и добродушны. Они горячо поприветствовали Дарью, Борису кинули вежливое здравье, и принялись обсуждать что-то свое.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – на всякий случай спросил Борис.

– Не-а, – весело отозвался Глеб. – Сейчас сам все увидишь.

– Ладно. Где мне сесть?

– Где хочешь.

– Хочу рядом с тобой.

– Лучше занимай какое-нибудь кресло, а я сяду рядом с Робертом, он наш оператор.

Борис послушно примостился на последнем ряду, так, чтобы непутевый братец оказался прямо за его спиной.

А потом свет наконец погас. Проектор за спиной Бориса вспыхнул, экран ожил...

Под могучим деревом на разостланном тулупе сидел человек. Лицо его было бледно, губы плотно сжаты. Воевода Еремей накладывал повязку на рассеченную руку. Сцена выглядела мирной, чуть ли не домашней – просто две головы, склоненные друг к другу;.. Но в ней было нечто такое, чему веришь сразу и до конца, без оговорок: исчез экран и зрительный зал с кинопроектором, не было и в помине актерской игры – молодой русский воин, совершенно реальный (реальнее, чем окружавший мир за стенами киностудии), молча и с достоинством переносил боль, а другой, старше и опытнее, с осторожностью, на какую только был способен, перевязывал рану, от души жалея, что она досталась не ему...

– Как же ты узнала, что Ярослав задумал меня убить?

Кони шли шагом вдоль опушки. Елань чуть опустила голову, улыбнулась, и на ее щеках проступил румянец.

– Сердце подсказало. Мишенька очень сильно переживал, хотел ехать с нами. Насилу отговорила.

Они ехали бок о бок – и так были поглощены друг другом, что не слышали тихого хруста снега меж склоненных к земле деревьев, там, где согнутые аркой нижние ветви хоронили от случайного взгляда крадущуюся фигуру человека.

– Неплохо, а? – услышал Борис у себя над ухом.

Яков Вайнцман пробрался в темноте между кресел и присел рядом, возбужденно зашептал:

– Обратите внимание на съемку. Как будто он и вправду проник в тринадцатый век и установил скрытую камеру.

– Кто проник?

– Да Глебушка, господи. Нет, не доведет это до добра...

– Перестаньте каркать. Лучше просветите, кои Глеб хотел поймать на этот крючок.

– А разве он хотел...

– Так он мне сказал по телефону.

Некрас почти полз, прижимаясь к стылой земле, так, как он делал всегда на охоте, приближаясь к осторожному зверю: ни одна веточка не шелохнется, ни один звук не потревожит чуткое ухо. Он крался с подветренной стороны, чтобы не почуяли кони.

Много лет, день за днем, а особенно – по ночам, ворочаясь без сна в тесной хибарке с земляным полом, он придумывал себе картину мести... Встречу один на один с убийцей своего отца. Вот он заглядывает ему в глаза и видит, как там, в расширенных зрачках, поднимается волна липкого ужаса, приходит понимание того, что от расплаты не уйти (что с того, что прошли годы?) – может быть, враг даже заплачет и станет молить о пощаде. Пусть молит. Было время, Некрас и сам молил кого-то на небесах, чтобы тот взял его к себе. Лучше умереть, чем слушать, как пищит, надрываясь, маленький живой комочек у него на руках, а кругом воет стужа и трещит лес, ломкий от мороза...

Больше всего он боялся, что князь Ярослав осуществит свой план и Олег падет со славой, в неравном бою, сжимая в руке верный меч. Не такой смерти он заслужил. И вздохнул с облегчением, когда пришла неожиданная подмога (он все видел из своего укрытия). Свистнули стрелы, и увальни-наемники попадали на землю. Другие, кого стрелы не достали, бросились врассыпную. Один протопал совсем рядом с Некрасом, в каких-то трех шагах, но ничего не заметил: не до того было. Теперь юноша пристально смотрел на

двух удалявшихся всадников, ехавших бок о бок. Олег и Елань. Он знал, что под меховым плащом Белозерского князя скрыта прочная ладожская кольчуга, и поэтому прицелился выше – туда, где густые волосы прикрывали шею. На миг задержал дыхание, успокаиваясь. И сильным движением, до правого плеча, натянул тетиву...

«Талантливый у меня братец», – подумал восхищенный Борис. Парнишка, казалось, целился прямо в зрительный зал, отыскивая жертву. Все как один невольно затаили дыхание, даже выдавшая виды Дашенька судорожно сжала Борису локоть, а сам он, как ни успокаивал себя, все же инстинктивно зажмурился когда стрела наконец сорвалась с тетивы. Ему показалось, что он даже услышал свист у себя над ухом. Но в этот момент Олег вдруг наклонился к княгине и сказал ей что-то смешное и ласковое – она рассмеялась и легонько, чтобы не потревожить раненую руку, притянула его к себе... Оперенное древко лишь вскользь оцарапало ему висок. Елань испуганно вскрикнула, Олег отшатнулся, оглядываясь и хватаясь за пустые ножны у пояса. Некрас чуть не взвыл от досады. В мгновение ока выхватил из тула за спиной новую стрелу, бросил ее на тетиву... И увидел, как громадная страшная тень накрыла его с головой. Могучий конь воеводы встал на дыбы, зависнув передними копытами над стрелком, а сам Еремей, с перекошенным от ярости лицом, уже заносил меч над головой, вряд ли сознавая, что перед ним мальчишка.

– Не смей!!! – закричал Олег.

– Позвольте, – вдруг раздался хорошо поставленный баритон Александра Игнатова. – Это же не наш фильм! Это не я там, на экране!

– И правда, – пискнула Оленька Баталова. – Там другие актеры! И вообще мы не снимались в такой сцене!

– Да о чем вы?

– Прекратите безобразие! – это возмущенная реплика Машеньки Кутгель. – Включите свет!

Заговорили все разом, замахали руками и вскочили со своих мест – тени, состоящие из рук и голов, какой-то фантазмагорический спрут заметался по экрану, проектор перестал стрекотать, лицо князя Олега застыло в стоп-кадре: широко открытые глаза, иней в буйных окровавленных волосах (а форма носа, разлет бровей, очертания губ... Я просто голову бы дал на отсечение, что вижу своего брата – правда, искусно загримированного. Да когда бы он успел?). И Елань – совершенно незнакомое лицо, но никого, кроме этой женщины, невозможно было представить в роли княгини. Тем более Оленьку – вон она, высокая, красивая, заламывает руки и готовится поэффектнее грохнуться в обморок.

– Да включите свет, наконец!

Дарья – кажется, единственная, кто сохранил остаток здравомыслия в этом сумасшедшем доме, – подошла к стене и зашарила рукой в поисках выключателя... Н-да, если то, что творилось в данный момент, и составляло сюрприз Глеба, то он преуспел. Правда, я, как ни напрягал мозги, так и не смог понять смысл и оттого потихоньку злился. Братец меж тем, сидя в кресле рядом с обескураженным оператором, спокойно наблюдал «театр теней» и с комментариями не спешил. Предоставлял «минуту на размышление». «Ну и задам же я тебе, гений чертов, – раздраженно подумал Борис. – Вот только Дашенька найдет выключатель...»

Ага! Свет вспыхнул, и все, ослепленные, разом замолчав, нелепо застыли в разных позах. Лишь старик Вайнцман сидел в своем кресле и с ужасом разглядывал правую ладонь, испачканную чем-то липким, темно-красным... Вот он поднял слезящиеся глаза и прошептал, будто в глубоком трансе:

– Нет, этого не может быть. Азохэм вей, этого не может быть...

– У него рука в крови, – сказала за моей спиной Ольга Баталова, указывая на несчастного художника. – Посмотрите, у него же...

– Да заткнись ты! – зло выкрикнула Машенька Кутгель, деревянно подошла ко мне и

застыла рядом.

Я присел на корточки напротив Глеба. В лицо повеяло чем-то ледяным, ирреальным, точно иной мир приоткрыл жутковатые ворота... Я взял его за руки (вот откуда ощущение холода – от этих рук, тонких запястий, от металлического браслета часов – мой подарок к прошлогоднему дню рождения), и мы – в последний раз – посмотрели друг другу в глаза.

– Кто? – прошептал я, борясь с отчаянным желанием завывать в полный голос, по-волчьи вскинув к луне оскаленную морду. – КТО?!

Короткое оперенное древко неприлично торчало из его горла в красном расплывающемся пятне. Он не смотрел на меня – мертвые стеклянные зрачки были устремлены мимо нас, столпившихся вокруг, мимо погасшего экрана, в никуда. Одинокая слезинка застыла в уголке глаза – будто в последний миг, на излете, вместе с ударом и неожиданной болью, он почувствовал обиду, что ему не дали досмотреть кино до конца.

Все растерянно переглянулись, череда лиц проплыла передо мной – вытянутые, изумленные, не успевшие осознать смысл происходящего... Обреченное – у бедного художника-декоратора: рука испачкана кровью, и теперь он, конечно, номер один в списке подозреваемых (так, наверное, представлялось ему самому, в действительности же все иначе: мы сидели на последнем ряду, Глеб с оператором Робертом были прямо за нашими спинами, и выстрелить Вайнцман на моих глазах, тем более из такой громоздкой штуки, как арбалет, конечно, не мог). Однако кровь...

Все это искоркой мелькнуло в голове и пропало. Осталась лишь дикая боль, разрывающая душу, словно это в меня, а не в Глеба воткнули стрелу.

– Я хочу домой, – с ноткой истерики прошептала Оленька Баталова. – Я не желаю оставаться...

– До приезда милиции никто отсюда не выйдет, – сказал я, сдерживая ярость. – Среди нас убийца, черт возьми!

А за окнами уже скрипнули тормоза оперативного «уазика», и в коридоре послышались приближающиеся шаги. И кто-то громко стукнул в дверь, прежде чем войти...

Они сидели вдвоем в тесном кабинете, по сторонам письменного стола, на котором в равнодушном молчании застыл телефон. Здесь на окнах тоже стояли решетки, только похлипче, чем в кабинете Бориса, в управлении. В просмотровом зале работала группа: щелкал блиц и бубнил низкий простуженный голос. Он не прислушивался: голова гудела, будто после контузии, но – странное дело – очень явственно слышалось, как падал снег за окном с нежным, легчайшим шорохом.

– Он ничего не сказал тебе по телефону? – в двадцатый раз спросил Слава КПСС. – Ну, хоть какой-то намек?

Борис покачал головой.

– «Я, кажется, докопался... Но одному мне, боюсь, не справиться. Ты мне нужен». И все. Он подготовил ловушку для убийцы и попался в нее сам.

Он помолчал.

– Теперь меня, наверное, отстранят.

– Я постараюсь, чтобы дело передали мне, – успокаивающе сказал Слава, – И буду держать тебя в курсе.

– Тело обследовали?

– Варданян еще возится, заключение обещал к утру. Но в принципе картина достаточно ясная: колотая рана, поражена артерия. Орудие убийства налицо.

– Выяснили, откуда стреляли?

– Классический случай: через дырку в экране, с той стороны.

– А арбалет?

– Арбалет не нашли. Есть довольно четкий след рифленой подошвы... Но там вообще полно следов.

Борис криво усмехнулся.

– А я грешным делом решил...

– Что стрелял мальчик из кинофильма? Нет, тут никакой мистики. Стрела из реквизита...

– Разве там есть боевые стрелы?

– Пять штук. Ими стреляли в бревенчатую стену – есть в сценарии такой эпизод, с пометкой «4 секунды». Ты не знаешь, что это значит? У кого ключи от реквизиторской?

– У Глеба, Мохова и Вайнцмана. Однако практически...

– Да, – сказал Борис. – Там бывают и каскадеры, и артисты, и костюмеры. Оленька Баталова могла украсть стрелу, или Игнатов, или Дарья Матвеевна.

"Удивительно, – подумал он, – как долго – не менее десяти минут – я смотрел на экран и не мог осознать, что вижу не тот фильм и не тех актеров (актеров ли?). Миша Закрайский в первоначальном варианте играл Некраса (до того, как Глеб, доведя себя и окружающих до тихого помешательства, все же настоял на своем и парнишку-пастушка убрали) – ТАМ был другой Некрас. Другая Елань и совсем не похожий на Александра Игнатова князь Олег. И все это – до ужаса, до озноба реально, даже кровь на чужом рукаве («Будто он проник туда, в тринадцатый век, и установил скрытую камеру...»).

– Откуда кровь на руке у художника?

– Он дотронулся в темноте до Глеба, когда подсаживался к тебе. Однако не почувствовал сразу – был захвачен действием на экране.

– Мы все были захвачены, – мрачно проговорил Борис. – В этом, кажется, и состоял замысел: оглушить, ошарашить, чтобы в первые минуты никто не осознал подмены. А потом – наблюдать за реакцией каждого.

– Зачем?

«Я приготовил ЕМУ сюрприз». И ОН, едва взглянув на экран, понял, что разоблачен. Эпизод длился пятнадцать минут. За это время убийца выскользнул из зала (дверь не заперта и, в отличие от двери на кухне Марка Бронцева, не скрипит), открыл реквизиторскую, зарядил арбалет, прошел за экран...

– Слишком сложно, – пробормотал Борис (а внутренний голос напомнил: а остальное? Всадники на шоссе, серебряная стрела, незнакомый актерский состав для тайных съемок – ведь все было рассчитано на неожиданность, на эффект!).

– У него не было другого выхода, – возразил Слава. – Если убийца не принес оружие с собой...

– Но в реквизиторской были ножи, кинжалы, мечи...

– Во-первых, все оружие, кроме пяти стрел, было затуплено. А во-вторых...

– Он боялся подойти вплотную, – закончил Борис. – Глеб владеет... владел восточной борьбой и мог обезоружить убийцу. Тот предпочел действовать на расстоянии. Ты можешь показать место, откуда был выстрел?

На пороге они задержались, чтобы оглянуться – надо думать, в последний раз... Казалось, будто комната хранит ауру покойного хозяина – тепло его рук, еле уловимые запахи и несколько фотографий на столе под стеклом. Борис отстраненно взглянул: почти на всех они вдвоем или втроем: он, мама, Глеб – в обнимку... Нет ни одной с какого-нибудь фестиваля, чтобы на заднем плане виднелся чужой пейзаж – ну их в хвост, эти пальмы, бассейны, огни... Фотографии были свои, тутошные, черно-белые, появившиеся на свет задолго до засиления «Кодака» (они занавешивали окно в спальне одеялом и ввинчивали лампу, выкрашенную красной краской)...

Позади экрана находилось длинное узкое помещение. Следов на полу и вправду было великое множество – полное впечатление, что здесь не убирались со времен завершения строительства. Целая гора окурков – Борис поднял один... Нет, он явно не имел отношения к убийце: слишком давнишний, окаменевший, в сантиметровом слое пыли. Вешалка, болтающаяся на единственном гвозде, ведро, метла и лопата в углу, в паутине... Словом, обычная подсобка. Если дверь сюда когда-то и запиралась, то давно: язычок английского замка намертво застрял в утопленном положении.

Борис отыскивал отверстие, о котором упоминал Слава Комиссаров, – маленькое, не больше трех сантиметров в диаметре, на уровне глаз. Посмотрел сквозь него в зал и поневоле вздрогнул: показалось, будто Глеб сидит на стуле возле проектора, у задней стены... «Теперь я часто буду видеть его, – подумалось вдруг. – Везде, всюду: на улице, в автобусе, по дороге на службу – в показавшемся знакомым повороте головы, в слегка нахальной мальчишеской улыбке и похожих интонациях голоса... И вздрагивать при каждом звонке в дверь я перестану еще не скоро – когда пойму и свыкнусь с мыслью: он не придет».

– Стрелять могли только отсюда?

– Если судить по траектории. Хотя теоретически убийца мог стоять возле угла экрана, но тогда стрела вошла бы в тело под другим углом.

Слава помялся.

– Я должен буду снять твои показания...

Борис пожал плечами, не отрываясь от дырки в экране – холодноватый, туманный взор, зафиксированный на какой-то неожиданной идее, – и сказал:

– Парадокс в том, что я сидел рядом и ничегошеньки не запомнил. Понимаешь, в том, что касается кино, экрана, Глеб был истинным мастером. Он мог заставить зрителя смеяться и плакать. Переживать за свои персонажи, как... как за кого-то очень близкого и реального. Мог заставить забыть обо всем – и все действительно забыли.

– Кроме убийцы.

– И убийца тоже забыл... В первые минуты. Мы упустили из виду одну деталь: он выстрелил в тот момент, когда мальчишка на экране спустил тетиву лука. Иначе кто-то обратил бы внимание на свист стрелы.

– И что?

– Для того чтобы точно подгадать момент, он должен был видеть этот эпизод раньше, до показа в зале. Черт возьми, возможно, он даже участвовал в съемках.

Помощник режиссера Александр Михайлович Мохов, наверное, в двадцатый раз просматривал снимки, сделанные с кассеты Глеба: князь Олег, воевода Еремей, Елань, Некрас, сын Патраша Мокроступа, – напряженное лицо за дугой охотничьего лука.

– Нет, – сказал он. – Я не встречал их раньше. Ни в жизни, ни в кино. Где Глеб раскопал их, хотел бы я знать.

Лицо его неожиданно приобрело упрямое, даже хищное выражение, что никак не вязалось с его обликом – немного полноватый и лысоватый, пухленькие белые ручки, нос картошкой и светлые глазки-пуговики... И глубоко спрятанная страсть, ослепляющая, не дающая возможности трезво рассуждать (а может быть, наоборот, чересчур трезво – то, что заставляет шагать по трупам в прямом и переносном смысле). Теперь, со смертью Глеба, он автоматически становится главным режиссером («Почему ему все, а другим ничего? Я ведь тоже кончал отнюдь не кулинарный техникум...»), и первое, чем он займется, как только страсти поутихнут, это найдет тех актеров, что снимались в «незапланированном» эпизоде, – если только они существуют, если в тех кадрах в самом деле нет ничего мистического – и закончит картину, которую столько лет в муках вынашивал Глеб... Однако у Мохова железное алиби: он сидел между Игнатовым и Закрайским, и оба клянутся, что тот не выходил ни на минуту.

– Как по-вашему, мог князя Олега сыграть сам Глеб?

Он поджал губы, размышляя.

– Знаете, вполне. Вроде бы что-то было похожее... Но грим! Если это был действительно Глеб, то гримировал его виртуоз.

– А ваша Диночка...

– Нет, нет. Дело даже не в том, что она, извините, пониже классом. Это не ее стиль. Есть вещи, незаметные для непосвященного и очевидные для профессионала. Боюсь, мне трудно объяснить...

– Напротив, вы объяснили очень четко.

– Ну да, – растерялся он. – Кроме того, Диночка физически не может хранить тайны –

обязательно растрепала бы повсюду.

– Вы не заметили, выходил ли кто-нибудь во время просмотра?

Мохов виновато покачал головой.

– Я был слишком захвачен, понимаете? – И добавил, снизив голос почти до шепота: – Я только сейчас, после сеанса, понял, как талантлив был Глеб на самом деле. Жутко, дьявольски талантлив! Конечно, я постараюсь закончить картину, мы все полны решимости...

Он вконец запутался и махнул рукой, осознав нелепость собственной фразы.

– Да, у меня была решимость... А теперь сомневаюсь: не будет ли это неуклюжей попыткой примазаться к чему-то чужому? Не знаю.

Мохов замолчал, бросил на стол фотографии, полез в карман за сигаретами, нервно чиркнул спичкой.

– Если хотите, вот вам мое ощущение: Глеба погубил именно его талант. Гений. Не в том смысле, что кто-то завидовал ему черной завистью...

– Почему же нет? – в Борисе вдруг проснулась жестокость. – Вы, например, спали и видели, как бы занять его место.

– Его место никто никогда не займет, – отрезал Александр Михайлович. – Как вы не понимаете? Ушел Мейерхольд, ушел Шварц... Кто занял их место? Никто, они навсегда останутся на своем. Придут другие – может, лучше, может, хуже... Кстати, я припоминаю: кто-то все же выходил из зала. Я видел силуэт в дверях.

– Когда именно? – напрягся Борис.

– Гм... Когда князю Олегу перевязывали рану.

– Кого вы видели? Мужчину, женщину?

Он колебался.

– Скорее женщину. Силуэт был тонкий, стройный: пальто или платье ниже колен. Но мне могло показаться. Не поручусь. Свет падал из коридора, в спину.

– Александр Игнатов и Вадим Федорович сидели рядом с вами. Если вы видели женщину, то...

Борис быстро прикинул: «Дарья находилась все время рядом со мной. Ближе всех к двери сидела Машенька Кугтель, но она была одета в китайский пуховичок, и ее никак нельзя назвать тонкой. Остается Ольга Баталова...»

Его никто не гнал – официально он еще не был отстранен, все держались с ним вежливо и предупредительно... Слишком предупредительно, словно с безнадежно больным. Труп увезли равнодушные санитары, остался очерченный мелом контур в кресле (две параллельные прямые: туловище без рук и головы), обведенный след правой подошвы на полу – Глеб встретил смерть в своей излюбленной позе, закинув ногу на ногу. И с выражением обиды на лице: он ждал успеха, громкого разоблачения, с неким театральным эффектом (пленка безжалостно крутится, напряжение достигает пика, убийца вскакивает, не владея собой, иступленно кричит: «Это я, я!!!»). Однако тот решил по-своему. И выбрал арбалет в качестве оружия не потому, что ничего другого не оказалось в пределах досягаемости (не прав был Слава), а потому, что усмотрел в этом некий символ... И значит, Глеб был не единственный в этом зале, кто обладал необъяснимым даром: помнить свое прошлое воплощение (прошлые грехи). Кто-то еще вспомнил нечто ужасное (настолько ужасное, что выбора не оставалось). Кому-то Глеб показывал кассету раньше.

– Что это?

Эксперт – тот, что делал какие-то измерения рулеткой, нехотя обернулся.

– Вода, по-моему, – он наклонился над крохотной подсыхающей лужицей чуть позади кресла оператора. – Слякоть на улице, натекло с чьих-то ботинок.

– Если бы с ботинок, был бы мокрый след подошвы.

– Хотите, чтобы я взял пробу?

– Будьте любезны, – проникновенно попросил Борис.

Эксперт пожал плечами, втянул шприцем не успевшую высохнуть каплю.

- Маловато для анализа. Но попробую.
- Зачем тебе? – спросил подошедший Слава КПСС. – Появилась идея?
- Нет. Просто... Хватаюсь за соломинку, чтобы не утонуть.

Утонуть (не физически), забыться, зарыться с головой в подушку и предаться скорби, выражаясь «высоким штилем»... Когда год назад ушла мама (Глеб был в ту пору на фестивале в Афинах), они тоже ощутили нечто подобное, только, наверное, более сильное, безжалостное... Глеб примчался первым же рейсом, но все равно опоздал, все произошло слишком быстро, скоропостижно (из больницы позвонил усталый доктор, выразил соболезнование, буркнул: «Приезжайте»). Беготня, поиск транспорта, оформление документов... Если бы не вся эта скорбная суeta – точно сошли бы с ума на пару. Вот и теперь... Только к дикому, оголтелому чувству утраты примешивалось нечто холодно-профессиональное, что просыпалось всегда при виде сцены убийства. Проверка алиби, показания свидетелей, улики, обрывки мыслей и образов: Борис вновь ощущал некое несоответствие... Как он сказал тогда: «Слишком сложно». Нападение на шоссе как предупреждение (хотели убить – убили бы), московская история трехлетней давности (нужно сделать запрос в тамошнее местное отделение, узнать, нашли ли кого-нибудь или благополучно сплывили дело пылиться в архив). А ведь если подумать, то все эти явления – суть одного порядка: ряженные – каскадеры – киностудия. Кто-то на киностудии. Тот, кто видел эпизод, снятый Глебом с чужим актерским составом (а также осветителями, дублерами, оператором, многочисленными ассистентами). Тот, кого – самое главное! – безропотно пропустил в здание верный страж Юрий Алексеевич...

И Борис, не раздеваясь, даже не снимая ботинок, прошел в комнату («Берлога холостяка» – выражение Глеба), сел за письменный стол, включил лампу. Взял ручку и лист бумаги – составлять скорбный список, на который смотрел и посейчас, спустя сорок дней. Дарья Богомолка. Ольга Баталова. Александр Игнатов. Яков Вайнцман. Вадим Федорович Закрайский. Леонид Исаевич Карантай (сынка которого, кстати, Глеб когда-то спустил с лестницы). Оператор Роберт. Поколебавшись, он внес сюда двух ребят-каскадеров. Потом, еще поразмыслив, – вахтера: вот у кого была идеальная возможность.

Потом он, кажется, задремал. Его разбудил телефон, настойчиво пиликавший на тумбочке. Он снял трубку.

- Борис Аркадьевич?
  - Слушаю.
  - Это Маргарита Павловна.
  - Какая еще... Ах да, простите.
  - Ермашина. Я работала экономкой у Марка Бронцева.
- Трубка помолчала.

– Я должна вам кое в чем признаться, Я не решалась, боялась, что вы рассердитесь. Но поймите, мне не хотелось впутывать в эту историю Романа. Он и так достаточно настрадался за свою жизнь.

Борис сделал усилие, возвращаясь в мир настоящий.

- Кто такой Роман?
- Мой двоюродный брат. Я говорила вам о нем. Он инвалид-"афганец". Нерешительная пауза.

– Это он был на одной из кассет у Марка. Помните, молодой, в клетчатой рубашке?

Он был слишком измучен прошедшим днем. Мысли не текли, а еле ворочались, будто тяжелые камни по дну реки. Что-то очень важное она сообщила ему только что... А днем раньше – нечто тоже очень важное сказал Глеб. Какая-то фраза, мелькнувшая в разговоре...

- Что-то произошло? У вас такой голос, будто...
- Мы можем встретиться? – перебил Борис. – Нужно поговорить. Она растерялась.
- Вы вызовете меня в прокуратуру?
- Нет. Видите ли, я больше не веду это дело. Ничего, если я приеду к вам? Скажем, завтра ближе к вечеру?

– Конечно. Мы будем вас ждать.
– «Мы»?
– Я переехала к брату. Вдвоем все-таки легче. Записывайте адрес: улица Ключевая, 12...

Он записал. Медленно положил ручку на стол, выпрямился... И – словно замкнулась некая электрическая цепь: краеведческий музей, экспозиция Владимира Шуйцева (мундир офицера егерского полка, фрагмент пушечного ядра, почерневшая сабля), групповая фотография в фойе – молодые ребята в солдатской форме, на фоне чужого пейзажа с чужой мечетью. А рядом с самим Шуйцевым – высокий загорелый парень с автоматом на коленях... «Никто не выжил: душманы устроили засаду в ущелье». – «А как же вы сами?» – «Я тоже погиб. По крайней мере, я видел собственный труп...» Память услужливо подсунула нужную информацию: парня звали Роман Бояров.

– Боярова – это ваша девичья фамилия?

– Да. Ермашина я по мужу. Правда, он умер, но менять фамилию я не стала.

Глава 16 БЛЕСК ПЛЕЯД

Ему грезилось что-то сумбурное, непонятное, тревожащее... Белый собор на холме, в пестроте ярких головок одуванчиков, тропинка к нему – вернее, не тропинка, а целая дорога, оставленная не одним поколением верующих. Сами они с Глебом впервые побывали в церкви не так давно. В детстве этот момент воспитания родители благополучно опустили: отец был атеистом, точнее, нигилистом, с долей здоровой иронии относившийся и к Богу, и к партии, в членах которой состоял. Мама стала веровать незадолго перед кончиной – видно, проснулось что-то потаенное, тщательно оберегаемое от посторонних... Только тогда братья со стыдом обнаружили, что не знают даже, как поставить свечку за упокой.

Теперь же, наученный горьким опытом и знанием процедуры, он, не колеблясь, вошел под прохладные своды (свечей множество перед иконами, будто звездочки в ночном небе), высокий нежный голос нашептывал что-то ласковое, успокаивающее – чувствуется, как отпускает в душе некий тормоз...

Навстречу ему по каменным плитам быстро шел Глеб. Не такой, каким он был в их последнюю встречу, а каким Борис помнил его лет двадцать назад: худенький, прямой и решительный, немного насмешливый, в покошенном школьном костюмчике и коричневых сандалетах. На правой ремешок был оторван.

– Я тебя ждал, – сказал он, улыбнувшись, и приветливо сжал Борису локоть.

– Ты? – растерянно спросил тот.

– А ты думал кто? – Глеб рассмеялся и потянул брата за собой.

И повел – сквозь высокий, сияющий позолотой алтарь, через длинный просторный коридор и множество залов, похожих на прибрежные гроты: на стенах играли водяные изумрудные блики, иногда слышался приглушенный ропот волн, а иногда – щебет птиц, шелест ветра в верхушках невидимых отсюда деревьев и отдаленные голоса... Глеб уверенно шагал рядом. Сегодня он был хозяином и гидом в своем мире.

– Ты сердишься? – вдруг спросил он.

– Я? – глупо сказал Борис.

– Вообще-то ты прав. Я не должен был бросать тебя... Особенно в такой момент. Но что поделать. Я только и смог, что как-то тебя подготовить.

Борис вдруг почувствовал, что у него защипало в глазах.

– Глебушка... Ты хочешь сказать, что знал заранее, что произойдет?

– То есть что меня убьют? – он безразлично пожал плечами. – Предполагал – так будет точнее. Но зато я доказал всем – тебе, себе самому – главное: князь Олег не был в сговоре с Ярославом. Он не предатель.

– Тебе это было настолько важно? – Борис даже остановился, пораженный... нет,

уязвленный чудовищной несправедливостью. – Какой-то там правитель крошечного княжества, умерший восемь веков назад...

– Да, – сказал Глеб. – Мне это было важно.

– Потому что ты вообразил, будто когда-то был князем Олегом? Глеб, милый, а вдруг ты ошибся? Вдруг вообще ничего этого не существует – ни переселения душ, ни Атлантиды, ни летающих тарелок? А если и было нечто подобное, какое тебе дело? Как ты можешь отвечать за того, кого даже не знал?!

– Как могу отвечать? – он горько усмехнулся. – Посмотри вокруг. Коридор, бесконечный тоннель меж миров, будто тамбур поезда... И неприкаянная душа в нем. Ты думаешь, мне хорошо здесь?

– Что же тебя держит?

Глеб посмотрел на брата. Он ничего не ответил, но тот вдруг понял. Хотел что-то сказать – надо было торопиться, он чувствовал, что контакт прерывается, еще секунда, и Глеб уйдет... Между ними словно выросла прозрачная стена. Борис ударил в нее кулаком, закричал нечто нечленораздельное, яростное...

Глеб услышал. И прошептал с мольбой в голосе:

– Боря, найди того, кто указал татарам дорогу на Житнев. Это он держит меня здесь. А мне так хочется уйти... Пожалуйста!

– Как? – в отчаянии крикнул Борис. – Глеб, что я могу без тебя, один?

– Помнишь, как мы с тобой ушли в лыжный поход? Ничего никому не сказав, тайно...

– Да, от родителей нагорело порядочно.

– Мы искали посадочную площадку НЛО – его кто-то видел как раз над тем озером, что напротив дачного поселка. И я сказал тебе, что оно должно приземлиться именно в тот день... Мы просто обязаны были это увидеть!

– Мы так и не дождались, – тихо проговорил Борис. – Хотя просидели там до вечера, а потом, дома, нам всыпали по первое число. У меня два дня заднее место болело.

(На самом деле ничего такого не было: просто отец был необычно молчалив и не улыбочив, и шахматы, в которые они с Глебом резались каждый вечер до самозабвения, на целый месяц перекочевали на верхнюю полку, где и пылились, невостребованные, а мама тихонько плакала, запершись на кухне... И это было в миллион раз больнее, чем самый широкий ремень, – уж ремня-то братья ждали, как великой милости, не пикнули бы.)

– Я сказал тебе тогда, что это была глупость. Что никаких летающих тарелок не бывает, а ты просто романтический дурак, раз веришь во всю эту чушь. И мы чуть не подрались.

– Нет, – возразил Глеб. – Это ты говорил по дороге домой – мы промерзли до костей и хотели есть. А потом, на следующий день... Помнишь?

– Что?

– Ты сказал: это ничего, мы пойдем туда еще и будем ждать, сколько потребуется. И тогда нам повезет обязательно. Чтобы повезло, нужно только ждать и верить...

«Я запомню, – подумал он. За окном уже занималось утро, вечный гомон воробьев и крик молочника доносились с улицы. – Я запомню, – твердил он, как заклинание. – Чтобы повезло, нужно только ждать и верить».

– Боязно, – прошептал предатель, истово крестясь перед иконой.

В полутьме, в неровном свете лампы, святой лик казался черным, неузнаваемым, лишь тускло поблескивал серебряный оклад.

– Тебя не тронут, – глухо сказал собеседник, нетерпеливо притоптывая ногой в сафьяновом сапожке. – Это твой единственный шанс уцелеть... Ты ведь хочешь жить?

– Да, господин.

– Ты нарочно сдашься в плен татарам. И укажешь им дорогу к стенам Житнева. Подскажешь, как обойти скрытые заставы и ловушки.

Несколько секунд предатель что-то соображал, он чуял подвох, но не знал, с какой стороны он прячется.

– Вы словно дьявол. Вы искушаете меня... Зачем?

– Затем, дурья башка, что княжество и так обречено. Город обречен. Вопрос лишь в том, кому татарский хан будет благодарен за подарок: нам или князю Ярославу.

Человек, до того момента прятavшийся в тени, встал, порывисто подошел к темному окошку и выглянул наружу. Хорошая ночь, подумал он. Ни звездочки, ни огонька. Все тонет в промозглых тучах, замает ледяной крупой. Ночь волков.

– Вчера в город прискакал гонец с дальней заставы. Он сообщил, что вражеские тумены рыщут по лесам всего в двух днях пути отсюда. Другого случая не представится.

– А ну как Новгородский князь пришлет подмогу, господин? Вдруг Батый будет разбит – ведь тогда все откроется! Вас-то тронуть не посмеют, а меня – на кол...

Что-то быстро прошелестело – тень в мире теней, предатель отшатнулся в ужасе и почувствовал, как холодная полоска стали коснулась его горла. Кинжал был маленький, почти детский, однако острый – лезвие ощутимо оцарапало кожу.

– На кол, – прошептал ласковый голос, – это еще когда будет. А я – здесь и сейчас. Ты и пикнуть не успеешь... Ладно, не трясись. – И добавил, убрав оружие и по-прежнему глядя в окно: – Пора мне, а то скоро светать начнет, хватятся еще... Понимаешь ли, этот план придумал не я, а другой человек. Поди, догадываешься кто? Догадываешься, по роже видно.

Предатель икнул.

– А вы-то как прознали, господин? Тот улыбнулся – по-мальчишески открыто, почти весело, и это было страшнее всего.

– Обыкновенно. Глупы мы, люди, вот ведь беда. Разум говорит одно, сердце – другое, – он фыркнул. – Никогда не буду таким. План был хорош, блестящ (куда мне такой выдумать!), и он отказался от него! Во имя какой-то там любви! И ведь он гордился своим решением. Так гордился, что не выдержал и рассказал мне. Не прямо, конечно, намеками... Однако я понял.

Лампада перед иконой нещадно чадила, будто сгорало и не могло сгореть невидимое глазу чудище, населявшее комнату.

– И самое главное, – медленно и мечтательно произнес он, – все спасутся... Ну, почти все. Не спрашивай как, я и сам не знаю. Что произойдет? Монахи, летописцы сочинят красивую легенду, припишут чудесное избавление жителей города от Батыя святой Богородице, покажут всех героями (и себя не забудут). А как случится на самом деле... Разве это важно? Главное – я получу то, чего желаю.

Многие в ту ночь ворочались без сна. Князя Олега одолевали невеселые думы. Он резко встал, поняв, что в постели лишь заработает головную боль, зажег светильник и долго глядел на трепещущий язычок пламени.

Рука понемногу заживала. Только иногда, предвещая ненастную погоду, шрам начинал немилосердно ныть, но что за воин, который обращает внимание на такие мелочи. Случалось, Олегу хотелось, чтобы боль была сильнее, – тогда она смогла бы хоть ненадолго заглушить другую боль, душевную, спасения от которой не существовало. Даже время, лучший лекарь, и то стыдливо пасовало... Он слишком хорошо знал, чья рука спустила тетиву и откуда прилетела стрела, оцарапавшая ему висок (а не нагнись он вовремя – так и пробившая бы шею навылет). Воевода Еремей, глядя вслед улепетывавшему мальчишке, досадливо сплюнул:

– Зачем дали ему уйти, господин? Поймали бы – мигом выпытали, кто его подослал.

Белозерский князь не отозвался, хотя точно знал ответ. Лишь нагнулся, зачерпнул снега и провел по лицу, смывая кровь.

Йаланд всякий раз уходил перед рассветом, пока Ольгес еще спал, и, случалось, пропадал когда на день, когда – на неделю. И редко возвращался назад веселым. Ольгес недоумевал, часто приставал с расспросами, отец же только отмахивался либо отделялся общими фразами. И все повторял: «Если что со мной – держись Патраша. Он в беде не оставит».

Патраш Мокроступ учил мальчика странным наукам. Иногда – такому, что впору было испугаться. Учил находить в лесу корни и травы, дающие способность разговаривать с духами темной стороны. Учил приносить в жертву коварному богу Ильке голову петуха и в брызгах крови на земле, в очерченном кругу, видеть судьбу нужного человека... А зачастую – не только видеть, но и направлять.

– Ты боишься? – как-то спросил он парнишку. Они сидели возле костра в ночном лесу, на крохотной поляне возле обрывистого берега реки. С реки тянуло холодом. Ольгес извертелся, пытаясь приноровиться к тому, что спина его отчаянно мерзла, а лицо пылало от жара костра. Липла надоедливая мошкара. Патраш, однако, ни малейших неудобств не ощущал. Он вообще не замечал ничего вокруг – сегодня созвездие Стожары (Плеяды) ярко светило прямо над головой и деревья казались плоскими, будто вырезанными из бумаги. Сегодня была Ночь Колдовства.

– Нет, – сказал Ольгес. – Но... Мне не по себе.

– Почему? Юноша помедлил.

– Я чувствую, что меня засасывает куда-то, словно в трясину. Я погружаюсь с головой...

– И что? – с интересом спросил Патраш.

– И мне совсем не хочется выбираться на поверхность. Скажи, может, я уже и не человек, а какой-нибудь болотный черт?

Веселый огонь разыгрался не на шутку. В его отсветах узкое лицо Мокроступа казалось страшноватой маской: нос будто удлинился, черные с сединой космы, перехваченные кожаным обручем, приобрели красноватый оттенок... Он протянул руку, бросил в середину костра ветки сырой ольхи и стал наблюдать, как вода с шипением борется с огнем. Текучее и твердое, сухое и жидкое...

– Ты такой, каким хотел видеть тебя твой отец. Когда-то давно (ты в ту пору еще не родился) Йаланд Вепрь в одночасье потерял все, что имел. Его илем сгорел, и они с твоей матерью долго скитались, словно воры, по собственной земле. А потом, в тот миг, когда ты появился на свет, Ирга умерла... И душа Йаланда почернела, как дерево в пламени. Люди Мстислава до сих пор ищут его повсюду.

– Зачем?

– Якобы Мстислав однажды увидел твою мать во главе свадебного поезда (тебе известен наш обычай: жених должен оберегать невесту от постороннего глаза... Йаланд, стало быть, не уберег) и возжелал ее... Говорят, она была очень красива, – колдун пожевал губами. – Но я думаю, интерес Мстислава заключался в другом.

– В чем же? – спросил Ольгес.

– В тебе.

Ночь посветлела, исчезла поляна на берегу реки, костер вдруг вознесся над землей, на высоту человеческого роста, и принял форму сверкающего шара...

– Что это? – прошептал Ольгес.

– Это божество Древних, – донесся издалека голос Патраша.

– Кто такие Древние?

– Те, кто жил здесь, когда людей было еще совсем мало, они больше походили на обезьян, и одевались они в звериные шкуры. Неизвестно, откуда взялись Древние, у каждого народа на этот счет сложились свои легенды. Кто-то думает, что это боги, за какую-то провинность сосланные на Землю, кто-то – что Древние вышли из глубины Мирового моря. Ижоры уверены, будто они прилетели с неба, из созвездия Конской Привязи (Большой Медведицы). Они были совсем не похожи на людей, но их мужчины взяли себе земных женщин, и племена, которые живут во всех частях света, – это потомки Древних. Не знаю, кто тут прав. Может, и никто.

Голос отдалялся. Теперь он как бы и не звучал – в голове сами собой возникали слова и складывались в образы... Сказочные города с переплетениями путей на разных высотах, непонятные жилища (башенки – не башенки, дома – не дома), все вознесено над землей на

ажурных, почти невесомых опорах...

Однако вдруг все переменялось. Что-то темное, страшное появилось на горизонте, точно гигантский змей выполз из пещеры, заполнил небо, подмял под себя землю, и там, где он проползал, она становилась жидкой, будто расплавленное стекло, и застывала – идеально гладкая, бесцветная, лишенная жизни на миллионы лет...

Ольгес испугался и, кажется, закричал – картина перед глазами опрокинулась и раскололась на отдельные фрагменты. Голова больно ударилась обо что-то (оказалось, о камень, на котором только что сидел). Вновь из небытия возникло ночное небо в верхушках сосен и удивленное лицо колдуна. Ольгес поморщился и сел, осторожно дотрагиваясь до затылка.

– Ты действительно видел это, – в голосе Патраша слышалось восхищение.

– Что стало с Древними? – спросил юноша, справляясь с дурнотой.

– Они ушли. Неизвестно, какая беда обрушилась на них... Погибли они все или кто-то сумел выжить.

– Они поклонялись Шару?

– Они создали его. Или скорее получили его в наследство от кого-то еще более могущественного. Древним – тем, кто уцелел в огне войн, пришлось навсегда покинуть свой дом. И теперь Шар – это единственное, что осталось после них.

Патраш замолчал. Костер еще продолжал гореть, но уже затухал, и Стожары переместились на восток, поблекли и растворились в светлеющей рыжеватой полосе. Он рассказал этому мальчишке все, что знал (слышал от отца, а позже – от учителя, а отец – от деда и прадеда, и так на много-много поколений). Теперь Патраш испытывал странную неловкость и (он сам не решался себе признаться) – нечто похожее на страх. Он встретил ученика, во много раз превосходящего способностями своего наставника.

А ученик вдруг задумчиво спросил:

– Зачем же я нужен вам?

Квартира была маленькая – две комнатки, одна из которых – та, что побольше, – играла роль гостиной или столовой (чистенькие занавески на окнах, салфеточка на телевизоре и несколько милых безделушек на безликом серванте производства местной мебельной фабрики, нигде ни пылинки – видна заботливая рука Маргариты Павловны). Дверь во вторую комнату была закрыта, и из-за нее иногда слышались шорохи и тихое потрескивание.

Сама Маргарита Павловна предстала на пороге в милом домашнем халатике. И вся она – милая и домашняя – олицетворяла собой образ идеальной хозяйки-экономки, которой самой природой предназначено вить теплое семейное гнездышко (местную разновидность английского «Мой дом – моя крепость»), содержать его в любовном порядке, растить детишек (жаль, покойный муж не разглядел своего счастья, «сберегал себя» для творчества... А стоило ли?).

Она приветливо улыбнулась, словно Борис и впрямь был желанным гостем, провела его в гостиную-столовую, спросила: «Поедите с нами? Рома только что закончил заказ, сейчас присоединится».

Борис покачал головой.

– Тогда, может быть, чаю?

Она выкатил на середину ковра сервировочный столик, достала откуда-то чашки, налила крепкую пахучую жидкость. Присела на диван и сложила руки на коленях. Перехватила взгляд Бориса, устремленный на фотографию на резном дедовском комоде – в аккуратной посеребренной рамочке, уменьшенную копию той, что висела в музее. Те же улыбки, та же бесшабашность в серьезных глазах (парадокс, но точнее не скажешь)... Впрочем, деталей не разглядеть.

– Вам знаком Владимир Шуйцев?

– Да, – слегка удивилась Маргарита Павловна. – Очень милый человек. Жаль, попал в неприятную историю... Вы ведь в курсе?

Борис хмыкнул про себя: вооруженный грабеж с убийством. «Неприятная история», что и говорить.

– Да разве он виноват? – Она помолчала, искоса взглянув на собеседника и ожидая его реакции. – Конечно, мы всегда в ответе за своих учеников. Но тогда уж ответственность следовало бы как-то поделить: есть же еще семья, школа... А то получается, будто Володя в одиночку воспитал преступника.

– А мальчика, который это сделал, Стаса Кривошеина, вы знали?

– Нет, откуда? Володя – другое дело, когда-то они с Романом были не разлей вода.

– Он часто бывает здесь?

– Раньше бывал, – уточнила она нехотя. – Они учились в одной школе, вместе поступали в художественное училище. Потом со второго курса «загремели» в армию, попали в Афганистан, служили в одном взводе... А вернулись в Союз – будто подмененные.

– В каком смысле?

Женщина повела плечом.

– Знаете, те, кто прошел это и сумел возвратиться, всегда стараются держаться вместе... Это как круг избранных, каста. Но Роман с Володией словно сразу отгородились... Когда открывался клуб при Союзе ветеранов, им прислали официальное приглашение. Они не пошли. И друг с другом не общаются, даже не звонят... Вообще прекратили всякие отношения. Мне это непонятно, – она чуть вздрогнула. – Тревожно.

– Тревожно? – удивился Борис. – Почему?

– Вы не поймете. Вы не знали их в прежние времена... – она доверительно коснулась рукой собеседника. – Только не говорите...

– Рита! – послышался голос из-за двери. – Кто у нас?

– Гости! – мгновенно отозвалась она. – Ты выйдешь?

Борис поспешно поднялся.

– Не беспокойтесь, я сам.

Едва он открыл дверь, в носу защекотало от запаха кислоты. Борис огляделся: вот уж где действительно царствовала электроника во всех видах. Вдоль стен на самодельных стеллажах стояли магнитофоны, проигрыватели, телевизоры, приемники с обнаженным нутром, письменный стол был завален схемами, блоками, проводами... Никак не верилось, что во всей этой теле- и радионеразберихе можно как-то разобраться, найти нужную деталь и водворить ее на нужное место. Но хозяин мастерской, видимо, был иного мнения.

Посреди груды непонятно чего гордо высился заграничный проигрыватель компакт-дисков – электронный монстр со сферической акустикой, переливающийся лампочками индикаторов, словно новогодняя елка в богатом доме. Мужчина в кресле-каталке фамильярно похлопал монстра по панели и сообщил:

– Настоящий «Панасоник», «белая» сборка. Баксов пятьсот, не меньше. А его, беднягу, пару раз приложили об пол, а потом с великого бодуна облили шампанским. Не иначе господа новоруссы гусарили, в аквариум решили поиграть... Раньше-то, бывало (еще на моей памяти), коли у кого из торгашей заведется забугорная техника, так на нее вздохнуть лишний раз боялись, как на любимое чадо... А вы Борис Аркадьевич? – Он окинул вошедшего быстрым взглядом, будто ощупал сканером. – Я вас таким себе и представлял.

– Вы меня знаете?

– Рита рассказывала.

У него были выдающиеся руки. Борис, сроду не бывший хлюпиком, невольно поморщился от его пожатия... Да, выдающиеся руки, широкие плечи с буграми мышц (ага, вон совсем не маленькие гантели в углу), легкая небритость на подбородке, ранняя седина в волосах, молод и стар одновременно, то есть «все при нем», но выдают глаза, холодный жар в их глубине (можно так выразиться?).

– Вы хотели меня видеть?

Борис осторожно сел на краешек стула, сместив на пол (с разрешения хозяина) кипу журналов по радиоэлектронике.

– Вы, наверное, хороший мастер, – заметил он. – Столько заказов...

Роман махнул рукой.

– А, несут и несут. А я, добрая душа, не умею отказывать. Хотя, с другой стороны... Чем мне еще заняться? Это своего рода медитация. Мантра, молитва... Впрочем, вам это неинтересно. Вы ведь пришли поговорить о Бронцеве?

Борис уселся поудобнее и сцепил руки на коленях.

– Вы знаете, что он записывал на пленку свои сеансы?

– Знаю, – спокойно отозвался Роман.

– Сестра рассказала?

– Нет, просто знаю. Догадался: он сажал меня всегда в одно и то же кресло, спиной к окну. И не разрешал двигаться. Как-то после сеанса я спросил его напрямик...

– И что?

– Ничего. Он нисколько не смутился, подтвердил – и все. Без комментариев.

– А вам не приходило в голову, что он использовал свои записи...

– Для шантажа? – Он рассмеялся с ноткой издевки. – Интересно, как бы вы стали меня шантажировать на его месте? Что потребовали бы в обмен на кассету? Мою инвалидную коляску?

Он положил руки на обода колес (коляска была самая «плебейская», без электропривода), толкнул, отъехал к окну. Борис увидел его затылок – очень красивой, благородной формы. Короткая стрижка «ежиком» – то ли просто привычка, то ли память о тех временах.

– Еще в школе, – сказал Роман, – классе, кажется, в девятом, я всерьез увлекся карате. Тогда оно было под запретом, мы тренировались в маленьком подвальчике, под какой-то «липовой» вывеской. Инструктор у нас был из настоящих, теперь такие редко встречаются... Я бы, пожалуй, и сейчас двух-трех здоровых мужиков сумел бы положить при необходимости.

Борис окинул взглядом фигуру собеседника и подумал, что тот, пожалуй, не преувеличивает.

– Однажды я сломал руку в спарринге. Пустячное дело, но я страшно переживал: боялся, что кость неправильно срастется и я не смогу ходить на тренировки. Учитель узнал об этом... Знаете, что он мне сказал? «Пока тебе есть, что терять, – ты уязвим. Значит, тебя легко победить».

Что-то, отгороженное спинкой коляски и стриженным затылком, внятно звякнуло и булькнуло. Потом коляска развернулась, и Борис увидел в руках собеседника два наполненных стакана.

– Вы, я понимаю, пришли сюда как частное лицо? То есть употребить вам не запрещается? За помин души раба божьего...

Борис на секунду оцепенел, но тут же сообразил, что речь идет не о Глебе (которого Роман наверняка знать не мог), а о почившем экстрасенсе. Выпили, не чокаясь, молча: соблюли народный обычай, хотя, пожалуй, ни тот ни другой не испытывали особой скорби, разве что в общечеловеческом плане. Роман выцедил водку маленькими глотками, словно драгоценную влагу в пустыне. Поставил стакан на стол и сказал:

– Тогда, в больнице, я тренеру не поверил: подумал, ерунда, философские ухищрения, чтобы меня утешить... Чудно, но эта штука, – он шлепнул ладонью по пластиковому подлокотнику, – где-то дает свои преимущества. Начинаешь по-другому воспринимать мир.

– Это как?

– Как... Будто из зрительного зала. Нет желаний, не к чему стремиться. Неуязвимость! – Он вздохнул. – Бронцев это понимал, он вообще был неглуп. И свои кассеты он записывал отнюдь не в целях шантажа.

– А для чего? – спросил Борис, вспоминая: то же самое говорила и Маргарита Павловна. «Он не хотел денег и к власти был равнодушен – в обычном понимании...»

– Как вам объяснить? Вот мое ощущение: он ставил эксперимент. Наблюдал за

людьми, как за животными.

– Будто из зрительного зала? Тоже хотел быть неуязвимым?

Роман усмехнулся.

– У него бы не получилось. Это вообще недоступно обычному человеку – нужно быть святым... Или калекой (юродивым по-старому). Как я. Вот он и придумал себе средство: некий суррогат святости. Точнее, вседозволенности.

– Интересно, а зачем вам нужны были эти сеансы? – с неприязнью спросил Борис. Уж больно легко, походя, этот странный человек раскладывал своего «доктора» по полочкам («А, пожалуй, и не только его, а каждого, с кем вступает в контакт, – и меня в том числе»).

– Зачем? – Роман пожал плечами. – Известное дело. Марк наблюдал за мной, я – за ним.

– Поясните.

– Боюсь, вы не поймете. Вы ведь тоже, простите, не святой и не калека. И мыслите стандартно, опираясь на голые факты, без излишних психологизмов. Хотите скажу, что вы думаете обо мне? Что я, исходя из некоторых соображений, идеально подхожу на роль убийцы.

– В вашем-то положении? – разозлился Борис. – Извините.

– Ничего, я привык. Кстати, я могу передвигаться не только в коляске.

Борис посмотрел в угол возле окна и мысленно стукнул себя по лбу. Костылей не заметил, хорош сыщик.

– Уяснили? Так что я вполне мог дожидаться, когда Марк повернется спиной, взять пистолет из шкатулки и...

– А потом подбросили дамскую ленточку для волос?

– Нет, – покачал он головой. – Женщину я не стал бы подставлять.

– Кажется, я его обидел, – произнес Борис покаянно.

– Ничего, – отозвалась Маргарита Павловна. – Он не обидчив, хотя иногда... Очень злословен. Кого угодно доведет. Ударит – и ждет реакции. Возможно, даже жаждет, чтобы ему ответили... Ну, ударили в ответ.

– Зачем?

– Чтобы не чувствовать себя ущербным.

– Гм... По-моему, он слегка заиклен на этой идее, хотя меня уверял в обратном.

– Как бы вы вели себя на его месте? – с мягким укором сказала экономка. – Знаете, он всегда был чрезвычайно способным. Ко всему, за что бы ни брался: в спорте, в учебе, искусстве... В художественном училище историю искусств им преподавал академик Черкасский. Вы бы послушали, как он отзывался о Романе!

– А что же Шуйцев?

Она как-то неопределенно повела плечом.

– Тоже не без способностей. Всегда тянулся за Романом – постоянные друзья-соперники, но...

– Понятно. Моцарт и Сальери, вечная тема.

– Нет, нет, никакой вражды и зависти. Видите вон ту фотографию?

Борис посмотрел на снимок на стене и кивнул. В этом доме вообще любили фотографии, они висели на стенах и стояли тут и там: все в овальных или прямоугольных рамках, по моде шестидесятых...

Двое ребят-студентов – один черноволосый и смуглый, второй – круглолицый и веснушчатый, оба в длинных свитерах и грубых джинсах, с этюдниками через плечо, на ступеньках здания училища. Действительно, трудно заподозрить их в чем-то: наоборот, лучшие друзья (хотя как тут определишь по изображению, если и в жизни обманываешься сплошь и рядом). Между ними – молодая симпатичная женщина с модной прической «каре», в брючном костюме и солнцезащитных очках. На ум почему-то пришел снимок, лежавший на столе Глеба под стеклом: Борис, Глеб и мама были запечатлены в обнимку посреди осеннего березового леса, в штормовках, сапогах, с лукошками, откуда выглядывали буроватые грибные шляпки. Идиллия, обязательные улыбки и некоторая скованность в

торжественных позах: все фотографии тех лет неуловимо похожи друг на друга.

– Это Роман с Володей на втором курсе, – пояснила Ермашина. – Они его так и не закончили, им прислали повестки из военкомата. После армии Володя, впрочем, восстановился и закончил, а Рома... У него в то время вообще был сложный период: депрессии, запой... Я боялась: выкарабкается ли?

– Значит, Бронцев лечил его от депрессии?

Она поджала губы.

– Не все так просто. Вы знаете, что их взвод попал в засаду в районе Биджента?

– Слышал от Владимира.

– Взвод погиб, только их двоих подобрали позже, тяжелораненых. Так вот, то ли в результате контузии, то ли... Словом, иногда Роману кажется, что он сам тоже был убит – там, под Биджентом. А здесь, сейчас живет кто-то еще... Нечто вроде эфирного двойника.

– Он в самом деле верит в это?

– Не думаю. Скорее, он принял версию Марка – за неимением лучшей.

– Идею насчет двойника высказал Бронцев? – Борис pokrutil головой. – Если у парня проблемы, то ему нужен квалифицированный психиатр, а не шаман с самодельным дипломом. Впрочем, это не мое дело... Так вы не знаете, что же произошло на самом деле?

– Он не говорит. Только повторяет иногда: «Я видел свой труп». И больше ничего.

«Я видел свой труп, – сказал Владимир Шуйцев, глядя куда-то сквозь стену, сквозь фотографию в вестибюле музея (еле слышный шепот под гулками сводами). – Множественные ранения в грудь и живот, после такого не выживают...»

Он невольно вздрогнул, когда щиколотки коснулось что-то мягкое, урчащее и, как бы это сказать, наэлектризованное. Маргарита Павловна нагнулась и подхватила на руки мохнатое черное чудище. Кот фыркнул, посмотрел изумрудными глазами и зевнул во всю свою розовую пасть.

– Феликс, – узнал Борис. – А я думал, куда он исчез... Значит, вы взяли его к себе?

– Жалко оставлять, – слегка виновато сказала экономка. – Пропал бы один в квартире. У Марка он служил чем-то вроде талисмана на счастье, оберега по-старинному. Только все равно не уберег.

«Жаль, он не умеет говорить, – в который раз подумал Борис. – Вот кто видел убийцу... И ведь не молчит – мяучит, урчит, мурлыкает, пытается что-то сказать, да мы не понимаем. – Представилась вдруг обитель „ведун“ – как бы снизу, в том ракурсе, в котором видел ее Феликс. Дверь на кухню полуоткрыта: убийца уже в квартире, ничего не подозревающий экстрасенс кричит из ванной: „Филя, паршивец, где тебя носило?“ Полупустая миска с „Вискасом“ на полу. – Почему-то эта злосчастная миска еще в первый раз зацепила мое внимание: неужели кот, почуяв в квартире чужого, сразу бросился к еде? А если и так (черт ее поймет, кошачью психологию), то почему не съел все? Вывод напрашивается: Феликса кто-то спугнул. Чужой запах, присутствие постороннего...» И – Борис чувствовал, но не мог объяснить – эта догадка ассоциировалась с этой фотографией на стене, где двое счастливых студентов-художников на ступеньках своей альма-матер, и девушка в очках, и пальма в кадushке у экстрасенса...

– На каком отделении они учились?

– Художественная реставрация, – откликнулась Маргарита Павловна. – Редкая специальность. Жаль, Рома не захотел восстанавливаться, у него был настоящий талант.

Глава 17 КТО-ТО ВНУТРИ

Он находился в странном месте: будто внутри какого-то механического чудовища, местами – на уровне глаз – совершенно прозрачного, и из его нутра сквозь частые водяные капли была видна гладкая дорога и ельник по обеим ее сторонам. Чудовище, тихо и сытно урча, мчалось вперед так быстро, что деревья слева и справа сливались в одну черную

полосу на черном небесном фоне.

Ольгес, еще в пору раннего ученичества твердо решивший ничему не удивляться, не удивился и теперь: мало ли в каких далеких мирах способна путешествовать душа. Однако он не выдержал и спросил:

– Где я?

– Скорее, не где, а когда, – возник в голове голос Патраша. И замолчал – да разве он объяснит когда-нибудь по-человечески?

Он держал руль с небрежностью опытного водителя. Тихо звучала музыка (вспомнилось непонятное слово: приемник), лента шоссе послушно стелилась под колеса... Съёмочный день был закончен (суета сует и нервотрепка, ничего общего не имеющая с тем, что гордо именуется творческим процессом). Назавтра объявлен перерыв, можно валяться в постели хоть до полудня, благо братец с утра отбывает на службу...

Три фигуры верховых выплыли из тьмы так неожиданно, что он не испугался и не удивился (опять!). Глаза смотрели на дорогу, нога спокойно давила на газ... А всадники плавно опустили копыта и синхронно взяли разгон. Он, глядя вперед, все не мог осознать, что происходит, лишь в последний миг древний инстинкт самосохранения заставил резко затормозить, бросить руль влево до отказа и рвануть из «бардачка» пистолет... Кажется, он кричал. Все тело будто опустили в кипяток, раскаленный туман опутал голову, проник в нос и горло. Ольгес отчаянно рванулся вверх, чувствуя, что сейчас задохнется.

Спокойно, приказал властный голос из небытия. Все хорошо, никто тебя не тронет. Ты возвращаешься.

Он очнулся достаточно быстро: приобрел некоторый навык. Видимо, какой-то уголок сознания все еще пребывал в том, сопредельном, мире, потому что возникла нелепая мысль: «Черт, как бы не заделаться наркоманом. Старый хрен, конечно, великий колдун, кто убудет отрицать... Но, чтобы меня погрузить, он явно использует какую-то траву, натуральное дурмнящее средство».

Наутро кто-то постучался в покосившиеся ворота. Ольгес только проснулся и теперь плескался у колодца, временами поглядывая на красавицу Дану, копошившуюся в крошечном огороде позади куды. Эта женщина притягивала его помимо воли. Сам он боялся лишний раз поднять глаза, чтобы не наткнуться на ее насмешливый взгляд и не покраснеть, как мальчишка (не те годы: скоро увидит свою восемнадцатую зиму). Но уж в те минуты, когда она была занята, Ольгеса какая-то неведомая сила влекла туда, где находилась она, и он смотрел, смотрел, забыв обо всем. И всякий раз на душе почему-то становилось черно и пакостно, когда вдруг незнамо откуда появлялся Патраш верхом на ручном лосе или на низкорослой пегой лошаденке, соскакивал, бросал поводья Ольгесу или Некрасу (тот уже подрастал – мальчишке едва исполнилось пять, а со всякой домашней живностью он уже обращался получше всякого). И когда Данушка, очнувшись и позабыв про домашние дела, с радостной улыбкой спешила навстречу, обнимала мужа, ласково заглядывая в глаза и они вместе скрывались за дверью... А уж о чем они говорили – того Ольгесу, сыну Йаланда Вепря, знать было не положено...

Стук повторился. Юноша подошел к воротам, глянул в щель, на всякий случай попутно посмотрев, рядом ли собаки: мало ли лихих людей шастает по окрестностям. Псы подскочили, но без злобной настороженности: наверное, нечаянный гость был им знаком. Ольгесу он тоже не внушал опасения: бедный зачуханный старичок без возраста, одетый в латаную-перелатаную холщовую рубаху ниже колен, обвислые штаны и опорки, для верности перевязанные у щиколоток пеньковой веревкой. За плечами старика висела тощая котомка – видно, дорога была не близкой.

– Здравья тебе, внучек, – сказал гость. – Дома ли Патраш?

– Дома, – буркнул Ольгес, колеблясь: пускать или не пускать? Уж больно неказистый вид имел путник. Однако уважение перед почтенным возрастом взяло верх: юноша посторонился, пропуская старика во двор.

Скоро в дверях куды появился сам Патраш с маленькой девочкой на руках. Девочка

внимательно разглядывала гостя, засунув в рот грязный палец.

– У тебя дело ко мне? – спросил колдун. Старичок поклонился и нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Большая беда у меня, господин. Племянника моего, Зивку Щелкана, помял медведь на охоте. Помоги, он ведь единственный кормилец мне...

– Далеко отсюда?

– Верст пять будет, – засуетился гость. – Он третий день как лежит в охотничьей избушке, что в Козьей пади. Лошаденка моя еще весной пала, так я пешком... Ты уж поспешай, господин, сделай милость!

Патраш обернулся к Ольгесу и буркнул:

– Со мной поедешь. Посмотрим, на что ты годишься, не все же тебе хлеб даром переводить.

Путь и впрямь оказался недалек. Старика на смирном верховом лосе пустили вперед, показывать дорогу, сами ехали на лошадях чуть позади. Патраш сидел в седле расслабленно и, казалось, дремал. Ольгес сторожко поглядывал по сторонам: Йаланд приучил к настороженности, а также к тому, что оружие всегда должно быть под рукой: охотничий нож в берестяных ножнах и тул с луком и десятком стрел – за спиной.

К Козьей пади подъехали к полудню. Надо думать, какой-нибудь охотник в давние времена забрел сюда, к крохотному лесному озерцу, и увидел множество диких коз, прибежавших на водопой. Возвратился домой с богатой добычей, а здесь, в стороне от звериной тропы, поставил заимку. Тот охотник, должно быть, успел состариться и отойти в лучший мир, а почерневшая избушка, время от времени подновляемая, все так же торчала посреди вырубки, глядясь единственным оконцем в зеленую озерную гладь.

В избушке, прямо на полу, укрытый шерстяным одеялом, лежал человек. Ольгес робко подошел к нему, дотронулся до рваной раны на груди, оставленной медвежьими когтями. И сразу почувствовал зловонный жар, исходивший от нездорового тела. Огневица. Страшная болезнь. Чертов старик едва не опоздал: еще бы чуть-чуть, и утащил злой дух Анамез душу охотника в свое подземное царство.

Решимость сразу улетучилась. Ольгесу ни разу не приходилось лечить такие раны. Он растерянно оглянулся на Патраша, ища поддержки, но тот, казалось, и не замечал вовсе. Так учат плавать: выгребают на лодке на середину реки и бросают в воду – вопящего, захлебывающегося, леденеющего от ужаса... И коль ужас отступит перед яростной жаждой жизни – хорошо, а нет... Стало быть, не судьба.

– Помоги, господин, – плакал несчастный старик. – Помрет племянник – и я вслед за ним, куда же мне одному-то!

– Да что я, – равнодушно ответил Патраш и кивнул на Ольгеса. – Вон пусть он помогает.

Делать было нечего. Юноша закрыл глаза, собрался, осторожно положил ладони на изуродованное молодое тело, ощущая, как жизнь уходит оттуда по капле. Дыхание было едва слышным, неровным, прерывистым... Странные невидимые существа вились вокруг: красивые и уродливые, злые и добрые. И ни те ни другие не могли взять верх.

– Как дерево к огню, – беззвучно шептали губы, – как зерно к земле, как солнце к небу-так мать Агне, богиня Жизни, – к душе скорбящей и в тело скорбящее... Как туман на рассвете, как тени в полдень – так утянут боль матери-богини Земли и Воды, Ведява и Модява...

Пальцы постепенно теряли чувствительность, а за ними – руки, спина, все тело. Дух Ольгеса витал где-то далеко, и он не замечал, как дыхание человека под одеялом выравнивалось, а бескровные щеки понемногу розовели...

– Что скажешь, Малх? – с почтением спросил Патраш.

Тот взял пучок травы, перевязанный магическим узлом, и долго вертел в пальцах, прежде чем бросить в очаг.

– Мальчишка, конечно, несмышлениш – сам не понимает своей силы. Будь с ним

осторожен.

– И я получу то, что желаю? Секрет бессмертия?

Слишком много было написано на лице собеседника – так много, что Малх не выдержал и рассмеялся.

– А ты уверен, что я им владею?

– Не дразни меня! – выкрикнул Патраш, едва справляясь с собой. И добавил, успокаиваясь: – Много зим назад, когда я был таким же, как сейчас этот мальчишка, я стал твоим учеником. С той поры ты нисколько не изменился... А мои силы тают с каждым днем. Так что ты раскроешь мне секрет, Малх, ты ведь больше всего на свете хочешь завладеть Шаром. А Ольгес – ключ к нему... Кстати, откуда ты взял своего «племянника»? Его и вправду задрал медведь?

– А ты никак разучился читать следы когтей? – усмехнулся Малх. – И вправду медведь, и вправду племянник... Только не мой. Но это не так важно.

Он посмотрел в сторону избушки, где за закрытой дверью Ольгес творил свое колдовство... Неудачливому охотнику ныне редкостно повезло, потому что Малху нужно было увидеть сына Йаланда Вепря собственными глазами и оценить его способности. Раньше Малх сомневался, теперь же знал точно: мальчишка подходит для его целей. Он сумеет найти доступ к Шару, спрятанному в тайных подземельях города Житнева. И Шар примет его. А дальше... Дальше все просто.

Говорят, будто во времена стародавние, там, где позже встал Новгород Великий, жил знатный мерянин по прозвищу Сокол. Женился он на семнадцати женах, и они родили ему семьдесят сыновей. Там же, в небольшом куде на берегу Оки, обитал отшельником. чародей по имени Дятел. И однажды Сокол спросил своего друга о судьбе своих сыновей. Тот ответил: «Если будут потомки твои жить в согласии, никто их не победит, а поссорятся меж собою – и будут покорены русскими». Умер Дятел в глубокой старости, и похоронили его в Ожском устье, назвав то место Дятловыми горами.

Много ли, мало ли времени прошло – настал черед умирать старому Соколу. Созвал он сыновей, передал им то, что услышал когда-то от мерянского ведуна. И тоже завещал детям мир и согласие. Сыновья поклялись помнить отцовский завет. Однако... Обещать – легко, сдержать слово – намного труднее. Слишком много противоречий и взаимных обид грызло братьев, а потом – и их сыновей, и внуков с правнуками. Инязоры Кадом, Обран и Пуреш – потомки Сокола – делили и не могли поделить земли Дальнего Заволочья и Селигерский путь, что открывал доступ к Шексне и Волге, далее – до самого Великого моря. И началась среди мерянских племен вражда на многие поколения, которая не прекратилась и тогда, когда под стенами их крепостей встали русские дружины. Ни один из князей не вспомнил о завещании Сокола. Да и поздно было вспоминать. Свершилось то, о чем предупреждал Дятел.

Крепость Тунез в устье Оки, по соседству с Дятловыми горами, оборонял князь Обран, у которого была дружина в пять сотен воинов и четырнадцать сыновей. Князь Новгородский Мстислав выставил против них десять тысяч своих ратников. Вел русское войско воевода Борис Жидиславич – тот, что двадцатью годами раньше сжег илем Мустая Одноногого. Ныне история повторялась: деревянный частокол опять высился впереди, на насыпи за широким рвом и рядом дубовых надолбов – эффективнейшим средством против тяжелой конницы.

На сей раз воевода выехал вперед сам – на белой лошади, с белым конским хвостом на копье: знак парламентаря. Он совсем не хотел быть парламентом. Он хотел бы, чтобы никаких переговоров не было вообще, но так решил князь, а его слово – закон. Дело было в том, что разведчик, тайком побывавший в крепости, донес, будто мерянскому инязору Обрану служит Йаланд Вепрь – тот, который двадцать лет назад убил Борисова побратима Савелия Белого, первого княжеского дружинника...

Память жива и свежа – пожилые люди, случается, забывают вчерашние события, но то, что произошло два десятка лет назад, помнят отчетливо и в деталях...

Вокруг не оставалось никого живого, лишь высились груды иссеченных тел. День клонился к вечеру, а битва все не угасала, хотя победители стягивали кольцо, а люди Мустая отступали за частокол, ошетилившись копьями и огрызаясь стрелами... Но – только для того, чтобы там, возле княжеского дома, встать спиной к спине и постараться подороже продать свои жизни. Лишь один воин, израненный, но еще крепко стоявший на ногах, прикрывал узкий пролом в стене, не давая воинам Мстислава ворваться в крепость. Савелий вырвался вперед, поудобнее перехватив меч, взвился вверх в отчаянном прыжке, поверх голов, стрелы знай себе втыкались во вскинутый щит...

И легко, будто кусок подтаявшего масла, наделся на клинок Йаланда Вепря. И упал, не вскрикнув.

Жидиславич взвыл от дикой ярости, изо всех сил пришпорил коня... Да где там – битва отеснила в сторону, завертела, стало не до того, чтобы искать своего врага, их ныне было в достатке.

После того как все было кончено, он долго искал Йаланда среди живых и среди убитых. А потом едва не зарубил дружинника, который сообщил ему, что под развалинами княжеского дома обнаружили потайной ход, уводивший далеко за реку...

– Слушай меня, Обран, – во всю мощь своих легких крикнул воевода, поставив коня на дыбы. – Говорю с тобой от имени моего господина, князя Мстислава.

Мерянский инязор появился на стене – черноволосый, в волчьей куртке мехом наружу и в кожаной броне с серебряными заклепками. Постоял секунду – ровно столько, чтобы не подумали, будто он торопится из трусости, и степенно произнес:

– Слушаю тебя.

– Мой господин повелевает: сложи оружие и открой ворота, тогда никого не тронем. Сам уходи с Оки, а людям своим накажи, чтобы исправно платили дань.

– Еще что скажешь?

Жидиславич ясно ощущал на себе пристальные взгляды из-за стены, поверх оперения стрел, чувствовал, как подрагивают пальцы стрелков на тетивах... И усмехнулся в длинные усы, развернув грудь – так, чтобы золотая гривна на шее ярче вспыхнула на солнце.

– Выдай мне Йаланда, – хрипло сказал он.

Обран задумчиво поскреб в бороде.

– Не обессудь, боярин, тут уж не мне решать. Я ведь не князь, лишь выборный глава. Как народ решит. А насчет Йаланда... Был где-то здесь, а где – бог ведает.

Поняв, что над ним издеваются, воевода чуть было не размахнулся, пуская копьё в полет. Гневно сверкнул глазами, развернул коня и ожег плеткой по боку. Взлетел на пригорок, где поджидал Мстислав.

– Говоришь, Вепрь в крепости? – глухо спросил он.

И ничего не добавил.

А потом дружинные подняли мечи и тяжело пошли на тех, кто посреди широкого лога, за частоколом из дубовых бревен, отыскивал зорким взглядом охотника незащищенные места во вражеских фигурах: лицо, шею, колени, правую руку, сжимавшую оружие...

...Обран умер по дороге. Йаланду, несмотря на тяжелую рану в боку, все же удалось вырыть ножом неглубокую могилу. А вот как-то отметить ее сил уже не хватило. Так и вырос низкий безымянный холмик посреди заболоченной лесной глуши, на сухом островке, меж двух молодых осинок – вместо высокого кургана, выложенного изнутри берестой, где бы и упокоиться мерянскому князю по обычаю: чтобы богатое оружие и украшения лежали в головах, а в ногах свернулась молоденькая пригожая наложница, пожелавшая разделить с любимым долгий путь по загробным мирам...

Ветер доносил до Йаланда песню далеких сосен и запах паленого. Он без сил прислонился спиной к дереву и прикрыл глаза. Подумал как о чем-то неважном, что надо бы попытаться вытащить наконечник стрелы, засевший в боку и мешавший вздохнуть лишний раз. Да самому никак. А те, кто мог бы помочь – друзья, соратники, – лежали под открытым небом, и некому было закрыть им глаза. Отрадно одно: что Мстислав, потерявший в битве

три четверти своих воинов, уйдет теперь с Оки надолго, если не навсегда – отлеживаться, зализывать раны.

(Через пять лет Новгородский князь снова придет к Дятловым горам и на месте сожженной крепости Тунез построит свой укрепленный городок, который вскорости падет под ударами мордвы и угорских племен. Мстислав спасется, ускачет вместе с ближайшими телохранителями через Березополье в Боголюбове... Но это будет последнее, что он успеет в жизни. После таких ударов встанут не скоро. Или не встанут вообще.)

Будто кто-то осторожно ступал по мягкому мху и рыжей траве. Йаланд сделал усилие, разлепил веки... И улыбнулся:

– Ирга, ты?

Она выглядела так же, как когда-то на лесной тропинке, при первой их встрече: в простеньком сарафане, с полным лукошком спелой земляники (хотя теперь была осень, золото дождем падало с берез, и высоко, в бездонной синеве, пронзительно-жалобно кричали журавли). Тяжелая коса спускалась до тонкой талии, чуть раскосые глаза смотрела ласково и выжидающе... Йаланд встал, не ощущая собственного тела, но чувствуя жар на щеках.

– Ирга...

– Все-таки Господь не позволил тебе подохнуть не от моей руки, – проговорил воевода Борис Жидиславич, выходя на круглую полянку посреди болотца.

Йаланд мгновенно схватился за меч. От резкого движения в глазах потемнело и на тот бок, где сидел наконечник, словно плеснули кипящей смолы. Ничего...

Появление воеводы, почерневшего и осунувшегося от долгой погони, а с ним – троих дружинников, наверняка сулило Йаланду смерть. Но он скорее обрадовался, чем огорчился. Теперь уж он постарается потешить Обрана, может, тот простит ему, что не был справлен по нему поминальный обряд. Новгородский воевода меж тем насмешливо сощурился: худой, обросший щетиной, в рубаше, покрытой заскорузлой бурой коркой, сын Мустая Одноногого казался измученным и больным. И совсем не опасным. Где тут с ним драться, разве что прикончить... Но сам нападать не спешил, ждал, пока двое ратников изготовятся к бою, встав слева и справа, в полукруг, а третий зайдет со спины...

«Верить и ждать...»

Так же, как в своем недавнем видении-сне, я поставил свечку за упокой и одними губами (атеистическое воспитание не позволило сделать это вслух) прошептал нечто вроде самодельной молитвы, успокаивая себя: может быть, Глеб там, на небесах, услышит и не обидится, что братец не удосужился загодя выучить текст. В конце концов, не в словах дело.

Церковь («златокудрая царевна», вспомнилось чье-то выражение) в этот неурочный час была пуста. Только в правом приделе, у решетчатой двери, похожей на вход в амбар, кто-то возился со связкой ключей. Я постоял минуту, всматриваясь сквозь огонек свечи в древние лики святых Бориса и Глеба (первые русские великомученики ответили печальными просветленными взглядами), вслушиваясь в гулкую тишину под расписным сводом, и сказал:

– Здравствуйте, святой отец.

Он оглянулся и выпрямился. Узкое лицо на секунду вышло в полосу света, будто озарившись изнутри, и опять скрылось в тени. Лицо было красивым, удивительно сочетавшим в себе суровую северную мужественность и спокойствие, даже нежность в больших мудрых глазах.

– Святой отец – звание, безусловно, почетное и соответствующее моему сану. Но все равно, есть в нем нечто... нескромное, что ли. Какое право, если подумать, я не смею причислять себя к лику святых? Так что зовите меня отец Дмитрий. Я вас знаю, сын мой? Кажется, видел в городе...

Я кивнул, непонятно почему чувствуя ком в горле. Отец Дмитрий заметил мое состояние, что-то там про себя сопоставил и мягко произнес:

– Это с вашим братом недавно случилось несчастье?

– Его убили, – глухо сказал я. – Выстрелили из арбалета.
– Да, ужасное злодейство. Надеюсь, убийцу нашли?
– Пока нет. Честно говоря, я рассчитываю на вашу помощь.
Он с сомнением покачал головой.

– Ну, если вы уверены, что я смогу... Прошу! Мы поднялись наверх, по «заходным полатам», прошли узкой сводчатой галереей с чисто выбеленными стенами. «Единственное уцелевшее строение, – пояснил отец Дмитрий. – Все остальное – звонница, кельи для монахов, хозяйственные постройки – было уничтожено в тридцатом году. Я те страшные времена не застал, а мой родной дядя, брат отца, был в ту пору воином-послушником».

– Воином? – удивился я.

– Гм... У вас, по-моему, не совсем правильное представление о монахах... Как об этих кротких овечках, да?

– Что-то вроде. Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую... и так далее. Хотя я помню примеры из истории: пресвитер Деметрий, монах Юлиан Венгерский, Пересвет...

– Все правильно. Служители Бога обязаны защищать свой храм.

– Что же тогда, в тридцатом, не защитили?

Отец Дмитрий задумчиво помолчал.

– Это, видите ли, сложный вопрос. Те, кто пришел сюда со злым умыслом, были ведь не какими-то иноземными захватчиками. Просто неразумные злые дети, которым взрослые дали в руки спички... Против них грех было поднимать оружие. Отец Илизарий, в те времена здешний настоятель, не разрешил, хотя монахи могли дать отпор... Это был тот случай, когда следовало молить Господа о прощении, а не о наказании.

Я с почтением потрогал массивную каменную кладку.

– Почему храм уцелел?

– Строили на совесть. Безбожники так и не сумели его взорвать. Внизу, у основания, еще сохранились шурфы для взрывчатки – своеобразная память.

Я посмотрел вниз. Отсюда, с галереи, был виден уголок монастырского кладбища – тихое место, благодатное: деревянные и металлические кресты, узкие сырые тропинки меж ухоженных холмиков с островками не растаявшего снега... Могила настоятеля Илизария – в центре, под сенью старого вяза (картинка из славного прошлого: пьяные голоса, покрасневшие юные лица вокруг костра из икон, под присмотром «взрослого дяди» в пенсне и кожанке, спички в руках и лозунг «Все можно!>). И – одинокий, но внятный голос, обращенный к небесам: «Господи, прости их, ибо не ведают они, что творят...»).

В келье отец Дмитрий кивнул мне на низкую скамью вдоль стены, сам сел напротив, указав на небольшой портрет, написанный маслом.

– Мой дядя. Здесь ему приблизительно сорок. Как вам?

– Портрет? Не очень, – честно ответил я.

– Гм... Господь в милости своей не одарил меня талантом, но одарил тягой к живописи. Результат вы только что оценили.

– Зато вы, несомненно, прекрасный специалист по древнеславянскому, – успокаивающе заметил я. – Я читал один ваш перевод...

– Да?

– Фрагмент летописи, найденный тогда же, в тридцатом году. Собственно, поэтому я и пришел.

– Вон оно что, – протянул отец Дмитрий. – Почему он вас так заинтересовал?

– Мне кажется... Нет, я уверен, что именно из-за него погиб Глеб.

Я рассказал ему все. Это было совсем нелегко: я путался, сбивался, перескакивал с пятого на десятое и основательно вспотел, пока добрался до конца. Отец Дмитрий слушал очень внимательно, не перебивая.

– Общепринятая версия гласит, что князь Олег указал татарам дорогу на Житнев и тот повторил судьбу града Китежа: воды озера Житни скрыли его... и так далее. Однако по сей день точно не установлено, был ли Китеж на самом деле. А существование Житнева

подтверждается археологическими находками и культурным слоем...

– Скрыли воды? – недоуменно спросил отец Дмитрий. – Откуда это известно?

– Из вашего перевода. Я понимаю, что летопись могла содержать в себе лишь красивую легенду (Глеб, кстати, был того же мнения: войска Батыя взяли Житнев, сожгли его, перебили жителей, покатались дальше на юг, в степи), однако...

– Я не слышал о такой легенде.

– Послушайте, – решительно сказал я. – Сам документ я, конечно, не читал (старославянский для меня – темный лес), но видел его в музее у Закрайского. Я читал ваш перевод на современный язык – он был в бумагах Глеба.

– Можно взглянуть?

Я раскрыл «дипломат» и положил на стол кипу бумаги с машинописным текстом. Отец Дмитрий, покопавшись в своей сутане, выудил откуда-то очки в тонкой позолоченной оправе, водрузил на нос, пробормотав: «Мартышка к старости слаба глазами стала», и погрузился в чтение. На середине он вдруг очнулся и внимательно посмотрел на меня... Точнее, сквозь меня. И произнес:

– С этим документом связана одна довольно странная история, которая заставляет думать то ли о божьем провидении, то ли о происках сатаны... Кстати, переводить его начал еще мой дядя, и он же провел реставрационные работы: документ был в очень плохом состоянии – его хотели сжечь вместе с иконами, но один мальчик спас его, буквально вытащил из огня.

– Мальчик из монастыря?

– Нет, он был среди комсомольцев.

– Что с ним стало потом?

– Он приезжал сюда где-то в шестьдесят третьем, гостил у нас в доме. И передал документ на хранение в монастырь. Хотя, собственно, монастыря как такового в те годы не было... Так вот, этот человек рассказывал, что тогда он спускался в подземелье под храмом (оно существует и сейчас), попал в тайный ход, который вывел его на какой-то берег моря...

– Наверное, он ошибся, – возразил я. – Ближайшее морское побережье...

– Вот и я подумал о том же. Но самое странное – он видел там всадников. Они были одеты как древнерусские воины: в нагрудниках и кольчугах, с мечами...,

Я отмахнулся.

– Это он приврал или напутал. Или ему пригрезилось: нервное напряжение плюс несколько суток на морозе.

– Возможно, Однако есть вещи, которые так просто не объяснить... И отмахнуться тоже нельзя. К примеру, подземный ход действительно существовал – в тринадцатом веке, во времена татаро-монгольского нашествия. Татары разрушили монастырь и завалил ход. Позже, в конце XV века, когда монастырь был восстановлен, подземные кладовые и тайники вновь отрыли, но тоннель за реку исчез навсегда, сейчас в том месте тупик, каменная кладка.

– Откуда же мальчик мог знать...

– Вот и я говорю: откуда?

В думах своих я не заметил, как пролетело время. Отец Дмитрий снял очки, протер пальцами уставшие глаза и спокойно сказал, возвращая мне листы:

– Я этого не писал.

Я посмотрел непонимающе.

– Да, да. Это не мой перевод. Я, конечно, не помню документ дословно (столько времени прошло), однако...

– А что именно не так?

– Хотя бы то, что Житнев не повторял судьбу Китежа и не погружался в озеро. На самом деле войска Батыя, повернув от Новгорода и Игнач-Креста на юг, подошли к городу и взяли после четырех дней осады.

– Когда это было?

– Весной 1238 года. До Вологды и Великого Устюга Батый не дошел, не тронул и Чудь

Заволоцкую, и Выборг с Онегой... Да, я думаю, вам это известно не хуже меня. (Мне не было это известно «не хуже него», но я промолчал.)

– Наверное, именно так и появилась версия, будто князь Олег вступил в сговор с татарами – дабы они не достигли Белоозера...

– Возможно. По крайней мере, до сих пор неизвестно, кто же послал доносчика в ставку хана. А Житнев... Горожане держались стойко и погибли до последнего человека. Погибли и княгиня Елань, и воевода Еремей, и ближайшие бояре – они укрылись в соборе и держались еще некоторое время, когда татары уже завладели городом.

– А князь Олег?

– Его судьба неизвестна.

Он помолчал.

– Из всех жителей уцелел лишь один юноша, почти мальчик – то ли пастушок, то ли один из отроков воеводы Еремея. Когда начался штурм, княгиня послала его с поручением (скорее всего с просьбой о помощи в соседнюю крепость), но он не добрался. Монахи обнаружили его в лесу, тяжело раненого. Он что-то пытался сказать в бреду, и монах Феоктист записал это. Собственно, именно его свидетельства и содержал найденный документ.

– Продолжайте, – попросил я, кажется, уж вовсе перестав дышать, чувствуя, как незаметно, исподволь, приближается разгадка-развязка (или, наоборот, к нагромождению ложных следов добавляются новые, которые еще предстояло пройти до конца и выяснить, ведут ли они куда-то или заканчиваются тупиком, как давно засыпанный ход под древним монастырем).

– Мальчик вернулся. Возможно, он не захотел оставлять свою госпожу в опасности или заподозрил, что та просто решила сохранить ему жизнь, отослав прочь... Центральные двери собора были заперты изнутри, и мальчик вошел в боковую калитку (за точность не поручусь, но с большой долей вероятности...).

– Я понимаю

– Дальше начинается непонятное. По идее, юноша должен был остаться в соборе вместе со всеми, но тот факт, что его обнаружили в глухом лесу, заставляет думать, будто он попросту сбежал...

– Странное поведение, – согласился я. – Княгиня решила сохранить ему жизнь и отослала из обреченного города. Однако он возвращается, чтобы сбежать... У вас есть какое-то объяснение этому?

Отец Дмитрий задумчиво пожевал губами.

– Приходит на ум, что мальчик, во второй раз войдя в собор, увидел там что-то, что его испугало. Привело в ужас – настолько, что он, забыв себя, скрывается в чащобах... Я приведу вам отрывок из того самого документа, тогда, может быть, вам станет ясно.

Он подошел к аккуратному стеллажу вдоль стен, заставленному темными от времени корешками – разглядел несколько довольно редких изданий Евангелия, Жития святых, подшивок старинных богословских журналов... С верхней полки он достал объемистую картонную папку и протянул мне.

– Это начинал писать мой дядя, – сказал он почти благоговейно. – Я продолжил, сообразно данному ему слову закончить перевод. Надеюсь, это будет ему более достойной памятью, чем мой живописный «шедевр»...

Я взял папку и развязал тесемки. Первые листы, написанные в далеком теперь уже 63-м, выцвели и поистрепались по краям, чернила поблекли, но читать было легко – почерк у дяди был исключительно аккуратным и изящным, буква к букве. Выделялись заглавные, выписанные с красной строки: витиеватый росчерк, прекрасная стилизация под древнерусскую вязь...

«В год 6746 от сотворения мира, – читал я, подвинув к себе старомодную, начищенную до блеска керосиновую лампу, – несметное войско, ведомое поганым ханом татарским Батыем и его воеводами Бурундаем и Субудаем-багатуром, подошло к граду Житневу, что

скрыт был среди лесов дремучих, и обложило его, и взяло приступом, много народу побивши и учинив разорение великое. Но княгиня, правившая городом, и воевода, и челядь дворовая, и мастеровые, и сословия – обманули поганых, оставив свои бранные тела на земле, будто убитые, а сами, просветленные и чистые душою, вошли в сверкающие врата, кои указала им Пресвятая Богородица в милости своей, явившись им в образе хрустального шара... И апостолы в белых одеждах вели людей, что убоялись и сказали: не пойдем мы, ибо не знаем, что ждет нас, но сказано им было: не бойтесь, и обретете спасение...»

Некоторое время я сидел неподвижно, прикрыв глаза, видя внутренним взором то внимательное лицо отца Дмитрия, то незнакомый северный берег и всадников в развевающихся плащах, несущихся вдоль серой кромки прибоя, то – опять! – странноватые, глаза Владимира Шуйцева («Моцарт и Сальери – извечная тема». – «Нет, нет, никакой вражды и зависти. Посмотрите на фотографию!» – «Я видел собственный – труп – множественные ранения в грудь и живот...» – "Оставив бранные тела на земле...")

– От чего умер ваш дядя?

– От болезней, – вздохнув, пояснил отец Дмитрий. – Он ведь сидел в лагерях с 51-го по 58-й: кампания против религиозного одурманивания.

– А в документе упоминается имя мальчика?

Он нахмурил брови.

– Упоминается, но разобрать было нельзя. Только первые две буквы: «Ни...» или «Не...» Возможно, Никита или Никодим.

– Или Некрас, – тихо добавил я.

– Предатель! – гневно выкрикнула княгиня. Подлый предатель!

– Любимая, – хрипло проговорил князь Олег, падая на колени. – Как ты могла подумать...

– Стоп, – вздохнул Мохов.

Я сидел в дальнем от сцены, «нерабочем», уголке, оставаясь как бы невидимым со стороны: все были заняты своими делами, никто меня не замечал, принимая, возможно, за манекен для одежды. Только Машенька Кутгель рассеянно кивнула мне, после чего подошла к Александру Михайловичу и принялась что-то энергично ему втолковывать, а он вяло отмахивался. Далее следовала сцена, стандартная для книг и фильмов про театр: главный режиссер, изнуренный тупостью актеров и вспомогательной челяди, а также выходками примадонны с прогрессирующей шизофренией, с размаху бросает на пол папку с текстом и широким шагом удаляется в буфет, откусать водочки и выпустить пар. Впрочем, ничего похожего: буфет в студии не работал со вчерашнего вечера, и Мохов ничего швырять не стал, ушел по-английски тихо. Ольга Баталова, красная лицом, зло переругивалась со своим партнером по сцене, комкая в руках псевдожемчужную кикю. Ковер на полу в «горнице» сбился, кто-то из рабочих уже тащил по нему связку осветительных кабелей...

Машенька – как обычно, в свитере с широким горлышком, расстегнутом пуховичке, джинсах и полусапожках – слегка растерянно стояла посреди павильона, не зная, чем заняться в отсутствие Большого босса. Вспомнила обо мне (на безрыбье и рак – рыба), подошла, села рядом, приняв крайне озабоченный вид.

– Нервничает, – сообщила она, имея в виду Мохова. – Господи, он был великолепным помощником режиссера, одним из лучших. А теперь на нем лица нет. Еще схватит язву желудка... А вы здесь как, по делу?

Я пожал плечами. Что я мог ответить?

– А убийцу нашли?

– Вы прекрасно знаете, что нет. Убийца во время осмотра находился в зале. Все, кто был там, в данный момент здесь, перед вами. Никто не арестован.

– Значит, он тут, среди нас. Жутко, – она поеживаясь. – Жутко находиться рядом с психом.

– Вы меня, что ли, имеете в виду?

– Почему вас? ЕГО...
– По-вашему, ОН ненормальный?
– Все преступники ненормальные, – сказала она сдержанно. – Кроме, разве что, профессиональных киллеров.

– Интересно.

– А что? Вот скажите, почему он стрелял именно из арбалета?

Решив проверить ее осведомленность, я осторожно ответил насчет того, что другого оружия у убийцы не оказалось под рукой, а выходить из студии было рискованно, вахтер мог обратить внимание...

Осведомленность ее оказалась на высоте, как и здравый смысл.

– Глупости. Сколько лет я работаю здесь, и мне бы в голову не пришло бежать за оружием в реквизиторскую... Просто бы не пришло! Можно ударить чем-то по голове, задушить шарфиком, в конце концов...

– Значит, у убийцы нестандартное мышление.

– У всех убийц стандартное мышление, – отрезала Машенька и фыркнула. – Вы считаете меня ребенком, да? Это все из-за моей внешности.

И повторила мой собственный вывод:

– Он точно знал, когда на экране свистнет стрела. И сам выстрелил в этот момент, иначе бы его услышали. Разве я не права?

Она смотрела мимо меня, на сцену с псевдокнязем и псевдокнягиней... Интересно, кого она подозревает? Оленьку Баталову – из чисто женской неприязни (почему одним все, а другим – ничего?) – или... Я проследил за ее взглядом и вдруг сообразил, что он был устремлен не на Ольгу, а на Александра Игнатова (князя Олега). Все логично: арбалет – не женское оружие... Надо нести по коридору, взводить тетиву, что довольно тяжело, даже при наличии специального механизма, целиться, держа на весу... Ай да Машенька.

– Кому-то Глеб показывал эту пленку раньше, до общего просмотра. И наверное, он уже тогда знал (или догадывался), кто перед ним. И – не принял никаких мер, – она сердито стукнула кулаком по коленке. – Ну почему он не рассказал все вам? Почему мужчины такие самоуверенные, черт возьми?

Я сидел молча – что тут возразишь... Она всхлипнула.

– А самое страшное – все осталось, как прежде. Небо не погасло, мир не перевернулся... Наша примадонна цапается с примадонном (да вы сами видели), у босса творческая импотенция, я ору и хлопаю хлопушкой, осветитель светит, оператор снимает, Вайнцман рисует. Король умер – да здравствует король! Извините, я сегодня зла. Я вообще злая, – покаянно сообщила она. – Злой ребенок.

– Так как по-вашему, почему убийца использовал арбалет? – спросил я, желая ее отвлечь.

– Говорю же, он псих. А арбалет он подбросил как . улику против себя самого. И теперь наблюдает исподтишка: догадаетесь вы или нет? Натуральная шизофрения.

Она полезла в карман пуховичка, вытащила пачку сигарет, неумело затянулась, едва не закашлявшись, – видно, стаж курильщика был невелик.

– Я где-то читала о подобном – у Ле Карре или у Квина... Не помню. Там убийца подбрасывал сыщику, – где только можно, этикие шарады, улики против себя в , зашифрованном виде. Сыщик, бедный, страниц триста разгадать не мог, но потом все же допер... А если бы не это – шиш бы он кого нашел.

– Вы считаете, стрела – это тоже одна из шарад?

Что-то вдруг толкнуло меня, перед глазами возник, словно кадр старого фильма, полутемный зал, пересекаемый лучом проектора, и мальчик на экране (а Глеб уверял, что этот персонаж вымышленный...).

– Мне нужно еще раз побывать там, – пробормотал я, вскакивая и увлекая за собой Машеньку.

– Дверь же опечатана...

– Наплевать (Славка поймет и прикроет).

Она смотрела на меня осуждающе, но с явным интересом – эти два чувства боролись в ней, пока я срывал пломбу с дверей просмотрового зала. Подсобное помещение, что находилось за экраном, запирать не стали – эксперты облазали его на четвереньках вдоль и поперек, обнюхали каждый окурок и измерили в миллиметрах каждый отпечаток подошвы. Забрали на анализ полдюжины водочных бутылок и две жестянки из-под рыбных консервов. Масса посторонних следов – и ни следа убийцы.

– Вы умеете пользоваться проектором? – спросил я Машеньку.

– Само собой.

– Тогда включайте.

Короткая возня.

– Готово... А зачем вам?

– Сам не знаю, – честно ответил я, проходя за экран и отыскивая ту самую дырочку. Нашел, прильнул к ней – Маша стояла у задней стены, возле проектора, точно инженер Гарин – у своего гиперболоида, в глазах застыло ожидание (теперь она принимала меня за волшебника, способного вытащить убийцу за уши из шляпы, как кролика).

– Погасите свет.

Она подчинилась. Зал погрузился во тьму, и теперь мне были видны лишь ножки переднего ряда кресел, а дальше все исчезало, только слепящий желтоватый луч бил в глаза (и впрямь гиперболоид), так что я вынужден был отпрянуть.

Несколько секунд я еще стоял, дабы убедиться в собственной догадке (черт бы ее побрал!), затем осторожно вышел в зал, зацепившись за что-то ногой и едва не загремев. Проектор по-прежнему источал свет, перед глазами плавали оранжевые протуберанцы... Машенька опомнилась, щелкнула выключателем и медленно произнесла:

– А знаете, что сказал преступник в романе, когда его все же вычислили? Что если бы он ошибся и сыщик оказался тупее, чем предполагалось, он пришел и сдался бы сам. Ему была невыносима мысль, что преступление так и останется нераскрытым и мир не узнает, каким гениальным был убийца...

Она сидела спиной к закрытой двери и не видела, как та тихо-тихо, по сантиметру, начала приоткрываться. словно в дешевом «ужастике», разве что без надсадного скрипа... Удлиненная ломаная тень возникла на пороге, в узкой полосе света – нервы у меня были поистерты последними событиями, поэтому я, не рассуждая, моментально скользнул вбок, прижавшись к стене и нацелив табельный «Макаров» в голову пришельца. И почти спокойно спросил:

– Вынюхиваете?

Яков Арнольдович Вайнцман, художник-декоратор, прошел в зал, не обращая внимания на пистолет, и, затравленно глядя в пустой угол, шепотом спросил:

– Значит, вы тоже догадались, да?

– О чем вы?

– О том, что убийца промахнулся в темноте. Он попал в Глеба по ошибке, а целился он в меня, в меня!

Глава 18 ТОЧКИ НАД "і"

Он великолепно дрался, этот мерянин. Воевода Борис Жидиславич испытал на миг нечто вроде уважения к противнику. Ни тот ни другой за полтора десятка лет не стали моложе, оба устали и дышали с прерывистым хрипом, но тяжелые мечи, уже обагренные кровью, еще летали в руках, как невесомые, обрушиваясь на врага со всей мощью, отскакивали от умело выстроенной защиты, сталкивались крестовинами в жестком противоборстве, высекая искры и издавая мелодичный благородный звон – словно души, скрытые в стали, радовались битве...

Двое Борисовых людей лежали неподвижно, застывшие, уже стекленея взорами. Третий ползал по траве, зажимая рассеченное плечо и отыскивая улетевшее оружие. Теперь на несколько коротких минут Йаланд Вепрь останется с новгородским воеводой с глазу на глаз... И он наверняка знал, что ни один из них не уйдет с этого крохотного клочка твердой земли посреди болот: так и лягут друг возле друга, как те два дружинника, возле безымянного холмика, под которым нашел успокоение инязор Обран.

Рана в боку давала о себе знать. Левый глаз заплыл, кровь хлюпала в сапоге... Йаланд понемногу пятился, отступая с сухой земли к болотистому участку, чувствуя, как ноги утопают в грязи по щиколотку и выдирать их становится все труднее... Ах! Вражеский меч достал, скользнул вниз, разрывая грудь...

– Это тебе за Савелия Белого! – выкрикнул воевода, а Йаланду сквозь шум в ушах показалось, будто тот что-то тихонько пропищал...

И он ответил, ощерясь: «Рано радуешься, собака. Это всего-навсего еще одна рана, одна из многих».

Звериное чутье сработало вовремя, а вот тело на этот раз опоздало: почувствовав движение сзади, он только и успел, что убрать затылок и развернуться на пятке, принимая чужой меч собственной плотью, – это оставшийся в живых дружинник нашел в себе силы подняться и ударить... И упасть, захлебнувшись собственной кровью, – клинок Йаланда, взметнувшись снизу вверх по дуге, рассек парню не защищенное броней горло.

«Может статься, Обран простит меня за свою невеликую могилу, – мелькнула угасающая мысль. – Не в кургане лежать мерянскому вождю, не по обычаю... Зато бог – не русский Христос, а безгубый слепой Анамез, покровитель мертвых, на этот раз будет доволен обильной жертвой...»

Новгородскому воеводе тоже досталось – и в битве у стен разрушенного теперь Тунеза, и сейчас, от Йаландова клинка, и он тоже шатался из стороны в сторону... Однако Йаланд знал наверняка, что упадет первым. Скоро он увидится со своей Иргой. Она ждет его – там, у обрывистого берега реки, где высокие рыжие сосны упираются в небо верхушками. Сейчас он, конечно, выглядит намного старше ее, израненный, седой, с морщинистой кожей... А ведь когда-то его принимали за ее младшего братишку, хотя они были почти ровесниками: девушки всегда взрослеют быстрее ребят, и тем приходится догонять... Да все равно она примет его – любовь неспособна видеть уродливые шрамы и не пугается запаха свежей крови. Она видит сердцем... А сердце дочери мерянского старейшины – Йаланд Вепрь знал это – всегда принадлежало только ему.

Он оступися и упал на спину. Новгородский воевода, превратившись вдруг в великана, встал одной ногой на грудь поверженного врага, занося над головой меч. Кажется, он еще прокричал что-то торжествующее – Йаланд не расслышал. Инстинктивным движением, уже не видя ничего вокруг, он поднял руку навстречу, сунув клинок во что-то податливое, мягкое, трепещущее. И откатился прочь, оставив оружие во вражеском теле. Попробовал встать, но не смог. Так и смотрел, привалившись спиной к чахламу деревцу, как воевода, оскалась, приближается к нему, чтобы нанести последний удар...

Борис Жидиславич рухнул молча, лицом вниз, придавив врага мертвым телом, будто желая увлечь за собой в могилу. Из груди Йаланда мигом вышибло воздух. Он судорожно открыл рот, пытаясь вдохнуть, и увидел, как солнце слетело с небосклона, быстро опустившись за лес. И стало темно.

Высокие грозные идолы, расставленные в широком гроте вдоль стен, в круг, устремили слепые глазницы на массивный каменный постамент в форме мальтийского креста... Сейчас постамент был пуст, а человеку, который бежал со всех ног узким подземным коридором, казалось, будто каменные изваяния, стоявшие в гроте еще с тех пор, как эта земля только-только освободилась от тысячелетнего ледника, вдруг сами собой сошли со своих мест и теперь преследуют его, неуклюже, медленно переваливаясь за спиной.

В коридоре было темно, но Шар, верховное божество Древних, освещал человеку

дорогу. Страх гнал вперед – неясный, размытый свет выхватывал из мрака неровные стены в потоках воды, поворот, еще поворот... Он оглянулся, обняв Шар ладонями, пытаясь накрыть своим телом, спрятать... Он слышал топот ног сзади, еще далеко. Хриплое дыхание и дикий вопль, исполненный ярости и какой-то дикой, оголтелой тоски:

– Отдай! Отдай, мразь!!!

Они скрывались здесь, в древнем капище, уже двое суток. Люди Мстислава, посланные в погоню, прочесали все окрестности, заглянули едва ли не под каждую веточку, ощупали длинными шестами дно ближайшего болотца – вдруг проклятые беглецы утонули... Вход в священную пещеру Древних был у них под самым носом – не раз и не два их кони пофыркивали буквально в двух шагах. Ирга сидела в углу тихонько, словно мышка, Йаланд распластался у входа, с мечом на изготовку: если что – он и останется тут, на этих камнях, а с ним еще трое-четверо врагов. Только тогда остальные смогут перешагнуть через него, чтобы добраться до Ирги. Не раньше.

Неизвестно, что стало бы с беглецами, если бы Ирга не обнаружила узкий лаз в дальнем углу пещеры. Она едва не вскрикнула – хорошо, Йаланд вовремя зажал ей рот ладонью. Показала глазами на черное отверстие меж камней. Супруг на радостях обнял ее, прижал к себе, впервые за много дней почувствовав надежду. Пусть зыбкую, но все же...

Сперва они двигались где ползком, где на четвереньках. Но понемногу ход стал расширяться, пока не превратился в явно рукотворный тоннель, по которому можно было идти, не сгибаясь. Было темно, а факел сделать было не из чего, и Йаланд шел впереди, ощупывая дорогу кончиком меча, как слепой – посохом.

– Куда мы идем? – время от времени спрашивала Ирга.

Йаланд честно отвечал:

– Не знаю. Но я тебя выведу во что б это ни стало. Не бойся.

Она доверчиво сжала его ладонь.

– С тобой я ничего не боюсь.

И в темноте коснулась рукой своего живота, где чувствовались порой довольно ощутимые толчки. И улыбнулась, подумав: «Это непременно будет мальчик. Девочки не ведут себя так беспокойно, и живот от них гладкий и упругий, а у меня торчит, словно большой огурец. И сама я напоминаю уродливую каракатицу – кто ж в здравом уме такую полюбит». Впрочем, последняя мысль ее не была печальной – скорее, исполненной чисто женского кокетства... Кому, как не ей, знать, о ком будет думать сын Мустая Одноногого, хоть каких красавиц усади перед ним.

– Свет! – вдруг выкрикнул он и безжалостно поволок ее вперед, уже безо всякой опасности. – Мы выбрались!

Ей тоже захотелось закричать: наконец-то она сообразила, отчего очертания стен стали вдруг различимы, – это не глаза привыкли к темноте, это...

Перед ними лежал просторный полукруглый зал с высоким сводчатым потолком. Где-то очень близко плескалось невидимое море: волны с ленивым шипением выползали на берег и скатывались обратно, играя россыпью мелких камешков. На влажных стенах плясали зеленоватые блики, и вдоль, по периметру зала, высились громадные, в три человеческих роста, каменные изваяния. Грубые, но выразительные лики равнодушными глазами наблюдали за беглецами, которые, робко оглядываясь, инстинктивно прижались друг к другу. На гладком, словно зеркальном полу был начертан рисунок: угловатая белая спираль, наискось перечеркнутая решительной стрелой – будто резким ударом клинка. Йаланд наморщил лоб, стараясь вспомнить, где он видел его. Когда-то, еще в детстве...

– Что это? – шепотом спросила Ирга.

– Заброшенное капище. Я слышал от отца, когда был маленьким, будто среди северных чащоб, возле Дятловых гор, есть заброшенный храм древних жрецов, где они поклонялись каким-то своим богам.

– Каким богам?

– Никто не знает. Народ, что жил здесь раньше, исчез, жрецы умерли. Богов забыли.

Ирга покачала головой.

– Плохо, когда богов забывают. А как же...

Йаланд проворно присел, развернувшись и выставив меч перед собой. Ирга – молодец, сообразила – мгновенно замерла, превратившись в статую, оба настороженно прислушались... Так и есть, там, в нише позади одного из каменных истуканов, кто-то прятался: был слышен невнятный, скребущийся звук. И еле слышный стон.

Человек лежал на боку, вытянув одну руку вперед, другой зажимая рану на левой стороне груди. Рана выглядела странно: маленькая, почти идеально круглая и словно оплавленная по краям. Йаланд попытался прикинуть, какое оружие могло нанести ее. Не стрела и не копьё, это точно. И тем более не меч. Что же тогда?

Опустившись на колени, он осторожно перевернул человека на спину и подложил ему под голову свой плащ (вернее, то, что когда-то было плащом). Теперь он разглядел, что перед ним совсем молодой парень, лет семнадцати, не больше. Темный пушок только-только начал пробиваться над верхней губой, кожа на бледном лице еще не загубела, была нежной, почти девичьей. Однако под изорванной одеждой явственно проступали крепкие мышцы: в мальчишке угадывался закаленный воин. К поясу были прикреплены ножны от тяжелого метательного кинжала и тул, предназначенный для коротких арбалетных стрел. И тул, и ножны были пусты. Йаланд посмотрел на крохотные розовые пузырьки, лопавшиеся у раненого в уголках губ при дыхании, переглянулся с Иргой и с грустью покачал головой. Незнакомец не выживет.

Меж тем тот приоткрыл глаза – зрачки были подернуты белесой дымкой. Он еще держался на зыбкой грани, но это было ненадолго.

– Ты можешь говорить? – спросил Йаланд. – Кто ты?

Незнакомец пошевелил губами.

– Передайте Хранительнице...

– Кому?

– Передайте Хранительнице, – более внятно прошептал человек. – Мы не смогли остановить его... Она ошиблась. Это не князь Олег, это...

Юноша шептал все тише и бессвязнее, и Йаланд сначала опустил на корточки, потом и вовсе прилег рядом, стараясь расслышать, – ему очень важно было расслышать, о чем говорил незнакомец. Почему – он и сам себе не мог объяснить.

– Да, досталось твоему отцу, – протянул Патраш Мокроступ. – Как он сумел еще и четверых положить...

Ольгес не слушал. Он дежурил у постели Йаланда уже несколько дней – сам готовил еду и кормил его с ложечки, будто малого ребенка, колдовал над целебными отварами, прикладывал пучки трав, перевязанные магическими узлами, к страшным ранам на теле. Молился ночами светлым богиням – хранительницам Жизни, Модяве и Ведяве, принеся в жертву белого петуха и рисуя древние знаки его кровью на полу, возле постели больного. Измучившись за день, он нередко тут же и засыпал, возле отца, прямо на полу, прислонившись головой к лавке. Но и тогда тревога не оставляла его – сны были странные, будоражащие... То он в каком-то неведомом мире, посреди огромного зала с прозрачными стенами, где его окружали люди в белых ниспадающих одеждах, то он крался куда-то вверх по темной лестнице, мимо загаженного подоконника – впереди была дверь, обитая кожаменителем, и маленький коврик перед ней, пропахший кошками.

(Напарник вжался в стену сбоку от двери, подняв пистолет в обеих руках дулом кверху, справа от себя, гротескно застыл на полусогнутых, кивнул... Второй постучал, тут же отпрянул, потом – еще раз, настойчивее. Пожал плечами, сделал несколько знаков на языке глухонемых, осторожно, двумя пальцами, коснулся дверной ручки, тут же присел на корточки, чувствуя у виска ствол пистолета: напарник страховал из-за плеча...)

То – он повторялся чаще других – Ольгес, с огненным мечом в руках, дрался против огромной стаи полуптиц-полудив, слуг бога Анамеза. Он бешено вращал клинком – птицы

отшатывались на несколько мгновений, теряя убитых, но тут же снова набрасывались, и Ольгес с ужасом чувствовал, что устает...

– Спишь? – расслышал он слабый голос и тут же вскочил, припал к постели отца.

– Нет, я здесь... Ты звал?

Йаланд Вепрь дернул выступающим кадыком и глухо произнес:

– Кажется, ныне умру. Не все же тебе возле меня...

– Ты что! – закричал Ольгес. – Что ты надумал? Я тебя вылечу! Даром, что ли, ходил у Патраша в учениках? Да ты и сам поправляться начал...

Он говорил еще что-то, успокаивая, увещевая, а у самого сердце заходило в нехорошем предчувствии: не стал бы отец говорить о последнем, если бы не знал наверняка: пришел черед. И ведь не упросишь остаться, не помогут ни чудодейственные отвары, ни вовсе уж тайные заговоры, притягивающие темные силы... И не сказка это, не сон, чтобы самому придумать хороший конец.

– Один остаешься, – прерывисто сказал Йаланд. – Ушла моя Ирга, она ждет меня там, в пещере у моря, где каменные идолы...

– Тебе нельзя говорить.

– Молчи, слушай. Мне осталось недолго.

Незнакомец в последний раз посмотрел Йаланду в глаза. Сжал холодными пальцами его запястье – и сын Мустая Одноногого словно бы прозрел. Он просто знал теперь все: откуда взялось это капище и этот тоннель, какой цели они служили, как Древние, используя Знания, полученные от Шара, открыли для себя возможность перемещения в разных Реальностях и как Шар однажды исчез с этого постамент-креста, украденный и брошенный куда-то в неведомое, на много тысяч световых лет, на неизвестно сколько веков...

«Ты должен найти его и того, кто его похитил», – само собой возникло у него в голове. «Найти Шар? Но как?» – «Когда Шар был украден, время свернулось в кольцо... Тот человек узнает об этом и снова возвратится сюда. И так будет повторяться до бесконечности, если только ты не сумеешь разорвать это кольцо...» – «Я не понимаю!» – «Это неважно. ОН поймет».

– А что значит «время свернулось в кольцо»? – спросил Ольгес.

– Это значит, что на некотором отрезке прошлое и будущее поменялись местами. Я и сам не понимаю до конца... Теперь слушай внимательно. Шар скрыт в городе Житневе, под собором великомучеников Бориса и Глеба, в переходе за маленькой дверцей позади алтаря. Я не успел добраться до него и остановить предателя...

– Предателя?

– Да. Пройдет десять лет, и на эти земли вторгнется неисчислимое войско из южных степей. Житнев скрыт среди лесных чащоб и болот, но найдется предатель, который покажет врагам дорогу...

– Господи, – прошептал Ольгес.

– Так будет... Если только ты не отыщешь этого человека раньше, чем он сумеет... Тогда город будет жить и Шар вернется на свое место.

Голова его бессильно откинулась. Глубоко запавшие глаза туманились.

– Всю жизнь я мечтал своими глазами увидеть божество Древних. Говорят, тот, кого примет Шар, обретет небывалое могущество, сможет путешествовать в иных мирах и дотягиваться рукой до звезд... – Йаланд помолчал, отдыхая. – Сейчас я жалею, что рассказал тебе обо всем. Твоя жизнь теперь будет в постоянной опасности, а я не смогу помочь. Придется уж тебе самому...

Голос стихал. Ольгес крепился, но тут не выдержал, заплакал. И не заметил, как неслышная черная тень подкралась сзади к порогу и замерла, растворилась среди других теней. Кажется, маленькая девочка за занавеской опять проснулась и тихонько запищала.

– Ш-ш-ш, – зашептал ласковый женский голос, успокаивая, убаюкивая... Но Ольгес на

этот раз словно и не услышал, хотя голова опять отяжелела. Йаланд снова закашлялся – тяжело, гулко, Ольгес тут же подхватил чашку с отваром, приподнял голову отца и просунул ладонь под затылок. Неожиданно чашка замерла в руке... Ольгес взглянул на нее с некоторым удивлением. И вдруг он все понял.

Он всегда готовил этот отвар собственноручно, сам чертил над ним руны, толлок порошок в тяжелой ступке, сам варил несколько дней подряд, следя, чтобы огонь был ровный, не сильнее и не слабее положенного. Он наизусть знал этот запах. А теперь запах был другой – к нему, старому, примешивалось что-то неуловимое, никто сторонний и не различил бы...

Ольгес резко отшвырнул чашку от себя – обожженная глина разлетелась на кусочки, отвар вылился на пол и зашипел, точно рассерженная змея. Он вскочил и развернулся к двери. И проговорил, едва не задохнувшись от ярости:

– Ты...

На лице Патраша Мокроступа играла улыбка. Она могла показаться даже доброй, если бы не глаза... Глаза колдуна не предвещали ничего хорошего. (Птицы-дивы из сна, налетающие сотнями, кружившие над головой, норовившие вцепиться зубами... Вот почему их было так много и огненный меч оказался слабоват против них...)

– Ты отравил его!

Патраш покачал головой.

– Наоборот, если бы не я, твой отец умер бы по дороге к моему дому. А я поддерживал его никчемную жизнь, пока он мне был нужен. Я знал, что он обязательно расскажет тебе о Шаре – на пороге смерти... Теперь я знаю все. И ты тоже, к сожалению.

Ольгес пятился, пока не уперся спиной в стену. Тьма сгустилась, птицы вырвались на волю и теперь хлопали перепончатыми крыльями у самого лица.

– Дальше я справлюсь один, – услышал Ольгес как сквозь густой туман. – Больше мне не нужен ни ты, ни Йаланд, ни этот старый придурок, возмнивший себя великим чародеем.

– Малх? – тихо спросил он, стараясь унять дрожь в коленях. Его правая рука медленно-медленно опустилась к поясу, нащупывая берестяные ножны – давний подарок отца. – Тот старичок, который...

Патраш хмыкнул.

– Догадливый ты, однако.

И бросился. Вихрем, через всю горницу, оттолкнувшись от противоположного угла. Тело колдуна врезалось в Ольгеса, и они покатались по полу. Птицы вокруг визжали уж вовсе непереносимо, словно в истерике. Ольгес попробовал бороться – какое там. Патраш был ловок и силен, как зверь, и – чего греха таить – гораздо лучше учен воинскому искусству (некстати вспомнилось: он и тогда, в их первую встречу, вышел ночью из дома безоружен – видеть, прекрасно знал, что при нужде и так совладеет с любым врагом). А Ольгес...

– Я больше не могу, – сказал он, падая без сил на вершине холма... Ну, если честно, не совсем на вершине – до нее оставалось еще шагов десять. Но он не мог заставить себя встать, хоть режь. Ноги даже не гудели – их будто вообще не было. Пот пропитал всю одежду и даже воздух вокруг.

Йаланд подошел, склонил голову набок и проговорил:

– Хорошего сына я воспитал, нечего сказать. Будь на моем месте враг – твоя голова лежала бы сейчас отдельно, где-нибудь в кустах. Меч-то хоть не бросил?

– Нет, – сквозь зубы выдохнул Ольгес.

– Тогда вставай и дерись.

Юноша перевернулся на спину, дыша, как рыба, выброшенная на берег.

– Тебе легко говорить. Ты-то успел отдохнуть.

– Это потому, что я прибежал раньше тебя. Поднимайся, нечего разлеживаться.

Хорошо быть убитым, лениво шевельнулась в голове мысль. Лежишь себе, ничего не ощущая, птицы тебя клюют, черви едят... Тьфу! Он со стоном поднялся на ноги. Попробовал

замахнуться – удар вышел из рук вон плохо, будто никогда в жизни и меча не держал. Бах! Он увидел отцовский удар, даже вскинул руку для защиты. И опрокинулся навзничь, закричав от боли в неловко подвернутой руке.

– Усталость, – сказал Йаланд, – это твое преимущество. Она позволяет твоему телу быть расслабленным, а голове – думать. Иначе возникает глупое желание мериться силой со своим противником. Так ничего не добьешься.

– Что же делать?

– Будь изворотливым и хитрым. А главное – помни, что твой враг сильнее тебя. И значит, он неосторожен... Эп!

Ольгес снова поскользнулся, зацепившись за что-то ногой, но это вышло так неожиданно, что Йаланд, приготовившись махнуть мечом, сам не удержал равновесия и рыбкой полетел с откоса, только пятки мелькнули. Несколько раз он перевернулся через голову и застыл, нелепо разбросав руки.

Усталости как не бывало. Сердце Ольгеса ухнуло куда-то в черный омут, он в два прыжка подскочил к лежавшему отцу и затормошил его, крича от ужаса...

Йаланд Вепрь спокойно приоткрыл один глаз и хмыкнул:

– А неплохо...

Он почувствовал руки у себя на горле. Увидел закопченный потолок с висящими под стропилами пучками трав, злобное лицо колдуна и подумал: «А ведь он свободно мог убить меня с помощью магии... Но это, конечно, было бы не то. ТАК ощущение гораздо сильнее – когда жизнь твоего врага уходит на глазах, медленно, сквозь твои пальцы, сомкнутые на сонной артерии...»

Длинный нож вошел Патрашу Мокроступу в мягкие ткани чуть ниже живота. Хватка ослабла, он закатил глаза, ваясь вбок, и сжался в маленький кричащий комочек, сию секунду достать до окровавленной рукоятки... Следовало бы добить, но Ольгес не мог заставить себя снова подойти. Шатаясь, он добрался до постели отца. Йаланд Вепрь был мертв. Нос его заострился, давно не бритые щеки ввалились и покрылись синюшной бледностью. Тело, почему-то сразу сделавшееся худым, вытянулось под покрывалом. Ольгес сложил ему руки на груди, поцеловал в холодный лоб и прошептал молитву. Ему очень хотелось заплакать, но слез почему-то не было. Опустившись на корточки рядом с трупом колдуна, он выдернул нож, покрытый бурыми пятнами, поднял глаза и увидел на пороге комнаты Дану.

Она смотрела на него спокойно и чуть удивленно, словно не осознавая до конца, что же произошло. И – она была потрясающе красива: такая мысль некстати посетила голову юноши, и он покраснел, поспешно вставая. Он всегда любовался ею, частенько думая с раздражением: да что она нашла в этом чертовом колдуне? Он же намного старше, и вообще... Ольгес вспомнил, как увидел ее тогда, утром, у колодца – она обернулась, встретившись с ним взглядом, и улыбнулась, совсем без насмешки, скорее, как показалось юноше, обещающе... Или он все себе придумал.

– Он первым напал на меня, – сказал Ольгес. – Он убил моего отца и пытался убить меня. Я только защищался.

Она печально кивнула головой. «Что же сказать ей? – подумал он. – Что я очень сожалею (несомненно, Патраш держал ее с помощью какого-то колдовства, и теперь она, свободная, сможет пойти со мной... Но вдруг она все-таки была привязана к этому сморчку?). Что я обязательно возьму ее замуж, буду заботиться о ней и ее детях, как о родных. И что я любил ее – с того первого дня, вернее, ночи... То есть...»

Стрела пропела у него над ухом, ударившись в бревенчатую стену. Он инстинктивно пригнулся и взмахнул рукой, видя, что Дана, не изменившись в лице, с дикой, завораживающей быстротой кидает новую стрелу на тетиву маленького охотничьего лука...

Она умерла сразу, без мучений. Длинный клинок, сделанный в форме рыбки, пробил ей горло навывлет, пришив к дверному косяку. Ольгес хорошо умел метать ножи – отцова наука. Юноша совершенно не помнил, как выбрался из куды и почему оказался здесь, у

берега лесного озера, лежа лицом вниз, в траве... И почему сейчас не ночь и даже не утро, а, пожалуй, вечер следующего дня. Он приподнял голову и вяло подумал, что остался один, безоружный, в глухом лесу, в окружении врагов. Надо бы вернуться назад, в дом, забрать свой нож и хоть немного еды (хозяевам это уже не понадобится)... Но вспомнил мертвые глаза Даны, торчавшую из ее горла рукоять и снова погрузился в спасительное забытие. Будь что будет.

Маленький мальчик неуклюже выбрался из-под лавки, где прятался, прошепал босыми ногами по комнате, подошел к убитой женщине, сел рядом, прижавшись лицом к ее ногам, и прошептал:

– Мама...

В другой половине избы, за занавеской, опять заплакала девочка. Нужно было идти ее успокаивать.

– Экспертиза доказала, что фрагмент летописи, изъятый из экспозиции краеведческого музея, является подделкой, – сказал Слава Комиссаров, сцепив руки на столе. Вид у него был, как пишут в школьных сочинениях, «усталый, но довольный» – всплыл наконец долгожданный мотив ("Кажется, подсознательно он никогда не верил в мои изыскания в пошлом духе «Секретных материалов»)." – Вы знали об этом, Яков Арнольдович?

Вайнцман робко поднял глаза, пожал плечами – все дни, со смерти Глеба, в нем чувствовалась какая-то пришибленность. Все мы изменились, но он – особенно. Будто чувство вины пожирало его изнутри.

– Так знали?

– Догадывался. Даже не конкретно о документе, а вообще... Было ощущение некоего обмана.

Он вздохнул, опустил длинный нос и сложил руки на коленях.

– Несколько дней назад мне позвонил Вадим Федорович и назначил встречу... – Он кивнул на меня. – Вот молодой человек может подтвердить. Я приехал – и он мне прямо с порога заявил: мол, фрагмент летописи, который он приобрел у настоятеля монастыря, оказался ненастоящим. Правда, он высказался в более нецензурной форме, но суть...

– Когда он это обнаружил?

– Уже после того, как ознакомил с документом Глеба Анченко. Того заинтересовала легенда... Ведь действительно красиво: город среди северных лесов, окруженный врагами и бесследно исчезнувший... Отличный материал.

Он помолчал, потом вдруг экспансивно вцепился пальцами в остатки волос на голове.

– Поймите, для Глеба не было никакой разницы, поддельной была рукопись или настоящей, сути это не меняло. Да, Вадим Федорович обратился к знакомому в Москве, эксперту-искусствоведу. Разумеется, строго конфиденциально...

– Не к академику Черкасскому ли?

– Что вы! – испугался Вайнцман. – Черкасский растрезвонил бы на всю Москву.

– Хорошо, – вздохнул Слава. – Итак, маленькая лаборатория, неофициальная экспертиза... Что дальше?

– Ничего. Он смолчал. Решил сберечь свою профессиональную репутацию: все-таки ведущий специалист в этой области.

– И так лопухнулся...

– Неудивительно. Я же видел документ; держал руках.

Он сделал паузу.

– Не поверите, но когда я услышал, что это подделка, то испытал нечто вроде восхищения. Тот, кто ее изготовил, был, конечно, подонок... Но это был великий мастер!

– Почему «был»?

Яков Арнольдович удивился.

– Ну, был... Мы ведь говорим о прошедшем. Документ, насколько мне известно, начали переводить в начале шестидесятых. Подменили его наверняка раньше, возможно,

фальшивку изготовило еще ОГПУ – были, знаете, прецеденты...

– Лаборатория утверждает другое. Работа действительно очень тонкая – полностью была соблюдена технология конца тринадцатого века: состав бумаги и красок, способ нанесения... Однако возраст ее – не более пяти-семи лет. Бумага искусственно состарена, но, как мне объяснил эксперт, есть разница между искусственным старением и естественным... Хотя в тонкости я, признаться, не вдавался.

Я из своего угла внимательно наблюдал за лицом художника (отстраненный от следствия, но, стараниями Славы КПСС, допущенный – неофициально, разумеется, – до роли пассивного наблюдателя... Что ж, и то хлеб). Делать это было легко – лицо было выразительное, как и весь облик в целом. Сейчас он что-то лихорадочно просчитывал про себя, почти не обращая внимания на окружающее, какая-то неожиданная мысль грызла...

– Давайте подведем итоги. Итак, в январе 1995 года настоятель Кидекшского монастыря отец Дмитрий передал директору краеведческого музея Закрайскому древний документ, датированный концом XIII века. Через месяц, в марте, документ был включен в новую экспозицию, посвященную истории края, – там его впервые увидел Глеб Анченко, заинтересовался им, получил от Закрайского копию перевода – с тем чтобы в дальнейшем написать сценарий художественного фильма. Тогда же, надо думать, о документе услышали и вы. Наверное, вы даже не поленились приехать сюда, убедиться собственными глазами... (По реакции Вайнцмана я понял, что Слава не ошибся.) Интересно, каково было ваше впечатление от него?

– Благоговение, – глухо ответил художник. – Вам, впрочем, не понять. Я держал в руках подлинную Историю, не имитацию, не выдумку... Эти строки написал человек, который собственными глазами видел гибель Житнева! Трудно осознать... Тем более трудно поверить сейчас, что я ошибался, что все это изготовил какой-нибудь местный Левша Кулибин меньше десятка лет назад. Но, черт возьми, с какой целью? Разве что всучить фальшивку музею, а подлинник «толкнуть» богатому коллекционеру на Запад...

– В первую очередь, как я понял, он сделал это с целью изменить текст, – сказал Слава. – И сейчас невозможно установить, когда именно это было проделано... А все потому, что кое-кто был чересчур озабочен сохранением профессиональной репутации.

– Профессиональная репутация! – фыркнул Вайнцман. – Господи, да он все это время ни сном ни духом... А какое самодовольство: он пыжился так, будто сам заносил в скрижали... – художник вдруг осекся, быстро перевел взгляд на меня, потом обратно на Славу. – Или... Вы думаете, это он...

Славка – молодец! – не стал ни соглашаться, ни опровергать. Вайнцман замолчал, ожидая реакции на свои слова. Не дождался, нахмурился и снова запустил пальцы в свою шевелюру.

– Нет, невозможно. Может быть, Закрайский и стоит чего-то как ученый-историк, но, чтобы изготовить подделку такого класса, нужно обладать некоторыми специфическими навыками... Нет, он бы не сумел.

– А кого-то нанять?

– А деньги, простите? Я знаю этого старого пердуна чуть ли не с первой русской революции, он всегда был беден, как церковная мышь. – Он что-то вспомнил, задумался... – Да и артист из него тоже никудышный. А орал он на меня, когда я пришел, вполне натурально.

– Орал?

– Ну да, орал, ногами топал, – он хихикнул. – Решил, идиот, будто это я изготовил фальшивый документ.

Глава 19

ЗАМЕДЛЕННЫЙ ПОВТОР

– Вот это мотив, – медленно проговорил Слава КПСС, когда мы остались одни.

Я смотрел в окно – Яков Вайнцман удалялся медленной шаркающей походкой, видимый со второго этажа сквозь голые ветви деревьев. Весна, первые жаркие лучи, гомон воробьев и обрадованные прохожие, освобожденные – тоже впервые – от тяжести шуб и меховых пальто. Мне совсем не было весело и радостно. И удовлетворения не чувствовалось: фальшивая реликвия, неизвестный художник-гений, убирающий свидетелей своих «художеств», стрела, пропевшая над ухом несчастного Вайнцмана, – все это составляло некую внешнюю сторону дела, «метафизическую»...

А вот проникнуть в другую, истинную, потаенную, где взаимодействуют не голые факты, а ощущения, мысли, побуждения («психологизмы» – то, к чему я всегда относился подозрительно), никак не удавалось.

– Ты заметил, как вел себя Закрайский? «Орал, ногами топал» – так не ведет себя человек, который подозревает. Когда подозревают, ставят ловушки, задают хитрые вопросы, усыпляют бдительность... Нет, он был абсолютно уверен, что именно Вайнцман изготовил подделку. В принципе, он рассуждал логично: где она, другая кандидатура?

Слава встал, прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Я смотрел на него снизу вверх, подперев кулаком подбородок.

– Если Вайнцман действительно исполнитель, – проговорил он, – то где-то должен быть заказчик. Тот, кто придумал всю комбинацию, кто скорее всего продал оригинал кому-то на стороне. Убрать по окончании акции лишнего свидетеля (или просто того, с кем нужно делиться) – вполне здоровое желание.

– А как же видения Глеба?

Слава посмотрел на меня и понимающе вздохнул.

– Не хочется думать, что Глеб пострадал по ошибке, верно?

– Да, – признался я. – Слишком уж... подло. Я подумал: если Вадим Федорович эти четыре года ни о чем не подозревал (иначе почему обратился к эксперту лишь совсем недавно?), то кто мог посеять в нем сомнения относительно подлинности документа? Только Глеб.

«Я будто проваливаюсь куда-то, в иное измерение... Вижу картины из своего прошлого воплощения, но не в состоянии ничего изменить. Все заранее известно: словно смотришь один и тот же фильм по второму разу...»

– Когда-то, еще в детстве, он свято поверил в собственную исключительность. Нет, он не задавался, не задирал нос, ничего подобного. Наоборот, с ним было очень легко общаться... Просто он чувствовал за собой некую ответственность.

– Перед кем?

– Не знаю. Наверное, перед Богом. По принципу: многое дано – многое и спросится.

Мы вышли на улицу, где все трепетало и пело в предвкушении новой жизни. Слава спросил: «Тебя Подвезти?»

– Спасибо, я на машине.

– Домой?

Я чуточку подумал.

– Пожалуй, нет. На студию.

Хотя как раз туда мне и не хотелось: еще свежо было в памяти ощущение ужаса и безысходности, когда я увидел стрелу в горле брата... А ведь он знал, что что-то должно было произойти, и я знал, можно сказать, был предупрежден по телефону: «Кажется, я догадался, Борька. Приезжай, одному мне не справиться...» И я приехал. И орал, как ненормальный, заслоняя собой дверь просмотрового зала: «Отсюда никто не выйдет! Среди нас убийца! Убийца!», пока кто-то (кажется, Дарья Богомолка) не подошла и не взяла меня за руку: «Пожалуйста, Боренька. Вы ему уже не поможете». Да, я уже не помогу. Даже если найду убийцу – что с того? Тысячи раз, особенно по ночам, я молил кого-то неведомого: ну верни все назад, в тогда, душу мою заberi, что ли... Уж я бы вытряс из брата все до капельки. Или, на худой конец, дернул бы его за руку в нужный момент, заставил пригнуться, прежде чем стрела свиснет с экрана...

– Кстати, извини, я сорвал пломбу с двери.

Слава укоризненно покачал головой.

– Между прочим, деяние-то подсудное. Однако, если бы не это, Вайнцман никогда не пришел бы к нам. Поглядывай за ним на всякий случай. Вдруг он прав и убийца целился в него?

Я помахал ему рукой и открыл дверцу. И, уже поворачивая ключ в замке зажигания, неожиданно увидел женщину... Я уже видел ее однажды, в мое первое посещение съемочной площадки (провал во времени и в сознании, пастушок возле огромного придорожного камня, пожарная машина и гримуборные в трейлерах для «звездочек»), она, в светло-сером меховом плаще и диадеме, шла меж тех самых трейлеров – мелькнула на краткий миг и исчезла... Я еще спросил Глеба: «Кто это?», он равнодушно ответил: «Оленька Баталова, наша княгиня Елань». Что за ерунда, никакая это не Баталова, это... О черт!

Меня будто взрывная волна вынесла из «Жигулей». Дверца осталась открытой, мотор крутился на холостых оборотах, ключ торчал в замке – бери и пользуйся, кто хочет! – а я огромными скачками неся по четырехрядной мостовой, напрочь игнорируя визг тормозов, гудки и теплые пожелания здоровья в мой адрес. Женщина шла по противоположному тротуару в редком людском потоке – довольно высокая, очень стройная, в светло-коричневом пальто с капюшоном и меховых сапожках. Голова была чуть опущена, и я видел пушистые, загнутые вверх ресницы, а немного выше – кокетливую платиновую челку. По какой-то непонятной аналогии опять вспомнилась Ольга Баталова – какая она, к чертям, древнерусская княгиня? Княгиня была тут, передо мной, метрах в пятнадцати, и-на экране в просмотровом зале, на пленке, неведомо как и где записанной Глебом... А я вдруг споткнулся на ровном сухом месте, нога зацепилась за бордюр...

Мой демарш оказался незамеченным. Я с криком приподнялся, ощупывая разбитую коленку. Прохожие обходили меня с некоторой брезгливостью, руки никто не подал, но и в спину не толкнул, и на том спасибо.

А женщина исчезла, как и положено призраку.

И из всех примет я запомнил лишь пальто да челку.

– Это меня хотели убить, – нервно произнесла Баталова, порывисто затягиваясь сигаретой. Тонкие холеные пальцы чуть подрагивали, голос тоже подрагивал в такт с ресницами – изощренная игра на публику, сцена «Последняя ночь Клеопатры».

– Кому ты нужна, чертова кукла, – реплика в сторону Машеньки Кутгель.

– Да, да! Стрела пролетела совсем рядом, я слышала свист!

Был перерыв. Мохов задумчиво уставился в папку со сценарием (держа ее, кажется, вверх ногами), Игнатов ходил из угла в угол, преследуемый сосредоточенной на какой-то своей идее Диночной Казаковой, придворным гримером и костюмером. Оператор Роберт давал указания своим ассистентам. Два старика-разбойника, Вайнцман и Закрайский, сидели по разным углам павильона и принципиально не замечали друг друга.

– Почему вас хотели убить? – поинтересовался я.

Ольга посмотрела на меня недоуменно, точно на оживший манекен.

– Все здесь хотят меня убить. Разве непонятно? Кое-кому не давал покоя наш фильм, и он параллельно вел свои собственные съемки. Хотел утереть нам нос...

– Это я, что ли? – очнулся Александр Михайлович (интересно, такая мысль мне в голову не приходила).

– Вы, вы! Вы всю жизнь завидовали Глебу. Я же слышала вашу ссору (отвратительная, доложу вам, была сцена!). Вы пытались уговорить Глеба не брать меня на роль Елани, орали благим матом... Что, я не права?

– Когда это было? – быстро спросил я.

– Точно не помню. Перед началом съемок...

Мохов равнодушно поджал губы (и, кажется, покраснел).

– Я имею право на собственное мнение. Я высказал его Глебу, тот настоял на своем, я согласился.

– Это вы так говорите, – загадочно бросила Ольга, швырнув в пространство окурок и потянувшись за новой сигаретой.

– Что значит...

– Это значит, что у вас была своя кандидатура на роль, какая-нибудь молоденькая-смазливенькая, с мозгами курицы.

Мохов вскинулся было, но передумал, махнул рукой и отвернулся, пробормотав что-то вроде «У тебя самой мозги...».

– Это не та, что играла в эпизоде, который мы видели? – с неожиданным интересом спросила Машенька.

– Я понятия не имею, что за актриса там играла, – наконец взорвался новоиспеченный главреж. – Я не был с ней знаком, у меня, мать твою, вообще не было никакой своей кандидатуры! Борис, скажите вы им...

«У босса творческая импотенция, – вспомнилось мне. – Я хлопаю хлопущей, оператор снимает, осветитель светит...» Босс меж тем, видно было, изо всех сил старался взять штурвал корабля в свои руки, но одновременно – эх, беда! – заткнуть своим же задним местом пробоину ниже ватерлинии. Предприятие безнадежное. И именно поэтому, как ни странно, я его не подозревал. Он не мог снять тот злополучный материал, что продемонстрировал Глеб на просмотре. Он хотел бы. Ничего бы не пожалел и душу свою продал бы дьяволу... Но – увы.

– Ольга, скажите, зачем вы выходили во время просмотра? – спросил я.

– Выходила? Кто вам сказал?

– Яков Арнольдович? – окликнул я его вопросительно.

Тот поднял глаза, посмотрел, безвольно пожал плечами.

– Не знаю. Я видел только силуэт в дверях. Что-то узкое и длинное, изломанное... Хотя мне могло просто показаться. Я был...

– Вы были захвачены, – перебил я, чувствуя неожиданный приступ злости. – Кстати, вы тоже, кажется, претендуете на роль.. э-э, несостоявшейся жертвы, не так ли?

Он взглянул на меня с укоризной. И меня вдруг кольнула мысль: а ведь он очень стар. Волосы жесткой паклей торчали в разные стороны, отчего художник живо напоминал грустного папу Карло, от которого удрал его любимый Буратино, нос печально свесился вниз, и походка у него сделалась в одночасье шаркающей, стариковской (подагра, с греческого – «капкан для ног», очень изысканно).

– Вы же обещали...

– Ничего подобного, – возразил я. – Вы пришли сами, дали добровольные показания... Или просто хотели отвести от себя подозрение?

– У него ладонь была в крови, – опять встряла Ольга. – Я видела...

– Я потерял равновесие в темноте, – устало сказал Вайнцман. – Инстинктивно вытянул руку, вот и все.

– И коснулись рукой Глеба, – закончил я. – Вы утверждаете, что это было в тот момент, когда на экране мальчик выстрелил из лука...

– Верно.

– Нет, не верно. Когда Некрас спустил тетиву, вы УЖЕ сидели рядом со мной, на соседнем кресле!

– Надо будет провести следственный эксперимент, – пробормотала Машенька Кутгель. – Воссоздать всю картину, проверить, кто где сидел, кто кого видел... Не эфирный же двойник выходил из зала.

– Бесполезно, – махнул рукой Игнатов (он, в своем бархатном кафтане, сафьяновых сапогах и собольей шапке, с бордовым от грима лицом, вносил в наше общество некий элемент здорового абсурда). – Я сто раз прокручивал в памяти каждый момент... Все равно, кроме экрана, я ничего не видел.

– Да, – скрипуче произнес Мохов. – Тут талант Глеба сыграл с ним плохую шутку. Сколько людей – и ни одного реального свидетеля.

– Может быть, снимал-то не Глеб? – возразила Ольга.

– Он, – веско сказал режиссер. – Больше некому.

– Да почему вы так уверены?

– А разве вы сами не видите? Его пластика, его манера... Да все его! – Он оглянулся на нас и горько покачал головой. – Дурацкое чувство, но... Как будто тот материал, что мы видели, больше походит на работу Глеба, чем весь наш фильм. Словно он зачем-то сдерживал себя, боялся раскрыться полностью... Нет, картина все равно вышла бы блестящая – как и «Дон Кихот», и «Парус Лебединой дороги», однако...

– Интересно, – подала голос Машенька. – Почему он снимал это на видео? Остальной материал на стандартной киноплёнке...

– Сейчас многие снимают на видео.

– Только не Глеб. Его учителем был Венгерович, это знаменитая старая школа. А видео – это другая частота кадров, иное восприятие, иная техника монтажа и озвучивания... Странно.

Да, странно – тут я мог согласиться. Кассета тоже не давала мне покоя, и, кажется, не мне одному. Я перехватил взгляд художника-декоратора: в нем сквозил форменный ужас. Чего-то он здорово боялся. Или – кого-то...

– С каким бы удовольствием я выгнал эту вертихвостку взащей, – пробормотал Мохов.

– Вы имеете в виду Ольгу Баталову?

– Только не проболтайтесь ей. У нее, конечно, договор со студией...

– Однако с Глебом, а не с вами?

– Не угадали, в договоре как раз стоит моя подпись: ваш брат с удовольствием спихивал на меня всю бумажную работу. Дело в другом. – Он вынул из кармана носовой платок не первой свежести, протер вспотевший лоб, скомкал, сунул назад в карман. – Просто если окажется, что стреляла все-таки она... Вы понимаете?

– То фильм полетит к черту, тоже мне задачка. А другой актрисы у вас нет.

Он умоляюще тронул меня за рукав.

– По-моему, вы тоже не верите в ее виновность. Но показания этого еврея меня смущают: как он описывал силуэт в дверях... Он же профессиональный художник, у него глаз наметан. На Ольге было приталенное пальто с поясом, то есть из всех кандидатур она – единственно возможная.

– И что вы хотите от меня?

Мохов вскинул голову и твердо посмотрел мне в глаза – точно партизан на допросе.

– Чтобы вы провели свой следственный эксперимент. Чтобы вытрясли душу у всех и каждого, чтобы... словом, делайте, что считаете нужным, обещаю полное содействие.

– Будете подавать щипцы и иголки?

– Иголки? – он растерялся.

– Ну да. Загонять под ногти вашим коллегам.

– Мне нужен убийца, – угрюмо сказал главреж. – Так же, как и вам. Если вы считаете, что мною движут исключительно меркантильные интересы... Что ж, какая, в сущности, разница? Итак, ваш ответ?

– Попытаемся, – ответил я без воодушевления.

– Кстати, вы не в курсе, у Вайнцмана когда-нибудь были ученики?

Мохов призадумался.

– Он никогда не упоминал, но вроде бы несколько лет назад он вел семинар в художественном училище...

– Совещаемся?

Слава Комиссаров всегда и везде появлялся вовремя – эта черта у него с тех пор, как меня отстранили и я мучился в праздном прозябании... Впрочем, наши отношения начальника (пусть микроскопического) и подчиненного остались прежними. Он, как и раньше, надеялся на мою помощь (я – свидетель номер один: я находился рядом с братом в момент убийства, я первым обнаружил кассету в квартире экстрасенса, я соединил две

смерти в логическую цепочку...). Я отвел его в сторону, он выслушал меня, задумчиво склонив голову.

– Следственный эксперимент? И что ты надеешься обнаружить?

– Я сказал им, будто хочу установить, кто имел возможность незаметно выскользнуть из зала и добраться до комнаты с реквизитом. На самом деле нужно обратить внимание на два факта... Первый – свет. Убийце в глаза светил проектор. Тем не менее он был точен – значит, был готов, возможно, даже специально тренировался. Плюс – точно рассчитанный момент выстрела...

– Да, ты прав, – подумав, согласился Слава. – Убийство не спонтанное, оно готовилось. Ты говорил о двух фактах. Какой же второй?

– Силуэт в дверях. Пальто с поясом... – Мысль ускользала, я с силой потер лоб (массаж оставшихся извилин – выражение брата), стараясь ее удержать. – Глеб был в пуловере, Закрайский и Игнатов в пиджаках, каскадеры – в черной коже (молодежная униформа) – то есть почти все без верхней одежды. Мы с Дарьей опоздали и не успели раздеться. Машенька была в пуховичке, но она, такое впечатление, и спит в нем. Остается Ольга Баталова.

– Она утверждает, что не выходила...

– Естественно. Меня интересует другое: почему она не сняла пальто?

Мы разом повернули головы и посмотрели на актрису – та шла... нет, шествовала по коридору, устланному мягкой ковровой дорожкой, в сопровождении Александра Игнатова, верного рыцаря и телохранителя. Странно, но только сейчас, здесь, я разглядел ее как следует. Она была потрясающе, до тошноты красива. Красивее ее мог быть разве что фейерверк в ночном небе – от него тоже тошнило, потому что приходилось запрокидывать голову. Она одарила меня (или Славу) пленительным взглядом и скрылась за дверью просмотрового зала. Следом проплелся грустный колобок Мохов, которого разрывали пополам два противоположных желания: доснять фильм, доказав (опять доказав!), что тоже «заканчивал не кулинарный техникум», и красиво пожертвовав карьерой, выгнать «эту вертихвостку взащей». Первое, похоже, брало верх. Вайнцман тоже был традиционно печален, Вадим Федорович Закрайский, напротив, выглядел вполне беззаботным. Ага, вон ребята-каскадеры, вызванные со съемочной площадки, где на потеху кинопублике с упоением рубились на мечах. Дарья Матвеевна, раскрасневшаяся, чуть растрепанная и оттого еще более хорошенькая. Машенька под ручку с оператором Робертом. Карантай – спонсор и меценат, мы со Славой Комиссаровым. Вся королевская рать. Сейчас мы войдем в этот богом проклятый зал (чуть задержавшись вместе с Дарьей – Слава сыграет роль Глеба и будто бы встретит нас в дверях), и начнется следствие...

– Рассаживайтесь, – сухо произнес он. – Занимайте места строго как в ТОТ раз... Оленька, прошу, вы сидели между Карантаем и Игнатовым...

– Нет, нет, – возразил спонсор. – Это было сначала, потом мы поменялись местами.

– Почему?

– Господи, да нипочему, – резко отозвалась Ольга. – Померещилось, будто сквозняк был от двери.

– Но дверь была заперта, а на вас было пальто.

– Какое еще...

– Ваше. То, которое вы только что сняли и повесили на спинку кресла.

Глаза ее метнули молнии – теперь она напоминала не новогодний фейерверк, а разозленную кобру.

– Ага, вы подозреваете меня! Великолепно. Только на это вашего скудного умишки и хватило...

– А ну сядь! – в голосе Машеньки (ого!) лязгнул металл, о который Оленькины молнии разлетелись вдребезг. – Я тоже видела кого-то в дверях и теперь уверена, что именно тебя. Ты знала, стерва, что тебя могут опознать, поэтому и разделась. Что, не так?

Ольга растерянно переводила взгляд с Машеньки на Александра Игнатова (верный рыцарь быстро сделал нейтральное лицо), с Игнатова на меня... Неужели все-таки она? Я

мысленно помотал головой, отгоняя наваждение. Выскользнуть из зала во время просмотра – да, открыть реквизиторскую заранее припасенным ключом – да, но тащить по коридору громоздкий арбалет, взводить тетиву, целиться, щурясь от яркого света проектора... Не верится – несмотря на сюжет, традиционный для Голливуда: примадонна убивает режиссера, своего рода производственный конфликт («Все друг друга подсиживают, сплошные сплетни и интриги, настоящему таланту невозможно пробиться, вы согласны со мной, милочка?») – пошло и банально... кабы не стрела в горле, не мертвое лицо... Стоп, не отвлекаться.

– Но как же я могла выйти? – голос Баталовой явно дрожал. – Мне бы пришлось пробираться мимо Саши и Леонида Исаевича. Они бы заметили...

– Это – да, – поддержал рассудительный спонсор. – Мы, конечно, были очень увлечены фильмом, однако Оленька заслонила бы от нас экран!

– А кто сидел ближе всех к двери?

Все, как по команде, посмотрели на «князя Олега». Игнатов выглядел слегка растерянным.

– Допустим, я... Но я был в пиджаке, моя дубленка висела в гардеробе.

– Как же ты оставил ее одну, бедненькую? – Ольга ядовито улыбнулась, всплеснув руками.

Я переглянулся с Машей. Она покачала головой: у актера были слишком широкие плечи и некоторая тяжесть в фигуре, которая не позволяла ему самому участвовать в трюковых сценах (хотя он и порывался: лавры Жана Марэ не давали покоя).

– Но с противоположной стороны ряд был свободен, – заметил Слава КПСС. – Вы, Ольга, могли, пригнувшись, выйти в проход, обогнуть зал вдоль задней стены, за спиной Глеба, и оказаться снаружи, в коридоре.

– И вы прибыли на студию позже остальных, перед нами, – вспомнил я. – На улице шел снег, и с вашего пальто на пол упало несколько капель воды. Как раз возле кресла оператора.

– Да нет же! – взвизгнула она, цепляясь за мой рукав. – Нет, нет, нет! Я не убивала! Я в жизни не держала в руках этой гадости (я так понял, под «гадостью» она подразумевала арбалет), я вообще никогда и не из чего не стреляла, даже в тире!

– Голубушка, да бросьте вы причитать, – великодушно сказал Карантай. – Против вас же нет никаких фактов, кроме того, что вы выходили в коридор... Ну, выходили и выходили, где здесь криминал? Может, захотели носик припудрить...

– Я не вы-хо-ди-ла, – произнесла она медленно и по складам. – Ни-ку-да. Я до конца этого просмотра просидела в этом зале, на своем месте. Я уже замучилась всем это говорить. И вода накапала не с меня.

– Ладно, – сдался Слава. – Сейчас мы еще раз повторим все ваши действия с того момента, как погас свет. Роль Глеба возьму на себя я, а вы, Ольга, тихонько пройдете сзади нас с Робертом... Я знаю, знаю, что вы этого не делали, но все равно, нужно взглянуть на ваш силуэт в дверях. Так что накиньте пальто и сыграйте роль убийцы.

– Очень увлекательно, – фыркнула она.

– Яков Арнольдович, – напомнил я. – Не забудьте, вы должны после начала просмотра пересечь ко мне и по пути дотронуться до Глеба... То есть до Вячеслава.

Художник вяло кивнул. Мне стало жалко его – он сидел у самого прохода, понуро сгорбившись, глядя на свои ботинки, одинокий и несчастный. И до сих пор я мучился непростым вопросом: что же ввергло его в такое состояние? Ведь оно началось не со смерти Глеба, а гораздо раньше...

Слава КПСС – вот кто чувствовал себя превосходно. Он был у руля, он отдавал распоряжения – еще чуть-чуть, завершающий штрих, и он схватит убийцу... Так же, кстати, думал и Глеб в последнюю секунду жизни.

– Начали, – скомандовал он.

Роберт послушно вставил кассету в аппарат. Тьма окутала зал, мириады пылинок заплясали в луче проектора.

Лица и фигуры застыли в ожидании, в неровных отсветах. Дарья Богомолка снова – как

тогда – сжала мою ладонь. В другое время и при иных обстоятельствах я почувствовал бы себя на седьмом небе, но сейчас все было иначе. Даже не остывшая еще скорбь отступила, перестала терзать опустошенную душу, тайна охватила сознание целиком. Тайна смерти...

Мне очень хотелось посмотреть отснятый братом рабочий материал (кажется, так это называется) еще раз, взглядеться в лицо неизвестной актрисы... Но не мог оторвать взгляд от Славы Комиссарова, который расположился на месте Глеба. Глупо, но я по-настоящему боялся (в голове засело когда-то увиденное или прочитанное): сейчас князь Олег наклонится к княгине, та улыбнется, мальчик-мститель Некрас, нехорошо сощурясь, спустит тетиву, и Слава откинется на спинку кресла со стрелой в горле... Ноги сами подобрались и спружинились – сейчас, за секунду до короткого посвиста, я прыгну и, может быть, успею сбить Славку с кресла. Или, на худой конец, заслоню его собственным телом – это легче, чем потерять сначала брата, потом – друга...

– Это не то, – вдруг громко сказала Дарья. – Боренька посмотрите, это не та кассета!

Я посмотрел на экран. Сердце оглушительно ударилось о грудную клетку и сползло куда-то вниз, к ногам.

– ...Не хочется так думать. Получается, что в жизни все предрешено заранее? – тихий, немного потерянный женский голос, прозрачные северные глаза, подернутые легкой дымкой, будто отражением облаков в небе, черная ленточка в платиновых волосах (натуральных, без следа краски – заключение эксперта Гарика Варданяна).

– Ну, это уже фатализм, другая крайность.

– А первая?

– Первая – нигилизм, всеобщее отрицание. Любые наши действия, помыслы – это бумеранг... Всегда возвращаются к своему хозяину.

– Значит, прощения не будет? И грехи нам не отпустят?

– Какой же грех вы совершили?

– Мамочка, – прошептал кто-то в зале, в гробовой тишине.

– Включите свет! – крикнул я, борясь с подступающей дурнотой.

Никто не слышал, все смотрели на экран, где за спиной погруженной в транс женщины виднелся уголок обычной городской квартиры: тяжелые аристократичные портьеры, окно, кадушка с пальмой, трепещущие свечи на темно-красном бархате, в старинном бронзовом подсвечнике. Триллер, снятый классным режиссером, где самый сильный страх вызывают не сонмы компьютерных монстров, а приглушенные голоса за стеной, капли воды, оглушительно падающие в облезлую раковину...

– Вы будете гипнотизировать меня еще раз?

– Меня очень заинтересовал ваш случай, – сказал экстрасенс, развернутый затылком к камере. – Ответьте на вопрос. Вы пришли ко мне, когда поняли, что ваши чувства к Олегу больше похожи на родственные? К примеру, как к любимому брату?

– Но мы с ним...

– Вы имели близкие отношения – там, в каюте теплохода. И с тех пор вас мучает чувство... Попробуйте сформулировать, с чем оно связано у вас?

Пауза.

– С предательством, – тихо сказала она. – Возможно, с убийством.

Кто-то заплакал – кажется, у Машеньки не выдержали нервы. Я рванулся к выключателю. Действия повторились: вспыхнул свет, Слава КПСС (живой, у меня отлегло от сердца), обдирая ногти, вытаскивал кассету из магнитофона.

– Она самая, Боря, – наконец проговорил он, лихорадочно осматривая ее со всех сторон. – Вот моя наклейка, я пометил ее, прежде чем положить в сейф.

– А ключи?

– Ключи только у меня, клянусь!

Я взглянул на оператора Роберта. У него было абсолютно серое лицо. Белые губы прыгали вверх-вниз, он смотрел на людей, сгрудившихся возле одного из кресел, крайнем в ряду. Я не видел, что там, а подойти почему-то не смел, ноги не слушались. И я выдавил из

себя:

– КТО?

– Вайнциман, – деревянным голосом ответил Роберт.

Художник-декоратор лежал на полу, в проходе, лицом вниз. Мне была видна его шея, выглядывавшая между несвежим воротником рубашки и спутанными седыми волосами, которые по-прежнему торчали ершиком, обрамляя обширную лысину. Невозможно, чтобы такая тонкая шея могла удерживать голову. Невозможно, невозможно...

Стройный высокий силуэт возник на пороге, в приталенном пальто с модным кожаным поясом.

– Меня уже опознали или как? – сварливо спросила Ольга Баталова. – Долго мне еще торчать в коридоре?

– Говоришь, тебя послал русский коназ? – медленно проговорил Бату-хан.

Дым очага сворачивался в причудливые кольца, стремясь к отверстию в потолке большой юрты. У очага сидела на корточках диковатого вида старуха в изодранном халате, босая, но с дорогими золотыми браслетами на обеих руках. Седые космы совершенно скрывали ее лицо – видны были только обвислые губы, шепчущие заклинания на языке древних айнов, и крючковатый темно-коричневый нос. Бату-хан не знал, сколько ей лет. Она была такая же старая, как его родные прикаспийские степи – ровные, как стол, куда ни кинь взгляд, поросшие ковылем и изрезанные сероватыми солончаками.

Стоявший у входа в юрту начальник охранной сотни Арапша, заметив, что пленный замешкался, чувствительно пнул его ногой.

– Да, светлейший хан, – торопливо сказал тот, падая ниц.

– И он готов сдать мне город?

– Боюсь, что нет, светлейший хан. Он был бы рад... Но он не обладает достаточной властью...

– Ты лжешь! Как это твой коназ не обладает властью? Он не может приказывать своим людям сложить оружие и вынести мне ключи от ворот?

– Тот, кто послал меня, велел показать вам дорогу через непроходимые топи и чащобы, – быстро заговорил пленник, боясь, что за его спиной вот-вот свистнет сабля. – Я могу провести твои войска мимо засек и заслонов, и ты, вплоть до стен города, не потеряешь ни единого человека.

– Я не собираюсь обходить заслоны, – резко возразил Бату-хан. – У меня много людей – в тысячу раз больше, чем звезд на небе. Что могут противопоставить мне урусы?

– Ничего, великий хан. Правительница Житнева княгиня Елань разослала гонцов в соседние княжества, надеясь на помощь. Только помощи не будет: ни Суздаль, ни Новгород, ни Устюг Великий не дадут своих воинов.

Хан улыбнулся уголками губ.

– Урусские правители предпочитают умирать в одиночку.

Дым, удушливый и привычный, проникал в ноздри, смешиваясь с резким запахом колдовских трав. Эта старуха, Тюль-апа, могла видеть в нем все причудливые переплетения линий судьбы – взлеты и падения, поражения и победы... Или – только победы. Лишь однажды, полгода назад, она не посмела открыть Батыю то, что сказал ей Священный огонь, и Батый ударил ее. А потом намотал ее седые волосы себе на кулак и рывком поднял над землей, указав на яму, в которой ревел голодный медведь.

– Обычно он не бывает голодным, – сказал Бату-хан, – потому что кормится мясом тех, кто мне неуютен. Но сейчас он стремится нагулять побольше жира, перед тем как впасть в спячку, поэтому не откажется даже от костлявой старухи вроде тебя. Так что тебе сказал Священный огонь?

Глаза колдуньи были пусты. Бесцветным голосом, застывшие наблюдая за медведем, она произнесла:

– Боги благосклонны к тебе, как всегда, великий хан. Они уготовили тебе долгую жизнь

и неисчислимые победы над врагами. Однако они кровожадны, как и подобает истинным воинам, и требуют обильной жертвы.

– Говори яснее.

– Священный огонь сказал мне, что младший из Чингизидов, светлейший хан Кюлькан, падет от урусской стрелы, как только солнце повернет на зиму и реку Итиль скует лед. Не гневайся на меня, я лишь передаю тебе волю богов...

Батый отпустил волосы старухи. Та упала на стылую землю и осталась лежать, точно нелепая тряпичная кукла. Хан верил ей. Пожалуй, больше, чем многим своим советникам, часть из которых – он это знал наверняка – с удовольствием вонзили бы ему нож в спину, отвернись он хоть на секунду. Сам Кюлькан, сын солнцеподобного Чингисхана, трижды подсылал к Батыю наемных убийц, и трижды верный Арапша – тот, кто стоял сейчас у входа в юрту правителя, заслонял собственным телом своего господина. Субудай-багатур, один из главных военачальников Батыя, негромко сказал:

– Светлейший Кюлькан – великий полководец. В бою он бесстрашен, но дело ли полководцу идти впереди войска, словно простому нукеру? Твой дед всегда находился позади своих воинов и выигрывал битвы девятью словами. Вот в чем заключается истинное величие. Если ты, солнцеподобный, напомнишь Кюлькану об этом...

– Светлейший Кюлькан – великий полководец, – перебил Бату-хан, повторив слова советника. – И великий человек. Боги требуют жертву во имя грядущих побед. Они обидятся, если ее не получат.

Тело Кюлькана с должными почестями сожгли на погребальном костре на центральной площади павшего города Коломны, где стояла разрушенная церковь Вознесения. Вместе с ним на костре погибли сорок самых красивых коломенских девушек – они должны были последовать за монгольским ханом в заоблачный мир. Заслоняя лицо от нестерпимого жара, Субудай подошел к Бату-хану, наблюдавшему за погребением.

– Ты не назначил преемника погибшему, ослепительный, – заметил он.

– Пусть его сотнями командует Бурундай. Он опытный воин, – ответил Батый.

И удовлетворенно подумал: боги получили свой кусок мяса. Старуха не наврала, ее пророчество сбылось. Впрочем, как и все остальные.

– Зачем твой коназ хочет, чтобы я взял Зитноф?

– Я всего лишь слуга, светлейший хан, – сказал пленник. – Мой господин хочет быть твоим сюзереном – это лучше, чем погибнуть от татарской сабли. Город Житнев – это его подарок тебе.

Хан легко поднялся на ноги. Поигрывая плетью, подошел к пленнику и приподнял его подбородок, увидев страх в потемневших глазах.

– Твой господин не управляет Зитнофом. Его земли лежат к северу, за урусской торговой столицей, где живут купцы. Возможно, он хочет, чтобы я повернул на юг. А возможно – чтобы мои воины увязли в болотах и заблудились в лесах. Я не верю тебе.

Он повернулся к Арапше.

– Пусть этой собаке всыпят сто плетей. А не скажет правды – еще двести.

Урус закричал что-то, забился, но два дюжих нукера уже завернули ему локти за спину и выволокли из юрты.

– Только не переусердствуй, – проговорил хан. – Он не должен подохнуть раньше времени.

В юрте по-прежнему пылал очаг и дым растекался по потолку. Колдунья, поджав грязные пятки, сидела на полу, бормоча что-то под нос и рисуя палочкой в белесом пепле одной ей известные знаки.

– Я не верю ему, – повторил Бату-хан. Кроме него и старухи Тюль-апы, в юрте никого не было – не дело приближенным знать, у кого светлейший спрашивает совета. Он – бог, он волен решать сам.

– С другой стороны, мои люди устали. Кони падают от бескормицы, их копыта вязнут в грязи... Нукеры жаждут крови и золота, и я опасюсь взрыва недовольства.

– Тот, кого ты назначил темником вместо безвременно ушедшего Кюлькана, ждет возможности отличиться в твоих глазах, светлейший, – неожиданно произнесла старуха. – Эта жирная свинья Субудай был прав: твой дед никогда не шел впереди войска, его дело было повелевать. Пусть Бурундай проверит, правду ли говорит этот урус. Если он возьмет для тебя город, спрятанный среди чащоб, – одари его своей милостью. Если же нет... Значит, не судьба.

К юрте темника Бурундай были прикреплены девять бунчуков с конскими хвостами – по числу туменов личного войска Бату-хана. Кони выкапывали из-под снега траву, никогда не знавшую ни серпа, ни косы. С севера задул холодный режущий ветер, пригнавший горы мелкого оледенелого инея, и пленный урус заворочался в неглубокой яме, куда его бросили накануне. Однако движение причинило ему острую боль, и он затих, стараясь унять дрожь.

Удар ногой по ребрам вернул его в чувство. Он попытался подняться, но сумел лишь повернуть голову. Над ним, заслоняя неприветливое серое небо, стоял высокий монгол в длинной лисьей шубе, с кривой саблей в драгоценных ножнах на поясе. Лицо монгола пересекал старый побелевший шрам – он тянулся от виска через глаз и широкую скулу к подбородку. Золотая пайцза украшала никогда не мытую шею. Они никогда не моются, почему-то вспомнилось пленному. Они считают, что вместе с грязью вода смывает удачу в бою.

– Завтра на рассвете, – сказал монгол, – ты поведешь наши войска через леса. Солнцеподобный хан решил испытать твою честность, хотя я предпочел бы бросить тебя на съедение собакам. Если мы возьмем урусский город, тебе будет дарована жизнь. Если же нет – будешь умирать много дней подряд. И, клянусь, ты умрешь очень старым человеком.

А на рассвете следующего дня неожиданно повалил снег. И шел трое суток не переставая. Ветер, усилившись, гудел в вершинах вековых сосен, наносил легкие белые вороха и потом, точно раздумав, перебрасывал их, наметая в других местах новые пушистые холмы. Все живое попряталось, спасаясь от разгулявшейся метели. Лишь двигались по едва заметной тропе, каких тысячи в этих лесах, черные призраки на верховых конях – исполинская колонна, передовые сотни темника Бурундай. Впереди, всматриваясь в мерцающий снежный хоровод, ехал на мохнатой лошаденке пленный урус, решивший провести врагов к стенам Житнева.

Они уже миновали три заставы – везде с ходу врываясь за деревянные ограды, перехватывая коней и убивая всех выбегавших из землянок, где беспечно дремали русские сторожа. Лишь одна засека не далась без боя. Тамошний воевода Дорожа сумел собрать своих ратников в круг, и они дрались несколько часов подряд, в полном окружении, по-старинному, не тратя времени на защиту...

Который из убитых был Дорожа – татары так и не узнали. Все были одеты одинаково: в овчинные полушубки и лапти, и все полегли в неравном бою, один на семь, а где и на десять, и на двадцать. Сам Бурундай прискакал к заставе, когда все было уже кончено. Предатель, показывавший дорогу, сидел прямо на снегу, привалившись к вывороченному бревну, и мелко дрожал, глядя перед собой невидящими глазами.

– Ну? – коротко спросил темник.

Предатель нехотя поднял голову.

– Дальше дорога хорошо утоптана, господин. К вечеру достигнем тракта. По нему, если шагом, еще полдня пути.

Бурундай улыбнулся, обнажив кривые желтые зубы.

– Шагом – полдня, а если на рысях...

Татары, стремясь опередить друг друга, лихорадочно обыскивали убитых – и чужих, и своих. Забавляясь, отрезали уши у мертвых русичей и складывали в дорожные сумки: будет чем похвастаться после набега, сидя у костра. Пленник не выдержал и отвел взгляд.

– Не нравится? – спросил Бурундай.

Урус молчал.

– Смотри, – проговорил темник. – Обманешь – с тобой будет то же самое.

Некрас упал прямо перед воротами города. Кто-то наклонился над ним, что-то спросил – паренек, еле ворочая языком (он бежал с самого рассвета, не останавливаясь ни на секунду), прошептал: «Татары!», и закрыл глаза. Дальше его несли на руках. Он плыл куда-то, не ощущая усталого тела, только лоб горел и очень хотелось пить. А вскоре и пить расхотелось, все желания пропали, и голоса, и звуки...

Княгиня Елань, потемнев очами, смотрела на верных бояр, собравшихся у терема, на воеводу Еремея и Дружинных мужей, стиснувших пальцы на черенках копий.

– Ворота закрыты, госпожа, – сказал воевода. – Все, кто смог уйти, – здесь, за стенами. Татары жгут дальние погосты. Скоро, надо думать, начнут штурм.

Елань выслушала молча. Любые слова казались сейчас ненужными. Лишнее было призывать идти в бой – все горожане, от мала до велика, стояли на стенах. Те, кто не держал в руках оружие, подносили камни, варили смолу в огромных котлах, насаживали наконечники стрел на древки. Над лесом стелился черный дым: горели окрестные селения.

Страшная весть застала князя Олега в его тереме, в пограничной крепости Селижаре. Это было как удар обухом по голове. Не может быть, вертелась назойливая мысль. Не может быть, не может быть...

– Ну почему же? – скрипнул старческий голос. Олег стремительно обернулся, невольно хватаясь за меч. Дубовая дверь в его покои была закрыта изнутри на засов, он находился здесь один – еще мгновение назад... А сейчас за столом, у крошечного оконца спокойно сидел человек.

– Малх, – проговорил князь сквозь зубы.

Он совсем не изменился с тех пор. Добрый десяток лет пролетел, мерянский мальчишка Ольгес, сын Йаланда Вепря, пропал, растворился в северных лесах и озерах, истлел колдун Патраш Мокроступ, так и не получивший желаемого – секрета бессмертия, и жена его, красавица Данушка (мертвые глаза, рукоятка охотничьего ножа в форме рыбки)... Шестилетний мальчик, придвинув к стене куду дубовую лавку и взобравшись на нее с ногами, осторожно выдернул из косяка стальной клинок, убивший его мать... Тело упало с глухим стуком, и маленькая сестренка, испугавшись, заплакала в своей колыбельке.

– Не реви, – сказал он ей. – Ты мне сердце разрываешь, а должна помогать, мы же одни теперь с тобой.

– А где мама?

Мальчик чуть помедлил и отвернулся, чтобы сестренка не заметила его слез.

– Мама ушла. Далеко, и придет не скоро. Но она строго-настрого наказала, чтобы ты меня слушалась. Будешь слушаться?

– Буду, – кивнула девочка. – Ты дашь мне поесть?

– Потерпи, – он подобрал валявшийся на полу лук, взвесил в руке нож – наследство убийцы. – Я пойду на охоту и что-нибудь принесу.

На рассвете, когда Смиренька уснула, он похоронил тела родителей за домом. Он не стал насыпать холмика: сестра могла увидеть и догадаться. Конечно, она и так поймет когда-нибудь, но только не сейчас. Пусть пока верит, что мама и папа скоро возвратятся.

– Удивительные вы существа, люди, – сказал Малх. – Меньше всего на свете я ожидал, что ты откажешься от своего же плана именно теперь, когда до цели осталось два шага. Патраш мечтал завладеть Шаром, и я всячески подогревал его стремление. Он верил, что Шар даст ему бессмертие. Но беда в том, что он был не способен... Да, Патраш знал колдовские травы, мог сделать так, чтобы человек вспомнил то, что ему самим Богом положено забыть... Он мог убить или вылечить прикосновением пальца – но как это было мало, ничтожно! – Колдун помолчал. – Его участью была жизнь простого деревенского знахаря. А он хотел большего. Хотел и не мог достичь. Шар не принял его.

– Почему?

– Никто не знает. И я ничего не знаю о его природе. Не знаю, кто и когда создал его и с какой целью. Даже самым посвященным неизвестно, живое ли это существо или некий

хитрый механизм. Только то, что он питается особым видом энергии, которая скрыта в некоторых людях. Шар выбирает их сам. Так он выбрал княгиню Елань, и она, пройдя обряд, стала Хранительницей.

– А ты? – спросил Олег.

– Когда-то и я был в числе Хранителей, – ответил Малх. – Но меня изгнали из Круга Посвященных. Голос его прозвучал глухо, будто из подземелья.

Ну говори же, мысленно подгонял его Олег. Открой, наконец, кто же ты на самом деле, и отправляйся в ад, откуда пришел. Постаравшись, чтобы его движение было скрыто от собеседника, князь обхватил пальцами рукоять меча и осторожно потянул его из ножен.

– Цивилизация Древних была обречена задолго до того, как люди здесь начали одеваться в шкуры животных. Это было страшное время, – совсем тихо, по-стариковски, проговорил Малх. – Океаны испарялись в одно мгновение, камни превращались в кисель и растекались по равнинам, птеродактили летали над атомными станциями. Люди, вместо того чтобы стареть, становились младенцами и растворялись в материнском чреве. Сама Вселенная сошла с ума.

...Атомные всполохи над городами. Огромные черные облака, как чернильные кляксы, как бездонные дыры, куда затягивается все и вся... Олег уже видел это. Давно – тогда еще он называл Патраша Мокроступа своим учителем.

Он сделал над собой усилие, отгоняя наваждение, и спросил:

– Как же это случилось?

– Была война, – бесцветным голосом отозвался Малх. – Века и века кармических войн. Бесконтрольное использование магии в боевых целях. Гибель всех – и победителей, и побежденных. Выжили лишь те, кому было предназначено сберечь Шар. Они тоже хотели погибнуть – разделить участь своих близких, но им было отказано. Пройдут миллионы лет, сказали им, и человечество возродится. И тогда Хранители откроют людям Знания, заключенные в Шаре...

Он стиснул зубы, по морщинистому лицу пробежала судорога.

– Вот в чем была ошибка наших ученых идиотов: они были уверены, что вы – те, кто придут после, будут лучше и разумнее. Черта с два. На самом деле вы ничем не отличаетесь от нас. Пройдут века, и ничего не изменится. Вы победите всех врагов и убьете сами себя, потому что не с кем будет воевать. А я всего-навсего хотел сберечь Шар... Ото всех – и от Хранителей, и от вас. Поэтому я украл его. Вернее, попытался украсть. Но Шар не принял меня. И я стал искать человека, который помог бы мне, и нашел тебя.

Малх улыбнулся. Только глаза остались прежними – темные озера безумия...

– То, что ты задумал, – впечатляет. Войти в доверие к княгине и заставить ее открыть тоннель, соединяющий два мира. Пройти по нему туда, где хранится Шар, и взять его...

– Что ты несешь! – крикнул Олег.

– Но как сделать так, чтобы Переход открылся? Очень просто. Нужно устроить в доме пожар. Что предпримет всякая женщина в этом случае? Ринется спасать то, что ей особенно дорого. Своего сына, своего возлюбленного, своих подданных. ОНА ОТКРОЕТ ДВЕРЬ. И тогда...

Олег стремительно развернулся. Знаменитый сарматский меч с коротким посвистом вылетел из ножен и описал серебристую мерцающую дугу – такой удар невозможно было увидеть, не то что защититься от него...

Он снова был один в горнице, в своем тереме. Держа меч перед собой и шаря глазами по углам, князь спиной вперед отошел к дверям и, не глядя, ударил в них кулаком. Никто не отозвался. Будто вымерли все и он остался один в целом свете, он и его боль.

– Я не предатель, – крикнул Олег неизвестно кому. – Слышишь, ты? Я не предатель!!!

Глава 20

АЗ ВОЗДАМ

Длинные-длинные улицы и короткие более или менее грязные переулки, заставленные узкими трех- и пятиэтажками с обновленными фасадами (на которые только и хватило денег), а за ними, за свежоштукатуренными вывесками, за выбеленными парадными с лепными колоннами, игрушечными балконами и полукруглыми окнами – те же проходные дворы, любимые с детства и ненавидимые сейчас, череда мигающих светофоров и неоновые витрины, окрашивающие мокрые тротуары в причудливое пастельное разноцветье...

Обычно он останавливал машину там, где она стояла в тот день, наискосок от здания прокуратуры, у аллеи, усаженной старыми акациями и каким-то гнусным колючим кустарником с шарообразной поверхностью. Сейчас аллея выглядела неудобной и мокрой – затяжная весна еще спорила с зимой, и та весьма успешно огрызалась, насылая холодный дождь пополам со снегом на едва проклюнувшуюся траву. Лавочки тоже были сырыми, поэтому Борис не садился, а прохаживался взад-вперед с видом замшелого пенсионера. Потом, словно повинувшись некой внутренней команде, срывался с места, прыгал в машину и – опять носился по городу, вроде бы бессистемно... Да и на самом деле бессистемно, в глупой надежде среди миллионного населения отыскать женщину, которую видел трижды: на съемочной площадке, между трейлерами, в обличье древнерусской княгини, на ступеньках какого-то учреждения (то ли больницы, то ли нотариальной конторы), на экране кинозала, за минуту до убийства. Он не мог дать даже точного описания (челка и светлое пальто – отнюдь не приметы).

Потом следовал очередной визит в прокуратуру – он садился на стул в кабинете Славы Комиссарова (бывшем своем), распахивал плащ, безучастно просматривал протоколы допросов, свидетельские показания по делу, отчеты лаборатории... Верный сподвижник при необходимости давал краткие комментарии – разговор тек вяло, не покидало ощущение, что они бьются головой о стену... Или бегут бесконечный марафон по знакомому до омерзения стадиону, хотя и флаги давно спущены, и трибуны опустели, зрители благополучно разошлись по домам пить пиво и смотреть телевизор.

– Что с кассетой? – спросил Борис.

– Кассета обычная, «ТДК», двухчасовая. Запись качественная, произведена на хорошей аппаратуре. Судя по меткам времени в нижней строке, последняя. Ты уверен, что женщина на ней – та самая?

Борис пожал плечами.

– Сходство поразительное. Однако на старой записи – той, которая исчезла, – она была в кадре всего несколько секунд. К тому же в другой одежде, в гриме, возможно – в парике. Ответы с киностудий пришли?

Слава кивнул с грустным видом. Борис даже не стал спрашивать подробности, и так ясно.

– Ни одна студия женщину не опознала. Да это могла быть и не студия, а, к примеру, театральная труппа. Глеб нашел Ольгу Баталову как раз в театре (Машенька Кутгел просветила)... Ты полагаешь, она до сих пор в городе? – Он недоверчиво pokrutil головой. – После всего, что произошло, самое разумное – уехать на другой конец страны.

– Это если ты – преступник, – возразил Борис. – Я не верю, что эта женщина – убийца. Она (теперь нет сомнений) звонила мне из квартиры Бронцева в день убийства. Точнее, звонила Глебу, а наткнулась на меня.

– И убежала оттуда...

– Все равно. Ее поведение говорит об испуге, об импульсе, но никак не о холодном расчете. А оба убийства совершены очень расчетливо, я бы сказал... Словом, я почти уверен: убивал мужчина. Слава, подумав, согласился:

– Да, пистолет в первом случае, арбалет во втором – деяние явно мужское.

– Кстати, о мужском деянии: что там с Вайнцманом?

– Сердечный приступ. Оклемался достаточно быстро, я справлялся по телефону, с ним уже можно беседовать.

– Как он себя ведет?

– Бежать не пытается. Уходить домой тоже не изъявляет желания – впечатление такое, что он считает больницу самым безопасным местом.

– Безопасным?

Слава пожал плечами.

– Хочешь съездить туда?

«Безопасное место» располагалось в здании бывшей духовной семинарии – узкие гулкие коридоры, массивные двустворчатые двери палат, высокие потолки и окна, напоминавшие то ли окна старинного собора (разве что вместо цветных витражей на библейские сюжеты – вполне современные деревянные переплеты), то ли бойницы крепостного укрепления. Все здесь дышало покоем, безопасностью и (всплыло в памяти словечко) – патриархальностью: впечатления не портили даже автомобильные гудки за вычурной оградой.

– Только недолго, – предупредила пожилая врачиха. – А то знаю я вас: довели старичка мало не до инфаркта.

– Я здесь ни при чем, уверяю вас, – сказал уязвленный Борис.

– Конечно, он увидел мышь и схватил сердечный приступ от испуга. Вы кто, родственник?

– Из милиции.

Он накинуд на плечи белую простыню с завязками и в сопровождении врача поднялся по каменным ступеням наверх, на второй этаж, где лежали «сердечники». В нос ударили запахи, заставляющие вспомнить нехитрую истину (от которой, однако, мороз прошел по коже), что все мы смертны, все созданы божьи и юдоль наша земная – страдания и старение...

Яков Арнольдович, впрочем, имел вид не страдающий, а скорее, испуганный и виноватый. Соседи по палате, повинувшись безмолвному жесту все той же врачихи, покорной вереницей выползли в коридор. Вайнцман, до того дремавший с газетой в руках, тут же очнулся и сделал неудачную попытку спрятаться с головой под одеяло. Вздохнул, сел, свесив вниз худые ноги, и стал похож на старого печального воробья. Розоватая бумазейная пижама на фоне темно-зеленой больничной стены вызывала мысль о покинутом детьми театре-балагане.

– Вы ко мне? – потухше спросил он.

Борис присел на стул, выложил на тумбочку нехитрое подношение, купленное в ближайшем ларьке: пару апельсинов и упаковку с импортным соком.

– Как вы себя чувствуете?

Художник снова потянулся к одеялу, хотя в палате было почти жарко.

– Марья Петровна говорит, обошлось. Я уж думал, все, последний звонок.

– Какой звонок?

– Оттуда. Инфаркт то есть. У Витюши вон, – он кивнул на опустевшую койку, – третий, у Савельича-второй...

– Марья Петровна – ваша лечащая?

– Нет, она только замещает. Лечащая у нас другая. Он замолчал, глядя в пол.

Почувствовав внезапную жалость, Борис спросил:

– Что же случилось, Яков Арнольдович? Кто вас так напугал?

– Я много раз силился восстановить в памяти тот день. По минутам, по секундам. Особенно здесь: у меня, видите ли, бессонница, страшное наказание. Ничего не помогает, а ночи длинные. Все события перепутались – мы были в шоке, я наговорил невесте что... Потом, в спокойной обстановке, стал раскладывать по полочкам.

– И что вы обнаружили?

– Странности, – мрачно ответил Вайнцман. – Массу странностей. А все потому, что я смотрел не на экран, как другие, а в основном в зал: мне хотелось видеть зрителей.

– Но вы сидели рядом со мной, а с моего места видны только спины...

– Вот именно! Человек может научиться владеть лицом, но спина, напряженные

мышцы плеч, затылок... Вы понимаете? Это очень трудно проконтролировать.

– И что вы заметили, наблюдая за спинами?

– Ничего, – вздохнув, сообщил он. – Только одно: все действительно не отрывали взгляд от экрана.

– Значит, на самом деле вы не видели, как Ольга Баталова выходила из зала?

– Там, в дверях, был ее силуэт, я уверен. Я приглядывался к остальным: кроме нее, ни один человек не подходит...

– Что она делала?

Вайнцман прикрыл глаза, совершая короткое путешествие во времени.

– Сейчас... Вот она постояла, зачем-то нагнулась, выпрямилась... Что-то отставила, будто оттолкнула от себя.

– Может, открыла дверь?

– Дверь была открытой. Она сама открывается, если не запереть на задвижку.

– Кто ее обычно запирает?

– Тот, кто входит последним.

– А последними зашли мы с Дарьей, – вспомнил Борис. И вдруг – будто током пронзила неожиданная мысль, сумасшедшая догадка. – Вы что, хотите сказать...

Художник с грустью посмотрел на тумбочку. Борис проследил за его взглядом, поднял принесенные апельсины...

Под ними лежала газета. Вернее, газетная вырезка – явно старая, пожелтевшая... Борис пробежал ее глазами. В заметке повествовалось о девочке из маленькой индийской деревушки близ Дели. Когда ей только исполнилось шесть лет (по буддийским канонам – магическое число), она вдруг начала представлять себя непальской принцессой Бхрикутти, которая действительно жила, согласно хроникам, в конце девятого столетия и правила страной в течение полувека. Подробности, которыми девочка сопровождала свои рассказы (описания фресок во дворце, расположение комнат, детали быта и т.д.), а также то обстоятельство, что родители девочки были неграмотными крестьянами, сроду никуда не выезжавшими за пределы родной деревни, заставляли сделать вывод, что память юной индианки волшебным образом сохранила воспоминания о ее прошлом воплощении. Далее следовали мнения специалистов: опрос, проведенный под гипнозом в медицинском центре имени Раджива Ганди, энцефалограммы головного мозга, показания детектора лжи... Данный феномен встречается в природе крайне редко, известно всего несколько случаев – например, двоюродная сестра упомянутой девочки, проживающая в Бирме, в девятилетнем возрасте обнаружила аналогичные способности, правда, в менее выраженной форме...

– Я думаю, ваш брат обладал тем же даром, что и эта индианка, – сказал Вайнцман, пряча глаза. – Но в его воспоминаниях было нечто... такое, что его пугало. Он видел себя Белозерским князем Олегом, которого несправедливо обвинили в предательстве. Возможно, даже в убийстве.

Борис невольно вздрогнул: вспомнилась женщина на кассете, погруженная в транс, бархатная скатерть со свечами, профессионально поставленный голос экстрасенса: «Сформулируйте свои ощущения от той поездки. С чем они у вас связаны?» – «С тревогой», – ответила она. «А конкретнее?» – «С предательством. Возможно, с убийством». Те же самые, точно повторенные слова...

– Глеб был уверен, что Олега оклеветал настоящий предатель. И когда тот понял, что вот-вот будет разоблачен... Вы понимаете?

«Кажется, начинаю понимать», – подумал Борис.

– Кому Глеб показывал свою пленку? Человеку, который в тот момент тоже находился в кинозале. Человеку, который тоже обладал способностью помнить свое прошлое воплощение – иначе все теряет смысл. Но здесь сказано, – Вайнцман ткнул пальцем в газету, – только поймите меня правильно, Боря... Так вот, этот феномен очень редок, известно всего несколько случаев. И невозможно, просто статистически невозможно, чтобы судьба свела двух человек в одном кинозале. Если только...

Он покраснел и замолчал.

– Если только они не родственники, – проговорил слегка потрясенный Борис (вот как, оказывается, легко попасть в список подозреваемых!). – Например, родные братья. Что ж, в логике вам не откажешь.

Художник явственно шмыгнул носом. Казалось, он вот-вот расплачется.

– А что мне еще оставалось думать? Тем более что я действительно пересел к вам поближе еще до того, как стрела свистнула... И, раз на моей ладони была кровь Глеба, значит, он был уже мертв... И никто этого не заметил! И почему Глеб даже не вскрикнул?

– Все равно, – пробормотал Борис. – Подозревать меня в убийстве брата... Как вам такое в голову пришло!

– Вы сыщик, – тихо, будто извиняясь, сказал Вайнцман. – Вы лучше меня знаете: посторонние убивают редко. Убивают друзья, близкие, родные, с кем видишься сто раз за день. Жены убивают опостылевших мужей, дети – богатых родителей, которые слишком зажились на свете.

– Но у вас нет детей. И вы не женаты.

В их разговоре случилась неожиданная пауза: впорхнула медсестричка в коротком белом халате – розовая, упругая, как резиновый мячик, пышущая здоровьем и сексапильностью, что никак не гармонировало ни с палатой для «сердечников» (у кого второй «звоночек», у кого третий...), ни тем более с духовным прошлым этого заведения. Вайнцман покорно подставил ягодицу, Борис деликатно отвернулся. Сестричка закончила экзекуцию, стрельнула подведенными глазками и исчезла, оставив в палате тонкий аромат духов.

– Вы о чем? – мрачно спросил художник.

– Недавно вы сказали, что убийца промахнулся: он целился в вас, но случайно попал в Глеба. Кого вы подозреваете?

Он молчал, а у Бориса снова – в который раз – замкнулась в голове некая электрическая цепь, высветилась догадка...

– Закрайский был уверен, что подделку изготовили вы. Я так не думаю, и Глеб на свою кассету-крючок пытался поймать не вас... Вернее, через вас как через передаточное звено – но кого-то другого. Того, кто действительно подделал рукопись (следовательно, обладал нужной квалификацией), кого вы не хотите или боитесь выдать. – Борис сорвался. – Да не молчите вы! Кто бы ОН ни был, он не всемогущ, он не может подслушать сейчас наш разговор! Не может прийти и просто убить вас здесь, где полно врачей, персонала, наконец, ваши соседи по палате.. Не все же они преступники!

– Я не поэтому, – прошептал Вайнцман. – То есть не из опасения... Просто меня мучает совесть...

Это новость, подумал Борис и утвердительно сказал:

– Он – ваш ученик. Тот, кого вы в сердцах называли Кулибиным. Я прав?

– Так его называли в училище, – сказал художник. – В самом деле, одаренный был мальчик. Я вел у них семинар на втором курсе.

– Что с ним стало потом?

– Не знаю. Кажется, его призвали в армию. Больше мы не встречались.

– Он бросил училище?

– Не знаю, – раздельно сказал Вайнцман. – На следующий год я отказался вести занятия: был слишком занят на съемках.

– Его звали Роман Бояров?

Он отрешенно покачал головой.

– Бояров? Помню, был такой, тоже мальчик не без способностей. Нет, я имею в виду другого, – он наморщил лоб, вспоминая. – Володенька... Какая-то очень простая короткая фамилия...

– Шуйцев? – не веря себе, тихо спросил Борис. – Вы его не хотели выдавать?

– Он всегда был бессребреником, поймите вы! Если он действительно пошел на такое,

то не из-за денег, уверяю вас!

– А из-за чего?

Вайнциман пожал худыми плечиками.

– Из-за чего? Из мальчишеской бравады, если хотите. Из озорства, из бесшабашности. Чтобы доказать ? всем...

То же сказал и Мохов о сюжете, снятом моим братом. «Чтобы доказать всем...» Чтобы поймать за руку преступника, который много веков назад сдал татарам спрятанный среди лесов и болот город Житнев, город-легенду. Преступника, который застрелил экстрасенса и «ведуна» Марка Бронцева из его собственного пистолета.

Вот что запомнилось мне, и еще – отсутствующий взгляд художника, устремленный в точку на темно-зеленой стене убогой больницы, бледно-розовая пижама, всклокоченные волосы, старость, пропасть впереди...

...Он был мертв уже несколько дней. Труп совсем окоченел – я почувствовал деревянную твердость и прямо какой-то вселенский холод, едва прикоснулся к посиневшему запястью. Я, конечно, не надеялся нащупать пульс, но и удержаться не смог. Долгий путь в подземном тоннеле, артефакт, оставленный древней расой, людские страсти в современном «безумном, безумном» мире – и достойное завершение здесь, в убого обставленной квартире-мастерской: продавленный диван напротив старенького телевизора, этюдник на шкафу, краски, растворитель на облезлом столе, стакан с чем-то серо-буро-малиновым на дне... Обитель бесребреника.

Сам хозяин сидел на диване, откинувшись на спинку, и стеклянно глядя в потолок, зажав «Макаров» в скрюченных пальцах. Он выстрелил себе в правый висок – зайдя сбоку, я увидел аккуратное, почерневшее по краям отверстие.

– Выстрел в упор, – сказал Гарик Варданян, аккуратно приподнимая голову покойного. – Пороховой ожог в наличии, выходное отверстие... Картина стандартная, я такого навидался в жизни.

– Нервы не выдержали, – негромко проговорил Слава КПСС. – Знал, что Вайнциман рано или поздно его выдаст. Возможно, там, в кинозале, он действительно целился в художника, а не в Глеба.

– Да как же он прошел мимо вахтера?

– Мимо Гагарина-то? Было бы желание... И у Бронцева он наверняка состоял в пациентах: эти его рассказы о собственном трупе, заикленность на фотографии в музее – ты сам упоминал. Отсюда и орудие убийства: тоже выдает некую аномалию. Псих, одним словом.

Он присел на табурет (стульев в комнате не было), поежился от холода, буркнув: «Даже окна на зиму не заклеивал, на рамах ни следа бумаги», закурил, выпустив дым в форточку.

– Следователь, который вел дело Стасика Кривошеина (того пацана из клуба «Кремень», что застрелил родителей своей подружки), всерьез подозревал Шуйцева в подстрекательстве. Якобы тот несколько раз говорил при детях: вот, мол, как отечественная буржуазия жиреет за наш счет – пока мы в Афгане, эти торгаши... ну и тэдэ. Вполне возможно, со Стасиком отдельные беседы проводил, хотя и не доказано: мальчишка молодой, да ранний, все взял на себя. – Слава выбросил окуроч, тут же потянулся за новой сигаретой. – Гад. Маньяк. Как же мы упустили?!

Упустили. Я смотрел, как санитары укладывали деревянное тело на носилки (полное окоченение: по мнению Гарика Варданяна, смерть наступила четверо-пятеро суток назад, приблизительно тогда же, когда был убит мой брат... Возможно, Шуйцев, застрелив Глеба, покончил с собой в тот же день), накрывали лицо серой простыней, и не ощущал ничего... Хотя, по идее, должно было возникнуть – не радость, но какое-то удовлетворение: дело раскрыто, убийца брата, опасный маньяк, наказал себя сам... Зачем? – вот вопрос, на который я не мог найти ответ.

– Зачем? – Слава КПСС пожал плечами. – Разве можно понять логику сумасшедшего?

– Вячеслав Сергеевич, гляньте, – окликнул его один из экспертов.

Слава подошел. Поднялся и я, хотя глядеть совершенно не хотелось. Пусто в душе, синдром достижения по-научному.

Эксперт тем временем извлек из-за шкафа картонную коробку из-под обуви – примитивный тайник (слишком примитивный для сумасшедшего). Раскрыл, поставив на стол, бросил: «Понятые, подойдите».

В коробке лежали видеокассеты. Те самые, исчезнувшие из квартиры Марка Бронцева, с карандашными пометками-цифрами. Отдельно покоился завернутый в вощеную бумагу раритет, когда-то подаренный экстрасенсу Вадимом Федоровичем Закрайским: керамический шарик, конец XII века, роспись, «предмет культового назначения». Еще одна улика, завершающая странное, страшное дело. Последний гвоздь в крышку гроба. «Я найду тебя, – шептал я тогда в припадке, стоя на коленях у мертвого Глеба и обращаясь к убийце. – Я найду тебя, где бы ты ни прятался, и, клянусь, до суда тебе не дожить. Закон, конечно, есть закон... Но я-то – всего-навсего человек, я хочу МЕСТИ – вот так, первобытно, чтобы ты жизнью заплатил за жизнь».

Он заплатил. И – как будто отнял ее у меня. Я – живой труп.

Позже, в управлении, мы просмотрели найденные видеокассеты. На одной был запечатлен Вайнцман, художник-декоратор, его исповедь – как он, подозревая своего ученика в подделке древнего документа, мучился страшным комплексом собственной вины («Глеб мне доверяет, он как ребенок – гениален, но весь в своем творчестве... Я боюсь ему сказать, он не перенесет». – «Голубчик, да стоит ли так убиваться? При чем здесь вы? Искать украденную рукопись – дело органов, а ваше дело – снимать фильм, разве я не прав?» – «Вы не понимаете...»)

Другая кассета была посвящена директору музея Закрайскому: «Когда я узнал, когда мне сунули под нос заключение эксперта-искусствоведа... Представьте себе мое состояние! Естественно, я смолчал. Я просто не решался смотреть людям в глаза. Мне казалось, будто все смотрят на меня, тычут пальцем. Я перестал спать, меня замучили кошмары...» – «И вы так же промолчали, когда главный режиссер убрал из картины персонаж, которого играл ваш внук?» – «Да, был мальчик-пастушок... Для Мишеньки это был страшный удар! И, что хуже всего, он не понимал! Он смотрел на меня и ждал, когда же я замолвлю словечко. Теперь он пропадает где-то целыми днями. Я боюсь, как бы он не связался с дурной компанией». Да, Вадим Федорович как в воду глядел: компания в лице «ведуна» для его внука была на редкость неподходящая. «Давайте лучше поговорим о ваших отношениях с режиссером студии...»

– И ведь, подлец, ни разу не оговорился, – восхищенно сказал Слава. – Ни разу не дал понять, что близко знаком с Глебом, – тогда рухнула бы вся комбинация. Зачем ему нужен был мальчик?

– Создавать «потусторонние» эффекты: скрип двери в нужный момент, отражение в зеркале, смех или плач... На многих пациентов это действовало неотразимо. Дарья Матвеевна однажды заметила, что Марк не был экстрасенсом – в настоящем понимании. Он скорее играл на публику, и этой игре служил весь антураж: свечи на бархате, поставленный «артистический» голос, специально подобранные книги на стеллаже, диплом Ассоциации Магов... А сам он представлял лишь часть этого антуража – так сказать, центральную фигуру. Кстати, откуда стало известно про мальчика?

– Что Миша Закрайский помогал экстрасенсу? Из его собственных показаний.

– Миша, расскажи, пожалуйста, как ты познакомился с Марком Леонидовичем Бронцевым?

– Обычно, на улице. Я запустил снежок в его машину, чуть стекло не разбил.

– Когда это было?

– Когда меня выгнали с киностудии.

– Выгнали?

– Ну, я сам ушел. Все равно я им был больше не нужен.

– Что же ты делал у Бронцева?
– Чай пил с пирожными.
– Это в первый раз. А потом?
– Потом – помогал. Делал, что он скажет.
– Например?
– Ну, вроде был призраком, понимаете? Ходил, смеялся... Иногда включал камеру – у дяди Марка был специальный пульт в ванной комнате. А однажды он велел мне сыграть пастушка – ну, мою роль в кино.
– Зачем?
– Сказал, что для одной пациентки. Чтобы она поверила...
– Во что?
– В потусторонние силы...

Пауза.
– Да, действительно...
– Но я же не делал ничего плохого. Может, так надо было, чтобы она вылечилась! Я оделся в костюм, пробежал по прихожей – так, чтобы она увидела мое отражение в зеркале.
– А потом?
– Пошел в ванную, включил пульт.
– В какой день это было, не помнишь?
– В пятницу, когда дядю Марка убили. Жалко, с ним было интересно...

Я опять был где-то... Не в каком-то конкретном месте, а как бы в нескольких измерениях сразу. Глеб, с его профессиональным лексиконом, назвал бы это наплывом (есть такой монтажный термин: когда картины меняются не резко, а постепенно, будто проявляясь друг в друге). Квартира носила следы вчерашних поминок... Вернее, не совсем поминок: просто после того, как действие в комнате покойного Шуйцева (долгий и профессиональный обыск, изъятие вещдоков, опрос свидетелей, никто из которых ничего не помнил, возня с телом, печать на дверном замке) перенеслось в управление (просмотр кассет, приобщение их к делу, оформление протоколов, сдача в архив, финал), Слава, глядя на меня, вдруг всерьез обеспокоился моим душевным здоровьем. Видимо, было из-за чего. Я и сам чувствовал, что не выдержу, не вынесу того, что свалилось на меня в последние дни. Следствие (пусть наполовину неофициальное – с моей стороны) отнимало почти все силы, не давало с головой уйти в черный омут, теперь же, когда наконец отпустило, я понял, что один домой не пойду. Ни за какие коврижки. Можете смеяться, но я всерьез опасался подступающего тихого безумия.

И мы, основательно затарившись в ближайшем коммерческом гастрономе (цены там кусались, но было ощущение чего-то последнего, завершающего, поэтому тратили, не жалея, словно не надеясь утром проснуться), пришли ко мне домой, накрыли стол, сели... Вдвоем, а незримо – вчетвером: два портрета смотрели с серванта – Глеба и Наташи Чистяковой, которой я, дурень, так и не решился (и не успел) сделать предложение...

«Жениться тебе надо, старик, – эту фразу друга и сподвижника я еще помнил. – Не все же бобылем жить». – «На ком?» «Господи, вот проблема-то», – он в меня верит безгранично. А я сам в себя – ни на грош: пусто все, выжжено. Погрузился в озеро Светлояр древний Китеж, не обороненный великим князем Юрием, рассыпался в прах град Житнев (красивая легенда о его исчезновении оказалась выдумкой, и даже не древней). Может, и светятся кому-то отраженные в озерной глади окошки в несуществующих избах, теремах и храмах, и чудится тихий колокольный звон и голоса давно умерших... Да не про меня все это. Как сказал Яков Арнольдович Вайнцман, чудо является лишь праведникам. А я – грешник.

Потом мы, обнявшись, запели нечто протяжное, но получилось из рук вон плохо: и я, и Слава страдали полным отсутствием слуха, хотя он в пьяной откровенности клялся, что когда-то в детстве посещал одну с Гариком Варданяном музыкальную школу. Я не поверил. Слава, обидевшись, решил исполнить арию Кончака из оперы «Князь Игорь», но тут уж решительно воспротивился мой Кузька: он поднял голову с подстилки и завыл, нехорошо

прижимая уши. Пришлось прекратить.

Потом – на дворе стояла глубокая ночь – я пошел на кухню варить кофе, а когда вернулся с двумя дымящимися кружками, мой сподвижник звонил по телефону, объясняя свое долгое отсутствие кому-то по имени Лапочка (Зайчик, Ушастик) – сначала начальственно, потом заискивающе и, наконец, раздраженно. Глаза слипались, и напряжение, кажется, отступило, «и все тревоги мирных дней, и языка бессвязный лепет...».

И я уснул в кресле, под негромкий аккомпанемент:

«Радость моя, ну какие девочки, ей-богу? Мы вдвоем с Борькой, у нас был трудный день, мы закончили одно расследование... Что значит „так и поверила“? Ну хорошо, буду как штык. Сейчас не могу, троллейбусы не ходят. Метро закрыто, в такси не содют (шутка). Ну перестань. Ну пожалуйста. Ну, Зайчик (Лапочка, Ушастик)...

Я мысленно пожелал, чтобы во сне ко мне пришел Глеб. И мы побыли бы вместе – хоть час, хоть полчаса, как когда-то, в прошлой счастливой жизни, в детстве («А почему это тебе – портфель с пингином, а мне без всего?» – «Потому что я старше». – «А я младше, младшим надо уступать!» – «А старших надо слушаться, балда!»).

Глеб не пришел. «Чудо является лишь праведникам». Мне снилось инвалидное кресло с никелированными ручками и обручем для головы. Стоило сесть в кресло – и обруч смыкался, намертво защемляя виски, и кто-то в черном, в полной темноте, тянул руку к рубильнику. И шептал: «Это я на ступеньках училища, а рядом со мной – мой друг, очень одаренный мальчик... Только раньше у меня была другая прическа». Прическа... И оставили они бранные тела на земле, а сами вошли в сияющие врата, кои указала им Пресвятая Богородица, и апостолы в белых одеждах вели людей, что убоялись...

Картины сменяли одна другую, переплетаясь, наплывая (как пишут в титрах: «монтаж и спецэффекты такого-то»), а я стоял в центре этого переплетения, стараясь припомнить услышанную где-то совсем недавно фразу, брошенную в случайном разговоре. Фразу, которая объясняла все и разом. Когда, кто ее произнес?!

«Я держал в руках подлинную историю – не обман, не выдумку... Трудно поверить, что ее изготовил какой-то там Кулибин...» Да, он сказал так. Я заворочался во сне, подлокотник кресла тут же уперся мне в ребра. Трудно поверить, что какой-то... Для меня все женщины старше сорока...

Да, так бывает. Сон, забытые странным образом раскрепощает сознание, разрушает препоны, воздвигнутые здравым смыслом (классический пример: Менделеев, увидевший во сне свою знаменитую таблицу). Я открыл глаза. Было раннее утро – холодное, зыбкое, наполненное рокотом мотора со двора (сосед разогревал старенький «Москвич» перед дальней поездкой) и тихим посапыванием: Славка во весь богатырский рост растянулся на диване (ну да, троллейбусы не ходят, метро закрыто...).

Я посмотрел на него и вдруг понял, что знаю ВСЕ. Ну, или почти все, за исключением незначительных деталей. Камешки сложились, каждый встал на свое место... Но легче не стало. Наоборот, было бы лучше поставить точку еще вчера, когда была твердая уверенность, что вот он, убийца, вынесший приговор сам себе (улики обвинения: кассеты, пистолет «Макаров», керамический шарик, поддельная рукопись – экспертиза докажет авторство)...

«Мне отмщение, и аз воздам». Я скажу «да», подумал я. Хватит смертей, хватит разоблачений (кому они нужны? Все упокоились, а живым... Живым необходимо жить). Я скажу «да».

И сказал «нет». И поехал на улицу Ключевую.

Дверь открыли довольно быстро. Я вообще заметил, что Роман Бояров передвигается в пространстве – и в коляске, и на костылях – приблизительно с той же скоростью, что и обычный человек – на своих двоих. Я вспомнил его рукопожатие и невольно встряхнул кистью. Он посмотрел на меня снизу вверх, чуть склонил голову набок... С неким злорадством я заметил мимолетную растерянность в его глазах. Однако растерянность мелькнула и пропала.

- А, – протянул он. – Наш гениальный сыщик. Входите. Маргариты, правда, нет дома...
- Собственно, я к вам.
- Да? Ну, прошу.

Он толкнул колеса, проехал вперед меня в гостиную, где доминировал резкий запах кислоты, просочившийся из соседней комнаты.

- Нашли своего убийцу?
- Нашел, – коротко отозвался я.
- Поздравляю, – радостных ноток в его голосе не чувствовалось. – Он уже арестован?
- Он умер.
- Вот как... Что ж, можно считать, он получил по заслугам.

Роман снова оттолкнулся, доехал до буфета, достал небольшой графинчик темного стекла, плеснул немного себе в рюмку.

- Не присоединитесь?
- Нет.

Он меня раздражал. И привлекал, неизвестно, что больше. Я чувствовал в нем какую-то жутковатую разрушительную силу... точнее, саморазрушительную, с какой он («исключительно талантливый мальчик!») бросил училище – возможно, свое истинное призвание, – и возится теперь с микросхемами и паяльниками.

- А я выпью... Вас, надо думать, уже восстановили в правах?
- То есть?
- В прошлый раз вы приходили как частное лицо, сегодня – как официальное: вон и от водки отказались. Впрочем, дело все равно закрыто, раз преступник скончался. Я его знаю?
- Возможно, и знаете. В вашем училище у него было прозвище Кулибин. Он вздрогнул.
- Вот как...
- Вы не удивлены?

Он продолжал сидеть затылком ко мне, и затылок был напряжен (прав был художник-декоратор, знаток человеческих душ: с лицом при должной тренировке можно совладать, а вот со спиной...).

- Зачем вы пришли? Похвастаться победой?
- Давно вы в последний раз видели Шуйцева?
- Давно? – Он пожал плечами. – Пожалуй.
- Нет, не «пожалуй»! – взорвался я. – Вы регулярно общались, по крайней мере по телефону. И вам было отлично известно, что за работу он выполнял. Вы знали о поддельной реликвии, знали, что Владимир был пациентом Марка Бронцева... И не смейте отпираться!
- Я и не отпираюсь, – хладнокровно (вот черт!) возразил он. – Почему вы кричите?
- Потому что вы все время врете. Вернее, отделяетесь этакой полуправдой. Вы заперлись в своей камере с этой дурацкой электроникой, в своем дурацком кресле на колесиках и наблюдаете со стороны, потирая лапки от удовольствия: ну да, весь мир – театр... А в результате вашей игры, между прочим, погиб человек. Шуйцев ведь не подозревал, что Бронцев пишет его на видеопленку... У вас есть магнитофон?

Роман молча подъехал к телевизору, включил видеомангитофон в сеть, ткнул пальцем в клавишу.

- Ну и что у вас там? Ужастик?
- Мелодрама.

Я вставил кассету и отступил на шаг, давая Роману насладиться зрелищем. С минуту он внимательно смотрел на экран, потом удивленно произнес:

- Но это не Володька.
- Тонкое наблюдение. Эта женщина – одна из пациенток Бронцева. Вы встречались когда-нибудь?
- Нет. Клянусь, нет!
- Собственно, это неважно. Обратите внимание на строку в нижней части экрана: дата и время. Видео-14 камера, настроенная определенным образом, фиксирует...

– Можете не объяснять.

– Так вот, эта запись, – я ткнул пальцем в экран, – последняя в жизни Бронцева. Его убили приблизительно через полчаса после ухода пациентки. Видите, они сидят в полутьме, при свечах... Освещение очень скудное, однако камера высокого класса, Марк средств не пожалел. А теперь – внимание! – гаснет бра в углу... Вы заметили?

– И что это означает?

Я улыбнулся, сдерживая ярость.

– Всего-навсего перегорели пробки на лестнице. Пустячок. Однако – аппаратура продолжает работать. Несмотря на отсутствие электричества. Что скажете?

Роман покривил губы.

– Поздравляю. Вы все-таки додумались... То есть вас не понесло в откровенную мистику.

– Мистика заключается в другом. Эта женщина, что запечатлена на кассете, оказалась очень сильным экстрасенсом. У нее невероятный дар – невольно, находясь под гипнозом, она воздействовала на пленку таким образом, что та зафиксировала ее воспоминания из прошлой жизни. Вот в чем крылась разгадка: Глеб не снимал этот эпизод и не приглашал для этого актеров. Все, что было на экране, относилось к реальным событиям, происшедшим в конце XIII столетия... Однако потом, спустя некоторое время, прежняя запись исчезла...

– Ерунда, – поморщился Роман.

– Ерунда... Если бы не ваши собственные слова и не слова покойного Шуйцева: «Я видел свой труп...» – Я повернулся к нему и поймал-таки его взгляд, затуманенные расширенные зрачки. – Вы, все трое, повторили увиденное когда-то почти одинаково: события, разнесенные друг от друга на восемь веков... Вы, лично вы, не могли забыть (или, наоборот, вспомнить до конца) то, что произошло с вами в Афганистане, и обратились к Марку Бронцеву. А Марк попросил об ответной услуге. Я прав?

Он молчал.

– Это вы установили скрытую камеру на стеллаже. А кроме того, в подъезде дома, где он жил, частенько вылетали пробки, и «эксперименты» Бронцева срывались – аппаратура переставала работать. И вы ее, так сказать, усовершенствовали: встроили компактный независимый источник питания, на манер компьютерного, – я вздохнул. – Конечно, мы здорово лопухнулись. Нужно было сразу, с самого начала осмотреть камеру и видеодвойку... Мы этого не сделали.

Признаться честно, мне хотелось, чтобы он испугался или хотя бы смутился. Но, когда он поднял глаза, взгляд его оставался спокойным и чуть насмешливым, словно я, приложив титанические усилия, поймал слона за хвост и сказал на манер слепца из известной притчи: слон – это большая толстая веревка. Как и во всей этой истории – внешние, незначительные детали подменили собой внутреннюю потаенную суть. И я упорно проходил мимо нее.

– Теперь вы подозреваете в убийстве меня? – спросил он. – Меня, инвалида?

– А что, инвалид не способен выстрелить из пистолета?

– А мотив?

– Все тот же, – устало сказал я. – Марк весьма успешно манипулировал с памятью своих пациентов. Вы в этом смысле – не исключение.

«Трудно поверить, – сказал недавно Вайнциман, – что ее (рукопись) изготовил какой-то местный Кулибин». И не просто Кулибин – Яков Арнольдович назвал любимого ученика...

– Владимир был левшой?

– Да, – бесцветно отозвался Роман. – Он и рисовал левой рукой. Надо сказать, у него неплохо получалось.

– А вы утверждали, будто он вам завидовал. Вечно второй и так далее...

– Глупости, – он уже внутренне сдался – свыкся с «вечером откровений», который я устроил, ворвавшись непрошеным гостем в его мир. – Для меня живопись была... даже не увлечением, а скорее развлечением. Решили поступать в училище, на реставрацию: профессия по тем временам редкая и хлебная. Вроде как на спор: не поступишь! А вот

поступлю! Поступили, хотя конкурс был порядочный. Но Володька учился. Уперся и пахал как проклятый. А я – выезжал... черт знает на чем. Наверное, на способностях, они у меня были. Были, да сплыли.

Вспомнив кое-что, я оглянулся вокруг.

– А где Феликс?

– Феликс? А, экстрасенсорный кот... Убежал куда-то. Рита очень расстроилась, она считает его чем-то вроде талисмана. Пропадет – быть беде. Глупости, конечно. Бронцеву он не помог.

Он снова звякнул графинчиком. Возникла пауза, маленькие глоточки обжигали горло, не давая, однако, желаемого эффекта: спина оставалась будто каменной.

– Мы оба хотели забыть все, что произошло ТАМ. Просто делали это по-разному. Я заперся здесь, в четырех стенах, а Володька... Володька решил жить, как прежде, будто ничего и не было, дурной сон. Восстановился на третий курс, создал клуб, писал картины, реставрировал иконы, ездил на раскопки с археологами. Когда отстраивали Николу-на-Озерках, его пригласили участвовать в росписи центрального купола. Адова работа, скажу вам, – и добавил, казалось бы, без всякой связи: – Поэтому я и не верю, что он покончил с собой. Должно быть, его убил... ТОТ.

– Кто?

– Тот, кто заказал ему поддельную рукопись. Не сам же он, в самом деле.

Вайнциман назвал его Левша Кулибин. Левша, выстреливший себе в правый висок.

Глава 21 ТА СТОРОНА

Пейзаж вокруг был диковатый – безжизненный, застывший, лунный... Рыжие скалы и рыжие каменные осыпи без следа растительности, над которыми возвышалась самая высокая гора в этом районе, двуглавая Кизык-Хелл, светившаяся своей розовато-синей снежной короной...

«Вертушка» не стала приземляться – повисела несколько секунд в метре от земли, над бежавшей по камням быстрой безымянной речушкой, дождалась, пока спецназовцы попрыгают из темного чрева, и ушелестела на север восвояси. Дальше они вынуждены были добираться на своих двоих. В нескольких часах пути на юг находился торный аул, в котором моджахеды держали захваченного в заложники журналиста из Москвы Валерия Самохова.

То, что заложник находится в ауле, было известно из надежного и, разумеется, строго секретного источника. Какого – никто из них, даже командир группы дядя Рахим, не знал. Но источник оказался на проверку не слишком надежным: то ли что-то напутал с местностью, то ли скорее всего ни разу здесь не бывал. Больше всего смущала полуразвалившаяся сторожевая башня как раз на входе в каменистое ущелье, чуть в стороне от едва заметной козьей тропы. О ней не было сказано ни слова, но торчала она именно там, откуда к деревне подошла группа. Двигались настороженной цепочкой, в затылок, на полусогнутых, положив указательные пальцы на спусковые крючки автоматов. Ноги то и дело цеплялись за стланик – этакую пародию на дерево высотой сантиметров десять.

Приблизившись к высокой глинобитной стене – дувалу и вжавшись в нее спиной, дядя Рахим поднял два пальца, указательный и средний, и ткнул в сторону от того места, где в стене имелся неширокий пролом. Две пятнистые тени скользнули внутрь, проскочили открытое пространство и замерли в тени от изгороди из кизяка – такими были обнесены здесь почти все дома. Еще одна короткая пантомима на пальцах – две очередные двойки миновали дувал и рассредоточились, прикрывая друг друга. Предстояло самое трудное: отыскать заложника в одном из домов. И изъять, по возможности живого и бесшумно. Роман Бояров, лежа за грубым валуном и следя за темными узкими окошками-бойницами через прорезь прицела, подумал: нет, самое трудное – даже не это. Самое трудное начнется потом. ОТХОД.

Внешняя стена возвышалась над домами, сложенными из необработанного камня, и оттого весь поселок напоминал средневековую крепость. Впечатление усиливали сторожевая башня и крутой склон горы, откуда открывался великолепный вид на Кизык-Хелл. Впрочем, никто из команды дяди Рахима видом не восторгался: надоело до блевотины, до озноба. Они, и вернувшись в Союз (кому суждено будет вернуться своим ходом, не запаянным в цинк), долго еще будут отворачиваться от пейзажа на открытке или экране телевизора, где (восторг, экзотика!) – бурые скалы, осыпи, бурные мелкие речушки, крошечное злое солнце в разреженном воздухе...

У двери нужного дома, привалившись спиной к высокому порогу, дремал охранник – в меховом полушубке, сапогах, черных шароварах, с «Калашниковым» на коленях. Пять утра, самый сон. Дядя Рахим переглянулся со своими: да, все варианты просчитаны и отпали, кроме одного-единственного... – Журналист должен быть там, в дальней комнате, – прошептал он. – В доме еще трое гражданских: старик с невесткой и внучкой. Всем – готовность. Кулибин, делаешь охранника, потом – по команде внутрь...

Володя Шуйцев кивнул, поудобнее пристраивая к плечу приклад «бесшумки». Задержал дыхание, глядя в окуляр прицела, и плавно потянул спуск. Боевик даже не дернулся – просто безвольно обмяк, накренился, словно Пизанская башня... Дима Погорелов, Димыч, рванулся вперед, подхватил тело и автомат, чтобы не громынуло при падении. Вокруг стояла полная, какая-то первобытная тишина, и это было немножко странно: там, в долине, в цивилизации, люди еще спали, но в таких богом забытых аулах обычно жизнь начинается еще до рассвета... Миг, мановение руки – и в этой тишине, в предрассветных сумерках, бесшумные камуфляжные тени окружили дом.

Секунды, как это бывает, растянулись в бесконечность. Дверь еле слышно скрипнула, Роман присел на пороге, давая возможность напарнику страховать из-за плеча. Рывок внутрь, в бешеном темпе обшаривая дулами автоматов темные углы жилища (именно жилища – другие слова, сколь угодно близкие по значению, здесь не подходили: грязь, подстилка из несвежей соломы, парочка жалобно блеющих коз, древний старик на квадратном коврике, расположившись лицом на восток, совершает намаз...). Володя с Романом переглянулись, оба, не сговариваясь, сделали страшные рожи и приложили палец к губам. Старик окинул их долгим безучастным взглядом и снова отвернулся к стене. Они бросились в соседнюю комнату – тот же полумрак и пустота. Невестка, видимо, ушла в сарай доить корову. Ворох тряпья в углу... Они подскочили одновременно, испытывая облегчение: сейчас бедолага-заложник очнется, испуг в глазах сменит сумасшедшая радость, немые слезы, и он быстро-быстро закивает, услышав: «Жив, браток? Давай за нами, осторожнее». – «Вы кто?!» – «Скорая помощь».

Журналиста не было. Они вихрем пронеслись по комнате, выскочили наружу, в «предбанник», невежливо наставили на старика оружие.

– Где он? – рявкнул Шуйцев, помогая себе яростными жестами. – Где заложник, мать твою?

Дед не отреагировал. Владимир в бешенстве рванул его за плечо, вжал дуло в худую морщинистую шею,

– Оставь, – сказал Роман. – Он все равно ничего не знает.

Шуйцев, не сдержавшись, пнул старика ногой и шагнул к двери.

Посреди тесного дворика стояла девочка. Ей было не больше пяти, она была закутана по самые брови в старый и рваный по краям коричневый платок, так что лица было не разглядеть. Девочка смотрела на чужих солдат бессмысленно и равнодушно – даже не на них, а куда-то сквозь. Может, ей хоть что-то известно, подумал Роман (впрочем, без всякой надежды) и присел перед ней на корточки, стараясь не напугать. И услышал сзади дикий приглушенный вопль дяди Рахима:

– Назад!!!

Он опустил взгляд. Маленькая детская ручка плотно обхватывала черный ребристый корпус «лимонки». В другой руке было кольцо.

– Назад! – уже в полный голос закричал дядя Рахим, выхватывая автомат из-за плеча...

В лицо полыхнуло зарево. Небо и земля вдруг поменялись местами, солнце закатилось за лес, точно в ускоренной съемке, звуки утонули во тьме, наступил покой...

Дальше бой шел без него. С полуразрушенной сторожевой вышки бил тяжелый пулемет, фонтанчики земли носились по двору, пули летели отовсюду – из-за дувала, из окон домов, из сарая, возле покосившейся двери которого, выронив ведро, неподвижно лежала женщина в лужице свежего молока. Радист, скорчившись за камнем, надрывался в микрофон: «База, база, напоролись на засаду, ведем бой против превосходящих сил противника, штыков около ста, просим помощи... Димыч, осторожно, справа! Назад, Димыч!!!» А потом рацию разбило прямым попаданием, и радист вдруг дернулся и ткнулся носом в камень, за которым пытался укрыться.

Роман не видел этого. И когда к нему вернулись сначала слух, потом зрение, потом, через секунду, дикая боль в раздробленной ноге, он не обрадовался, а скорее огорчился: в темном невесомом покое было лучше. Его куда-то настойчиво тащили. Морщась, он повернул голову и увидел Володьку Шуйцева – в разорванном комбинезоне, грудь и живот в крови, он одной рукой тянул Романа к двери дома, где они не нашли журналиста («источник» наврал, мразь, продал еще на взлете – их ждали, это было ясно: тишина в ауле, единственный охранник... Эх, дядя Рахим!), второй удерживал сразу два автомата. Дядя Рахим был мертв, и Вадик, и Гелька Камышан по прозвищу Викинг (уж больно внешность соответствовала, особенно когда он, еще на гражданке, в турпоходе, скакал голым возле костра с топором и, дурачась, орал, пугая млеющих девчонок: «О-о-ди-ин!»). Славного тебе пира в Вальгалле, Гелька Викинг. Дима Погорелов еще некоторое время отстреливался из-за валуна, но вскоре затих и вытянулся на земле, лицом вверх, будто задремал, нежась на пляже.

– Оставь, – прошептал Роман, потянувшись к автомату.

– погоди, – хрипло выдохнул Владимир, затаскивая напарника в дом. – Еще чуть-чуть... Стрелять сможешь?

Роман улыбнулся сухими губами.

– Да уж как-нибудь.

– Тогда тебе окно, мне – дверь.

И они продолжали драться. Сколько? Сколько оставалось патронов в двух полупустых магазинах. Потом «Калашников» Романа щелкнул в последний раз, и он увидел за оградой из кизяка одного из этих, чернобородых, с американской базукой на плече. И хотел крикнуть «Ложись!», инстинктивно продолжая давить на спуск, не желая осознавать, что вот он, конец...

Перед ним лежал длинный тоннель. Нога не болела, хотя вид был, что у Романа, что у Шуйцева, слегка предосудительный: растерзанные камуфляжи в кровавых пятнах и пороховых ожогах, лица в копоты... Роман оглянулся. Сзади, на границе видимости, под рухнувшей крышей дома, лежали два изуродованных трупа. Один, тот, что ближе к порогу, принадлежал Володьке, Левше Кулибину. Второй, у окна, он сначала не узнал – разум воспротивился, цепляясь за остатки здравого смысла. Он приостановился, ожидая, что его толкнут в спину. Не толкнули. Провожатый тоже встал, спокойно позволяя Роману насладиться зрелищем...

Да, это был он, старший сержант Бояров. Второй труп, без ноги, у окна. Его собственные безжизненные глаза, его щеки и нос с едва заметной горбинкой. Его скрюченные пальцы, обхватившие цевье автомата.

Он сам.

Память, обрывки памяти, немилосердно извлеченные наружу посредством гипноза (мягкий «профессорский» баритон Марка Бронцева, видеокамера на стеллаже, темный бархат и шкатулка с заряженным пистолетом в потайном отделении), сохранили некоторые образы-символы: полная тьма, узкий-узкий проход, и в конце него – внезапный и невообразимый отрадный свет, не от мира сего. Он знал: ТАМ его ждут. И шел, предоставив

себя провожатым-ангелам (мимоходом он коснулся одного из них: нет, обычный человек, хотя и с немного странным лицом, но из плоти и крови).

Он не знал, сколько они шли. Только коридор вдруг превратился в просторный сияющий зал, и уже другие люди (или не люди) приняли его и его напарника – передали, так сказать, из рук в руки. Краем глаза он успел заметить совсем уж странную картину: из такого же коридора, соседнего, вышла очень красивая женщина все в той же ниспадающей одежде, а вместе с ней – дремучий бородатый дикарь из неизвестно какого прошлого, босой и голый по пояс, в холщовых штанах... Он тоже недоуменно вертел головой, оглядывая россыпи звезд вокруг: слева, справа, сверху, далеко под ногами...

Посреди зала, в окружении Высших Посвященных, висел Шар. Варвар, взглянув на него, невольно попятился и перекрестился (ага, значит, не совсем варвар: Владимир Красное Солнышко уже крестил Русь, рушились языческие капища, и Дажьбог с Перуном трещали в огне). От процессии возле Шара отделилась женщина (не та, что была с русичем, а другая, спокойная, высокая и властная, с необычайно одухотворенным лицом) и сказала:

– Ну, здравствуй.

Роман чисто рефлекторно коснулся рукой автомата. Женщина улыбнулась.

– Оружие можешь опустить. Не бойся, здесь тебя никто не обидит.

– Они приказали мне все забыть – и я забыл. Но, видимо, какой-то аппарат дал сбой: иногда во сне, иногда наяву... Словом, отдельные картины вдруг возникают перед глазами. И я не могу от них отделаться. Тогда я обратился к Бронцеву (вы правы, сестра посоветовала).

– Так она в курсе?

– Я сказал ей, что меня мучают галлюцинации. Без подробностей. Она и не допытывалась: афганский синдром, ясное дело, неизвестно, как вообще остался цел в этом пекле. И относится ко мне соответственно: как к большому полоумному ребенку (своих-то детей они с композитором не нажили).

– Значит, Марк вернул вам... все?

– Ну нет. Еще больше все усугубил: одни фрагменты стали ярче, другие исчезли, появились новые... А целой картины не получалось, и мучился еще сильнее.

Он помолчал, его сильные ладони сжали обода колес кресла-ловушки.

– Иногда мне кажется, что все это бред. Не то, что произошло со мной там, а вообще... И я сам, и вы, и эта квартира, и весь мир. А на самом деле я остался там, где и должен был: под рухнувшим домом в горном ауле. Сознание угасает, вот и видится черт знает что. Предсмертные галлюцинации.

– Что ИМ было нужно от вас? – спросил я.

Роман задумался.

– Был момент, когда я здорово испугался. ОНИ показали мне меня самого, точную копию, только целого и без дурацкого камуфляжа. Вообще процесс был довольно мучительный: будто живьем содрали кожу, но боли не было... Это трудно объяснить словами. Уже потом, пытаясь вспомнить, я предположил, что попал не в будущее, а в далекое прошлое: тогда их цивилизация была еще жива, хотя находилась на грани гибели. И чтобы сохранить свой генофонд, они стали брать людей из нашего мира, из разных эпох. Тех, кто был обречен, перед самой смертью.

– Почему перед смертью?

– Чтобы как-то объяснить их исчезновение. Они оставляли кукол, трупы – а людей забирали в свой мир и снимали с них копии на молекулярном уровне. Это они проделали со мной, с тем самым русичем... И наверняка со многими другими. Впрочем, это только догадки.

Он усмехнулся.

– Так что где-то там, в сопредельном мире, сейчас разгуливает мой двойник, точно повторенная ДНК. Или, наоборот, двойник – здесь, перед вами, а я сам... Согласитесь, даже бывшему афганцу-спецназовцу такое трудно пережить.

– И вы никогда не обсуждали это с Шуйцевым?

– Нет, – резко ответил Роман. – Это была запретная тема. О другом – пожалуйста: например, он похвастался однажды, что получил один выгодный заказ... Не совсем законный, однако это его мало волновало.

– Он так легко относился к...

– Я же вам говорил: для него это был способ забыть то самое. Он ведь тоже обращался к Бронцеву, и ему тоже от этого стало еще хуже. И тогда он решил, что будет просто жить, брать от жизни все (своеобразный комплекс неполноценности) – то есть не в материальном плане, а скорее в эмоциональном. Понимаете?

– Чего уж не понять. Ему хотелось одними ощущениями заглушить другие, верно? Кто предложил ему выполнить поддельную рукопись?

Роман покачал головой.

– Он не сказал. А я, дурак, не стал допытываться. Только теперь понятно, кто убил Володьку. Тот самый заказчик. Он же убил и Бронцева, и наверняка – вашего брата. Единственное, чего я не понимаю, – это при чем здесь ваш брат?

Глеб что-то узнал, подумал я. Что-то смертельно опасное для убийцы, или увидел то, что не должен был видеть, или вычислил – не конкретного человека, а скорее очертил круг подозреваемых и собрал их вместе, в кинозале, пригласив меня как представителя власти... А он не стал ждать, нанес превентивный удар. Я еще верил в это... '

(«Вы верите?» – спросил ведун, улыбнувшись в роскошные седые усы. «Во что?» – «В концентрацию энергии – как в переход от эфирной области к физической». – «Что-то слишком научно... Или псевдонаучно. Я не понимаю». – «Что ж, смотрите...» Он сел за стол, покрытый темно-красной скатертью с кистями, сосредоточился... Свечи в старинном канделябре затрепетали, точно от сквозняка, и разом погасли, тонкий дымок потянулся вверх. «Прекратите!» – «Страшно стало?» – «Просто неприятно». – «Зато вы поверили»).

Я поверил. Мне стоило лишь взглянуть на фотографию – где двое молодых людей и молодая красивая женщина между ними стояли у дверей художественного училища. Три счастливых беззаботных улыбки...

– Когда вы снимались?

– А, это, – Роман подъехал к стене, снял обрамленную в рамку фотографию, перевернул тыльной стороной. – Вот: сентябрь 87-го. В том году нас с Володькой призвали в армию.

Сентябрь 87-го. Последний камешек в мозаике.

Мишу Закрайского из школы встречал дедушка. Я стоял чуть поотдадь, за деревьями, и видел, как Вадим Федорович прохаживался перед парадным крыльцом, под потускневшим плакатом «Добро пожаловать!».

Прозвенел звонок. Окружавшая тишина будто лопнула изнутри радостным гулом и топотом ног, настежь распахнулись старорежимные дубовые двери, и во двор высыпала детвора, не обращая внимания на запоздалый крик за спиной: «Звонок для учителя!» Какое там. Долгожданная свобода, ветер в лицо...

Миша вышел из школы вместе со стайкой одноклассников. Лениво переговариваясь и расчищая себе дорогу среди малышни, они двинулись к воротам. Вадим Федорович оживился, замахал рукой и засеменил наперерез. В его фигуре проступало нечто виноватое и заискивающее. А в Мишином взгляде, когда он узрел деда, – наоборот, недовольство и презрение, отчего у меня возникло желание подойти и легонько вмазать Закрайскому-младшему в ухо.

Он что-то сказал ребятам. Те засмеялись, хлопнули приятеля по плечу и пошли дальше. Миша остался стоять, глядя себе под ноги и засунув руки в карманы. Вадим Федорович не подошел – подбежал, и мне стало жаль его... Впрочем, что это я жалею всех подряд. Меня бы кто пожалел.

Я нагнал их у ворот. Они остановились, Миша, не поднимая глаз, буркнул «здрасьте», и отвернулся.

– Это вы, – растерянно произнес Вадим Федорович. – А я думал, следствие уже закончено.

Удивительно, как все хотят, чтобы следствие поскорее закончилось. И мне это звучит напоминанием: пора ставить точку. Однако опять что-то сильное и неотвратимое, черное, нерассуждающее толкало меня вперед, к развязке.

– Я хотел поговорить с Мишей. Разумеется, в вашем присутствии.

– Я уже все рассказал в милиции, – буркнул Закрайский-младший.

– Всего пара вопросов.

Он подумал и вздохнул.

– Ладно, валийте.

Мы подошли к скамейке и сели – Миша в центре, мы с Вадимом Федоровичем по бокам, точно примерные родители.

– Ты помнишь вечер 20 марта, в пятницу?

– Это когда убили дядю Марка?

– Может, не стоит? – робко подал голос Закрайский-старший. – Травмировать ребенка лишний раз...

– Ничего я не травмируюсь, – отрезал Миша. – Какие вы все... заботливые. Вот и следователь тоже: Марк Леонидович, мол, не предлагал тебе ничего такого? Ясно, на что намекал, – он фыркнул. – Вполне он был нормальный дядя. С прибабахом немножко... Ну да взрослые все такие.

– Он учил тебя гипнотизировать?

Миша беспечно пожал плечами.

– Учил, только у меня ничего не получалось. Знаете, по-моему, у него у самого – тоже... Как-то к нему пришел один, не в свое время. Дядя Марк растерялся, но вида не подал, усадил мужика в кресло – то самое, поставил свечи, погасил свет, все чин чином...

– И что?

– И ничего. Полчаса промучился – мужик не засыпает. Потом тому, видно, надоело, он встал, пошел к двери. Спасибо, сказал, больше не трудитесь. Вот и все.

– По-твоему, дядя Марк не умел гипнотизировать?

– Не знаю, – универсально отозвался Миша. – Может, ему кто-то помогал?

– Кто?

– Да не знаю я ничего. Ну, видел пару раз, мельком...

– Мишенька, – проникновенно сказал я. – Кого ты видел? Опиши. Ну, вспомни хоть что-нибудь, это очень важно!

Он задумался. И выдал:

– ОНО выглядело как монах.

– Монах?

– Ну, такая серая хламида с капюшоном, и веревка вокруг пояса. Лица я ни разу не видел и голоса не слышал. Просто мелькнет что-то такое на секунду, прошелестит и спрячется. Как и я сам. Наверное, тоже какой-нибудь... подручный.

– А в день убийства монах был в квартире?

– Был, – угрюмо отозвался Миша. – Я видел, как он ушел через дверь на кухню. У дяди Марка в кресле сидела пациентка...

– Женщина?

– Ну, перед которой я пастушка разыгрывал. Как только она уснула, дядя Марк прошел в ванную (я там переодевался) и говорит шепотом: все, мол, на сегодня ты свободен, молодец. Приходи через два дня. И выпроводил через кухню.

– Ты никого не встретил по дороге? На лестнице или во дворе?

– Нет, только Фильку выпустил на улицу, он гулять просился.

– Фильку... – Я задумался на секунду, потом сообразил: – Феликса, да?

Миша улыбнулся.

– Да какой из него Феликс. Филька – Филька и есть.

Ладно, я пошел. Меня ребята ждут.

– Только недолго, Мишенька, – очнулся Вадим Федорович.

– Ладно.

– Подожди, – остановил я. – Последний вопрос. Скажи, что ты все-таки нашел в этом колдуне? Почему ты к нему приходил?

– Ни почему, – хмыкнул Миша.

– Он забудет, – утешительно проговорил я.

– Да, да, – растерянно отозвался Вадим Федорович. – Однако мне пора. Хочу навестить Вайнцмана... Кстати, он уже знает? Насчет своего ученика...

– Я не стал ему сообщать.

– И правильно, – с облегчением сказал он. – Несчастный старик сейчас и так... А тут еще убийство, страшное дело!

– Шуйцев не убивал, – перебил я. – Он лишь выполнил чей-то заказ: изготовил фальшивую рукопись, ту, которая была выставлена в вашем музее. По которой Глеб написал сценарий своего фильма.

Некоторое время мы шли молча – не шли, а брели по аллее, как два старичка пенсионера, в гомоне и гвалте, отвечая на многочисленные «здрасьте!» (детский рефлекс: взрослый на школьной территории – наверняка учитель, надо проявить вежливость).

– Так кто же убил Марка? – тихо спросил Закрайский. – Не Вайнцман, не Шуйцев...

Вдруг он остановился и развернулся, ко мне. Во взгляде промелькнул неприкрытый страх.

– Но вы же не подозреваете Мишеньку, правда?

– Они прорвались к западным воротам, госпожа! – крикнул Некрас.

На князя Олега было страшно смотреть. В окровавленной броне, без шлема (сбил чей-то верный удар копья), с рассеченным виском, он буквально ввалился в двери храма, где возле алтаря стояла Елань в окружении последних оставшихся в живых. Воевода с остатками дружины еще удерживал восточную стену, оттуда доносились крики и лязг оружия. Русичи дрались, встав спиной к спине, сцепившись в яростный клубок, не считая ран и ударов, не оглядываясь на погибающих рядом друзей: некогда скорбеть. Да и недолго им быть в разлуке, живым и павшим...

– Ты видел того, кто показал татарам дорогу? – спросила княгиня Елань.

Она была почти спокойна. Рядом, по правую руку, стояла нянюшка Влада и притихший испуганный княжич Мишенька.

– Да, госпожа, – ответил Некрас и подумал: «Сейчас меня убьют. Ну да все равно».

Он тоже, вместе со всеми, дрался на стенах. Видел, как лезли вверх по осадным лестницам обезумевшие татары, как быстро таяли ряды защитников города – мужчины падали от ран, и к бойницам вставали женщины, с трудом поднимая тяжелые мечи, выпавшие из холодеющих рук. Он видел диковинные машины, которые осаждающие подвезли к воротам, и огромное бревно-таран, которое раскачивали пленные русичи.

Особенно среди них выделялся один: высокий и сильный, с буйными темно-русыми волосами, голый по пояс и босой, в одних холщовых штанах. Обе его руки были намертво прикованы цепью к бревну, а позади стоял темнолицый нукер в волчьей шапке, полушубке и черной кожаной броне с заклепками. Сколько же, интересно, понадобилось сил, чтобы пленить этого русского воина? Скольких врагов он положил, прежде чем на него, израненного, наконец навалились и связали руки за спиной? Наверное, немало...

Он и сейчас не был покорен. Нукер проорал что-то гортанное, указывая на трещащие ворота, потом – на обитый медью таран. Увидев, что пленный медлит, со свистом взмахнул плетью. На обнаженной спине русича появился кровавый рубец. Тот даже не вздрогнул – просто медленно повернул голову и взглянул так, что татарин невольно попятился. Но тут же, яростно взвизгнув, снова бросился вперед, полосую пленника хлыстом... И, на свою беду, подошел слишком близко. Руками русич воспользоваться не мог, но его пятка с силой

врезалась татарину в грудь, сминая доспех, ломая и круша ребра. На славянском лице – Некрас мог бы поклясться – сверкнула торжествующая улыбка. В руках другого нукера свистнула кривая сабля...

Пленник принял удар почти с благодарностью. Он умер как воин, в бою, не продав и не посрамив чести. Останутся после этого боя те, кто был рядом – свои ли, враги, – его не забудут. О нем сложат песни... Некрас натянул тугой лук, и татарин, убивший пленного, без звука рухнул на труп босого русича.

Потом ворота все же не выдержали. Татары хлынули внутрь, как поток мутной воды сквозь рухнувшую плотину, – не остановить... Защитники города уже и не помышляли об этом. Старались лишь подороже продать свои жизни, утянуть с собой врагов, сколько рука возьмет. Бились везде: возле каждого дома, меча стрелы с плоских крыш, на узких, перегороженных бревнами улицах, у ворот полыхающих усадеб...

Услышав имя предателя, князь Олег потемнел и без того черным лицом.

– Нет, – прошептал он, чувствуя, что теряет сознание.

Елань смотрела на него сухими невидящими глазами, в зрачках которых полыхало пламя.

– Ты предал меня, – сказала она. – Ты предал нас всех...

Белозерский князь беспомощно огляделся. Он, с таким трудом пробившийся к обреченному городу сквозь вражеские заслоны, израненный, потерявший в битве почти всю дружину, стоял сейчас перед стеной, которая была страшнее всех прежних, которую он не в силах был преодолеть.

– Да, – хрипло проговорил он. – Мне хотелось попасть в мир Древних. Мне хотелось могущества и власти, но только до тех пор, пока я не увидел тебя впервые.

(Она лежала в санях, укрытая шубой, ее прекрасное лицо было бледно, и пышные светлые волосы выбились из-под княжеской кики и растрепались... Он никогда раньше не встречал женщины прекраснее. И, пожалуй, никогда не верил в ту любовь, что способна свести с ума – единожды и на всю жизнь. То есть, конечно, верил: его отец, Йаланд Вепрь, встретил когда-то на лесной тропинке дочь мерянского старосты и никогда больше даже не взглянул на другую... Однако такая любовь казалась недоступной простому смертному, только лишь героям, достойным легенд. Каким был его отец.)

Я докажу вам, – хрипло проговорил князь, тяжело опираясь на меч...

Двери собора внезапно отворились. Воевода Еремей Глебович уже не мог стоять на ногах от многочисленных ран – егохватило только на то, чтобы дойти сюда и рухнуть на пороге, сказав:

– Татары... скоро будут здесь. Запирайте засов!

– Матушка! – взвизгнул Мишенька.

Воевода улыбнулся сквозь боль.

– Ну, ну. Ты же воин. Воин не должен бояться.

Засов накинута едва успели. Снаружи кричали на непонятном чужом языке, сквозь высокие стрельчатые окна были видны багровые отсветы и доносился острый запах дыма. Город пожирал огонь.

С пологого холма на берегу замерзшего озера Бату-хан наблюдал за штурмом. Отблески пожара переливались на золотой сбруе его коня. Слева от него неподвижной горой высился темник Бурундай. Внизу, прямо на подтаявшем снегу, сидел пленник, показавший дорогу к Житневу.

– Я теряю людей, – яростно проговорил хан и обратился к русичу: – Ты, собака, уверял меня, что стоит мне подойти к стенам, твой коназ сам вынесет ключи от города!

Лицо предателя перекошилось от страха.

– Я... Я не говорил ничего подобного, светлейший! Плеть тонко свистнула в воздухе. Пленник коротко взвыл и опрокинулся на спину, закрывая руками голову. Вороной жеребец хана нервно перебирал ногами. Он так же, как и его хозяин, не желал ждать.

– Смотри, солнцеподобный, – торжествующе закричал Бурундай. – Мои воины

подожгли город с двух сторон!

Батый скривил губы.

– Твои воины, как всегда, опаздывают. Это сами урусы подожгли свою крепость, чтобы она не досталась мне... Что это за большой дом на холме?

– Этот дом называется «собор», светлейший. Там живут русские шаманы. И его все еще обороняют, – желчно заметил Субудай-багатур.

Хан повернулся к Бурундаю:

– К тому времени, как солнце войдет в зенит, на месте этого собора должно быть ровное место. Иначе ты и все твои люди отправятся под лед. Ты понял?

– Внимание и повиновение, – проговорил темник, низко склоняясь к гриве коня.

Гриша Соболек, бывший личный слуга и телохранитель князя Олега, испуганно отполз подальше, чтобы не попасть под копыта. Конь Бурундая ринулся с места в галоп, туда, где ханские нукеры били тараном в двери храма святых Бориса и Глеба. Бурундай как никто другой знал: светлейший не шутил. И солнце уже стояло почти над самой головой...

А там, на перегороженных баррикадами улицах, еще держались защитники. Татар встречали копья и тяжелые ладожские мечи. Летели в упор последние стрелы. Мостовые загромождались трупами, и разъяренные запахом крови кочевники, спотыкаясь, карабкались на преграды и падали – кто затем, чтобы тут же подняться и продолжать рваться вперед, кто – навсегда, до Страшного суда... Нукеры упорно расчищали путь для следовавшего за ними Бату-хана и его свиты. Они торопились.

Молодой безусый дружинник с перебитой рукой, пробившийся в город вместе с князем Олегом, припал к узкой дверной щели, наблюдая за подступающими татарами. Тех уже ничто не смогло сдержать: пока на одной улице сооружался заслон, они просачивались в десятке других мест и со звериным воем набрасывались на спины русским ратникам. Кое-где возле порогов пылающих домов еще гремела сталь и слышались крики дерущихся.

– Они близко, – сказал дружинник, морщась от боли в раненом плече.

Княгиня Елань отыскала глазами Некраса.

– Подойди, – сказала она. – Слушай меня. Ты должен уйти через задние двери и выбраться из города. Беги в Кидекшский монастырь, к отцу Феодосию. Расскажешь ему все, что видел здесь...

– Нет! – выкрикнул юноша. И с мольбой добавил: – Не бесчести меня, госпожа. Я ведь на огне клялся служить тебе...

– Ты служил хорошо, – тихо ответила она. – Лучше многих. Теперь ты должен выполнить мой последний наказ...

– Молю, госпожа!

– Иди, – непреклонно сказала Елань. – Поторопи Феодосия, пусть соберет монахов, спрячет церковные книги и ценности и уходит в леса.

Ворота трещали.

– Пришло время, – сказала нянюшка Влада. – Ты должна открыть тоннель.

– Да, Хранительница, – одними губами отозвалась княгиня Елань.

Сердце готово было выскочить из груди. Ей понадобилось некоторое время, чтобы утихомирить его: процесс открытия Перехода требовал большого сосредоточения и ясности ума.

Она приказала себе отрешиться от всего. Едкий дым просачивался сквозь щели, заунывные вопли осаждающих были слышны совсем близко, двери трещали жалобно, будто наделенные душой... Елани уже не было здесь, в этом мире. Сознание померкло на миг, потом завертелось в разноцветном вихре, звезды и целые галактики проносились мимо, сливаясь в белесые полосы на темном фоне, вытягиваясь и превращаясь в длинный коридор. Он постепенно погружался во мрак, но где-то очень далеко, на пределе видимости, светилась маленькая яркая точка, словно символ надежды...

Она шла к ней, ступая по звездам, в невесомой тишине, и скоро точка выросла, превратившись в Шар. Он узнал ее: внешне это выразилось в том, что он заколыхался, меняя

очертания, внутри него возникли откуда-то белые клочки тумана, сквозь которые Елань разглядела собственное лицо.

– Здравствуй, – прошептала она, протягивая к нему руки.

– И ты здравствуй, Хранительница, – услышала она в ответ.

Они уходили сквозь маленькую неприметную дверь позади алтаря, в левом приделе. Некоторые шли уверенно, но многие пятились – страх перед неизвестностью пересиливал даже страх неминуемой смерти в осажденном городе. И тогда какие-то странные существа (люди-ангелы) в ниспадающих одеждах мягко брали их за руки и вели за собой.

В ворота бил таран.

Елань подошла к князю Олегу. Глаза ее были пусты: Переход дался ей нелегко.

– Иди, – сказала она. – Ты хотел увидеть Шар. Он там.

Он покачал головой. Почему-то князь был одет не так, как секунду назад. Исчезли порванная кольчуга и панцирь, боевые рукавицы, червленая рубаха и сафьяновые сапоги с узором, которые Елань так и не сняла с него в первую брачную ночь, по древнему обычаю. Уже последние, отрешенно оглядываясь, исчезли за дверью, в сияющем облаке, лишь нянюшка Влада стояла снаружи, держа за руку юного княжича.

– Пойдем, маменька, – дрожаще проговорил Мишенька.

Ее душа разрывалась. Она присела на корточки и прижала к себе сына – крепко, изо всех сил, спрятав лицо.

– Иди с нянюшкой. Я... Я скоро догоню вас. Не медлите.

– Хранительница, – негромко проговорила Влада.

– Идите, – твердо сказала княгиня. – Я приказываю.

Она не знала, был ли на самом деле виновен князь Олег. И не ей это было решать. Все свершилось без нее, само собой.

– Ты почему здесь? – хрипло спросил князь, не оборачиваясь.

– Будто сам не ведаешь, – спокойно отозвалась она и встала рядом, подхватив оброненный кем-то меч.

– Уходи! – крикнул он. – Я сам...

Елань не ответила. Теперь она знала наверняка: никто и ничто не сдвинет ее с места. Рухнет последняя преграда, их закружит в короткой схватке... Возможно, она даже сумеет достать кого-то из врагов своим оружием, прежде чем черная вязкая пелена опустится на глаза, исчезнет боль и придет долгожданный покой...

Пройдет время, и они снова встретятся. В другой Вселенной, через неизвестно сколько веков, на палубе старенького прогулочного теплоходика с большими гребными колесами по бортам.

Город, расцвеченный предзакатными огнями, проплывал мимо, отражаясь в спокойной воде. Древний величественный собор высился на холме, похожий на русского витязя из-за своей широкой маковки, увенчанной позолоченным крестом. Рядом застенчиво гляделась в озерную гладь тонкая белая колоколенка. – Надеюсь, господа пассажиры всем довольны? Елань обернулась. Внешность у капитана была необычайно колоритная – такой отличаются все капитаны этих неторопливых провинциальных посудин: обветренное и продубленное ветром лицо, окладистая белая борода, отутюженный китель и фуражка с начищенным до зеркального блеска крабом.

– Благодарим вас, кэп, все замечательно.

– Что ж, места здесь прекрасные, сами оцените. Скучать не придется. Нынче вечером прошу отужинать со мной в капитанской каюте.

– Почтем за честь, кэп.

Заметив, что она поежилась, Олег накинул ей на плечи свой пуловер и обнял за талию.

– Холодно?

Она благодарно улыbnулась и прижалась к нему.

– Нет, мне хорошо.

Телефон редко приносит хорошие вести. Подходить не хотелось: дома нет, занят, заболел, умер, отстаньте все. После пятого или шестого звонка мой Кузька не выдержал и взлял с подстилки: ты, мол, подойдешь или мне самому взять?

– Подойду, подойду, – буркнул я, поднимая себя с дивана. – Алло, слушаю.

– Боря, это Гарик Варданян из лаборатории. Звонил Славе КПСС, но того вечно нет на месте, все в разъездах-засадах. – Он шумно высморкался. – Я по поводу воды.

– Воды?

– Мы взяли пробу с места убийства, в кинозале.

Лужица возле кресла оператора. Ты, помнится, просил сделать анализ.

– Да, да!

– Так вот, эта вода – не талая, то есть она не натекла с одежды. В ней содержится хлор и примесь одного вещества. – Он назвал длинную формулу. – Ты знаешь, что это такое?

– Нет.

– Синтетическое моющее средство. Эта вода – из водопровода, из-под крана.

– Так...

– И еще. Аналогичное по составу вещество, правда в мизерных количествах, мы обнаружили на арбалетной стреле.

– Только на одной? – уточнил я.

– Да, на той самой. Остальные чистые.

– Дальше.

– Да, собственно, все, – трубка растерянно помолчала. – Загадка. Сначала я предположил, что убийца чем-то испачкался и вынужден был вымыть руки, прежде чем взяться за древко. Но дело в том, что на стреле не было отпечатков пальцев, понимаешь? Ни единого. Протереть стрелу он не мог – тогда бы не сохранились следы моющего средства. Остается единственный вариант: он брал стрелу, будучи в перчатках.

– Ну и что?

– Ты способен соображать? Не в перчатках же он мыл руки!

Электрические шорохи скреблись в ухе. Трубка снова замолчала – Гарик давал мне время переварить информацию и предложить какое-то объяснение: «Ты, помнится, просил сделать анализ...» А коли просил, коли – единственный из всех – обратил внимание на крохотную деталь, лужицу воды всего в несколько капелек, значит...

– Ты понимаешь что-нибудь?

– Да, – выдохнул я, смирившись. – Гарик, слушай внимательно. Если не дозвонюсь до Славы... В общем, передай ему: убийца не стрелял из арбалета. Он не выходил из кинозала и не возвращался туда. Он вошел снаружи, из коридора (Вайнцман и Машенька Кугтель видели силуэт в дверях), и ударил Глеба стрелой, как кинжалом, подойдя сзади, и оставил на полу несколько капелек воды – единственный след, своего рода визитную карточку.

– Но...

– Поэтому мы не нашли его следов за экраном и его не ослепил луч проектора. Поэтому он целился в горло, а не в сердце: боялся, что не хватит сил пробить грудную клетку. Поэтому (пришла запоздавшая догадка) создалось впечатление невозможного: будто стрела, преодолев всего несколько метров, ударила несильно, словно на излете. И, наконец, поэтому перчатки убийцы действительно были мокрые – но не от растаявшего снега.

Я знал все – и не мог открыться никому, даже другу и соратнику Славе Комиссарову. Легче было самому сознаться: да, это я убил – сначала экстрасенса, потом Владимира Шуйцева, пожелавшего взять от жизни все («не в материальном плане, а скорее в эмоциональном, заглушив одни переживания другими»), потом – именно в такой последовательности! – собственного брата, которого я любил и который, можно сказать, заменил мне отца (тот бросил нас почти сразу после моего рождения). Мне не поверят – я выложу факты, те, что выложил Гарику Варданяну, небольшими шероховатостями можно пренебречь...

А потом, попрощавшись с недоумевающим Гариком, я снова поднял трубку и набрал номер. Я молил всех богов, чтобы трубку снял именно тот, кто был необходим. И боги вняли моим молитвам.

– Алло, – услышал я голос.

– Это я.

– А, опять. Что, возникли новые вопросы?

– Скорее, ответы. Я подозревал Шуйцева в убийстве Глеба – и ошибся. На самом деле Владимир не убивал ни моего брата, ни себя. Левша не станет стрелять себе в правый висок. Его застрелил тот, кто заказал ему поддельный документ. Кому было необходимо изменить текст древней легенды – чтобы никто не узнал, даже спустя восемь веков, какая судьба на самом деле постигла город Житнев. Чтобы мой брат своим фильмом подтвердил чью-то выдумку... Но речь сейчас не об этом.

– Вы меня заинтриговали. А как же видеокассеты?

– Их Шуйцеву подбросили. В действительности убийце нужна была одна-единственная кассета: та, которую Бронцев записал накануне своей смерти. Остальные три были украдены для отвода глаз, чтобы создать ложный след. И я был так увлечен им, что чуть было не прошел мимо настоящей улики, которую преступник не заметил.

– Бархатной ленточки? – с иронией спросил собеседник.

– Нет. И я убедился только недавно, посмотрев на вашу фотографию, на стене в прихожей.

– Вы с ума сошли? – холодно поинтересовался он.

– Прощайте.

Короткие гудки. Он недоуменно повертел трубку в руке и положил на рычаг. Тени в гостиной переместились – серый свободный халат с крученым пояском мельком отразился в трельяже, словно большая серая птица прошелестела крыльями, и звякнул в буфете графинчик из тонкого стекла.

– Кто это был?

– Борис Анченко. Следователь.

– Что ему было нужно?

Он в раздумье сцепил руки на коленях.

– Бред какой-то. Фотография на стене... Я смотрю на нее уже десять лет и только сейчас понял, до чего она невыносима.

– Сам ты невыносим (однако интонации в голосе были скорее ласковыми).

– Я – это я, – несколько нелогично сказал он и толкнул руками хромированные обода колес.

Ложный след. Слишком много ложных следов между, вперемешку с остальными, неупомянутыми следами и событиями, которые тем не менее отложились где-то в памяти, в подсознании... Вспомнилось: а ведь сегодня девять дней. Душа умершего (сразу двух умерших) окончательно покидает все и всех в этом мире, предоставляя мучиться дальше кому сколько отмерено...

Он невольно прижал левый локоть к подмышке – захотелось ощутить твердую тяжесть оружия в наплечной кобуре. Это чувство – вооруженность (незнающий не поймет) – породило неожиданную мысль, как высшее откровение: пути назад нет. Минутой раньше он был близок к тому, чтобы развернуть машину и уйти, уехать без борьбы и без позора, утешая себя:

«Я сделал все, что мог, я не стал предателем, хотя НЕ предать в таких обстоятельствах невозможно. Вопрос только в том, кого именно. Я не позвонил Славе Комиссарову (хотя формально был обязан), скрыл от следствия одну из важных улик – ту, которая сейчас покоилась в кобуре под мышкой... Господи, – молил он, вознося очи к небу, – пойми меня и прости». Однако Господь молчал.

Всю дорогу в машине – от дома, через проспект Маркса (промелькнуло здание музея с одиноким огоньком в окошке: не спится, Вадим Федорович?), через жутковатый перекресток

возле ресторана «Север» и умолкнувшего до завтра Центрального рынка, через арку проходного двора в «декадентском» доме (Якорный переулок, 20) – в голове билась главная мысль этих дней: почему я не оставил все как есть? Почему не позволил основному подозреваемому взять на себя вину – в конце концов, Владимир действительно был виновен определенным образом... К тому же – главное – он был мертв и земному суду не подлежал... Зачем нужен был разговор с Романом, скучающим инвалидом с опаленной душой и исковерканным мироощущением (а не связывался бы с Черным магом), который, на мою беду, все расставил по своим местам? Преступник найден, следствие завершено – и черт с ним!

Вот зачем: это способ если не спастись, то забыться. Искупить чужой (свой!) грех.

Под арку Борис въезжать не стал. Оставил машину у соседнего дома, прошел в ворота, к черной лестнице, ощущая промозглую сырость весенних сумерек. Лампочка, конечно, не горела... впрочем, ее вообще не было. Сейчас это играло на руку. Он бесшумно поднялся на один пролет выше нужного этажа, присел на ступеньку возле перил, чтобы видеть входную дверь, и принялся ждать.

Неожиданно щиколотки коснулось что-то урчащее, мягкое... На миг показалось: крыса! Бориса передернуло, но в следующий миг он сообразил, что это кот почившего «ведуна». Вот куда он, оказывается, пропал. То-то экономка убивалась... Феликс меж тем прыгнул на колени, улегся основательно, по-хозяйски, и замурлыкал, прищулив огромные фосфоресцирующие глаза. Борис улыбнулся ему: вдвоем ждать было не так мучительно.

Самое удивительное – дом оказался полон звуков. Три смерти за неполных две недели, а жизнь берет свое: за одной дверью Куин, женщина-врач, только что узнала, что ее психоаналитик на самом деле спит с ее дочерью, выясняя между любовными ласками, сколько процентов акций принадлежит ее деду, который вовсе не дед, так как тридцать лет назад в родильном доме няня по ошибке поменяла детей в соседних люльках и узнать, кто есть кто, можно только по родимому пятну, которое дедушка опознать не может в силу развитого старческого маразма. За другой дверью что-то шипело, распространяя запах прогорклого масла, и детский голос громко не желал спать («А почему Вовке можно, а мне...») – «Он старше». – «Ну и что! А мультики для маленьких!» – «Я сказала, в кровать!»). За третьей...

Лишь за нужной дверью было тихо. И он чуть не пропустил момент, убаюканный коварным Феликсом. Не было слышно шагов, не щелкнул ключ в замке и не заскрипели петли: все происходило в полнейшей жуткой тишине-полифонии, лишь размытая тень мелькнула на пороге, будто в ином измерении. Кот зашипел и выгнул спину.

– Тихо, тихо, – прошептал Борис, вскакивая с места.

Да, плomba аккуратно снята (родственники не объявились, теперь квартира перейдет государству), замок не поврежден ничем инородным, что лишний раз подтверждает теорию, полутьма, кухонный стол, коридор, ванная в темно-синем кафеле, но нет пистолета и шкатулки с двойным дном (изъяты как вещественные доказательства). Бордовый бархат на столе в гостиную кажется черным, как и пианино натурального красного дерева, и портьеры на окнах, и узкие листья пальмы, подле которой склонилась неясная фигура в чем-то мешковатом – то ли в пальто (отнюдь не приталенном), то ли в монашеской хламиде с капюшоном. Именно там, где зеркальный бар и кресло, развернутое спинкой к скрытой на стеллаже камере.

Он не прятался: незачем. Все осталось как прежде: кто-то объявляет кадр и хлопает хлопушкой, оператор снимает, осветитель светит, преступник приходит на место преступления. И он щелкнул выключателем (неожиданный свет полоснул по глазам, словно острой бритвой) и встал на пороге, увидев, как застигнутая врасплох тень метнулась в сторону, с вытянутой рукой в его направлении. Две вспышки, грохот, тишина и тьма...

Сыщик и убийца выстрелили одновременно и одновременно упали: убийца – на спину, ударившись затылком о подоконник (не почувствовав и не осознав), Борис – лицом вперед, с пульей возле левой ключицы.

Однако силы еще оставались. Не для того, чтобы поднять выпавшее оружие (тоже ни к чему), а чтобы проползти по ковру до окна, приподняться, морщась от боли, и заглянуть в мертвое лицо Маргариты Ермашиной. Нянюшки Влады. Главной Хранительницы.

И закрыть глаза...

Глава 22 КАК?

Странное это было место. Зрение еще не вернулось, а слух... Почему-то я ожидал услышать звуки большого города: стук копыт по деревянным настилам, разноголосую речь, крики торговцев, расхваливающих свой товар на все лады, стук топоров и мелодичное пение колокола, доносящееся с высокой звонницы собора, что на Крепостном холме. И удивился, когда осознал тишину. Тишина была глухая и ватная, прерываемая лишь мерным кап-кап-кап...

Мелкие и нечастые капельки воды (или чего-то еще). Шелест бумаги и осторожное покашливание.

– Капельница кончается, – сказал кто-то непонятную вещь. – Николаич, сбегай за сестрой, скажи, пусть зайдет в четвертую палату.

Осторожно шаркающие шаги приблизились и удалились. Вновь зашуршала бумага – надо думать, сосед уткнулся в свою газету. Загробный мир, со скорбной иронией подумал я. Вечная капельница (сейчас придет сестричка и сменит очередной пузырек) с иглой в вене – вместо чертей и кипящей серы в давно не мытых котлах.

А возможно, это было всего лишь краткое видение: миг, неуловимый переход через призрачную границу, инь и ян перемешались, серый низкий потолок в темных разводах сгинул куда-то (ремонт последний раз делали годам в тридцатых, когда попов изгнали и народ вместо опиума получил больничку для убогих)...

Было высокое северное небо, раннее утро и дорога, петлявшая серой лентой среди холмов, в седой траве. Я поднялся по склону, уже пригретому первыми солнечными лучами, чувствуя, как намокшие кеды предательски скользят вниз. Я поднажал, и скоро склон стал положе, а потом и вообще выровнялся. Пройдя еще сотню метров, я увидел у обочины дороги камень.

Он был теплый и чуть влажный, в мелких оспинках. В трещине, куда озорник-ветер, играя, занес комочек земли, торчала травинка. Надписей на камне не было. Пастушка возле него, как в прошлый раз, тоже. Я решил подождать. Сел и привалился к камню спиной.

И увидел женщину.

Точнее, сначала я увидел яркое светлое пятно и зажмурился. Потом, осторожно приоткрыв один глаз, разглядел фонендоскоп на груди, на белом докторском халате. Поднял взгляд выше: стройная шея, маленький, хорошо очерченный рот, высокие скулы с нежным румянцем и прозрачные северные глаза. Светлые, почти такого же цвета, как халат, длинные волосы были собраны в хвост на затылке.

– Повернитесь, – шепотом попросил я.

Она слегка удивилась.

– Что?

– Поверните голову.

Женщина повиновалась. На сей раз ее волосы перехватывал изящный черепаховый гребень в форме бабочки.

– Ленточка вам шла больше.

– Ленточка?

– Черная, бархатная. Вы потеряли ее в квартире в Якорном переулке.

Она помолчала.

– Вы все знаете?

Я осторожно пошевелил рукой. Сгиб локтя украшал лиловый синяк, но боли почти не

было, игла от капельницы уже не торчала.

– Это вы мне звонили от экстрасенса, – утвердительно сказал я. – В день убийства...

– Вам?

– Точнее, не мне, а Глебу. А трубку взял я.

– Он упоминал, что у него есть брат. А когда вы поступили к нам, я увидела вашу историю болезни и поняла...

Левая сторона тела почти не чувствовалась. Я осторожно скосил глаза и увидел туго стягивающие повязки на плече и груди.

– Ваш хирург утверждает, что опасности нет, – успокоила она меня. – Легкое не задето, пуля прошла выше, в районе ключицы. Но крови вы потеряли порядочно, поэтому нужно отлежаться.

– А я думал, меня будете лечить вы.

Она улыбнулась уголками губ.

– Вы лежите в хирургическом отделении, а я кардиолог.

– Кардиолог... – я попытался сосредоточиться. – Вы Альбина Владимировна?

Она снова кивнула и дотронулась до нагрудного карманчика, где была прикреплена визитка (Европа!).

– Как там Вайнцман?

– Идет на поправку. Если пожелаете, он вас навестит. Вы с ним, можно сказать, соседи: вы на третьем этаже, он – на втором.

– И он молчал... Видел вас на экране и промолчал!

– На экране? – недоуменно переспросила она. – Но я никогда не снималась в кино.

– Снимались. Просто не подозревали об этом.

Она ничего не стала уточнять. Просто на мгновение сжала мою руку (здоровую) – жест получился очень милым и теплым. Поднялась, кивнула еще раз и вышла. Уже в дверях обернулась и произнесла:

– В бреду вы назвали меня Еланью. Значит, вам и в самом деле все известно?

Рана оказалась не слишком тяжелой. Через три дня я уже вставал, еще через два начал спускаться в больничный дворик, покурить в «предбаннике», перекинуться парой слов с местным обществом – о погоде, о политике (в которой я ни черта не смыслил) и о ценах на бензин. Как-то во второй половине дня, после тихого часа, пришел Слава КПСС – в модной кожаной куртке, джинсах и неизменных модных кроссовках на толстой подошве: этакий великовозрастный рокер, подмигнул мне и уселся на стул возле кровати.

– Я и сам мог спуститься, – ворчливо сказал я. – Пока еще не инвалид.

– Успеешь набегаться, – отмахнулся сподвижник и жестом фокусника извлек откуда-то, словно из воздуха, плоскую маленькую бутылочку марочного коньяка. – По двести грамм тебе не повредит.

Выпили, закусили, косясь на дверь, точно заговорщики: не войдет ли врач или сестра. Однако погода сегодня благоприятствовала – во всех смыслах: солнце вовсю пригревало сквозь высокие окна, скукоженный фикус на подоконнике оживился и потянулся вверх, жизнь просыпалась... А у меня было ощущение, будто какой-то участок мозга, отвечающий за эмоции, вдруг перестал работать, лишившись предохранителей (искаженное последней болью лицо, арбалетная стрела и крохотная лужица воды на паркете, мой собственный сдавленный крик: «Отсюда никто не выйдет! Среди нас убийца!!!» – да, именно с того момента божественный дар чувствовать радость и горечь неожиданно оставил меня, пепел Клааса стучал в сердце, но душа почернела и умерла...).

– Вахтер Юрий Алексеевич опознал Ермашину по фотографии. Правда, с трудом – она приходила туда, предварительно загримировавшись, – Слава помолчал. – Ты верно угадал: она устроилась на студию уборщицей за несколько дней до убийства.

Я вздохнул.

– Удивительно: я не узнал ее, хотя прошел в двух шагах... Даже, кажется, спросил о чем-то.

– С тобой была Дарья..,

– Дарья не встречалась с ней раньше. Ермашина стояла спиной к нам и была закутана в платок. Она протирала тряпкой подоконник – отсюда и вода на резиновых перчатках. Вайнцман и Машенька Кугтель видели в дверях силуэт. На убийце был синий рабочий халат, а они приняли его за узкое пальто.

– И она приложила все усилия, чтобы судьба Житнева была сохранена в тайне... Для этого и заказала Владимиру поддельный документ. А потом, узнав, что у Марка Бронцева имеются тому доказательства (видеокассеты с «исповедями» Шуйцева и Якова Вайнцмана), убила и его. Вайнцман, насколько я понимаю, был следующим в списке... Кабы не ты. Когда ты ее заподозрил?

– Трудно сказать, – на самом деле я знал когда, но сказать правду было не то что трудно – практически невозможно. – Пожалуй, когда я увидел фотографию в квартире Романа Боярова: двое ребят-студентов и симпатичная молодая женщина на крыльце художественного училища. У нее была модная прическа «каре». Я спросил Романа и узнал, что его сестра всегда стриглась именно так. В привычках она была постоянна...

(«Посмотрите внимательно, из квартиры ничего не пропало?») Женщина огляделась, стараясь не упустить какую-нибудь деталь, неуверенно прошла позади кресла к открытому зеркальному бару, где сверкал строй бутылок, провела рукой у виска – очень своеобразный жест, будто отгоняя надоедливую муху. Посмотрела на полку, где стояли две статуэтки: индийская танцовщица и полуящер-полубаран, галльский бог подземного царства. «Здесь был керамический шарик, Марку привез знакомый археолог...» – «У вас новая прическа?» – «Почему вы решили?»

Борис улыбнулся и повторил ее жест. «Ах, вон вы чем. Да, раньше у меня были длинные волосы». Маленькая ложь, нечаянная, но она породила... даже не подозрение – просто мысль, вопрос без ответа.)

– Она отодвинула ковер и увидела темные полосы – след волочения. Помнишь, Гарик Варданян удивлялся, как полуботинки мог слететь с ноги экстрасенса при падении? На самом деле это случилось, когда тело тащили из гостиной, в ванную комнату.

Стоило мне прикрыть глаза хоть на секунду – и все возвращалось: полумрак в комнате с круглым старинным столом, женская фигура, коленопреклоненная, будто молящаяся, вспышка выстрела... Между нами было не более четырех-пяти метров, промахнуться было невозможно. Я и не промахнулся. Мог бы прострелить плечо, мог просто подскочить и отобрать оружие... Но моя пуля вошла туда, куда я целился. Точно в сердце.

– Ты меня осуждаешь? – спросил я, хотя Слава молчал.

– Нет, что ты. Она убила твоего брата. Окажись я на твоём месте...

– Нет уж, – искренне сказал я. – Оказаться на моем месте я бы и врагу не пожелал.

Вскоре он распрощался, бросив: «Поправляйся, я на днях загляну», и оставил меня на попечение жизнерадостного молодого хирурга с манерами сантехника. Перед самой выпиской пришел (поднялся со второго этажа на третий) Яков Вайнцман в своей неизменной бледно-розовой пижаме, слегка посвежевший лицом и, кажется, сделавший попытку причесаться. Осторожно присел на краешек кровати, справился о здоровье, повздыхал, глядя в узкое оконце (слякоть и солнечные зайчики, мокрый асфальт и мельтешение разноцветных зонтиков).

– Когда вы уезжаете? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Собственно, съемки завершены. Остальное будет «подчищаться» в Москве. Здесь меня больше ничто не удерживает.

– А что стало с Житневым?

– Вы имеете в виду мой Житнев? Его разобрали и спалили еще на той неделе. Грустно, – художник вздохнул. – В этом главный недостаток моей профессии: знать, что ни одно из твоих творений не проживет дольше нескольких месяцев. А я, на беду свою, сентиментален, да. Сентиментальный еврей. Я даже не могу смотреть, как сжигают опавшие

листья по осени: жалко до слез.

И ушел к себе в палату, собирать вещи. Чаще других – почти каждый день – меня навещала Альбина. Садилась у моей кровати, задумчиво глядя куда-то, ни о чем не спрашивала, но явно ждала, когда я начну говорить. И мы говорили о Глебе... Однажды я не выдержал и задал прямой вопрос:

– Мне кажется, вы чувствуете себя виноватой. Почему?

Она, размышляя, склонила голову набок.

– Мне не нужно было обращаться к Бронцеву. Я вела себя как дура, как капризная девчонка, и эти его эксперименты с памятью... Они должны были закончиться плохо. Я действительно виновата в смерти Глеба. По идее, вам следовало бы меня ненавидеть, – она несмело подняла глаза. – Скажите, Марк нарочно... собрал НАС вокруг себя?

– Дело вовсе не в нем, – ответил я.

«Он демонстрировал нам какой-то диплом с печатью Ассоциации Магов, – сказала Дарья Богомолка. – Хотя я не уверена, что такая существует. Теперь вы понимаете? Настоящее могущество не требует антуража, поэтому Бронцев меня и оттолкнул».

«У него ничего не получалось, – это реплика проницательного Миши Закрайского. – Как-то к нему пришел один... не в свое время. Дядя Марк полчаса промучился, колдовал так и сяк – мужик не засыпает...» – «Ты считаешь, дядя Марк не был экстрасенсом?» – «Не знаю. Может, ему кто-то помогал?»

– На самом деле Бронцев был лишь деталью сцены – как, к примеру, диплом на видном месте, свечи на бархате, пианино из красного дерева, на котором никто не играет... Кот Феликс, шкатулка с двойным дном. И он сам – в белой шелковой рубашке, с седой шевелюрой, завораживающим голосом... Актер-статист, не более. А настоящий маг, тот, кто действительно управлял памятью пациентов (и вашей в том числе), все время прятался за ширмой. Это он вызвал в вас воспоминания на генном уровне.

– Нянюшка Влада, – тихо проговорила Альбина. – Она всегда подозревала Олега, еще с нашей первой встречи, когда он спас меня от лесного вепря. А я его спасти не смогла...

– А когда ваш дед привел домой любимого ученика, – спросил я, – вы сразу поняли, кто перед вами?

– Не сразу, – покачала она головой. – Но... Улыбка, манера проводить рукой по волосам, походка, жесты... Все было так знакомо! И пугало. Ведь я тоже была уверена, что он провел врагов к городу. И, по-моему, он это почувствовал.

– Когда?

– Когда мы плыли на теплоходе.

...Душа искала родственную душу и вдруг обрела ее. Плоть искала плоть и нашла – он бережно опустил женщину на кровать, любуясь, как ее волосы в лунном сиянии струятся серебристым водопадом по подушке, умирая, задыхаясь от нежности. Она лежала, вытянувшись в струнку, запрокинув голову, потом с тихим стоном подалась навстречу.

Он не спешил. Он был очень терпелив, ласков и настойчив, он довел ее до самого края бездны – и она плыла среди глубокого космоса, через перекрестки миров, ощущая прикосновение его рук и губ. Он никогда еще не брал женщину, которая была столь – абсолютно – покорна и в то же время полна необузданной страсти.

– Олег, – прошептала она, и он не удивился, услышав чужое, давно забытое имя. И она не удивилась, когда он назвал ее Еланью.

И вдруг что-то случилось. Теплоход будто качнулся на большой волне. Лунный свет словно взорвался вспышкой, она на миг ослепла, ее швырнуло куда-то в иной мир, где не было полутонов: только холод и удушливый смрад, потрескивание угольев на месте пожарища и тихое завывание ветра...

Юноша растерянно вошел в полуразрушенный собор через разбитые главные ворота. Внутри – везде, от самого входа, построенного в виде римского портика, до величественного алтаря на полу лежали убитые. Все вперемешку – и свои, и чужие. Мальчик медленно пробирался между ними, всматриваясь в оскаленные лица, иных переворачивал, чтобы

разглядеть получше... Он явно искал кого-то и в конце концов нашел. И встал рядом.

Олег и Елань лежали вместе, рука об руку. Оба еще сжимали оружие: Белозерский князь – свой неразлучный сарматский меч, погнутый, зазубренный и бурый от крови, княгиня – оброненную кем-то татарскую саблю. Елань, похоже, умерла первой: чужой клинок ударил ее под сердце. Князь Олег после этого еще долго стоял над ее телом и дрался, когда вокруг уже не оставалось тех, кто мог бы прикрыть ему спину. Его так и не сумели, одолеть на мечах – только когда позвали лучников и отступили, чтобы не попасть под свои же стрелы.

Некрас склонился на телом убийцы своего отца. И осторожно, словно боясь потревожить, закрыл ему глаза. И прошептал молитву.

Кто-то тихонько смеялся. Смех был странный: всхлипывающий, жуткий, безумный. Полусмех-полуплач... Некрас поднял голову. Гриша Соболек, личный слуга и телохранитель Белозерского князя, в дорогой шубе, одетой прямо на голое тело, с целой гирляндой разноцветных бус на шее, увешанный с ног до головы богатым оружием (снял с убитых), бродил меж телами и посмеивался, заглядывая в мертвые лица.

– Никого, – давясь, проговорил он. – Все ушли... Ты видел, как они ушли? Туда, – он указал пальцем на дверь за алтарем.

– Видел, – медленно выпрямляясь, ответил Некрас.

– Пресвятая Богородица забрала их всех... Всех, кроме меня. Почему? Мне же обещали!

– Потому что ты предатель, – прошептал юноша.

– Я? – Гриша расхохотался, – Я только выполнил приказ своего господина. Не этого, – он презрительно кивнул на мертвого Олега. – А того, кому я служил на самом деле. И он обманул меня.

– Значит, тебя послал к Батыю не князь Олег?

– Меня предали все, – бормотал Соболек, рыская вокруг обезумевшими глазами, на дне которых плескалась жутковатая черная водица. – Даже татарский хан. Я на коленях умолял его взять меня с собой. Или убить. Что ему стоило? А он пнул меня сапогом под зад и сказал: «Много чести будет тебе, если даже простой погонщик лошадей испачкает о тебя руки».

Он продолжал говорить, говорить без остановки, все тише и бессвязнее, двигаясь вроде бы неуклюже, бесцельно (какая цель может быть у сумасшедшего?), а сам потихоньку, незаметно приближался к Некрасу, нащупывая заткнутые за пояс ножны.

– Теперь мы остались вдвоем, – шептал он, пуская слюни по подбородку. – Ты и я. И все равно здесь нам слишком тесно. Воздуха не хватает... Ты чувствуешь, сын колдуна?

Некрас молчал. С той минуты, как он своими глазами увидел, кто ведет врагов к стенам города, у него было единственное желание: самому покарать предателя. Теперь предатель – уже и не человек вовсе – стоял перед ним, рукой можно было дотянуться... А рука-то как раз и не поднималась, словно заледенела. Смотреть не было сил, и Некрас презрительно отвернулся...

И в этот момент Гриша Соболек прыгнул, взмахнув саблей. Все-таки не зря он был личным телохранителем князя. Его удар, неожиданный (так казалось), многократно усиленный безумной яростью, должен был разрубить противника пополам. Он уже предвкушал это...

(– Если враг вооружен, а ты безоружен, – говорил когда-то Йаланд Вепрь, – это твое преимущество, потому что противник, имея в руках меч, будет слишком полагаться на него, и уже не он будет управлять оружием, а оружие – им. Тебе только нужно стать открытым и свободным, свободнее твоего врага, и ты победишь...)

Некрас, подавив ненависть, шагнул в сторону и, когда сабля просвистела мимо, влепил Грише пощечину – так, что тот отлетел на добрых пять шагов. Клинок, кувыряясь, отскочил куда-то вбок. Парнишка поднял его и недобро поглядел на предателя. Потом повернулся и пошел прочь. Он точно знал, что в спину его не ударят. А ударят, так промахнутся.

– Этого не может быть, – тихо сказала Альбина. – Гриша Соболек не мог похитить

Шар. И Олег, и княгиня Елань. Все они погибли в разоренном городе...

– Да, – подтвердил Борис. – Соболек был лишь орудием в чужих руках – руках настоящего предателя. Уж тому-то сомнения были неведомы. Не зря Малх поставил на него...

– Кто?! – одними губами прошептала женщина.

И Борис ответил:

– Мишенька. Сын княгини Елани.

(Постамент в форме мальтийского креста лежал перед ним в центре подземного грота, вдоль стен которого полукругом высились каменные идола, возведенные теми, кто жил здесь задолго до ледника и до того, как океан за западе поглотил цветущий континент... Шар висел посередине, между полом и высоким потолком в неровных потеках, волшебным образом лишенный опор, и переливался мелочно-белыми огнями. Он протянул руку и прошептал, глядя во все глаза и не веря им:

– Вот ты какой...

Он знал, что времени у него мало. Собственно, его не было вообще, оно свернулось в причудливое кольцо и замкнулось – темный коридор неся навстречу, а человек, держа Шар перед собой, не чуя ватных ног, слышал только крики за спиной и молил кого-то (не бога, это точно), чтобы впереди не встретился глухой тупик.

Он давно бы упал, если бы не ужас, который гнал его вперед. Кто-то – мужчина и женщина, оба в изорванной одежде – отпрянул к стене, и мужчина инстинктивным движением заслонил собой спутницу, сжав в руке меч. Юный княжич даже не посмотрел в их сторону. Он знал, что преследователи постараются его опередить, – в их распоряжении были Ворота Прямого перехода, а его... Ему было неизвестно, куда, в какое далекое и чужое время его выбросит. Он только надеялся, что коридор вот-вот закончится: там, впереди, уже виднелось незнакомое небо в тусклых звездах и кромка ночного леса по сторонам дороги...)

– Бедная Влада, – проговорила Альбина, не веря себе. – Она ошиблась. Она убила не того человека...

И расплакалась – беззвучно и безутешно, как умеют плакать только дети.

Эпилог КТО?

Кузька куда-то запропастился. Я не особенно встревожился: в конце концов, самостоятельный взрослый пес, сам знает, когда прибегать домой.

Все вокруг было так и не так – будто я остался в том же времени и пространстве, но сами они вдруг незаметно сдвинулись, дунал легкий ветерок, и рябь прошла по спокойной воде... Дача была небольшая, всего соток десять. Было еще две, но их оттяпали соседи-куркули, возведя там громадную, с самолетный ангар, полиэтиленовую теплицу. Мы с Глебом ее дружно не любили. Не теплицу, конечно, бог с ней, а нашу фазенду. Как и у большинства россиян, она вызывала тихое унылое бешенство. Работа и работа, нудное торчание попкой кверху посреди огорода, от рассвета (время первых пригородных автобусов – пока не появилась машина) до самого заката. Изменилось время действия (оставаясь как бы прежним – вот парадокс!), изменилось и место: не было прохладного лесного утра в середине мая, когда невысокая трава, серебристая от росы, стелется под ноги и норовит намочить низ брюк. Тропинка, правда, осталась, но она уже не петляла меж березок, а прямо и целеустремленно бежала вперед и вниз, вдоль высоковольтной линии. Возле деревянного забора, вымазанного зеленой краской, я свернул с дорожки и толкнул старенькую скрипучую калитку, которую давно, уже года два как перестал запирасть. Не от кого (соседи, которым лень обходить и хочется спрямить путь до своего участка, все равно пролезут, оторвав доску), да и незачем.

Фактически я перебрался сюда сразу, как только выписался из больницы. Плечо больше не беспокоило, дурные мысли вопреки ожиданиям – тоже. Ничего не делать было

если не приятно, то... словом, это было то, что мне хотелось в данный момент. Временами я садился в машину, наносил визит в городскую квартиру – проверить, все ли на месте, выслушивал сообщения на автоответчике, коли таковые имелись, покупал продукты в гастрономе и ехал назад. Толкал ладонью калитку, разводил костер, собирал граблями опавшие листья и оставлял их в куче, которую вскорости разносил сентябрьский ветер. Прав был Вайнцман: тяжело смотреть, как их сжигают по осени, а уж заниматься этим самому... Увольте.

Стоял конец бабьего лета, теплынь, пронзительное голубое небо с малиновыми закатами над маленьким, крайне неухоженным участком (Слава КПСС, увидев впервые, присвистнул и покрутил головой: ну, мол, брат, совсем обленился) – действительно, все запущено-перезапущено, зато всего много, есть даже беседка из высохшего плюща, обвившего железную решетчатую конструкцию. Там, развалившись в шезлонге, я и пребывал, закутав ноги в плед и бездумно созерцая окружающий пейзаж, когда калитка скрипнула и тихий голос произнес:

– Боренька, вы здесь?

– Здравствуйте, Даша, – откликнулся я, ничуть не удивившись.

И засмотрелся: легкая и удивительно женственная фигура прошла меж деревьев, черные волосы водопадом заструились по плечам, перехваченные бирюзовой косынкой, алый румянец вспыхнул на щеках... У ее ног вертелись две собаки: лайка и огромная светло-серая с серебристым отливом кавказская овчарка. Кузька заливался счастливым лаем, прыгая вокруг, привставая на задние лапы и вертя хвостом с такой скоростью, будто собирался взлететь. Дашенькин кавказец в ответ добродушно скалил зубы и старался не наступить на приятеля.

– У вас хорошо, – сказала Дарья. – Покой и красота.

Я махнул рукой.

– Дичает все. Вот при маме был образцовый порядок. А я... Кажется, садовод из меня никудышный. Привет, Шерп.

– Урр – сказал Шерп, ткнувшись влажным носом в мои коленки и чуть не опрокинув меня вместе с шезлонгом.

С трудом сохранив равновесие, я потрепал зверя за ухом и спросил Дашу:

– Как прошла премьера?

– Неплохо, – отозвалась она и присела рядом в старое плетеное кресло. – Приезжал Венгерович, дал положительный отзыв. Машенька Кугтель разразилась статьей в «Экране». Есть довольно лестные спонсорские предложения. Мохов окрылен, собирается снимать следующий фильм.

– Что за фильм? – спросил я без особого интереса.

– Триллер. Женщина – частный детектив – влюбляется в главного подозреваемого, которого, естественно, подставили (подложили пистолет и наркотики). Первые сорок минут она рассуждает, что к чему, оставшееся время они вдвоем громят наркомафию. Не в мировом, конечно, масштабе, а так... Кстати, знаете, кого утвердили на главную мужскую роль? Диму Карантая, сына Леонида Исаевича. Финансовое общество «Корона» по-прежнему наш спонсор.

– А вас пригласили?

– Я отказалась.

– Почему?

Она повела плечом.

– Трудно объяснить. Вместе с Глебом ушло что-то... Что-то важное. Все стало по-другому – не скажу, что хуже: Александр Михайлович, безусловно, очень способный режиссер... Но дело даже не в этом. Видите ли, я случайно прочла одно объявление...

И она протянула мне позавчерашнюю «Вечерку». Я автоматически раскрыл ее и увидел на второй странице пометку, оставленную красным карандашом.

«Продается дача в 5 км от города, дом, сад, 10 соток, погреб. Цена низкая. Звонить по

телефону такому-то...»

– Хотите приобщиться к сельскому хозяйству? – улыбнулся я, уже поняв, в чем дело.

– Боюсь, садовод из меня еще более бездарный, чем вы, – ответила она в тон. – Только... Это ведь ваш номер телефона, верно?

Я вынужден был признать.

– Вы уж простите, но я позвонила в агентство, и мне сказали, что вы продаете, кроме дачи, еще квартиру и машину.

Она посмотрела на меня серьезными глазами и спросила:

– Боренька, что вы надумали? Вы хотите уехать?

Дарья смотрела на меня выжидающе, и я сказал то, чего не собирался говорить:

– Я совершил серьезное должностное преступление, Дашенька. Украл улику, указывающую на убийцу.

– И об этом никто не догадывается? – спросила она.

– Нет. Баллистическая экспертиза не проводилась, поскольку был признан факт самоубийства. Ни у кого не возникло сомнений, что Владимир Шуйцев застрелился, и у меня в том числе, пока я не увидел пистолет в его правой руке.

– А Шуйцев был левшой...

– Дело даже не в этом. Дело в орудии убийства. Я подменил его.

Она побледнела и замерла, и я был благодарен ей за то, что она не вскинулась, не округлила глаза и не принялась причитать: «Ах, боже, как вы могли! Как это необычно и неожиданно!» Словом, повела себя как надо. Замечательная женщина.

Я сходил в дом, повозился несколько минут и вышел, держа в руках завернутый в чистую тряпицу предмет. Развернул, привычно обхватив пальцами рукоять.

– Вот он. Из него убили Владимира.

Дарья подняла глаза.

– А тот, что остался у него в руке?

– Когда-то, несколько лет назад, мне пришлось задерживать вооруженного преступника...

Тот случай за давностью лет успел выветриться из памяти, оставив, однако, два вещественных напоминания: дырка на рукаве пиджака (пуля на пару сантиметров разминувшись с предплечьем) и несданный (читай: утаенный) «Макаров» со спилленным номером. Пистолет был «чистый»: его хозяин готовился совершить вооруженный налет, да не успел. Именно этот «ствол» я положил в правую руку покойного, вынув из нее другой, тот, что сейчас лежал перед нами. Я не подозревал, что Владимир был левшой...

– Зачем вы это сделали? – тихо спросила Дарья. – Чтобы увести следствие от Маргариты Ерماшиной? Вы хотели сами расквитаться с убийцей?

– Маргарита не была убийцей.

Тяжело было выдавливать из себя слова... Впрочем, я вру, как всегда. Тяжело было держать их в себе, ловя недоуменные взгляды Славы, верного сподвижника (его, профессионала до мозга костей, не могла обмануть та полуправда, что я преподнес ему в больнице), глядя на безутешную скорбь Альбины Венгерович: для нее прошлое так и осталось здесь, в настоящем, где огни Осташкова проплывали за бортом теплохода, Глеб с капитаном пели дуэтом песни (только для нее одной!) и застенчиво белела на Крепостном холме тонкая колоколенка...

– Не была убийцей?

– Я неправильно выразился. Маргарита действительно убила Глеба (вахтер Юрий Алексеевич опознал ее по фотографии, несмотря на умело наложенный грим). Но Марка Бронцева и Владимира Шуйцева застрелил другой человек.

Я с досадой ударил себя по лбу так, что в голове зазвенело (Дашенька воззрилась на меня с некоторым испугом).

– Вот вам мое второе преступление: слепота. Я, дурень, оставался слепым даже тогда, когда Машенька Кугтель ткнула меня носом в то, что я отказывался видеть: «Где-то я читала

о подобном – у Ле Карре или у Квина... Преступник подбрасывал сыщику улики против себя, такие шарады, которые надо было разгадать. Ему невыносима была сама мысль, что убийство сойдет ему с рук...» – «Вы считаете арбалет одной из шарад?» – спросил я. И ошибся. Мы оба ошиблись, но лишь отчасти: не загадки подбрасывал убийца, и не тщеславие руководило им. Он не мог признаться в открытую, но везде, где можно, оставлял следы специально для меня, чтобы только я понял, и никто иной. Всадники на шоссе, серебряная стрела (оружие против нечисти), кассета, исчезнувшая из квартиры Марка Бронцева и неожиданно всплывшая – где? – у меня под носом, в кинозале студии, и убийца сидел рядом и кричал мне, просил, молил о помощи... А когда я равнодушно прошел мимо (смерть Глеба заслонила все, я не способен был соображать), мне подбросили последнюю, решающую улику: пистолет.

Я раскрыл ладонь.

– Глеб выронил его на ночном шоссе, когда на его машину напали воины, посланные Главной Хранительницей. Что было потом, как он снова сел в «Жигули», как добрался до дома, он не помнил: последствия нервного шока. Только то, что он убил их всех, всех четверых. Пистолет же остался лежать на дороге, и подобрать его потом мог только один человек. Я не понял этого вовремя. А Маргарита – поняла. Еще там, в квартире Бронцева, когда мы осматривали труп.

(«У вас новая прическа?») Нянюшка Влада рассеянно улыбнулась в ответ. «Да, раньше я носила длинные волосы». На самом деле ее жест говорил о другом.

Два года подряд она убиралась в квартире Марка. Не одну сотню раз проходила позади кресла, куда «ведун» усаживал своих пациентов, и приподнимала руку, отодвигая в сторону листья пальмы. А тогда, у меня на глазах, она прошла к стеклянному шкафу («Посмотрите, все ли на месте?»), привычно вскинула руку и вдруг обнаружила, что пальму кто-то передвинул. А вместе с ней – и стол со свечами, и – главное – ковер... Зачем кому-то понадобилось двигать ковер? Смотри рассказы Конан Дойля: чтобы скрыть следы на полу.

– След волочения тела? – спросила Дарья, кутаясь в мой плед.

– Да. Она откинула ковер в сторону (опять же на моих глазах!) и увидела темную полосу. И открыла преступника.

Она поняла, что Марка убили не в ванной комнате, а в гостиной. И не из пистолета. Убийца неслышно подошел сзади (Бронцев был поглощен только что сделанной видеозаписью своего сеанса) и ребром ладони сломал ему шейные позвонки – Гарик Варданян поначалу принял это за результат удара о край ванны. Марк был уже в агонии, когда убийца оттащил тело в ванную и завершил дело выстрелом из «вальтера». Маленькая гематома на лбу – экстрасенс при падении ударился лбом об пол – подсказала мне, в сущности, верную мысль, и я спросил Гарика: могла ли женщина нанести подобный удар? Могла, ответил эксперт. В том случае, если она владеет каким-то боевым единоборством.

И я позвонил вам.

Я не видел, как она вскочила, – движение получилось размытым, словно белесая полоса мелькнула в воздухе («то ли девочка, то ли видение...»). Успел только подумать, что я, собственно, безоружен: пистолет Глеба, который я держал в руке, был не заряжен, а в рукопашной определенную проблему для Дарьи мог составить разве что Брюс Ли, но он вроде бы умер лет двадцать назад... Поэтому я не пошевелился. Дарья, впрочем, тоже. Только щеки ее вдруг покрылись алым румянцем, и она тихо, неверяще, спросила:

– Вы думаете, убийца – я?!

И я ответил:

– Если не вы – значит, один из ваших учеников. Тот, к кому после смерти Бронцева попала видеокассета. Кто подобрал пистолет на шоссе. Кто хотел, чтобы я понял и пришел на помощь. Кто ошибочно отождествлял себя с Белозерским князем Олегом.

Она сделала шаг назад, едва не наступив на бедного Кузьку. Подняла ладони к вмиг побледневшему лицу и прошептала сквозь неожиданный спазм в горле:

– Нет. Пожалуйста! Только не Глеб!!!

Вчера, когда Борис совершал очередную проверку своей квартиры в городе, на автоответчике не было ни одной записи, что означало, что на его объявление никто не откликнулся. Понятно: не сезон, да и не проблема нынче с дачными участками, все, кто хотел (сиречь не в состоянии был прокормиться с рынка), давно приобрел. И была уж совсем призрачная вероятность того, что откликнутся сегодня, поэтому он решил остаться на даче. Всего-то и дел на остаток дня: убраться на столе в дальней комнате, затопить печку-"буржуйку", принести воды из колодца, вымыть посуду, подмести пол. Завалиться спать.

– Вас подбросить в город? – спросил Борис Дарью.

– Если не трудно, Боренька.

Шерп с Кузьмой тут же, не дожидаясь приглашения, забрались на заднее сиденье и устроили там возню. Борис с Дарьей дружно махнули на это рукой и сели вперед, Борис – за руль, Даша – рядом, засунув ладони глубоко в рукава куртки, как в муфту. Оглянулась через окошко назад, где старый дом стоял в старом саду, меж потихоньку дичавших яблонь, в легкой, стелющейся по земле дымке (лишенные глупых сантиментов соседи жгли опавшие листья).

– Не жаль продавать? – спросила она.

– Жаль. Но иначе я так и буду ходить по замкнутому кругу. Здесь все связано с прошлой жизнью. А с прошлым жить опасно.

Она помолчала.

– Почему Глеб был уверен, что в предыдущем воплощении был князем Олегом?

– Не знаю, – вздохнул Борис. – Кое-кто мог бы разъяснить: нянюшка Влада, к примеру. Или, на худой конец, Марк Бронцев. Да что теперь!

Он тронул машину с места.

– Можно сказать, Марк Бронцев обманул сам себя: он настолько хорошо сыграл свою роль, что Глеб не догадался, что за ним, за кулисами, кто-то прячется.

Его давно, еще с юности, преследовали непонятные воспоминания, обрывочные картины из прошлого. Причем они вызывали подспудную тревогу, чувство вины, которую он не мог объяснить себе. Потом он услышал легенду о князе-изменнике. И сопоставил... И пришел к Бронцеву.

...Где-то далеко звучал тихий голос. Он странным образом воздействовал на мозг: разрозненные фрагменты сливались в одну общую картину, словно кадры киноленты при монтаже. Он своими глазами видел гибель прекрасного древнего города, полчища кочевников и белый гордый собор, у дверей которого умирали последние защитники. Видел женщину, которую встретит потом, спустя восемь веков, в старинном доме возле Патриарших прудов, где маленькая беседка стоит над водой и лебеди, картинно изгибая шеи, выпрашивают хлебные крошки. Он оглядывался на нее и уходил куда-то сквозь тоннель, в незнакомый мир, дрожа от восторга и ужаса, влекомый за руку пожилой нянюшкой. А князь Олег еще стоял над телом Елани, и никто не мог его одолеть...

Глеб всю жизнь любил эту женщину. Он рассказывал мне, как бродил по улицам, надеясь найти ее в толпе, и не поверил глазам, когда наконец встретил в доме своего учителя. А потом была ночь, проведенная в каюте теплохода. Альбина отшатнулась – неосознанно, инстинктивно, почувствовав в Глебе... экстрасенс определил: «родственника. К примеру, любимого брата». Если бы он сделал еще один шаг, он бы нашел разгадку.

Марк Бронцев ввел Глеба в транс. Маргарита Павловна активизировала его генетическую память, и Глеб вспомнил...

Теперь он знал, что неведомый монах-летописец Кидекшского монастыря ошибся: князь Олег не вступал в сговор с монгольским ханом. Он не был предателем. А Глеб не был в прошлом воплощении князем Олегом.

...Он остановился перед выходом из подземного коридора. Призрачная пелена, будто гладь озера, вставшая вдруг вертикально, преграждала ему путь, и он никак не мог решиться сделать шаг вперед.

– Мамочка, – прошептал Мишенька, прижимая к себе Шар и слыша сзади приближающуюся погоню.

И, пронзительно взвизгнув, бросился вперед, сквозь расходящиеся круги в пустоте. Он ожидал боли, падения в вечность, взрыва света и тьмы и долгого полета среди звезд – словом, чего-то страшного и продолжительного. Но все произошло мгновенно – так, что он даже не успел испугаться.

Ничего не изменилось. Небо было так же высоко, и луна светила все тем же ровным светом. Ночной лес по обочинам дороги сливался в одну сплошную темную полосу на темном фоне. Машина плавно скользила по пустынному в этот час шоссе, из приемника доносилась легкая эстрада... Он покрутил ручку настройки и лениво подумал, что хорошо бы добраться до дома побыстрее: на завтра в съемках объявлен перерыв, можно до обеда валяться в постели, никто слова не скажет. Шар переливался призрачными огнями на переднем сиденье, рядом с водителем...

Он еще не знал, что всего-то метрах в двухстах, за поворотом, всадники в кольчугах и шлемах, сдерживая готовых сорваться в галоп коней, уже опустили копыта и молодой безусый арбалетчик, прошептав молитву, взвел тетиву...

– И они встретились – два человека, наделенные одним и тем же даром-проклятием. Связанные кровными узами – не в этой, а в прошлой жизни. Глеб Анченко и Альбина Венгерович. Княгиня Елань и ее сын княжич Михаил...

Борис остановил машину у знакомого дома.

– Куда же вы отправитесь? – спросила Богомолка.

– Не знаю, – честно ответил он. – Куда глаза глядят. Здесь меня теперь ничто не держит.

Дарья открыла дверцу, но осталась сидеть, словно решаясь на что-то очень важное. И наконец решилась:

– Возьмите меня с собой.

Он растерялся.

– Но я же сказал, что не знаю...

– Это все равно. Конечно, женщине не положено говорить такое, – она тряхнула головой, коса рассыпалась, заструилась черным серебром. – Да что делать, сами ведь не предложите. Но мне почему-то кажется, что вы... не совсем равнодушны ко мне, правда?

Он ничего не ответил. Только смотрел на нее во все глаза. Призраки, впервые за последние месяцы, исчезли, растворившись в предвечерних сумерках, теперь – навсегда. Они были вдвоем (братья меньшие дисциплинированно притихли на заднем сиденье), и Борис слегка растерянно, пряча восторг, спросил:

– Как же мы будем жить? Скажи мне.

И ощутил ее теплую ладонь у себя на щеке.